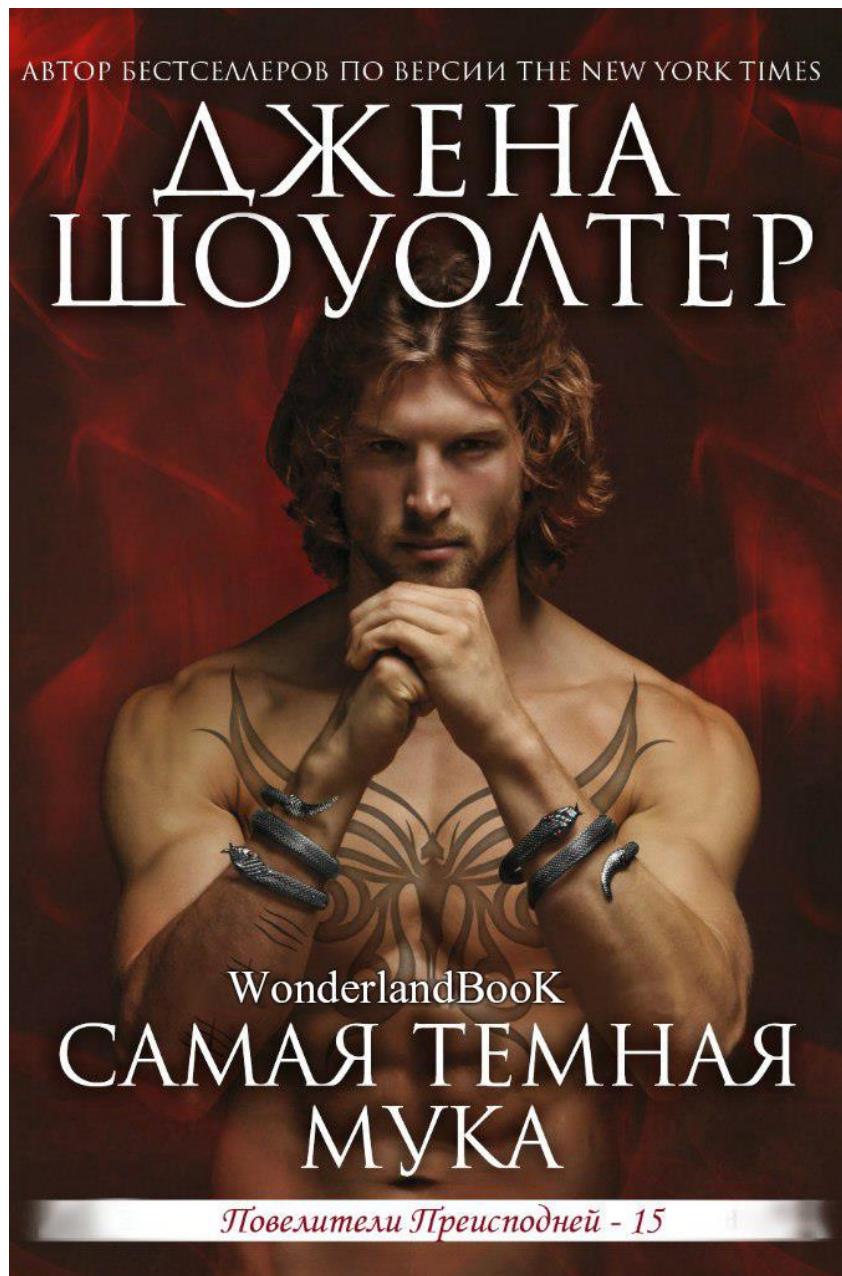

Джена Шоултер – Самая темная мука

(Повелители Преисподней – 15)

Переведено специально для группы [WonderlandBooK](#)

Любое копирование без ссылки на группу и переводчиков ЗАПРЕЩЕНО!

Переводчики: Shottik, silvermoon

Редактор: natali1875, Shottik

Русифицированная обложка: NaughtyKitten

Аннотация

Убитый из-за демона Недоверия, Баден провел века в чистилище. Но вернулся, правда, какой ценой? Связанный с королем Преисподней еще более мрачной силой, он не в состоянии перенести прикосновение кого бы то ни было... и превращается в бессердечного убийцу с тяжелым характером, что лишь усугубляется, когда миссия идет наперекосяк, и Бадену навязывают невесту... причем совершенно чужую.

Знаменитая дрессировщица собак Катарина Джоэль ради защиты своих родных и близких вынуждена выйти замуж за чудовище. Сразу после церемонии она оказывается втянутой в войну между двух зол, плененная безжалостным и красивым Баденом, защитником более опасным, чем тот, монстр, который охотится на нее.

Они должны считать друг друга врагами, но не могут сопротивляться страсти, разгорающейся между ними... и которая вскоре становится самой опасной угрозой для сердца Катарины. Но из-за того, что Баден проваливается все глубже в пропасть, ей придется научить его любить... или потерять навсегда.

Глава 1

"Преимущества того, что я стану твоим союзником? Я стану твоим союзником. Этим все сказано".
- Гадес, один из девяти князей преисподней

Вина не может изменить прошлое. Беспокойство не изменит будущее. И все же, и то и другое преследовали Бадена с безжалостной настойчивостью. Одна хлестала колючей плеткой, второе резало зазубренным лезвием, и хотя они не оставляли видимых ран, Баден истекал ведрами крови каждый проклятый день.

Постоянный поток боли провоцировал зверя. После возвращения Бадена из мертвых, создание переместилось в его разум. И этот новый компаньон оказался куда хуже любого демона. А ведь стоило знать! Дьявол ненавидел свою физическую клетку... изголодался по добыче.

Убей кого-нибудь! Всех убей!

Именно так звучал боевой клич зверя. Команды, которые слышал Баден, как только к нему кто-то подходил. Или смотрел на него. Либо же просто дышал. И всегда его преследовало желание подчиниться...

"Я не убью", - клялся Баден. Он не зверь, а отдельная личность.

Легко сказать, но довольно тяжело исполнить. Он бродил из угла в угол по своей комнате и дергал воротник рубашки, разрывая мягкий хлопок в попытках унять постоянный дискомфорт. Его слишком чувствительная кожа нуждалась в постоянном успокоении. Очередной бонус возвращения из мертвых.

Бабочка, которую он наколол на груди, не ослабила боль и быстро превратилась в постоянный не унимающийся зуд. И все же Баден не сожалел о татуировке. Острые крылья и рогатые усики напоминали метку демона, которую он имел до смерти. Сейчас тату олицетворяло возрождение, напоминание о том, что он снова жив. О том, что у него есть друзья - братья и сестры, которые его любят. О том, что он не неудачник, даже если чувствует себя одним из них.

Баден допил пиво, которое держал в руке и бросил бутылку об стену. Стекло разбилось. Он изменился и это неоспоримая истина; больше не вписывается в семью. Баден обвинял свое чувство вины. Четыре тысячи лет назад он позволил врагу снести ему голову - покончил с собой - оставил друзей продолжать войну с Ловцами и оплакивать его. Бессовестный!

Но также он винил и свое беспокойство, которое нянчил словно долгожданного младенца. Тварь ненавидела всех, кого обожал Баден - мужчин и женщин, которым он задолжал кровный долг - и она... он... ни перед чем не остановится, чтобы их уничтожить.

Если когда-нибудь это побуждение затмит желание Бадена исправить свои ошибки...

"Я исправлю все свои ошибки".

Мертвые не собирают долги. Убей.

Нет. Нет! Баден прижал кулаки к вискам, металлические наручи на бицепсах врезались в плоть. Он потянул свои волосы. Пот катился по рельефным мышцам спины и живота, стекая к поясу его штанов. Он скорее умрет - снова - чем навредит своим друзьям.

После воскрешения, все двенадцать воинов приветствовали его с распластертыми объятьями. Нет, не двенадцать. Теперь тринадцать. Гален, хранитель Ревности и Ложной Надежды - тот, кто организовал смерть Бадена - переехал несколько недель назад. Все верили, что мудак изменил свои злые помыслы.

Да ради Бога. Дерьмо, присыпанное сахаром все равно остается дерьмом.

Баден хотел бы изрубить Галена на мелкие кусочки. Пять минут и острый кинжал - вот и все, что ему требовалось. Но его друзья наложили строжайший мораторий на членовредительство.

Баден, несмотря на собственные желания, покорится их правилам. Они ни разу не осудили Бадена за ужасные ошибки. Ни разу не потребовали ответов. Дали ему еду, оружие и личную комнату в своем огромном доме. Замке, затерянном в горах Будапешта.

В дверь постучали, от чего зверь зарычал. *Враг! Убей!*

"Успокойся. Приготовься". Враг не станет стучать в дверь.

- Убирайся. - Его надломленный голос прозвучал так, будто каждое слово плыло вверх по течению реки избитого стекла.

- Извини, мужик, но я тут останусь. - Бух, бух, бух. - Впусти меня.

Привет, Уильям Вечно Похотливый. Младший сын Гадеса, одержимый дорогим вином, прекрасными женщинами и лучшими парикмахерами. Он был диким, упрямым ублюдком, с единственной лучшей и в то же время худшей чертой - Уильям понятие не имел о милосердии.

Зверь перестал рычать и начал мурлыкать, словно ручной домашний кот. Удивительная реакция, хотя... нет. Именно Гадес подарил Бадену новую жизнь. Теперь семья князя имела постоянную бесплатную карточку на избавление от пыток. Кроме старшего сына - Люцифера, чьи преступления просто слишком огромны.

- Сейчас не лучшее время, - ответил Баден, опасаясь, что зверь позабудет о карте.

- Пофиг. Открывай.

Баден намеренно глубоко вдохнул... и резко выдохнул. Как осязаемый дух, он не имел потребности в дыхании, но когда-то привычное действие его успокаивало.

- Ну же, - настаивал Уильям. - Где тот храбрый кусок деръма, укравший и открывший ларец Пандоры? Хочу с ним встретиться.

Храбрый? Иногда. Кусок деръма? Да постоянно. Они с друзьями освободили заключенных в ларце демонов. Затем Зевс, король Греческих богов, наказал их пожизненным проклятием: "И станут тела ваши сосудами собственного уничтожения".

Баден был одержим Недоверием.

Опозоренных и недостойных воинов изгнали из царской армии и выбросили на землю. Как и предвещалось, вскоре демоны их уничтожили. Его первого. Все больше и больше, Баден терял свою способность доверять. Он провел недели... месяцы, планируя способы убийства тех, кому должен был помочь.

Однажды он достиг предела своей выдержки. Либо они, либо я - последняя мысль пронеслась в мозгу Бадена, прежде чем человеческий мужчина замахнулся мечом и снес ему голову. Баден выбрал их - свою семью. Но и они не остались невредимы. Воинов съедало горе. И Недоверие!

В момент, когда голова Бадена скатилась с его плеч, демон вырвался на свободу, освобожденный от контроля. Он больше не разбирался в худших побуждениях злоумышленников. Затем невидимые цепи утащили дух Бадена в тюремную реальность, созданную для всех, кто имел отношение к ларцу, где единственной связующей ниточкой с миром живых была стена дыма, отображающая события в реальном времени.

Он сидел в первом ряду и наблюдал, как его друзья скатываются в яму агонии и отчаяния, но мог лишь причитать. Все остальное время Баден воевал с Пандорой, еще одной обитательницей той реальности - женщиной, которая ненавидела его всеми фибрами души.

Затем, всего лишь несколько месяцев назад, в реальности появились Кронос с Реей, бывшие царь и царица Титанов. Главные конкуренты Зевса и цель номер один для Бадена. Сколько раз эта парочка вредила его друзьям?

Баден испытал огромное удовольствие, когда сбежал с Пандорой и оставил их в тюрьме. Бух, бух, бух.

- Эй! Баден! Ждать смешно. Уверен, я скоро поседею.

Он встремился, разозлившись на то, что заблудился в своей голове.

- Ладно. Думаю, сделаем все, по-моему, - крикнул Уильям. - Через три секунды, я выбью дверь.

"Успокойся. Никакого членовредительства". Баден дернулся так сильно, что дверная ручка осталась в его ладони. Упс.

- Чего тебе?

Не смотря на ураганный нрав, черноволосый, синеглазый воин прислонился плечом к дверной раме ласково, словно летний дождь. Он оглядел Бадена с головы до ног и поморщился.

- Вижу, одеваешься как на работу своей мечты, а не как на каторгу.

Сильный мужчина. Слишком сильный. Угроза.

Как Баден и опасался, бесплатная карточка на избавление от пыток сгорела дотла. "Никакого кромсания!" Но... рукопашная драка ведь не то же, что разрубить. Это чистое блаженство. Кости против костей. Опьяняющий аромат крови наполнит его чувства, а в ушах зазвучит музыкальный вой чужой агонии.

Баден прижал язык к нёбу. "Кто я?"

- Отвали, - повторил он.

Уильям оглядел комнату.

- Пьешь в одиночестве? Ай-яй-яй. Твое сердечко скучает по демону?

Несколько раз, он думал... что так и есть. Появление нового компаньона напрягало.

Теперь у Недоверия новый хранитель. Женщина. И зовут ее - Баден нахмурился. Он не мог вспомнить.

Кем бы она ни была, эта женщина веками поддерживала Галена, помогала ему совершать самые отвратительные поступки. Несколько месяцев назад, глупая женщина по добной воле приняла Недоверие. Другими словами, добровольно согласилась на непрекращающуюся паранойю. Кто так делает?

Уильям вздохнул.

- Не нужно отвечать. Ответ я и так вижу на твоем лице. Разве ты не знаешь, что оглядываясь назад, не сможешь двигаться вперед? Ладно, ладно. Я помогу тебе сосредоточиться на будущем. Не нужно умолять. - Он замахнулся кулаком и ударил Бадена в нос. - Всегда, пожалуйста.

Со сломленным носом, воин отшатнулся от удара. Хотя у Бадена не было крови, ведь это тело просто оболочка для духа, на его языке появился привкус старых монет. Великолепно. Практически десерт.

Зверь бесновался, желая большего.

Уставившись на Уильяма, Баден поправил хрящ своего носа.

- О, нет. Я спровоцировал тебя. И что мне сделать? - Улыбающийся Уильям, закатил рукава рубашки. - Знаю. Я еще тебе надаю.

"Ищет драки? Он ее нашел".

Зверь... взорвался. Каждая мышца в теле Бадена наполнилась адреналином, а кости заполнила расплавленная лава. Каким-то образом, он удвоился в размере, задевая головой потолок.

- Слышал Недоверие воспламенял твои волосы, - продолжил Уильям. - Жаль, что его тут нет. Пламя сделало бы твое грядущее поражение более интересным.

"Поражение? Я ему покажу".

С криком, Баден бросился в драку. Контакт! Привыкание... Он снова и снова наносил удары, кулаки словно молот били жестоко и безжалостно. Уильям принимал удары как чемпион, чудом оставаясь на ногах.

"Мне нравится этот мужчина... иногда. Больно ему - больно мне".

Вспышка рациональной мысли. Баден опустил руки по бокам и сжал свои камуфляжные штаны.

- Извини. Мне жаль, - выдохнул он.

- Почему? - зубы Уильяма оказались покрыты кровью. - Ты что намочил штаны, пока любовно хлопал меня?

Смешно. Баден был не в настроении.

- Уходи. Иначе уползешь отсюда.

Зверь уже впивался в серое вещество его мозга, отчаянно пытаясь начать второй раунд.

- Не будь дураком, - взмахнул пальцами Уильям. - Ударь меня снова. Только в этот раз, попытайся нанести хоть какой-то урон.

Воин не понимал... и не поймет, пока не станет поздно.

- Уходи! Я теряю контроль.

- Тогда у нас намечается прогресс. - Уильям ткнул Бадена в плечо. - Ударь меня.

- Сдохнуть хочешь?

- Ударь. - Тычок - Меня. - Тычок.

Зверь зарычал, а Баден...

Баден взорвался, словно бомба, и набросился на Уильяма, который даже не пытался блокировать или уклоняться от урагана ударов.

- Дерись со мной! - крикнул Баден.

- Ну, раз уж ты предложил... Уильям нанес удар настолько сильный, что Баден отлетел и врезался в комод.

Книги и безделушки, подаренные ему обитательницами поместья, заколыхались и попадали на пол. Все сделанное из стекла разлетелось в дребезги возле его ног. Уильям двинулся вперед и не останавливаясь, склонился, поднял книгу и бросил ею в Бадена. Удар вбил его горло в позвоночник.

Боль. Он согнулся, когда Уильям ударили книгой ему в бок. Раз. Другой. Еще больше боли. Его почка превратились в пюре.

"Соперник... даже сильнее, чем ожидалось... не может жить дальше".

Прежде чем Уильям смог нанести следующий улар, Баден пнул его коленом. Книга улетела в другой конец комнаты. Он ударили Уильяма в челюсть. И когда воин споткнулся, Баден поднял осколок стекла.

Но Уильям исцелился прежде, чем Баден успел подняться. Так быстро. Воин разбил вазу об его голову, рассыпая новые осколки стекла.

Внезапно его внимание привлекли различные голоса.

- Это Баден? Чуваак! Это не может быть Баден. Он в три раза больше своего обычного размера!

- Он сделает себе ретейнер¹ из зубов Уилли!

- Чур, мне первой! Баден, а не ретейнер. Если мой мужчина когда-нибудь умрет, я собираюсь замутить с победителем Халка!

В глубине разума, Баден понимал, что его друзья и их жены услышали шум и прибежали останавливать драку. Чтобы помочь ему. Зверю же было все ровно.

Убей... убей их всех... они слишком сильны, большой риск.

Зло, подобное его зверю не имело друзей, только врагов.

"Эти люди опасны для всего мира, но только не для меня. Никогда. Они умрут за меня".

Умереть... да, они должны умереть...

Уильям захлопнул дверь, скрывая остальных от взора Бадена.

- Сосредоточься на мне, Рыжик. Понятно? Я самая большая угроза, так что сделай нам обоим услугу, прими свои лекарства от артрита и ударь меня.

Да. Самая большая угроза. Ударь. Гнев добавил ему сил, и Баден обрушил на воина новый поток ударов. Уильям блокировал первые, но не смог уклониться от остальных. И все же Бадену не удалось увернуться от его ответного удара.

В жестокой схватке, они метались по комнате, врезались в стены и мебель, подобно диким животным, дерущимся за место Короля Джунглей.

Подними еще один кусок стекла. Ударь по ребрам.

¹ Ретейнер (англ. retainer) — это важная ортодонтическая конструкция (аппарат), без которого невозможно завершение ортодонтического лечения после снятия брекет-системы. На раннем этапе становления ортодонтии стоматологи и ортодонты считали, что после исправления прикуса брекет-системами зубы остаются ровными на всю жизнь.[1] На самом деле, после исправления прикуса брекетами зубы стремятся вернуться в первоначальное положение, а ретейнер надёжно удерживает их в новом положении. Ретенция, в среднем, занимает от 1,5-2 сроков ношения брекет-систем (3-6 лет), а иногда пожизненно

Да. Идеальный конец. Но, как только Баден наклонился, Уильям переместился ему за спину, силой одной мысли сменяя свое местоположение, и нанес удар. Споткнувшись, Баден повернулся и схватил воина за руку, когда тот попытался снова ударить.

Баден нарочно рухнул на пол, утаскивая Уильяма с собой. На полпути к полу, он обернулся ноги вокруг шеи ублюдка, и сжал так сильно, что мог бы задушить и носорога. В момент соприкосновения с полом, Баден перебросил Уильяма через свою голову.

Бух. Его соперник рухнул лицом прямо в кучку битого стекла. Баден ухмыльнулся и поднялся на ноги, чтобы оседлать спину Уилли.

Удар. Снова удар. Череп Уильяма раскололся - как и костяшки пальцев Бадена. Но прежде чем он успел снова ударить, мелкий грязный гаденыш снова переместился - но останавливать кулак было уже поздно. Удар. Деревянная панель пола раскололась. Боль взорвала руку и наполнила плечо.

Уильям счастливо засмеялся, и словно звук открывал какую-то магическую дверь к спокойствию - зверь затих.

- Вот. - Уильям взлохматил волосы Бадена. - Теперь тебе лучше. - Добродушное заявление, а не самодовольный вопрос.

Баден решил повторно проверить опасность, просто ради уверенности, и кивнул.

- Да. - Даже горло уже исцелилось.

- Теперь мы сможем поговорить, и ты не будешь плятаться на мою трахею как на мармеладного червяка.

- Разговор подождет. - Баден поднялся на ноги и ужаснулся состоянию своей комнаты. Ямы в стенах, битое стекло на полу, поломанная и перевернутая мебель. - Мне нужно все убрать.

- Ты выбираешь веник вместо информации?

- Зависит от предлагаемой информации.

- Если я скажу, что змеиные браслеты имеют побочные эффекты?..

- Я разобью твое симпатичное лицико. - Баден любил и ненавидел браслеты одновременно. Они стали подарком от Гадеса, древними и мистическими, и подарили ему телесную форму.

Гадес и Кили - жена Торина, друга Бадена - пришли к нему, как он тогда думал, во сне. Какой-то сверхъестественной силой они сняли с него оковы, которые его тюремщик на то время - Люцифер надел на него, и заменили наручниками, принадлежащими Гадесу.

"Пока носишь мои браслеты, - сказал Гадес, - ты будешь видимым... осязаемым".

Дружеский жест от союзника, которого придется поддержать в войне преисподней? В начале Баден так и думал. А теперь задался вопросом... Хитрость коварного супостата?

Вскоре, после того как Баден одел подарок, Уильям взглянул на него с жалостью и сказал:

- Ты уже видел кладбище домашних животных? Иногда мертвым лучше.

Уильям не ошибся.

К тому времени Баден уже начал изменяться. Не физически - хотя может и физически - но определенно психически. Когда-то уравновешенный, сейчас он постоянно боролся с собой, и презирал всех, кто мог оказаться сильнее его. Как уже было доказано. Бадена преследовали воспоминания, но не его собственные. Они не могли принадлежать ему. Баден никогда не был ребенком, его создали полностью сформированным, бессмертным солдатом, призванным защищать Зевса, и все же он определенно помнил себя в десятилетнем возрасте, бегущего сквозь горящее поле амброзии и душащий его дым.

Его преследовала стая адских гончих; они ели его, затем утащили в холодное, темное подземелье, где он веками страдал, одинокий и голодный.

С первым воспоминанием, Бадену открылась ужасающая правда. Наручи оказались не просто вещью, а живым существом. Зверем. Не демоном, а чем-то хуже. Бессмертным, который жил когда-то и теперь продолжил свою жизнь в Бадене. Монстр, вечно балансирующий на грани ярости, насилия и недоверия.

От Бадена не укрылась ирония ситуации.

- Ну. - Уильям прикинулся обиженным. - Попытался сделать мужику одолжение.

"Сосредоточься!"

- Вчера ты сказал, что ничего о браслетах не знаешь.

Уилли пожал плечами.

- Это было вчера.

- А сегодня ты знаешь... что именно?

- Только все.

Баден ждал продолжения.

- Нарываешься на еще одно избиение? Говори!

- Избиение слишком сильное слово, для произошедшего. Обойдемся сообщением. - Уильям потер свои ногти. - Чтоб ты знал, побочные эффекты наручей многочисленны и ужасающие.

- Спасибо, ужасающую часть я уже сам отыскал. - Снятие браслетов не вариант. Они слились с его телом, и придется отрубить руки тесаком для мяса.

До смерти, руки отросли бы. А сейчас? Он не знал и не хотел экспериментировать. Ну, по крайней мере, не на себе. Руки - первая линия обороны.

- Конкретней, - потребовал Баден.

- Для начала, если хочешь удержать свои новые истерические замашки под контролем, тебе нужен секс, и много.

Это заявление какая-то шутка. Должно быть.

Баден выгнул бровь.

- Предлагаешь, о великий и похотливый?

Уильям фыркнул.

- Будто ты сможешь со мной справиться.

Честно говоря, он ни с кем не мог справиться. Если Баден не дрался, то избегал любого контакта, ведь чувствительность его кожи слишком высока. Каждое касание к чужой плоти было невыносимо, будто нервные окончания режут кинжалом.

- Сегодня ты покинешь Будапешт, - продолжил Уильям. - Поедешь... куда-нибудь. Соберешь гарем бессмертных женщин, и последующее десятилетие или даже два проведешь в утехах.

Оставить друзей? Но ведь лишь недавно воссоединились? Нет. Он здесь, дабы помочь им, охранять их спины как мечтал делать долгие века.

- Я откажусь.

- А я буду настаивать. Ты не сможешь побороть тьму.

- Я и есть тьма.

Воин согласно склонил голову.

- Вот в чем загвоздка. У Мэддокса с Эшлин дети. У Гидеона и Кейна беременные жены. Не говоря уж об остальных женщинах, живущих в замке. А как на счет травмированной Легион? Уязвимой Джилиан? - голос Уильяма погруbel при ее имени. - Ты нападешь на любую из женщин также как набросился на меня, а твои братья выпотрошат тебя. Как бы тебя ни любили. Я выпотрошу тебя.

- Я бы никогда...

- О-о, принцесса. Да.

Баден снова вспыхнул яростью. Он ударил кулаком в стену и выругался, доказывая правоту Уильяма. Зверь при каждом удобном случае брал над ним верх.

- Ладно. Я уеду. - Слова причиняли боль, но он добавил: - Сегодня.

- Твое IQ только что поднялось на очередной уровень. - Уильям расплылся в улыбке. - Есть идеи, куда податься?

- Нет. - У Бадена слишком мало опыта в этом современном мире.

Вздох.

- Наверное, я потом пожалею об этом, - сказал воин, поглаживая челюсть двумя пальцами, - но какого черта. Мы живем только дважды, верно?

Баден махнул рукой, молчаливо приказывая продолжать.

- По выгодной цене одолжения, которую я назову позже, я дам тебе один из своих домов и даже устрою "шведский стол" из плоти. И не волнуйся. К тому времени, когда я закончу, даже мужчина с твоим дефицитом игр, сможет забить десятку.

* * *

Когда из динамиков хлынула рок-музыка, в лицо Бадена ткнулась парочка больших грудей. Он зашипел от боли, но эта - как там ее зовут - не заметила и уселась ему на колени.

Она потянулась к его затылку, намереваясь притянуть поближе.

"Каждый мужик, хотя бы раз в жизни должен сыграть в "катерок"², сказал ей Уильям немного ранее. Убедись, что Рыжий получил свой шанс".

Баден оттолкнул ее руку так нежно, как только мог.

Девушка улыбнулась ему, хотя в ее глазах не было и намека на удивление.

- Боишься неудачи, сладенький? Я знаю идеальное лекарство. - Она соскочила с его коленей, повернулась, и ткнулась задницей ему в лицо.

- Танец ягодиц, самый лучший, не так ли? - спросил его Уильям.

Баден повернулся и уставился на него. Они были единственными мужчинами в комнате, и уродец, безусловно, оправдывал свою репутацию плейбоя, когда засунул стодолларовую купюру в трусики своей стриптизерши. Блондинка споткнулась и уставилась на него с абсолютным обожанием.

- Хоть это ты должна мне заплатить, я щедрый. - Уильям подарил ей еще одну сотню. - Не думай, что я упустил твой оргазм. Первый и второй.

Она оказалась слишком занятой третьим, чтобы ответить.

- Это мне не поможет, - рыкнул Баден.

Уильям склонился и лизнул ключицу блондинки. Отработанное движение, которое он, казалось бы, исполнял инстинктивно.

- Не стоит тебе пока сомневаться в моей помпезности. Это только закуска.

Помпезности?

- Послушайся его. - Мисс Катерок повернулась к Бадену и провела кончиками пальцев по его лицу. - Ты должен меня съесть.

Боль! Он терпел несколько секунд, а затем схватил ее за бедра и усадил подальше от себя, раз и навсегда.

- Не прикасайся. Никогда.

Девушка вздрогнула от его намеренно резкого тона.

- Уходи. - Чувствуя отвращение к самому себе и к обстоятельствам, Баден указал ей на дверь. - Сейчас же.

Когда девушка бросилась вон из комнаты, он поудобней уселся на диване и закрыл глаза. Ему нужен секс - якобы - но Баден не мог заставить себя заняться им. Какое будущее ждет его? Одна темная ярость постоянно превращается в другую? Как раньше...

Очередное воспоминание, которое прожил не он, отобразилось в его разуме.

Он стоял снаружи темницы, в которой провел мучительную вечность, а вокруг высились горы тел и конечностей. Кровь покрывала его руки... руки, заканчивающиеся острыми когтями, кусками плоти и многим другим.

В соседнем проходе послышались шаги. Выживший?

Ненадолго.

Улыбнувшись с предвкушением, он пробрался через куски тел и...

Внезапно, музыка оборвалась, возвращая Бадена в настоящее. Он открыл глаза и увидел, как последняя стриптизерша покидает комнату.

Уильям цыкнул на него и переместился... тут же вернулся с двумя стаканами и бутылкой виски, сдобренного амброзией.

² играть в «катерок» уткнувшись лицом в женскую грудь, издавать звуки моторной лодки

Амброзия - наркотик для бессмертных.

Воин наполнил бокалы до краев.

- Вот. Смажь свой мозг.

Сладкий запах донесся до Бадена, от чего его желудок сжался. На какое-то мгновение он снова стал ребенком, попавшим в ловушку на пылающем поле, бегущим... бегущим... его сердце билось подобно скакуну на дистанции.

"Не я. Зверь".

Вздрогнув, он осушил бокал. Волна тепла быстро распространилась по телу, успокаивая, не смотря на неблагоприятные ассоциации, сильнее привязывая его к происходящему здесь и сейчас.

- Вот. Так лучше? - Уильям прислонился к своему концу дивана, единственному предмету мебели в белой комнате.

Белые стены, белая плитка на полу. Белый помост с тремя зеркалами за спиной. Отображение Бадена - единственный источник цвета - вызывающее глядело на него. Он стал воином, которого больше не узнавал, с волнистыми рыжими волосами, отчаянно нуждающимися в стрижке. Темные глаза, которые когда-то сверкали добротой, теперь наполнены одной лишь угрозой. Рот, который некогда изгибался в улыбке - искривлен от гнева. Морщинки от смеха сменились хмурыми линиями.

Нет, не лучше.

- Я готов уйти.

- Плохо. Я не вспомню, как нужно тебя куда-то перемещать, пока ты не уляжешься в койку. И чем скорее ты станешь выглядеть не так убийственно, тем быстрее заберешься в чью-то койку. Девушкам ты понравишься. - Уильям единственным глотком осушил свой бокал. - Просто сделай мне одолжение и сообщи своему лицу, что ты хорошо проводишь время.

- Прикосновение кожи к коже болезненно.

Зверь зарычал на Бадена за то, что посмел озвучить столь проклятую слабость, даже одному из детей Гадеса.

Уильям нахмурился.

- Если думаешь, что наручи ответственны...

- Не думаю.

- Подумай еще раз. Они тут ни при чем. Так что улыбнись и терпи, в противном случае изменение ты не переживешь.

Переход?

- Казаться менее убийственным, как ты говоришь, это настоящий подвиг. Я забыл, как улыбаться.

- Ты скулишь? - Уильям отставил в сторону свой бокал и провел пальцем по щеке, изображая слезы. - Твоя новая жизнь - дермо. И что? Думаешь, ты единственный, у кого есть проблемы?

- Определенно нет. - Его друзья, в данный момент, охотились за ларцом Пандоры, намереваясь захватить его раньше кого-то - да кого угодно - другого. Ларец мог мгновенно их убить. Просто бум... нет... все мертвы, а их демоны извлечены. Вполне хорошая штука. Но настолько укорененное зло сперва нужно очистить и заменить его полной противоположностью. Как с Хайди, Ненависть и Любовь. В противном случае гниение продолжится. Вот почему Повелители охотились также и за Утренней Звездой - сверхъестественным созданием, все еще плененным в Ларце, способном исполнить любое желание. Способное извлечь демонов, не убивая при этом воинов.

Люцифер также объявил охоту на Утреннюю Звезду, хотя он не имел намерения спасать Повелителей. Он начал войну с Гадесом и хотел выиграть любой ценой. Он не скрывал своего намерения устранить всех союзников своего отца: Уильяма, Бадена и остальных. И как повелитель Предвестников - вестников смерти - Люцифер казался достаточно могущественным для победы.

- Это точно, - подтвердил Уильям. - Ты не единственный. На самом деле, в сравнении с моей жизнью, твоя выглядит как пикник, устроенный обнаженной лесной нимфой.
- Вот теперь ты утрируешь.
- Возможно, сверхутирирую. На днях Джиллиан отпразднует свое восемнадцатилетие.
- И что? - Баден хотел, чтобы воин в голос произнес заветные слова - признал собственную уязвимость. Око за око. - Она станет взрослой. Достаточно взрослой, чтобы справиться с тобой. - Он не смог удержаться и добавил: - Или с любым другим мужчиной, которого она захочет.
- Мной, - выкрикнул Уильям. Он никогда не умел скрывать силу своих чувств к этой девушке. - Достаточно взрослая, чтобы справиться со мной. Только мной. Но я не могу быть с ней.

Когда воин не стал продолжать, Баден уколол его.

- Потому что ты проклят?

Пауза. Жесткий кивок.

- Женщина, завоевавшая меня, меня убьет.

Завоевавшая. Будто он приз. Про меня нельзя сказать то же самое.

- Да будет тебе. - Сперва выживание, сердечные дела потом - если вообще, когда-нибудь. - Тебя предупредили. Ты можешь все предотвратить.

Какого. Черта. Неужели он только что предложил Уильяму убить нежную, невинную Джилли прежде чем у той появиться возможность прикончить его?

Баден сжал кулаки. Ему нужно держать зверя на коротком поводке. Итак. Он выберет девушку, займется сексом с минимальным телесным контактом, и возможно, хоть на некоторое время, его голова прочистится. Он сможет думать, определит способ избавиться от наручей, сохранит все части тела и останется осозаемым.

- Хватит разговоров. - Баден заставил себя улыбнуться. - Я менее убийственный. Видишь?

- Bay. Как только я начинаю думать, что хуже выглядеть ты уже не можешь, ты доказываешь, как я ошибался. - Все же Уильям хлопнул в ладоши. - Леди.

Дверь, открываясь, скрипнула петлями. В комнату вошел новый урожай полуголых девиц

- брюнетка, блондинка, рыжая и красотка с кожей цвета эбенового дерева. Выстраиваясь на помосте, девицы улыбались во все лицо.

Зеркало внезапно приобрело смысл. Баден имел отличную возможность оценить фасад и задок. Давно отвергнутые желание тела наконец-то проснулись, хотя Бадена одолевали волны отвращения к самому себе.

- Проститутки. - Ему стоило знать.

Блондинка послала ему воздушный поцелуй.

- Они предпочитают называться фрилансерами удовольствий. Они бессмертны. Феникс, сирена, нимфа и чудесная маленькая кошечка оборотень. - Уильям закинул мускулистую руку на спинку дивана. - Какую ты хочешь? Она исполнит любое твоё желание.

- Меня не интересует наигранная страсть.

- Жаль тебя разочаровывать, Рыжий, но лишь наигранную страсть ты и получишь. - Воин совсем не жалостливо ему улыбнулся. - Сейчас в твою пользу играют две вещи. Ты богат, благодаря тем инвестициям, которые веками делал Торин, и ты точная копия Джейми Фрэйзера.

- Кого?

- Эти дамы притворятся, будто ты это он, - объяснил Уильям. - Потому что тебе, мой дорогой, не хватит шарма и изысканности, а значит, к финишу тебя приведет твой толстый кошелек и точеные черты лица.

- Мне хватит шарма. - Иногда. Наверное. Возможно всегда.

Уильям проигнорировал его.

- Дамы, расскажите Бадену какой хороший у него кошелек и красивое лицо.

- Очень красивые.

- Лучшие, что я когда-либо видела.

- Намного прекрасней, чем просто красивы.

- Я бы обогнула твой кошелек и твоё лицо.

Баден уставился на Уильяма, бессознательно поглаживая рукоятку кинжала, спрятанного в ножнах на талии.

Уильям вздохнул.

- Если бы Джейсон Вурхиз и Фредди Крюгер породили ребенка, то я уверен, что это кошмарное дитя смотрело бы на меня вот так.

Еще больше неизвестных ему мужчин. Что ужасно раздражает! Бадену не нужны были напоминания о том, как прекрасно мир жил и без него.

- С тобой мое удивительное чувство юмора не работает. Понял. Леди, - заговорил Уильям, приподнимая бутылку виски, - расскажите Бадену, какие плотские утехи вы готовы ему предложить.

Одна за другой, девушки, затаив дыхание, описывали разнообразные сценарии.

Стыдливая девственница. Похотливая библиотекарша. Карающая доминантка. И секс со своей девушкой.

Пока Баден жил на горе Олимп, он встречался со многими женщинами, но никогда ни одну из них не любил. Он искал равную себе, а не слабую женщину, ищущую его защиты и прячущую свои сантименты за его силой. Сейчас у него появился соблазн попробовать опыт с подружкой.

- Ну? - потребовал ответа Уильям.

- Я не приму ни один из озвученных сценариев. - Правда, либо ничего. Он заглянул в глаза каждой из красавиц. Ради шанса приручить зверя и вернуться к друзьям... - Кто нагнётся и просто примет меня?

Возможно, ему и правда не хватит очарования.

Уильям тряхнул головой и пробормотал:

- Тебе стоило бы постыдиться.

Тем временем две женщины подняли вверх руки.

- Я! Выбери меня! - Брюнетка. Карающая доминантка.

Блондинка пихнула ее локтем в живот.

- Я та, которую ты хочешь. - Похотливая библиотекарша.

- Так мы друзья? - спросил у него Уильям.

- Нет. - У Бадена уже есть двенадцать друзей. Мужчины и женщина, которые вместе с ним страдали от одержимости демонами. Воины, которые вместе с ним и за него проливали кровь - герои, которых он с момента своего возвращения только разочаровывал. Они хотели, чтобы Баден стал тем мужчиной, которого они знали, а не ублюдком, каким являлся.

Иии очередное полено в огонь его вины.

- Слезы. Грусть. - Уильям прижал ладонь к груди, словно его ударили. - А сейчас. Выбери себе девушку. Я сделаю тебе услугу и возьму остальных трех.

- Какими бессмертными вы являетесь? - спросил Баден у двух претенденток.

- Феникс, - ответила брюнетка с очевидной гордостью.

- Нимфа, - проговорила блондинка голосом полным искушения.

- Ты. - Он указал на блондинку. - Я выбираю тебя. - Секс нужен нимфам даже больше кислорода. По крайней мере, за свои хлопоты она получит нечто большее, чем просто наличку.

Брюнетка недовольно сникла, что удивило Бадена.

- С меня причитается, лепесточек, - сказал ей Уильям и подмигнул. - С ним, тебе бы пришлось отработать каждый цент. А со мной, ты можешь просто получать удовольствие. Не хочу преувеличивать свои навыки, но я изобрел женский оргазм.

Неважно. Баден поднялся, и, не прикасаясь к девушке, повел блондинку на выход. Он открыл дверь и жестом указал ей выйти. Девушку сопровождал легкий аромат белого олеандра. Соблюдая безопасное расстояние, Баден последовал за ней по узкому коридору.

- Выбери комнату, - сказала она с чем-то похожим на... ожидание? - Любую комнату.

Он выбрал первую справа, вошел первым на случай, если их там кто-то ждал, намереваясь напасть. На него не выпрыгнул ни один нападающий, но Баден отыскал скрытую камеру в часах на каминной полке. Дело рук Уильяма? Зачем?

Отключив устройство, он провел более тщательный обыск. В комнате находилась огромная королевских размеров кровать с балдахином и черными шелковыми простынями, ночной столик наполненный презервативами и лубрикантами, и кресло рядом со шкурой медведя-перевертыша.

Блондинка провела пальцами по ложбинке между своих грудей.

- Чего ты от меня хочешь, красавчик?

Зверь запротестовал. Громко. Ему она не нравилась, и он не хотел, чтобы Баден отвлекался и становился уязвимым в присутствии другого - особенно пытаясь его усмирить.

И все же Баден ответил:

- Раздевайся и склонись над кроватью, лицом вниз.

- О-о. - Девушка улыбнулась. - Собираешься отшлепать меня за похотливость?

Зверь выругался на Бадена, затем на девицу. *Ты уйдешь. Уйди сейчас же.*

Не угроза. Просто приказ. Но что-то в его тоне...

Тон, который Баден слышал лишь у королей. "Кто ты?"

После едва заметной паузы, зверь ответил: *Я - Разрушение.*

Глава 2

"Тяжелые времена часто приводят к лучшим моментам в жизни. Так что мужайтесь".
- Уильям Вечно Похотливый

Баден пошатнулся. Зверь... Разрушение... демон?

Князь, - добавил зверь.

В голосе существа слышалась неподдельная гордость.

"Да ты в ударе. Князь чего?"

На данный момент? Твой. Оставь девушку либо уходи. Выбор за тобой.

Есть еще один вариант. Баден сосредоточил внимание на выбранной им любовнице.

- Я не стану тебя шлепать, просто трахну. Раздевайся, нагнись над кроватью лицом вниз, - повторил он. - Пожалуйста, и спасибо.

Разрушение зашипел.

- Для тебя, красавчик, я сделаю все что угодно. - Девушка расстегнула бюстгальтер и выскользнула из трусиков. Белье упало на пол. Когда нимфа задвигалась, кольцо, которое она носила на пальце, поймало лучик света и вспыхнуло фонтаном разноцветных брызг.

Бах, бах, бах. Зверь пинал грудь Бадена с такой силой, что воздействие казалось вторым сердцебиением. Неужели ты не видишь опасность прямо перед своим носом?

Девица понятия не имела о его внутренних переживаниях и медленно повернулась к нему спиной. Она наклонилась над матрасом, как просили, и раздвинула ноги, открывая Бадену вид, по которому он скучал долгие столетия.

- Просто чтоб ты знал, я многое могу вынести, а затем попрошу еще. - Снова улыбнувшись, она через плечо взглянула на Бадена. - Покажи мне свою худшую сторону. Она не переживает его худшую сторону.

Разрушение бил все сильнее и шипел все громче. *Убей ее до того как она убьет нас.*

- Нет, - сказал Баден сквозь сжатые зубы.

- Нет? - недоверчиво спросила девица. Она шлепнула себя по попке, оставив на коже красный отпечаток. - Собираешься уйти от этого?

Сжав зубы, Баден ответил ей:

- Я тебя отымею. - И заткну зверя.

Ее лицо засветилось облегчением, когда Баден подошел к ней сзади. Борясь с порывами своего спутника, он весь покрылся потом. И вскоре одежда прилипла к его слишком чувствительной коже.

Разрушение становился все более бешеным. *Она враг. Увидь! Пойми же!*

"Я вижу лишь односторонний билет в рай". Пришло время собраться либо же заткнуться. И неважно насколько это будет агонизирующим. Риск... награда. Баден оставил взмокшую рубашку на теле и просто расстегнул брюки.

Девушка беззастенчиво продолжала наблюдать за ним через плечо.

- Ты и правда, очень красив, знаешь?

- Только снаружи.

- Так даже лучше.

Бадену хотелось иметь хоть какой-то опыт с современными женщинами. Неужели им и вправду нравились приурки?

За четыре тысячи лет, единственной женщиной, с которой он контактировал, была Пандора, но и она постоянно пыталась его убить. Теперь она свободна, осозаема, поскольку, как и он, носит пару змеиных наручей. Она сбежала из крепости и сумела обойти охрану, чтобы устроить ему засаду. Дважды! В обоих случаях они почти поубивали друг друга.

Имела ли она дело со своей собственной версией Разрушения?

Дурак! Ты отвлекся. Без меня ты стал бы ходящей мишенью.

Черт, нет. Ложь отчаявшегося создания. Баден вытащил презерватив из своего кармана, не доверяя тому, что находилось в ящиках комода. Когда он зубами разорвал фольгу

упаковки, комнату наполнило странное красное свечение. Он обхватил ладонью кинжал и оглянулся вокруг. Разрушение внезапно... удивительно... успокоился.

Девушка перевернулась и, опершись на локти, взглянула на него. Она изумленно вытаращила глаза.

- Твои руки.

Он посмотрел вниз и нахмурился. Наручи больше не были черными - они сверкали красным, и чем сильнее они накалялись, тем больше опалили кожу, распространяя тонкие черные речушки по коже, напоминающие Бадену о трещинах в его жизни и вменяемости. Что за дьявольщина тут происходит? Баден застегнул штаны, намереваясь пойти и отыскать Уильяма.

Его партнерша тяжело вздохнула.

- Неудивительно, что он хочет твоей смерти. - Без дальнейших комментариев, она набросилась на Бадена с кулаками.

Действуя на инстинктах, заточенных в кровавивших из сражений, Баден отшатнулся, прежде чем успел осмыслить происходящее. Он схватил ее запястье и вывернул ей руку за спину, эффективно обездвижив девицу.

A сейчас убей ее, - сказал Разрушение. Сделай из нее поучительную историю для всех, кто надумает навредить нам.

Он... не станет.

- Ты сказала, он хочет моей смерти. - Слова он прорычал. - Кто он? Уильям?

- Отпусти меня! - девушка попыталась его пнуть, но безрезультатно. - Ничего личного, ладно? Не с моей стороны. Я просто хочу свои деньги. - Она ударила свободной рукой по матрасу. - Мне стоило придерживаться плана и нанести удар, пока ты был бы ослаблен после оргазма.

Баден сильнее вывернул ей руку, от чего девица болезненно вскрикнула. Его внимание привлекло кольцо. Камень отошел, открывая спрятанную иглу. Она пыталась отравить его?

Поучительная история...

Враги должны умирать. Всегда.

- Уильям! - закричал Баден, хотя нужды в том уже не было.

Дверь спальни рывком распахнулась. Уильям ворвался внутрь, впившись прищуренным взглядом в блондинку.

- Ошибочка, нимфа. Я был бы хорошим с тобой. - Он был весь покрыт кровью. - Теперь ты испытаешь на себе мою худшую сторону.

Девица задрожала от ужаса.

- Она сказала: он хочет моей смерти. - Проинформировал воина Баден.

Под глазом Уильяма дернулась мышца.

- Он. Люцифер. И не смей воспринимать его как моего брата. Я никогда его не признаю. Бадену стоило догадаться. Люцифер был властолюбивым. Жадным. Не раскаивающимся насильником. Убийцей невинных. Отцом лжи. Не существовало линий, которые он бы не пересёк. Не было ужасающих поступков, которые он не совершал против мужчин, женщин и даже детей.

Уильям кивнул подбородком на пылающие наручи Бадена.

- Приготовься. Вскоре ты встретишься...

Бадена затянуло в невидимую черную дыру... только чтобы он упал с другой стороны. Затем сосредоточился, когда оглядел огромный зал. Завитки дыма поднимались от нескольких костров, растворяясь в воздухе, когда доходили до куполообразного потолка, сделанного полностью из пламени. Там оказалось два выхода. Один за спиной, охраняемый гигантами, и один спереди, защищаемый еще большими гигантами.

В центре длинного помоста стоял грандиозный трон, сделанный из бронзовых человеческих черепов, на котором восседал сам Гадес. Он был крупным мужчиной, почти как Баден, с черными волосами и глазами такими темными, словно не имели начала или

конца. На нем был надет костюм в тонкую полоску и итальянские туфли, элегантность противоречила звездам, вытатуированным на каждой костяшке пальцев.

Вежливый и все же дикий, Гадес развел руки в стороны.

- Добро пожаловать в мою скромную обитель. Полюби ее, прежде чем возненавидеть.

Баден проигнорировал бессмысленное приветствие. Он общался с князем только один раз до этого, когда мужчина вручил ему наручи и освободил из тюрьмы Люцифера.

- Зачем я здесь? - свечение пропало, металл охладился, став новь тусклым и темным. И вопрос получше: - Как я здесь оказался?

Гадес медленно и самодовольно улыбнулся.

- Благодаря браслетам, я твой господин, а ты - мой раб. Я зову - ты приходишь.

Баден поборол желание наброситься на князя.

- Ты лжешь. - Он никогда не был ничьим рабом, даже королевским. Зверь, с другой стороны... вполне мог. Осознание лавиной обрушилось на него, и внезапно важным остался лишь один вопрос.

- Кто такой Разрушение?

Князь оказался опытным стратегом, и лицо его сохранило спокойствие.

- Может, мужчина, которого я проклял. Или созданное мною существо. - Гадес сложил пальцы домиком возле рта. - Единственное, что тебе нужно знать? Он всегда предпочтет меня тебе.

Зверь не стал отвечать, и этот факт раздражал и смущал одновременно.

- Я буду бороться с побуждением тебе повиноваться, - поклялся Баден.

Гадес жалостливо поморщился.

- Когда я снова тебя позову, ты придешь. Если я дам команду, ты повинуешься. Давай проведем небольшую старомодную демонстрацию? - он приподнял подбородок, изобразив мужчину, который никогда не знал неуверенности. - На колени.

Колени Бадена подкосились, и он рухнул на пол с такой силой, что вздрогнула вся комната. Хоть и боролся со всех сил, подняться на ноги так и не смог.

К его ярости присоединился ужас. Быть связанным волей другого...

- Как видишь, моя воля - твой источник восхищения. - Гадес взмахнул рукой. - Можешь встать.

Тело избавилось от невидимых оков, и Баден вскочил на ноги, автоматически схватившись за рукоятку кинжала. Его обманули. И ох, какая ирония. В тот раз, когда ему стоило усомниться - он безоговорочно поверил.

Поборов удвоившуюся ярость, Баден прорычал:

- Ты не сможешь приказывать, если умрешь.

- Пустая угроза? Я ожидал большего от яростного Повелителя Преисподней. Извини, бывшего Повелителя. Но все хорошо. Сделай это. Попытайся меня убить. - Гадес жестом позвал его ближе. - Я не буду двигаться. Я даже мстить не буду, если ты нанесешь удар.

Не сомневаясь больше ни секунды, Баден ринулся к трону, уже распланировав нападения. Горло и сердце самые очевидные мишени, поэтому он нацелился на бедренную артерию. Массивная кровопотеря ослабит Гадеса.

Оказавшись на расстоянии удара, Баден наклонился и приготовился нанести удар.

Гадес улыбнулся с неподдельным удивлением.

Ярость снова удвоилась, а Баден...

Замер, неспособный двигаться. В каком-то дюйме от цели.

Выгнув бровь, Гадес заговорил:

- Я жду.

С криком, Баден поднял вторую руку. Она также замерла.

Князь усмехнулся.

- Поскольку ты определенно болен на голову, я помогу тебе понять, что происходит. Ты не способен навредить мне. Я могу насадиться на твое оружие, но прежде чем успею пораниться, ты направишь клинок на себя. - Он вопросительно провел пальцем вдоль острия кинжала. - Ларцевая сучка потребовала демонстрацию. А ты?

Ларцовая сучка. Ублюдок заставил Пандору пройти через то же самое?

Защитные инстинкты поднялись, ввергая в ужас. И все же, он решил, что понял причину страха. Прямо сейчас она была единственным человеком в мире, которая понимала его бедственное положение. Не только потому, что Пандора испытала те же ужасы в духовной реальности... ядовитые туманы, месяцы без единого проблеска света, проникающая до костей жажда, которая никак не угаснет... теперь они испытывают новые мучения в мире живых.

- Ну? - настаивал Гадес.

Бадену не нужна очередная демонстрация. Ему нужен новый план.

- Почему ты делаешь это?

- Потому что могу. - Черные глаза сверкали, словно ночное небо, усеянное гаснущими звездами. - Потому что сделаю все, причиню боль любому, лишь бы выиграть войну с Люцифером.

Войну, которую Баден поддерживал неделями. По собственной воле! Причин заставлять его не было.

- Пять минут назад, я бы сказал то же самое.

- Через пять минут, ты снова это повторишь. - Гадес откинулся на троне, вытянул ноги и взмахнул двумя пальцами. - Я решил поручить тебе некоторые из наиболее сомнительных заданий из моего списка. И услышу твое "спасибо".

Очнувшись от стоп-кадра, Баден отшатнулся. Осознание обрушилось на него подобно удару могущественных кулаков Уильяма. Он должен стать мальчиком на побегушках?

- Дабы обеспечить твоё заинтересованное участие снаружи этих стен, каждое успешно выполненное задание принесет тебе одно очко, - продолжил Гадес. - Как только список завершится, раба с наибольшим количеством очков я освобожу от наручей и позволю жить в человеческой реальности.

Новые искры ярости вспыхнули в груди Бадена.

- А проигравший?

- А ты как думаешь? Мне не нужны бездарные слабаки. Но в конце концов, ты можешь с радостью принять удар кинжала, а? Ведь это твой Modus operandi³, не так ли?

Вина...

- Не пытайся искать Пандору, чтобы устраниТЬ конкурента, - добавил Гадес. - Убьешь ее, и я убью тебя.

Агрессивным движением Баден облизнул губы.

- Я дух. Меня нельзя убить.

- Ох, милый мальчик, тебя совершенно точно можно убить. Без головы и рук, ты просто перестанешь существовать.

По крайней мере, из всего этого есть выход.

Черт, нет. Он никогда намеренно не умрет. Не снова. Он больше не станет ранить друзей столь подлым образом.

- Поработавшая меня, ты вызываешь пламя гнева моей семьи. Армии, которая нужна тебе, если надеешься выиграть свою войну. Ты также разозлишь Уильяма, своего собственного сына.

Гадес закатил глаза.

- Хорошая попытка, но ты ничего не знаешь о связи отца с сыном. Уильям поддержит меня. Он всегда будет меня поддерживать. А на счет Повелителей, то я очень сильно сомневаюсь, что они станут помогать монстру, который изнасиловал одну из их друзей.

Нет, не станут. Аэрон, бывший хранитель Гнева, любил демона-обратившегося-в-девушку, словно родную дочь. Эта девушка, легион... называющая себя Хани... все еще страдала от последствий жестокости Люцифера.

Люцифер заслужил кол в свое черное сердце, а не очередную реальность, в которой он сможет править. Помощь ему никогда не будет даже рассматриваться.

---

³ Modus operandi (сокр. М.О.) — латинская фраза, которая обычно переводится как «образ действия»

Гадес стал меньшим из двух зол.

Баден щелкнул языком по резцу. Ему придется сыграть в игру этого ублюдка... хоть и предполагал, что исход не так прост, как рассказывает Гадес.

Нужно выиграть время. Найти выход.

- А как же твоя связь отец-сын с Люцифером? - спросил Баден с издевкой. - Я не особо чувствую твою любовь к нему.

- Ее нет, больше нет. Теперь, хватит болтать. У меня для тебя два задания. Для одного потребуется время. Для другого яйца. Надеюсь, ты свои не забыл.

Ублюдок.

Гадес хлопнул в ладоши и крикнул:

- Пипин.

Старик с осунувшимся лицом и сгорбленной спиной вышел из-за трона. На нем была надета длинная белая роба и выпирала каменная скрижаль. Не поднимая взгляда от своего тяжкого бремени, он сказал:

- Да, сир.

- Расскажи Бадену о его первом поручении.

- Монета и сирена.

Гадес с нежностью улыбнулся.

- Ты не утаил ни одной детали, Пипин. Настоящий мастер описания. - Когда он протянул руку, мужчина в робе положил крошечный кусочек камня ему на ладонь. - У человека в Нью-Йорке есть монета, которая принадлежит мне. Я хочу ее вернуть.

И это сложная задача?

- Ты хочешь послать меня за единственной монетой?

- Смейся сейчас, если хочешь. Потом уже не захочешь. - Камень загорелся и быстро превратился в пепел; Гадес подул в сторону Бадена. - Тебе понадобится время, как я говорил, и хитрость.

Он инстинктивно вдохнул. Секунду спустя, множество картинок появилось прямо в центре его мозга. Золотая монета с лицом Гадеса на одной стороне и пустая с другой. Роскошная усадьба. Часовня. Расписание. На изображении: двадцати пяти летний мужчина с лицом ангела в обрамлении золотистых локонов, которые напоминали нимб.

Внезапно Баден узнал множество подробностей, которые ему никто не рассказывал. Мужчину звали Александр Черник, и он родом из Словакии, где его отец построил империю, торгуя героином и женщинами. Четыре года назад Александр убил отца и взял семейный бизнес в свои руки. Как правило, его враги исчезали без следа. Но никто не мог связать с ним преступления.

- Теперь у тебя есть способность перемещаться к Александру, - сказал Гадес. - А также ко мне и в свой дом, где бы он ни находился. Способность расширится, чтобы включать все новые места назначения согласно заданиям, которые будешь получать.

Баден всегда хотел возможность перемещаться. Сегодня волнение сдерживала осторожность.

- Как у мужчины оказалась твоя монета?

- Это важно? Задание есть задание.

Достаточно правдиво.

- А мое второе поручение?

Пипин положил новый камушек на ладонь Гадеса. Вспыхнуло большее пламя... и в сторону Бадена полетело больше пепла. Когда он вдохнул, в его сознании появилось другое изображение. Прекрасная женщина с длинными пшеничного цвета волосами и большими голубыми глазами. Сирена.

Все сирены могут вызывать определенные эмоции и отклики с помощью голоса, но каждая семейная линия имеет свою отличительную особенность. Ее семья преуспела в создании спокойствия в условиях хаоса.

Девушка... она умерла много веков назад. Ее убили... подробности оставались скрыты. Что Баден знал? Теперь она дух, хотя отсутствие у нее материальности для него не проблема. Несмотря на наруччи, он все еще мог прикасаться к другим духам.

- Принеси мне ее язык, - приказал Гадес.

Иными словами, отрезать ее язык?

- Зачем? - единственное слово сорвалось с губ Бадена.

- Мои искренние извинения за то, что тебе показалось, будто я должен удовлетворить твоё любопытство. Иди. Сейчас же.

Баден открыл рот для протеста, но мгновенно оказался в крепости Будапешта, где жили его друзья. Он очутился в комнате развлечений, если быть точным, с Парисом, хранителем Разврата, и Сиенной, новой хранительницей Гнева. На заднем фоне играл какой-то фильм компании Hallmark, а эти двое полулежали на диване, ели попкорн и обговаривали способы проникновения в преисподнюю без лишнего шума.

Амун, хранитель Секретов, сидел за маленьким круглым столиком рядом со своей женой. Хайди была милой девушкой, со светлыми волосами длиною до плеч, в которых ярко выделялись розовые пряди. В ее брови сверкала серебряная штанга, а футболка, которую она надела, открывала руки с наколотыми именами, лицами и числами. Подсказки, необходимые ей, чтобы напоминать себе кем она была каждый раз, когда она умирала и снова возвращалась, но уже без воспоминаний. Хайди часто гибла, демон Ненависти каждый раз воскрешал ее лишь для того, чтобы позволить ей продолжить свою миссию: уничтожить врагов. В последний раз ее вернуло к жизни воплощение Любви.

Когда-то Баден был врагом номер один, и именно поэтому сотни лет назад она помогла его убить.

Всплыло воспоминание, то которое он прожил на самом деле, и Баден не смог его остановить, будто - потому что был одновременно живым и мертвым, телом и духом - оказался в ловушке между настоящим и прошлым. Он жил в Древней Греции вместе с остальными Повелителями. Обезумевшая Хайди пришла к нему и постучала в дверь, утверждая, что ее муж ранен и ему требуется врач.

С самого начала Баден подозревал ее в злом умысле. Но в то время, в злых умыслах он подозревал всех и устал, так сильно устал от непрекращающейся паранойи. Он даже друзей подозревал в различных грехах, а побуждение навредить им, убить их, ежедневно казалось непреодолимым. Несколько раз, он стоял у изножья чьей-нибудь кровати, сжимая в руке клинок. Однажды, он нанес бы удар.

Переезд в другой город не принес бы ему ничего хорошего. В то время Недоверие был столь же оголодавшим как сейчас Разрушение. В конце концов, демон вернул бы его домой. Незаконченные дела нельзя терпеть долго, слишком интенсивна паранойя, которую они вызывают. Самоубийство, подстроенное под убийство, казалось ему единственным решением.

Теперь от вида Хайди все внутри него переворачивалось. Он обидел ее за долгие годы до того, как она на него напала - убил ее настоящего мужа в битве. Она ему отомстила. Они квиты. К тому же, они оба больше не те, кем были раньше. Они начали с чистого листа. По большей части.

Разрушение прекратил играть в мертвого и зарычал на нее, вспоминая предательство, будто целью был именно он. Он желал мести.

"Этого не будет", - предупредил его Баден.

Кейн, бывших хранитель Бедствия, вышагивал вдоль второго стола, пока его жена Жозефина, королева Фей, изучала замысловатую карту. Длинные черные волосы рассыпались по ее хрупким плечам. Волосы, которые Кейн убрал с ее лица, открывая заостренные уши.

Воин прошептал ей что-то на ухо - нечто, что заставило ее засмеяться - затем поцеловал щрам на ее щеке... ложбинку на шее. Синие глаза Жозефины сверкнули теплотой.

- Война дело серьезное. - Она провела руками по своему округлившемуся животику - нежная ласка для ее нарождённого ребенка. - Давай будем серьезными.

Должен уйти. Сейчас же. Баден не стабилен. Он не должен находится столь близко от женщин, особенно возле беременных.

В то же мгновение его сразу заметили Парис, Амун и Кейн. Каждый из мужчин встал перед своей женщиной, действуя как щит, пока направлял на Бадена окровавленный кинжал.

Бадена покоробило столь сложенное действие. После его смерти, двенадцать воинов, которых он так пытался защитить, разделились на две равные группировки, сильно ослабив свою линию обороны. "Моя вина".

И хотя века спустя, обе группы наладили свои испорченные отношения, Бадену все еще предстояло смириться со своей совестью.

Разрушение пнуло его внутри черепа. *Убей!*

В момент, когда мужчины осознали личность Бадена, они спрятали кинжалы в ножны. Хоть это и не усмирило зверя.

- Как прошел твой отпуск с Уилли? - подмигнул ему Парис. - Так же плохо, как и тот, в котором вместе с ним побывал я? - мужчина был столь же высок, как и Баден, достигая ростом 6,8 фута⁴. Имел разноцветные волосы, с прядями от самого темного черного до светлеешего цвета льна. Ярко синие глаза, если только Парис не смотрел на потенциального врага, почти всегда сверкали приветливостью, приглашая окружающих, насладится вечеринкой... в его штанах.

Баден всегда был сострадательным. Надежный, как скала. Всегда рядом, если нужен. Грустишь? Позови Бадена. Расстроен? Наведайся к Бадену. Он облегчит твои проблемы. Но больше нет.

- Отпуск... - его повод для отъезда, - закончился.

Амун кивнул вместо приветствия. Сильный, молчаливый. Он имел темную кожу, волосы и глаза - настороженные глаза. У любителя развлечений Кейна, карие глаза сверкали счастьем, а разноцветные, как у Париса волосы, склоняли чашу весов на темную сторону. Они были красивыми мужчинами, созданными в равной степени сексуальной приманкой и убийцами.

- Никогда ко мне так не подкрадывайся, мужик. - Кейн махнул на него пальцем. - Скорей всего потеряешь свои яйца. И когда это ты приобрел способность переноситься?

- Сегодня. Подарок... от Гадеса.

Амун напрягся, будто мог видеть происходящее в голове Бадена. Черт, наверное, так и было.

- Г-бомба что-нибудь тебе сделал? - потребовал ответа Парис. - Скажи только слово, и мы прикончим его вместе с сыночком-дегенератом.

- Говоря о Люцифере, - заговорил Кейн, жестом приглашая Бадена подойти ближе. - Мы тут составляем пошаговый план, дабы убедиться в его поражении.

- Прямо сейчас, у нас есть только первый шаг. Ворваться в его темницу и освободить Кроноса с Реей. - Жозефина потерла свой живот. - Они слишком много о вас знают, парни. Ваши слабости, ваши желания. Можно запереть их в нашей темнице.

Плохая идея, чтобы один из твоих врагов оказался под контролем других твоих недругов. Незадолго до этого Кроноса, бывшего хранителя демона Жадности, и Рею, бывшая хранительница Раздора, обезглавили. Самопровозглашенным богам дали по паре змеиных наручей, но они принадлежали Люциферу. Гадес предпочел не идти на обмен.

- Не идете за Титанами, - сказал Баден. - Пока не надо. Вероятно, они стали рабами Люцифера.

Также как его и Пандору поработил Гадес. У них могут быть силы... и желания... о которых Повелители ничего не знали.

- Не вижу проблему. - Сиенна подошла к своему мужчине. Стройная женщина с вьющимися темными волосами и лицом в веснушках. Огромные черные крылья

---

⁴ 6,8 фута - 2072,64 см

изгибалась за плечами, придавая ей царственный и немного злой вид. - Порабощенный человек - слабый человек. Нет лучшего времени, чтобы схватить их.

Нет! Баден отказывался поверить в ее утверждение. Он порабощен, но не слаб.

- Просто... доверьтесь мне в этом. Люцифер может хотеть, чтобы вы спасли эту парочку. Позвольте мне сначала немного раскопать. - Баден знал, где, прежде всего, применит свою лопату. Хотя в настоящее время Кили встречается с Торином, хранителем Болезни, когда-то она была с Гадесом. - Где Красная Королева?

- С артефактами, - сказала Хайди. - Почему ты...

Баден вылетел в коридор прежде, чем она успела закончить, и зверь недовольно зарычал.
Никогда не оставляй врагов за спиной.

"Я так и не делаю. Я оставил друзей".

Он перестал слушать протестующие крики, достигнув комнату с артефактами без происшествий.

Кили ходила взад-вперед. Она прошла мимо Жезла Разделения и Клети Принуждения, затем развернулась и прошла мимо них снова, теребя пальцами Покров Невидимости.

- Я не могу найти Ларец Пандоры, если я не могу его отыскать, то и не найду Утреннюю Звезду, - пробормотала она. Кили была красивой женщиной, у которой меняется цвет волос в зависимости от времени года. Лето подарило ей розовые волосы с зелеными прядями и глаза цвета полуденного неба. - Я должна найти Ларец. Должна отыскать Утреннюю Звезду. Что я упускаю? Что делаю не так?

Баден понимал, как опасно тревожить эту женщину, которая обладает силами за пределами воображения, но, в любом случае, откашлялся.

Когда она вздрогнула, вспышка боли пронзила его.

Зверь вновь закричал, требуя от Бадена ее смерти.

Бадену следовало поблагодарить ее. Она могла нанести гораздо больший вред. Это же? Ничто.

- Баден? - Кили растерянно моргнула.

Нужно вдохнуть... затем выдохнуть.

- Наручи сделали меня рабом Гадеса.

- А, да. - Она перекинула длинные волосы через плечо. Действие полностью женственное, скрывающее потусторонние силы, которые ей каким-то образом удавалось сдерживать внутри такого хрупкого на вид тела. - Ты так говоришь, будто это сюрприз.

"Она знала?"

- Так и есть. Для меня.

- Если ты не хочешь быть мальчиком на побегушках у Гадеса, зачем принял его наручи? - Кили уперла руки в боки. - Ты мог стать мальчиком на побегушках у Люцифера.

Когда она появилась с Гадесом, то сказала: "Самый сексуальный аксессуар в этом сезоне! Ты не пожалеешь о решении надеть их. Даю слово".

Он сжал челюсть так, что аж зубы заболели. Баден напомнил ей про это обещание.

- Я сказала это? - Кили пожала плечами. - Bay. Ну ты и доверчивый. Но, эм, я уверена, что подсчитала вероятность, будто что-то плохое с тобой произойдет.

Ох, действительно. Он сложил руки на груди.

- С радостью послушаю твои математические вычисления.

- Ну, есть у тебя два нарucha и один бессмертный, со сколькими проблемами он столкнется? Точно. Это очевидно. Потому что сердце кровью обливается от секретов и собак с когтями.

И как только Торин остается в здравом уме, общаясь с ней? Вдобавок к тому, что она сошла с ума после многовекового плена, у нее еще и дерьямовая память. Кили существует с незапамятных времен и часто относится к своему мозгу, как к пробковой доске со множеством фотографий. Некоторые воспоминания заслонялись другими.

Нужно сосредоточиться на задаче.

- Кронос и Рея теперь контролируются Люцифером?

- Ох, да.

Наконец-то. Понятный ответ.

- Но слепой не может вести слепца.

И-и-и все вернулось на круги своя. Люцифер, Кронос и Рея не слепые. Баден решил поменять тему.

- Гадес приказал мне принести монету.

- Ну, не жди от меня ссуды. - Она подняла руки вверх, ладонями к нему и сделала шаг назад. - Я могу избить тебя наволочкой, полной мелочи, но никогда не дам ни цента.

- Я не прошу у тебя денег. Прошу информации. - Ему нужно влиться в огромный океан ее знаний. Каким-то образом. - Подумай. Зачем Гадесу нужна определенная монета?

- Он вновь остался без денег? Мудак! Если он взял драгоценности, которые я выкрада, то лишиу его яиц. Снова!

Спокойствие...

- Послушай внимательно, Кили. Монета Гадеса у человеческого мужчины, и Гадес хочет эту особенную монету вернуть. В ней заключены специфические силы?

Сможет Баден использовать их в своих интересах?

Она послала ему воздушный поцелуй.

- Я могучая и ужасная. Бессмертный член королевской семьи! Меня не волнуют дела смертных.

Держись...

- Забудь о человеке. - Пока что. - Я должен отрезать язык сирене. Почему Гадес приказал выполнить такую отвратительную задачу?

- Ты чего! Потому что два языка лучше одного.

Разрушение заставило Бадена зарычать, когда вспыхнуло воспоминание... Кили парит в воздухе, ее волосы такие темно-красные, что напоминают реки крови. Другие зависли в воздухе вокруг нее, их тела напряжены, конечности трясутся... губы открыты в нескончаемом крике.

Один за другим, мужчины и женщины взрываются, куски плоти покрывают его... зверя. Кровь течет по нему, остался единственный мужчина.

Она ему улыбнулась.

- Лучше?

- Намного.

Он хлопнул в ладоши, гордясь ею, но также в нем вспыхнула настороженность. Если ее сила еще увеличится, она сможет его победить.

Все угрозы нужно устраниить.

Пальцы щелкнули перед лицом Бадена, и он моргнул, возвращаясь в настоящее.

- Эй! - летняя Кили смотрела на него. - Ты смотрел на меня словно на цель номер один.

- Не уверен, что понял этот термин... неважно. Я прошу прощения.

Зверь знал и восхищался Кили. Наверное, познакомился с ней через Гадеса... должно быть дружил с Гадесом?

Не лучшее время, чтобы избавляться от будущей угрозы. Даже если угроза - союзник.

Внезапно руки Бадена заныли от желания схватить ее за шею и сдавить.

Ее позвоночник сломается с такой же легкостью, как и прутик.

В ужасе он попятился, чтобы быть вне досягаемости. Уильям говорил правду. Однажды, он сломается, возненавидит. Вина, которую он лелеял сейчас, не сравнится с той, что придет потом.

Ему нужно покинуть крепость, и в этот раз необходимо скрыться. План Уильяма по поводу секса заслуживает внимания, но теперь Баден понимал, что это не выход. Из-за его чувствительной кожи, да, но также, потому что не мог никому доверять.

Снова. Какая ирония.

Люцифер подошел другого убийцу. Это вопрос времени.

Разрушение корчился в ожидании, практически с пеной у рта доказывая свою силу. *Напади на меня. Увидишь, что случится.*

"Дай угадаю. Ты убьешь".

Заезженная пластинка. Зверю нужен новый материал.
Чувство потери поразило Бадена. Друзья не поймут его продолжительного отсутствия.
Второй "отпуск". Они станут беспокоиться и задаваться вопросом, что сделали не так.
"Вместе мы выстоим, или падем по одному".
Сколько раз Мэддокс, хранитель Насилия, говорил эти слова с момента возвращения
Бадена? Бесчисленно.
Это не исправит его ошибки, но он ставил благополучие близких на первое место.
- Баден?
Он отвернулся от Кили и достал сотовый телефон, который Торин дал ему. Технология -
та еще сука, которую ему предстоит приручить, но он отправил всем короткое смс.
"Встретимся в пять".
Ему нужно объяснить свою ситуацию с Гадесом, и, благодаря совету воинов, которые
жили в этом мире гораздо дольше его, спланировать свой первый шаг, набрать первое
очко и бороться всеми правдами и неправдами, чтобы одержать победу в его с Пандорой
игре.
Чем быстрее он выиграет, тем скорее сможет попрощаться с Разрушением и спокойно
вернуться к своей семье.

Глава 3

*"Все, чего я хочу от мужчины, все и ничего в одно и то же, но разное время, иногда и никогда, но всегда".
- Киликаель, Красная Королева*

Катарина Джоэль молилась о наступлении конца света, когда ее жених произносил свою свадебную клятву.

Александр Черник был очень плохим мужчиной, и она предпочла бы съесть ржавые гвозди, чем посвятить ему свою жизнь. Но он предоставил ей выбор: выйти за него или стать свидетелем пыток ее брата Доминика.

За год до этого Доминик по своей воле устроился работать на Алека. А после того как Катарина рассмеялась Алеку в лицо и сказала: "Вперед. Пытай его", - он повысил ставки. Выйти за него замуж или наблюдать за пытками ее драгоценных собак.

"Ублюдок!"

Она перестала смеяться и начала подсчитывать ВБУ. Вероятность Быть Укушенной.

Для Алека Катарина была лишь призовой лошадью, которую показывают друзьям, когда вздумается. Он ничего не сделает, и все же заставит ее чувствовать себя несчастной. Но ее собаки нуждались в ней. У них больше никого нет.

В чем проблема? Если она спасет собак сегодня, Алек может причинить им боль завтра. Или в любой день после. Он продолжит угрожать их благополучию, чтобы ее контролировать.

Но если Катарина спасет их сегодня, то выиграет время. Время, которое можно потратить, чтобы спрятать их. Если когда-нибудь найдет собак. Алек их скрывал.

Его охранники пасли ее каждую секунду каждого дня, но дважды ей удалось улизнуть из своей комнаты, чтобы поискать недвижимость. Ее ловили оба раза, до успеха было еще далеко.

"Меня поймают, так или иначе, да?"

В течение всего своего детства она помогала отцу с их семейным бизнесом, тренировать собак на выявление наркотиков и защищающих дома. После окончания средней школы, Катарина приняла бразды правления. И, несмотря на дополнительную ответственность, она тратила свободное время на реабилитацию агрессивных бойцов, с которыми плохо обращались и которых весь остальной мир счел слишком опасными.

Тroe из этих жертв... Вера, Надежда и Любовь... были так изуродованы, что большинству людей не хватало смелости взглянуть на них, а еще меньшему количеству - предложить постоянный дом. Поэтому Катарина взяла их в качестве домашних питомцев, вкладывая свою сердце и душу, чтобы подарить им счастливую и долгую жизнь, как они того заслуживают, и собаки обожали ее за это.

Затем Алек выкрад их и удерживает ради выкупа. Он также поклялся причинить боль каждой собаке, с которой она когда-либо работала... пустить пулю им в мозг.

Она любила своих собак, помнила каждое имя, каждую трагедию, которые они перенесли в молодости, и каждую странность их личностей. Более того? Тренер всегда защищал своих подопечных.

Этому уроку отец ее выучил.

Мистер Бейкер... хнычущий трус на зарплате у Алека, который получил сан по интернету... прокашлялся.

- Ваши клятвы, мисс Джоэль.

- Миссис Черник, - отрезал Алек.

Она улыбнулась без юмора.

- Пока нет.

"Я действительно смогу это сделать?"

Он хмуро взглянул на нее, и Катарина потерла большим пальцем слова, вытатуированные на ее запястье. *Однажды...*

Дань уважения ее словацкой матери, женщине, которой хватило смелости выйти замуж за американского дрессировщика собак, несмотря на их различное происхождение и цвет кожи, даже несмотря на языковой барьер. Эдита Джоэль выдумывала сказки, и каждую ночь, после того как рассказывала одну Катарине, то мечтательно вздыхала.

"Красота может скрываться за уродством. Никогда не забывай".

Катарине не особо нравились эти истории. Принцессу в беде спасает принц? Нет! Иногда нужно подождать чуда, но временами необходимо самому им стать.

Прямо сейчас она не могла найти в Алеке ничего красивого. Не видела готовящегося чуда. Разве это так важно? Катарина - автор собственной сказки... она отвечает за все взлеты и падения... и зачастую то, что кажется концом, оборачивается новым началом. Каждое такое начало потенциально может оказаться ее "и жили они долго и счастливо".

Без сомнения, что сегодняшний день знаменуется новым началом. Новой историей. Возможно, как в старой сказке, это положит конец крови и смерти, но это закончится.

"Я смогу вытерпеть что угодно какое-то время".

Сильные пальцы сжали ее подбородок и подняли голову. Ее взгляд остановился на Алеке, который смотрел на нее с вызывающей содрогание смесью похоти и гнева.

- Скажи свои клятвы, принцесса.

Она презирала это прозвище, поскольку не была изнеженной или беспомощной. Катарина усердно и много работала. Многие из ее клиентов называли ее мамой-домохозяйкой собак. Это комплимент. Матери работают больше других.

"И я люблю своих малышей". Временами, собаки лучшая компания чем люди. Несомненно, лучше Алека.

- Ты заставляешь меня ждать на свой страх и риск, - сказал он.

Тихие слова, ясное обещание.

Она высвободилась из его хватки. Он был чумой для человечества, и она никогда не станет делать вид, что это не так. Особенно, когда должна была выйти замуж за Питера, ее возлюбленного с детства.

Питер, который всегда шутил, всегда смеялся.

Горе подтолкнуло ее.

- С тобой все на мой страх и риск.

Этот мужчина уже ее уничтожил. Доминик потратил ее деньги на наркотики, обнулив счета, прежде чем продать питомник Алеку, который сжег его дотла.

Ее глаза сузились до крошечных щелочек. Ему, возможно, нравилось смотреть на Катарину, но он никогда не ценил ее честность.

Забавный факт: его провоцирование стало ее единственным источником радости.

- Не уверен, что ты понимаешь, какой великой части я удостоил тебя, Катарина. Другая женщина убила бы, чтобы занять твое место.

Возможно. Скорее всего. С его светлыми волосами, темными глазами и точеными чертами лица, он выглядел ангелом. Но те другие женщины не могли увидеть чудовище, притаившееся внутри... пока не станет слишком поздно.

Катарина увидела это с самого начала, и отсутствие у нее интереса бросило ему вызов. Не было других причин почему ста восьмидесяти сантиметровый мужчина... который раньше встречался только с невысокими женщинами, желая выглядеть выше... выбрал кого-то такого же роста.

Хотя она всегда одевалась в джинсы и теннисные туфли, у нее появилось ощущение, что вскоре полюбит ходить на шпильках.

- Честь? - наконец, переспросила Катарина. Его последние три девушки умерли при сомнительных обстоятельствах. Утопление, автомобильная авария и передозировка наркотиками. - Ты думаешь, это слово здесь к месту?

- Великая честь.

Алек любил рассказывать своим деловым партнерам, что Катарина его заказанная по почте невеста. И в некотором отношении, так и было. Год назад, он хотел собак для защиты дома от преследователей из Словакии. Алек наткнулся на сайт Пристанище и

обнаружил, что она известна как лучший тренер. И вместо того чтобы заполнить заявление, как требуется, он прилетел к ней на встречу.

После первого же разговора, Катарина заподозрила, что он станет плохо обращаться с животными. Поэтому отказалась ему.

Вскоре после этого Питер умер в грязном переулке, став случайной жертвой грабителей. А затем ее брата пригласили присоединиться к бизнесу Алеку по экспортну... для ввоза наркотиков и проституток в Штаты и вывоза миллионов наличными, чтобы скрыть или отмыть. Неудивительно, что Доминик быстро пристрастился к героину Алека.

"Просто еще один способ манипулировать мной".

Когда Алек позвал ее в своей поместье в Нью-Йорке... "Доминик занял у меня тысячи. Ты приедешь и оплатишь его долги"... она вновь отказалась ему. Спустя неделю, Полночь, дорогое сердцу зенненхунда⁵, отравили. Она знала, что Доминик... а соответственно и Алек... виноват в этом. Когда-то с псом плохо обращались, поэтому он бы не взял еду от кого-то другого.

Она быстро нашла дома другим собакам. Но ее глупый брат знал немногих, кому она могла довериться, и выдал Алеку их местонахождение в обмен на сокращение долга. "Всегда на шаг впереди".

- Я здесь по одной единственной причине, - сказала Катарина, ненавидя его, ненавидя это, - и она не имеет ничего общего с честью.

Мистер Бейкер отступил, оказавшись вне досягаемости для возможного удара.

Алек схватил ее за шею, сжав достаточно сильно, чтобы ограничить доступ воздуха.

- Будь очень осторожна в своем решении, принцесса. Это может быть очень хороший день для тебя или очень плохой.

- Ваши клятвы, - выпалил мистер Бейкер. - Скажите их.

Алек сжал в последний раз, прежде чем отпустить.

Вдох... выдох... она дико оглядела часовню. Вооруженные охранники стояли по всему периметру. На скамьях сидели партнеры по бизнесу Алека, еще больше вооруженных охранников и другие сотрудники. Мужчины облачены в костюмы, а их пары надели вечерние платья и дорогие ювелирные украшения.

Если она откажется, то ее прикончат... но только если повезет. Скорее всего, убьют ее малышей.

В дальнем конце здания красивые витражные окна окружали резной алтарь. Возле каждого окна стоял мраморный стол с блестящими прожилками розового, а между этими колоннами висела картина - древо жизни. На бордюре, ведущему к куполообразному потолку, были изображены ангелы, воюющие с демонами, и дополняла головокружительный дизайн золотая скань⁶ на плитках пола цвета слоновой кости. Помещение предрасполагало к новому началу, а не к вечным мукам, и все же она чувствовала себя проклятой до глубины души.

"Спасти собак. Спасти Доминика. К черту Доминика. Только собак. Затем сбежать".

Наконец, Катарина повторила клятвы. Алек засиял от счастья. А почему бы и нет? Она, как и многие другие, позволила злу выиграть битву.

"Но война все еще в разгаре..."

- Можете поцеловать свою невесту, - объявил мистер Бейкер с ощутимым облегчением.

Алек схватил ее за плечи и прижал к себе. Его губы прижались к её, а язык протолкнулся сквозь зубы.

У ее мужа вкус пепла.

Но пути назад уже нет.

Как ей пережить брачную ночь?

Толпа приветственно закричала, а затем дверь святилища распахнулась, ударившись о стену.

⁵ Пастушеская порода собак

⁶ вид ювелирной техники: ажурный или напаянный на металлический фон узор из тонкой золотой, серебряной или медной проволоки

По центральному проходу шли трое мужчин. Все они были высокими и мускулистыми, и определенно имели какую-то цель. Правоохранительные органы? Пришли арестовать Алека? Ох, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

Мужчина, шедший слева имел черные волосы и голубые глаза. Он улыбался мужчинам, сидящим на скамейках, провоцируя их выступить против него.

Справа шел светловолосый мужчина с зелеными глазами. На нем были черные кожаные перчатки, которые каким-то образом добавляли угрозы абсолютно расслабленному поведению.

Мужчина посередине... он привлек ее внимание и не отпускал. Он был так прекрасен, что превзошел даже Алека. Не смотря на пятна крови, покрывающие его футболку - дрался с охраной на улице? - он объединял в себе всех сказочных принцев из каждой сказки. Таких мужчин встретить можно лишь в своих фантазиях.

Он бы понравился ее матери.

Он был самым высоким из троих, темно-красные волны обрамляли напряженное мужское лицо. Каждый дюйм его тела был наполнен такой несравненной силой, что он казался вырезанным из камня.

Женское начало воодушевилось... "Этот мужчина - воплощение темных, опасных желаний, но я не боюсь... я заинтригована".

Четко изогнутые брови вели к прямому носу и острым скулам. Его губы были пухлыми, тем самым смягчая черты лица. А квадратная челюсть была самой грубой чертой, ее покрывала темная щетина.

Но его глаза... ох, гром и молния, его глаза. Они представляли собой сочетание мягкости и все же жесткости и чистой похоти. Они были цвета заката, полыхающие различными оттенками золота и меди.

Он и его друзья остановились чуть ниже возвышения.

- Леди и члены. - Темноволосый солдат... агент?.. раскинул руки, чтобы обратиться к аудитории. - Подарите нам минутку своего времени.

Алек раздулся от ярости.

- Кто вы? А еще лучше, вы знаете, кто я?

Рыжеволосый сделал еще один шаг вперед, быстро осмотрев окружающее пространство. Он даже прошелся взглядом по Катарине, проявляя интерес к свадебному платью, которое Алек выбрал для нее... уродство без бретелек, с корсетом и широкой юбкой в несколько слоев с атласными розами. Его рот скривился от отвращения.

Она вздернула подбородок, хотя ее щеки горели от смущения.

Он сосредоточился на рассвирепевшем Алеке.

- У тебя есть монета. - Его акцент... возможно, греческий? - Отдай ее мне.

Алек рассмеялся своим запатентованным у-тебя-есть-только-минута-жизни смехом.

- У меня множество монет. - Некоторые из его охранников достали оружие и только ждали сигнала, чтобы выстрелить. - Ты можешь выражаться конкретнее.

- Она единственная принадлежащая Гадесу. Притворство, что не понимаешь, не приведет ни к чему хорошему.

Алек едва заметно кивнул самому надежному своему охраннику, который заблокировал дверь в задней части помещения.

Сигнал.

Силовик прицелился. Нет. Нет! Катарина предупреждающе вскрикнула. В чем не было необходимости. Рыжеволосый уже подобрался, крутился и бросил кинжал. Кончик лезвия вошел прямо в глазницу.

Кровь брызнула, вой боли эхом отразился от стен. Пистолет выпал из его рук, бесполезный, и охранник упал на колени.

Крик Катарины перешел в хныканье. Рыжеволосый поступил просто... без каких-либо колебаний... так мужественно.

Женщины на скамьях вскочили и бросились к выходу, их каблуки цокали по напольной плитке.

- Моя следующая жертва потеряет намного больше, чем глаз, - сказал рыжеволосый с холодной отстраненностью.

Мужчина с темными волосами и голубыми глазами ухмыльнулся.

- Баден, чувак, если бы я раздавал очки, то ты бы получил десять бонусных баллов. Так горжусь тобой сейчас.

Баден. Рыжего звали Баден. Убийцу звали Баден, а темноволосый мужчина только что похвалил его за жестокость.

Баден перевел взгляд на нее.

- Испытай меня. Рискни.

Кто-то другой заплакал бы и стал бы молить о пощаде, когда бросают вызов такие смертельные силы. Для Катарины же слезы неприемлемы.

Катарина плакала ведрами за несколько месяцев до смерти матери, но не пролила и слезинки после. Она была крайне спокойна. Страдания матери, наконец, закончились. Но с облегчением пришла и вина. Если Катарина не может оплакать мать, отдать дань уважения, разве правильно, что она заплачет по другому поводу?

Побледневший, дрожащий Алек отступил... он никогда не шел на попятную... и встал позади нее, используя в качестве щита?

Брат поднялся с передней скамьи. Он был ростом в шесть футов, но из-за его худобы казался ниже по сравнению с незнакомцами. Доминик, в самом деле, планирует выступить против предполагаемых убийц?

Баден повернулся в его сторону.

- Нет! - она сбежала с возвышения, чтобы загородить Доминика. - Мой брат не имеет ничего общего с этим. Ты не причинишь ему вред.

Хотя ее любовь к единственному живому члену семьи ослабела, Катарина помнила мальчика, каким тот был. Добрый, терпеливый и заботливый. Она не желала наблюдать за его смертью, предпочла бы увидеть брата за решеткой, насилию освобожденного от коварного влияния Алека и готовой дозы героина.

Возможно, если Доминик завяжет, они смогут попытаться сновать стать братом и сестрой. Он заслонил ее собой, тем самым поразив.

- Не играй в героя, сестра.

Баден потерял к нему интерес. Излучая леденящее кровь зло, он приблизился к Алеку, мужчине, которого боялось столько людей.

- Это твой последний шанс. Монета.

Алек поджал губы, это действие она отлично знала. Дерзость наркобарона... "я владелец всего, на что смотрю..." только что вернулась.

- Монета принадлежит мне. Скажи Гадесу, что он может отправляться в ад, где ему место. Темноволосый мужчина рассмеялся. Блондин поправил свои перчатки.

- Неправильный ответ. Возможно, ты еще не до конца веришь, что я готов на все, лишь бы ее заполучить. - Баден схватил Алека за шею и оторвал от пола, сжав с такой силой, что его глаза вылезли из орбит, а лицо покраснело. - Это убеждает тебя?

Собаки! Если он умрет...

- Остановись, - закричала Катарина. Она пыталась вернуться к помосту, но Доминик обхватил рукой ее талию, удерживая на месте. - Прошу!

Пожалуйста.

Баден проигнорировал и обратился к Алеку:

- Я уйду с монетой... или с чем-то, что тебе дорого. - Когда рука Алека поднялась к подбородку, он встряхнул его, гарантуя, что его намерения ясны. - Тебе выбирать.

Брызгая слюной, Алек стал бить по руке Бадена.

- Знай, - добавил рыжий невозмутимо, - я вернусь завтра, и на следующий день, и на следующий, пока не заполучу желаемое, а я никогда не остаюсь без вознаграждения.

Кто этот мужчина? Кто такой Гадес?

Алек схватил небольшой пистолет, спрятанный на талии. Баден повернул наркобарона, используя его в качестве буфера, стреляя из его собственного оружия по охранникам, которые взяли их на прицел.

Раздались новые стоны боли. Брызнула кровь, и стали падать тела. Катарина прижала руки к животу, подавляя волны тошноты.

Закончив с охранниками, Баден вывернулся на спину Алека и сломал кости; пистолет упал под крики ее жениха. Все больше и больше мужчин вскачивали, чтобы помочь ему, и трио оказывалось под прицелом все большего и большего количества пистолетов.

Даже Доминик достал оружие из кобуры на лодыжке, хотя и не целился. Он потащил ее к боковой двери и дальше по длинному коридору.

Бум! Бум! Раздалось множество выстрелов позади нее.

Алека ранили? Она пыталась вырваться.

- Отпусти!

- Хватит. - Ее брат тяжело дышал, уже запыхавшись. - Это для твоего же блага.

Жест доброты, даже если вел к неправильному пути.

- Я не позволю невесте Алека страдать, - добавил он, все испортив. У него все всегда крутилось вокруг Алека.

- Я должна остаться с ним, - сказала Катарина. - Собаки...

- Забудь о них.

- Никогда!

Выстрелы прекратились. Крики и стоны боли стихли. Запах пороха и окислившего металла наполнил воздух, достигнув ее.

Прежде чем Доминик достиг двери, которая вела на улицу, она уперлась ногами и оттолкнула его. Он не разжал хватку, увлекая ее за собой, когда падал. У него выбило воздух из легких, и Катарине, наконец, удалось высвободиться. Доминик потянулся к ней, но она ударила его в живот и поднялась.

Выругавшись, он вскочил. Катарина отпрыгнула назад и...

Врезалась в кирпичную стену. Хватая ртом воздух, она резко обернулась. Ее взгляд отметил мужские ноги... рельефный торс. Также там были тонкие реки черных татуировок, идущих от кончиков пальцев к краю черной полоски, которая обхватывала его бицепсы. Три пулевые отверстия портили его плечо, но раны, казалось, не кровоточили.

Ее взгляд остановился на холодных медно-красных радужках. Баден.

Он был чрезвычайно сосредоточен, излучая вызов, решимость и смертельное желание... возможно, даже нетерпение.

- Отойди в сторону, Катарина, - приказал Доминик.

Баден обошел ее, чтобы выбить пистолет из рук брата.

При встрече с агрессивной собакой, нужно оставаться спокойной. Избегать прямого взгляда в глаза. Встать боком и потребовать собственного пространства.

Она смотрела позади него, пока принимала нужную позу. Затем спокойным тоном заявила:

- Твоя скора не с нами. Мы не причиним тебе вреда.

- В последнее время мне не нужна причина, чтобы поссориться с кем-либо, невеста. - Он сказал невеста на словацком, ее родном языке? - Но ты...ты даешь мне повод. Ты беспокоишься за этот кусок дермы. - Его отвращение вернулось в полную силу. - Ты вышла замуж за этот кусок дермы.

Баден думал о ней худшее, не зная истины. "Не знаю его, не нравлюсь ему. Его мнение не важно".

- Тебе ли бросаться камнями? У тебя шея в блестках. - Это правда. - Любезность от подружки стриптизерши?

Когда он ничего не ответил, вспышка раздражительности погасла. Катарина мягко спросила:

- Алек все еще жив?

- Ты беспокоишься за него или за власть, что ты потеряешь с его смертью?

"Власть? Умоляю!"

- Он. Все еще. Жив?

Баден склонил голову вбок.

- У него даже еще все части тела на месте. Пока.

"Слава Богу!"

- Послушай меня. Я отдаю тебе монету. Хорошо?

- Ты не сделаешь ничего подобного. А ты не причинишь ей вред, - обратился Доминик к Бадену. - Я не позволю...

Баден молча посмотрел на него, прежде чем вновь обратить внимание на Катарину.

- Ты знаешь, какую монету я ищу?

- Нет, но ты можешь описать ее, а я поищу в доме Алека. - Если Баден припер к стенке охранников, у нее, наконец, получится разыскать собак без страха быть пойманной. - Давай пойдем туда сейчас.

- Ты видела, с какой проблемой готов столкнуть твой муж, чтобы не отдавать монету. - Темно-красные волны упали на его крепкий лоб, пряди словно чистый шелк. - Она не будет лежать на виду.

Скорее всего, нет.

- Возможно, она в депозитной ячейке. Я могу собрать все ключи. Если мы уйдем сейчас...

Доминик сжал ее руку, но не сказал ни слова.

- Что, ты думаешь, я сделал до прихода в церковь? - спросил Баден.

"Он был в доме?"

- Ты видел трех питбулей? Один тигровой окраски, другой серый, а...

- Там не было никаких собак, - вставил он, нахмутившись. - Как и кошек.

Опустошение вперемешку с гневом, смертельная комбинация, поднялись в ней. Где Алек спрятал ее собак?

Светловолосый мужчина подошел к Бадену и после небольшого колебания похлопал его по плечу.

- У нас проблемы. Уильям убил последнего... - его зеленые глаза остановились на Доминике, и он кивнул. - Неважно. Ты оставил посланника живым. Все хорошо.

Желчь подступила к ее горлу.

- Втроем вам удалось справиться с пятью десятью охранниками?

Светловолосый посмотрел на нее взглядом - все же невеста ударила головой на выходе?

- Не такое уж и большое дело. Они всего лишь люди.

Он улыбнулся и ушел.

Всего лишь люди. Она не могла перестать искать взглядом Бадена, несмотря на внушение себе обратного. Он все еще с вызовом смотрел на нее, и Катарина сглотнула.

- Ты не считаешь себя человеком? Так кто ты, демон?

- Да.

Что!

Он посторонился и махнул в сторону алтаря, мышцы на его руке напряглись.

- Ты вернешься. Сейчас же.

Уйти от сумасшедшего мужчины? Не надо повторять дважды. Она помчалась по коридору и ворвалась через двери. Катарина встанет на защиту Алека при необходимости и...

Она затормозила. Кровь покрывала стены и скамьи и стекала на пол. Тела, части тел и прочее, названия чего Катарина не знала, валялись здесь, там и везде.

Бессознательного Алека пригвоздили к кафедре, его голова болталась. Желчь вернулась, и вновь поднялись волны тошноты. Она подошла ближе. Ее руки дрожали, когда Катарина нашупала пульс... едва уловимый, но он был.

- Теперь счастлива? - Баден подошел к ней сзади, его тень полностью ее накрыла.

- Нет! Ты пытал...

- Насильников и убийц. Да. Они получили по заслугам.

- Что дает тебе право быть судьей, присяжным и палачом? - и... и... количество смертей... степень разрушения... испытание дня... - Думаю, я...

Слишком поздно. Она наклонилась, и ее вырвало.

Баден подтащил ее брата ближе, но никто не поступил как джентльмен и не убрал вуаль из зоны опасности.

Катарина едва не фыркнула, когда выпрямилась и вытерла рот тыльной стороной ладони. Жестокий дикарь и бесчувственный наркоман не пришли ей на помощь? Какое безумие!

- Mater ti je kurva, - выплюнул Доминик Бадену, пока пытался освободиться. "Твоя мать - шлюха". - Ты заплатишь за балаган, в который превратил этот день.

Безразличие читалось во взгляде, когда Баден осматривал Катарину. Затем вспышка чего-то промелькнула в его глазах, заставляя ее вздрогнуть. От ужаса. Это должен быть ужас. - Александр заплатит, и самым неожиданным способом. Я решил забрать... его невесту.

Глава 4

"Только одно должно быть заразным. Твоя улыбка".
- Торин, хранитель Болезни

- Ты не можешь просто... взять меня, - сказала невеста встревоженно.

Как ее зовут?

- Могу, и возьму. Не сопротивляйся мне. - Кровь в венах Бадена запела, Разрушение мурлыкал, соглашаясь. Его накрывало волнами удовольствия. "Ненавижу зверя, но это мне нравится". Ничто в его жизни... нынешней или предыдущей... не сравнится с этим. А по какой причине он ощущает такое? Потому что полностью уничтожил армию другого мужчины.

Так уверен, что уничтожение и есть причина? Как на счет девушки?

Едва взглянув на нее, Бадена охватило желание ее поиметь, долго, сильно и часто... и, что странно, защитить

Это безумие. Она ничего не значит для него.

Уильям и Торин были заняты осмотром убитых за монету. Просто на всякий случай. Баден наблюдал за ними, невеста - за Баденом, жар ее взгляда опалял.

Она выругалась на него.

- Ты улыбаешься.

Правда?

- Насилие доставляет тебе радость? Это жутко. Жутко!

Невеста исторгла поток словацких ругательств, называя его ужасными прозвищами и обвиняя в том, что спит со всем от крысы до козы. Ее страх отступил под написком гнева. Разрушение не уделил ей внимания. Она была слабой и безобидной.

На самом деле невеста забавляла Бадена. Столько злости в таком маленьком теле.

Если когда-нибудь ее страсть будет перенаправлена...

Он громко сглотнул от нужды... несомненно это принесет боль, только боль... больше не находит ее забавной.

Ее брат потянулся, чтобы ударить рукой ее по губам, но она отбила его ладонь и продолжила ругаться, спасая мужчину с клинком в сердце. Баден возьмет девушку в качестве приза за выигранный бой. На одну ночь она станет принадлежать ему. А он, заботится о своем.

- Не трогай ее больше, - бросил он, не скрывая враждебность.

Брат побледнел.

Невеста встала перед Баденом, привлекая внимание. Явная попытка защитить мужчину, который должен сделать все возможное, чтобы защитить ее.

Ее беспокойство за мужчин в ее жизни... за мразей... раздражало его. Она сказала, что наслаждаться насилием жутко, и все же связалась с человеком, который оставлял за собой трупы виновных и невинных.

- Есть способ лучше, - заявила она. - Убивать беззащитного человека нецелесообразно и трусливо.

- Ни один человек не беззащитен. Пока у него есть разум.

- Если разум - оружие, некоторые вооружены лучше других. Некоторые, как ты, вообще обезоружены...

- Катарина, - рявкнул брат. - Хватит.

Катарина. Утонченное имя для утонченной (на вид) женщины.

Она сжала губы в тонкую линию.

Катарина далека, ооочень далека от женщин, каких предпочитал Баден. Ему больше нравились сильные женщины-воины. Кто-то, кто в состоянии поддержать хвастовство своим телом. Такие как Пандора. Один или два раза он даже решал сделать паузу в их противостоянии. В конце концов, желание победить всегда перевешивало желание насладиться ею.

Он стал изучать Катарину более пристально. Ее темно-каштановые волосы были уложены в замысловатый узел на макушке, ни одна прядь не выпала, обрамляя ее яркое лицо. Яркое, даже несмотря на хрупкость. Кошачий разрез ее больших серо-зеленых глаз чувственно дополняли густые, прямые брови и пушистые черные ресницы. Светлые веснушки покрывали ее изящный носик и заостренные скулы. Пухлые губы молили мужчину вкусить их...

"Сопротивляйся".

Линия ее челюсти была самой выдающейся частью лица, по нему он хотел бы провести кончиками пальцев; она была почти треугольной, закругляясь на подбородке.

Ее кожа гладкая и безупречная, как только что отполированный оникс... за исключением рук. Множество шрамов тянулись по внутренней стороне от локтей до запястий, каждый след был от зубов. Ее кусали? Но почему?

На ее правой руке виднелась татуировка. *Однажды...*

Так начиналось множество сказок, и это казалось интересным выбором для охотницы за деньгами. А она ею была. Он не мог найти других причин, почему женщина с таким неукротимым духом могла бы поклясться любить, почитать и слушать такого мужчину как Александр.

- Пожалуйста, - сказала Катарина, меняя тактику. - Дай мне шанс найти твою монету. У Алека много домов. У него есть предприятия. Как его жена, я получу полный доступ. Я с радостью обыщу их все.

- Как быстро ты предала своего нового мужа. - Это раздражало его также сильно как и ее забота. - Хотя я сомневаюсь, что он захотел тебя за твою верность.

Покончив с разговорами, Баден схватил ее за талию и перевернул ее вверх ногами, прижав в свою боку и успешно избегая контакта кожи о кожу.

Она безрезультатно брыкалась и вертелась. Он просто слишком силен, а ее платье оказалось огромным, превратившись в идеальную клетку.

Брат потянулся к ней. Ошибка. Баден подставил ему подножку, заставив того упасть на задницу.

- Не двигайся, - приказал он. - Или закончишь как другие.

Брат остался на месте, но плонул на ботинки Бадена.

- Ты не убьешь меня. Я тебе нужен, чтобы доставить сообщение.

- Да? Записка сработает не хуже.

В серо-зеленых глазах Катарины вспыхнула ярость.

- Возьмешь девчонку, и Алек убьет тебя.

Баден усмехнулся... как и Разрушение.

- Нельзя убить кого-то, кто уже мертв.

Замешательство искалило черты лица мужчины, быстро сменившись страхом, когда крики ослабли до стонов, раздающихся по всей церкви. Он, наконец, осознал всю жестокость Бадена?

- Записка не передаст правильные эмоции, - возразил парень.

Он был не согласен, но сказал:

- Когда Александр очнется, скажи, что я найду его утром. Прятаться от меня бессмысленно. Если он не отдаст мне монету, я сдержу обещание и возьму что-то еще для него важное. Что-то, что заставит его истечь кровью.

Пока невеста продолжала сопротивляться, Баден направился по центральному проходу.

- Пойдемте, - позвал он.

Уильям и Торин прекратили свои поиски и догнали Бадена, чтобы встать по бокам от него. Они были в алых брызгах, но, в отличие от него, у них не оказалось ран. Хорошо, это хорошо. Увидев их раны, он, скорее всего, ощутил бы неудержимую ярость. Которая обернулась бы против них.

Разрушению нравилось пинать упавшего человека.

"Нужно было избавить от этой парочки и прийти одному".

Когда он рассказал своим друзьям о конкурсе не на жизнь, а на смерть, устроенным Гадесом, все стали настаивать, чтобы сопровождать его. Баден запротестовал. Теперь у воинов есть семья. Жены и дети, о чем Уильям напомнил ему. Нет причин подвергать опасности никого из них. Им необходимо сделать другую жизненно важную вещь - найти Ларец и Утреннюю Звезду раньше Люцифера. Также найти Пандору, которая ушла в подполье. Что если она направит свой гнев против Повелителей, теперь, когда ей запретили нападать на Бадена? К тому же Сабин и Страйдер изучают способы освободить Бадена от его наручей, и вместе с ними от контроля Гадеса, чтобы Баден не утратил осязаемость.

В конце концов, воины наплевали на его пожелания и стали тянуть жребий, чтобы решить, кому выпадет честь сопровождать его. Честь. Будто он был призом, которым они восхищались, а не куском дермы, который бросил их. Чувство вины резало и царапало его грудь. Как он собирается исправлять ошибки своего прошлого, когда все больше и больше должен им?

Камео, хранительница Несчастья, и Торин вытянули жребий. Уильям, вернувшись с сексуального пира-фестиваля убийств, просто сказал: "Попробуй меня остановить. Смелее. Ох, и, само собой разумеется, ты будешь должен мне еще одно одолжение".

Они поравнялись с выходом из часовни. Баден перешагнул через первую кучу охранников, которых он повалил, когда прокладывал путь через дверь. Солнечный свет и теплый воздух встретили его.

- Взять этого человека - довольно странно. Ты знаешь об этом, так ведь? - спросил Торин. Его слова заставили Катарину собраться. Она усилила сопротивление, говоря:

- Я не могу оставить Алека. Пожалуйста! Отпусти меня.

Ее страх заинтриговал Разрушение.

- Успокойся, девочка. Я не планирую навредить тебе.

- Планы могут поменяться, да?

О, да.

- Хорошие новости заключаются в том, что мы будем вместе всего одну ночь.

Неважно, что Александр чувствовал к ней... любовь или обычную похоть... он перевернут небо и землю, чтобы вернуть ее. Сегодня была уязвлена его гордость. Если он позволит другому мужчине выкрасть его женщину, то потеряет уважение своих людей. Или тех, что осталось от его людей. Авторитету Александра сегоднябросили вызов.

Он отдаст монету, так и будет. Баден получит первое очко и станет лидером в игре Гадеса. Вообще, Баден надеется на два очка. Как только он устроит Катарину, то переместится к Сирене. Ему нужно отрезать ее язык, как требовалось.

Он ощутил укол совести. Баден не сможет отрезать язык. Александр был мразью. Сирена нет. Разве он сможет навредить ей?

Ее язык отрастет? Она бессмертна, но, как Баден, лишь дух.

Как он сможет жить в мире с самим собой после совершения такого грязного деяния?

Легко, - сказал Разрушение. - *Ты же живешь.*

Когда Катарина стала молотить кулаками по его боку, Баден добавил:

- Все зависит от твоих действий.

- Ублюдок!

Тротуары были забиты, улицы переполнены автомобилями. Внедорожник Бадена стоял припаркованным вторым рядом, Камео ждала за рулем.

- Помогите мне! - закричала Катарина, и это его не удивило. Ей не представится лучшей возможность бежать. - Это похищение!

Никто не обратил на нее внимание, все слишком заняты, уткнувшись в свои телефоны и делая вид, что остальной мир больше не существовал.

- Отдай ее мне, - сказал Уильям, протягивая загребущие руки. - Думаю, я доказал, что лучше общаюсь с противоположным полом. И с планированием миссии. И с драками. И с уходом за волосами. Кудри тебе не идут, Баден.

Баден сильнее сжал девушку в объятиях.

- Моя пленница. Моя.

- Bay. Ты настолько эгоистичен? - Уильям нахмурился. - И это после всего, что я для тебя сделал.

- Ты имеешь в виду все, за что мне придется заплатить тебе?

Одолжение, как было сказано, казалось вполне невинным тогда. Убить врага для него? Охранять в бою? Конечно. Теперь варианты бесконечны, и зверю... это не нравилось.

Убей его. Приказ, как всегда, хотя этому не хватало настоящей страсти, потому что Уильям связан с Гадесом.

"Смерть не может быть ответом в любой ситуации".

Уильям надулся.

- Ты ведешь себя так, будто платеж делает мои поступки менее альтруистичными.

- Так и есть!

Баден заметил двух бродячих собак, сидящих на обочине.

Разрушение предупреждающее зарычал, и собаки зарычали в ответ, словно услышали звук, который Баден не произносил. Они были большими, черно-белыми с проплешинами. Чесотка?

Катарина застыла, словно статуя. Тихо и спокойно она сказала:

- Не смей причинять боль этим бедным животным.

Я не подчиняюсь, - сорвался зверь. - Я...

"Ничто. Ты ничто". Баден обошел собак. Пара пристально наблюдала за ним, готовая к прыжку, но пока не предпринимали никаких мер, чтобы наброситься на него.

- Имей совесть, позвони в приют, - попросила она.

- Уже отправил сообщение в один.

Торин сунул телефон в карман и встал перед ним, чтобы открыть заднюю пассажирскую дверь.

Баден бросил девушку в машину и залез следом, ловля ее за талию, когда Катарина бросилась к противоположной двери. Лишнее действие. Уильям сел с другого бока от нее. Торин устроился на переднем сиденье.

- Тестостеронный сэндвич. - Уильям достал влажные салфетки из кармана, позади сиденья водителя и протянул их Бадену. - Тебе следует очистить специи с твоей стороны бутерброда.

- Сирак! - съехидничала невеста, пока Баден вытирал кровь с лица. Со словацкого слово переводилось как мудак. - Я ничего тебе не сделала. Найди соглашение со своим сердцем и отпусти меня.

Баден сопротивлялся... да. Затем по-настоящему ухмыльнулся.

- Ты думаешь, у меня есть сердце?

Даже Разрушение фыркнуло.

Восхитительно.

- Человек в заложниках? - Камео, сжигая резину, газанула и умчалась прочь от часовни. - Серьезно, парни? Это чья блестящая мысль?

Все съежились от печали, что сопровождала слова Камео. Баден, Уильям и Торин привыкли к этому ощущению и быстро пришли в себя. Но не человек. Она побледнела и задрожала, погрузившись в себя.

- Только один из нас перестал использовать свои мозги большого мальчика. - Торин указал пальцем в сторону Бадена. - Наш собственный звериный парень.

- Что только что произошло? - прошептала Катарина. - Я никогда не плачу, и все же внезапно мне захотелось зарыдать.

Никогда?

- Несчастье, - бросил он и оставил эту тему.

- Но... я всегда несчастна. - Горечь промелькнула в ее голосе. - Ты... это... в этом нет ничего нового.

Что она имеет в виду, говоря "всегда несчастна"? Она только что вышла замуж за мужчину своей мечты, разве нет?

Камео так стремительно повернула, что все едва не вылетели из окон.

- Почти на месте.

И вновь Катарина ушла в себя.

Он рявкнул:

- Больше ни слова, Кам.

- Как тебя зовут? - спросил Уильям человечку, хорошая тактика, чтобы отвлечь.

- Катарина Джоэль, - ответила она с дрожью в голосе.

- Катарина Черник, - поправил Баден, не в силах скрыть свое презрение.

Она оживилась, ее нрав опять дал о себе знать.

- Ты прав. Это я. И место невесты рядом с ее мужем.

- Так жаждешь вернуться к своей гибели?

- Будто если останусь с тобой станет лучше, *vyhon si*.

- Придурак? Слова ранят, лепесток. Возможно, тебе следует промыть рот с мылом. Или с волшебным эликсиром. К счастью для тебя, у меня он есть в небольшом количестве прямо... - Уильям расстегнул брюки. - Здесь. Зелье настолько сильное, что свалило Тифона.

Тифон известен как отец всех монстров. Баден схватил запястья Уильяма, чтобы остановить его от показа Катарине источника "эликсира".

- Такой подозрительный.

Мужчина цокнул и, после того как стряхнул руки Бадена, вытащил небольшой стеклянный сосуд из потайного кармана, пришитого к внутренней стороне брюк.

"Да ты изdevаешься надо мной".

Катарина отшатнулась.

- Нет. Никаких наркотиков. Пожалуйста.

Наконец, в ней проснулся нормальный человек. Баден засунул пузырек с "волшебным эликсиром" в собственный карман, бросая на нее предупреждающий взгляд.

- Никаких наркотиков. Если останешься спокойной и тихой.

* * *

Катарина подвела итоги, высчитывая ВБУ. Оставаясь спокойной и тихой, как приказали, она избежала успокоительных препаратов. Оставаясь в сознании, Катарина могла слушать разговоры, больше узнать о своих похитителях, сопротивляясь при необходимости и проследить дорогу, которой ее везли, что увеличит шансы на побег.

Хотя она дрожала, но постаралась поудобнее устроиться на сиденье. И, что оказалось еще труднее, держала свой рот закрытым остаток пути.

Наконец, водитель... темноволосая красотка с серебристыми глазами... припарковалась у оживленной обочины. Она повернулась, чтобы подмигнуть Катарине.

- Ты в хороших руках. Клянусь.

Эта тоска! Катарина хотела умереть. Чем раньше, тем лучше. Все ее близкие погибли. Полночь мертв, и не только из-за яда. Ее брат подсыпал недостаточно большую дозу для быстрой смерти, просто яд медленно заставлял органы Полночь отказывать. Ее драгоценный пес мучился от боли, ужасной боли, без надежды на спасение - так ей сказал ветеринар. Ей пришлось усыпить его во цвете лет, держа за лапу, пока он засыпал.

- Какую часть фразы "Больше ни слова" ты не поняла, Камео? - спросил Баден. - Невеста выглядит так, словно готова вынуть собственные внутренние органы и бросить их в огонь. Он действовал так, словно это голос женщины - источник проблем. Что невозможно... так?

Баден открыл дверь и обхватил рукой талию Катарину. Их взгляды встретились.

- Если побежишь, я поймаю. Если закричишь, заставлю пожалеть, что ты не умерла в церкви.

Она вздрогнула. Если какой-нибудь мужчина и сделает то, что обещал... и станет наслаждаться... то это он.

- Я не побегу, - прохрипела Катарина. - Не закричу.

Когда он "помог" ей выбраться из машины, язвительный комок вырос в ее горле. Она стала изучать окружение, запоминая детали для полиции. Множество ящиков с цветами бегонии выстроились по середине дороги, разделяющей движение, идущее на север и на юг. Дизайн зданий варьировался от средневековой готики до современного в виде коробки из хрома и стекла.

Она видела часть Манхэттена, проводя большую часть времени внутри усадьбы Алека, и понятия не имела где находится.

Баден подвел ее к единственному особняку с медными рамами окон. Швейцар беспрепятственно пропустил их через огромные стеклянные двери со словами:

- Поздравляю с бракосочетанием, сэр.

Баден проигнорировал его. Катарина молча умоляла о помощи.

Когда мужчина просто глупо улыбнулся ей, ее плечи поникли от разочарования.

Люди отстойны. Ее собаки помогли бы без колебаний.

Летнее тепло сменилось прохладой от кондиционера. Она вновь огляделась. Богато украшенный интерьер мог похвастаться красочными фресками на потолке и четырьмя трехъярусными люстрами, которые свисали в виде тысяч кристальных слезинок. Слева находилась красивая винтовая лестница, херувимы ручной работы устроились вдоль перил. Справа было множество зон отдыха разделенные огромным незажженным камином.

Люди, слоняющиеся в холле, с открытым интересом посмотрели на одетых в кожу воинов и безвкусную невесту, но только на секунду, не желая показаться грубыми.

"Не кричи, не кричи, ей богу не кричи".

- Ты можешь вести себя разумно, - сказал Баден, когда двери лифта закрылись, закрывая их внутри маленькой кабины. Одних. - Я поражен.

Его снисходительность раздражала. Смерть стала бы небольшой ценой, чтобы оплатить за сопротивление такому скоту.

- Ты можешь быть придурком. Я не поражена.

- В тебе есть боевой дух. - Он использовал ключ-карту и нажал кнопку верхнего этажа. Ключ-карта, скорее всего, запрограммировала лифт продолжать движение, несмотря на ожидающих на других этажах, потому что они ни разу не остановились, чтобы зашли новые пассажиры. - Твоя проблема в том, что ты не можешь поддержать свой дух грубой силой.

Комментарий ее только сильнее разозлил.

"Будь сильной, Катарина. - Последние слова матери эхом раздались в ее голове. - Без силы, у нас ничего не будет... мы будем никем".

"Я - личность!"

- Советую тебе, осторожнее общаться с такими как я, - добавил Баден. - Я - монстр.

- Демон, - прошептала она. Единственной его настоящей эмоцией был восторг от того, что вокруг валялись части тел мужчин. Он из тех людей, которые радовались и делали ставки, когда собаки бились насмерть.

"Сосредоточь его мысли на его цели".

- Что такого особенного в монете, которую ты ищешь?

- Я не знаю.

Ее лоб прорезали морщины от удивления. Она не так поняла его слова?

- Ты не знаешь?

- Нет.

И все же он убил дюжину людей, чтобы получить эту вещь. И даже планировал расчленить Алека.

- Объясни. Пожалуйста.

Динь.

Он направился дальше по коридору, через двери внутрь просторной комнаты с блестящим полом из темного дерева, застеленный Тибетскими коврами. Каждый предмет обстановки был старинным с уникальной резьбой в виде животного: лебедь, слон, даже крылатый лев. Шторы, висевшие на огромных круглых окнах, были подобраны к коврам, стороны откинуты, чтобы продемонстрировать тщательно продуманные витражи.

- Садись. - Баден мягко толкнул ее, и она споткнувшись об диван, слепнулась на мягкие подушки. - Оставайся на месте.

Обе команды она часто отдавала своим собакам. Ее кулаки сжали огромную юбку ее платья по бокам, сминая ткань. Она дрессировщица, а не наоборот.

Когда агрессивного пса отправляли ей для укрощения, Катарина знакомилась медленно, часто делая вид, что была одна, когда слонялась поблизости от места, где он мог наблюдать за ней, не ощущая при этом, что в его личное пространство вторгаются. Но она не позволяла ему отпугивать себя. Тогда он только набросится с большей агрессией в следующий раз при ее появлении.

Баден не был псом, но он, несомненно, дикий. Поэтому нужно применить тот же принцип. Поэтому она осталась на месте.

Баден ничего не сказал, когда она увеличила расстояние между ними. Катарина сделала вид, что разглядывает лампы, вазы и картины на стенах, каждая изображающая различный цветок.

- Ты кажешься спокойной и расслабленной, и все же я ощущаю твой ужас.

Он облокотился на край стола и сложил руки на груди.

Первое правило для выживания перед лицом диких животных: никогда не показывай свой страх.

По существу, притворяйся пока не преодолеешь боязнь.

Второе: говори мягко, но уверенно. Иначе можно вызвать враждебность.

Третье: ты получаешь то, что подкрепила, не обязательно то, чего ожидаешь.

В данном случае она проигнорировала четвертое: желания пса на первом месте.

И перескочила через пятое: выясни, что лучше всего сработает с каждой отдельной собакой.

- Как ты чувствуешь мой ужас? - спросила она мягко, но уверенно. - Я ничего не сказала.

Его резкий смешок указывал на умаление собственных достоинств.

- Поверь мне. Тебе и не надо говорить. Мои более чудовищные особенности наслаждаются им.

- Из-за более чудовищных особенностей ты думаешь, что я должна поблагодарить тебя за похищение?

- Да. Я сделал тебе одолжение, невеста. Считай это отдыхом от ужасной жизни, что тебя ожидает.

- Ты ничего не знаешь о моей жизни. Или обо мне!

Баден усмехнулся, его отвращение вернулось с полной силой.

- Ты вышла замуж за Александра Черника. Поэтому могу догадаться.

"Не знаю этого мужчину, он мне не нравится. Его мнение не имеет значения. Но..."

Что бы он сделал, расскажи она ему о собаках? Понял бы он ее обстоятельства? Помог ей? Или осудил бы?

"Никогда не скажу ему! Баден - убийца, такой же плохой как и Алек... возможно, хуже... и он может выследить ее малышей, только чтобы досадить ей.

- Твоя жадность не принесет тебе ничего кроме боли, - бросил он.

Она моргнула и посмотрела на него.

- Жадность?

- Ты жаждешь денег и власти своего мужа.

Ее кулаки сжались, а ногти врезались в ладони.

- А как же его милое лицо? Или возможность исправить его? Разве я не могу захотеть сделать из него честного человека?

- Плохой мужчина - это плохой мужчина, - сказал Баден скучающим тоном.

- Тогда для тебя нет надежды, так?

Прямое попадание. Он хмуро посмотрел на нее.

Очевидно, она зашла на опасную территорию. Катарина отступила, дерзко ухмыляясь.

- Возможно, я слишком поспешно высказалась. Может быть, я просто не знаю тебя достаточно хорошо. Пока.

Если она сможет заполучить флакон в его кармане, то получится опоить его. И она сбежит, вернется к Алеку, спасет своих малышей и скроется... на всю оставшуюся жизнь.

Ее ухмылка исчезла.

- Почему бы не заказать обслуживание в номер для нас обоих, рекнú? - Красавчик. Она ему подмигнула.- Я умираю... надеюсь, не буквально... как хочу узнать о тебе побольше.

* * *

Бадена больше не забавляли всплески эмоций девушки. Злая... и кокетливая. Все больше и больше ему не нравилось то, что она заставляла его чувствовать. Невеста посмотрела на него, словно он ее разочаровал... потому что так и было. Она считала его таким же, как и мужчину, за которого она вышла замуж... по объективным причинам.

К тому времени, как Баден закончит с сиреной, то станет намного хуже.

- Я твой похититель, - обратился он к ней, - а не спонсор.

Она была красивой, каким-то образом становясь все красивее с каждой минутой, и невеста, определенно, собиралась его очаровать. Скольких мужчин она обманула за эти годы? Скольких выжала до капли, прежде чем перейти к следующему?

Власть впереди чувств.

- Ты хочешь, чтобы я ослабла от голода? - она продолжала бродить по комнате, рефлекторно покачивая бедрами, словно маня пальчиком. "Иди сюда. Прикоснись". Он нашел в себе силы бороться. Едва. - Чтобы преодолела страх перед тобой?

- Едва ли. Я не встречал более хилой женщины.

Как легко было бы обхватить ее изящную шею и покончить с девушкой.

Или еще лучше, он мог бы прожевать ее выплюнуть.

Она обернулась к нему, ее глаза пылали от гнева.

- Я хилая, потому что настоящий мужчина смог увезти меня с собственной свадьбы?

- Да. Ты не смогла защитить себя или даже позаботиться о себе. Тебе нужен другой человек, кто сделает это вместо тебя.

Угрожать тем, у кого есть власть, презирать тех, у кого ее нет. Нравился ли ему такой тип людей?

Катарина выглядела так, словно он ее ударил. Затем она моргнула, отгоняя обиду, и скривила губы.

- Может ли какая-нибудь женщина защититься от тебя, красавчик? - она взяла вазу и взвесила ее в ладони. Решила, что из этого получится приличный снаряд? - Держу пари, ты разбиваешь сердца... и образно и буквально. Ох, и давай не будем забывать о трусиках, которые ты, скорее всего, расплавляешь

Именно. Так. Он стал твердым, как камень.

Уильям вошел через главные двери и, заметив состояние Бадена, закатил глаза. Он разразился речью о необходимых настройках в системе безопасности.

"Сфокусируйся. Принимайся за работу". Но он продолжал уделять Катарине большую часть своего внимания. Когда она что-то стащила со стола, он подошел к ней сбоку и, игнорируя боль от прикосновения к коже, разжал ее пальцы.

Она стала хватать ртом воздух, он отступил, забирая... ручку с собой. Простая шариковая ручка?

- Ладно, - сказала девушка. - Держи ее. В любом случае, я не хочу записывать стихотворение, которое сочинила про тебя.

Ложь. Она надеялась использовать ручку в качестве оружия. Глупая женщина. Она не в курсе своих собственных пределов возможностей? Ее бы вырвало при виде крови. Катарина никогда бы не осмелилась напасть на него.

- Расскажи мне стихотворение. - Приказ, а не просьба. - Я весь в ожидании.

Она ему мило улыбнулась, хлопая ресницами.

- Его красота страшна, как и его нрав. Смотрю на него, дрожь не сдержав.

Смешно. Баден наклонился, оказываясь с ней нос к носу.

- Как тебе понравится начало моего стихотворения? Я не лучше маньяка-убийцы сейчас.

Напакостишь мне и увидишь это тотчас.

Глава 5

*"Если эта ситуация станет еще отстойней, у меня случится оргазм".
- Парис, хранитель Разврата*

Катарина сохраняла спокойствие пока Баден вел ее длинным коридором. Он, наверное, воспринимал ее пассивность как очередной признак слабости. Ну и пусть. Его ошибка - ее выигрыш. Баден никогда не станет ожидать, что она начнет действовать против него. Что Катарина и собиралась сделать, через три... две... одну...

Она повисла на нем, изобразив обморок, и потянулась рукой в его карман, чтобы стащить флакон. Успех!

Она спрятала наркотики в складках платья, когда он зарычал и поднял ее на руки. Баден отнес ее в просторную спальню, рукава его рубашки приподнялись, обнажая на бицепсах металлические браслеты. Которые оказались теплыми на ощупь. Он бесцеремонно бросил ее на кровать.

Катарине удалось сохранить спокойное выражение лица и расслабленную позу, когда подскочила на матрасе.

- Веди себя хорошо, девочка, и завтра утром тебя вернут мужу в том же самом состоянии, в каком оставила его.

Раздались шаги. Дверь закрылась, запирая ее внутри. Замок зловеще щелкнул.

Она подождала одну секунду... пять... десять... прежде чем открыть глаза. Одна! Да! Она подскочила и начала метаться по комнате, ища выход. Возможно, Баден передаст ее Алеку завтра, возможно, нет. Скорее всего, нет. Катарина видела лицо похитителя и могла опознать его в полиции. Как только он заполучит монету, то убьет ее.

Окна оказались наглухо закрытыми. Ручка в балконной двери снята и замазана, чтобы помешать ей расковырять замок. Ладно. Она переключилась на другое, став искать оружие. Но все безделушки убрали. На стенах не висело ни одной картины... ничего, чем можно было бы ударить по голове. В ванной не нашлось даже швабры, чтобы использовать ее в качестве биты.

Либо он рассчитывал взять заложника и приготовился, либо она не первая его жертва похищения.

"Думай, думай". Она вертелась, разглядывая каждый предмет мебели, словно ища ответа на вопрос: "Умру я или останусь жить?". Шкаф! Полная решимости она открыла дверцы. Ощущение триумфа наполнило ее, когда Катарина увидела, что ручки прикреплены гвоздями.

План таков: использовать гвозди, чтобы выколоть глаза Бадену и сбежать.

Хотя она сломала несколько собственных ногтей и несколько раз порезала пальцы, но отвинтила два гвоздя, прежде чем щелкнул дверной замок.

Ее сердце забилось быстрее под ребрами, она прыгнула на кровать, пряча руки в складках одежды.

Баден вкатил тележку с едой.

- Ешь. Ты не должна умереть от голода на моих глазах. - Он бросил сверток одежды к ее ногам. - Кроме того, сделай нам обоим одолжение и переоденься. Я никогда не видел более уродливого платья.

Тогда он еще не рылся в шкафу, который Алек заполнил одеждой для нее.

- Мне любопытно. Какой яд ты подсыпал в еду?

Он хмуро посмотрел на нее, но попробовал каждое блюдо, прежде чем двинуться к выходу.

- Ты не хочешь поесть со мной? Мы могли бы...

Баден захлопнул дверь и закрыл замок.

Здорово! Как же она опоит его, если он отказывается проводить с ней время?

Ответ перестал ее волновать, когда запахи сахара, специй и всего остального достигли ее носа. "Не могу... сопротивляться...". Когда Катарина подошла к тележке, рот наполнился

слюной, а желудок заурчал. С моменты ее приезда в Нью-Йорк... как же давно это было... Алек, в основном, морил ее голодом.

"Нужно поддерживать фигуру".

И, она была уверена, недостаток питания к тому же делал ее слабой и одурманенной.

Слабой...

"Я не встречал более хилой женщины".

"Не нравлюсь ему, его мнение не важно".

Когда Катарина приподняла крышку одного из блюд, запахи усилились, а урчание желудка стало громче. Она обнаружила сливочную пасту с кусочками мяса краба, филе в беконе со спаржей в масле на гарнир, салат с клубникой и шпинатом и тарелку лукового французского супа. Но что её любимое? Ореховый пирог, полный расплавленным ванильным мороженым. Баден хоть и ублюдок, но с отличным вкусом.

Сначала она съела десерт, проглатывая кусочек за кусочком. Пасту постигла та же участь, и к тому времени, как она опустошила тарелку, стонала от переедания, из-за которого могла лопнуть.

Страдая от дискомфорта в животе, Катарина переоделась в новую одежду: в шорты и розовую футболку с надписью "Одобрено Уильямом". Одежда была слишком облегающей, но зато в ней легко двигаться.

Она заставит его пожалеть о подарке.

Катарина подошла к двери. Можно было бы взломать замок, как она это сделала в доме Алека, но зачем? Баден ее поймет. Возможно, у нее получится помешать ему войти, по крайней мере, ненадолго, и продумать следующий шаг без страха, что он причинит ей вред в любую секунду.

Она собралась с силами, чтобы подтащить шкаф к двери, и, наконец, ей это удалось. Не лучшая преграда, но сойдет.

Ее мозг работал, пока она вытаскивала еще один гвоздь. Учитывая, что у Бадена есть сообщники, чем больше у нее будет боеприпасов, тем лучше. Но боль в желудке усилилась, в конечном счете, на нее навалилась сильная усталость. Адреналин начал спадать, а ноги словно налились свинцом, пока не стали весить тонну каждая.

"Не засыпай. Не смей спать".

Сон, даже недолгий, сделает ее уязвимой. По этой причине она спала урывками с тех пор, как Алек появился в ее жизни.

Ее лучшая возможность сбежать? Через балкон. Положив в карман гвозди и флакон, Катарина подтащила одеяло к балконным дверям. Если ей удастся выбраться наружу, то вывесит флаг о помощи. Она обернула кулак подушкой и била, била, била. Наконец, стекло разбилось. Благодаря подвешенному одеялу, звук был приглушенным, но все равно заставил ее съежиться. Прошла минута, две, которые казались вечностью, из-за того что задержала дыхание.

Баден так и не вошел повторно в комнату. Он точно поблизости? Или ушел, оставив ее гнить?

Она удалила столько стекла, сколько возможно и протиснулась через отверстие. Горячий летний воздух превратил все пространство в духовку. Катарина встала, ожидая увидеть ограждение из кованого железа, но яркие солнечные лучи осветили шестифутовую кирпичную стену, обвитую плющом с обеих сторон. "Разрази меня гром!" Собственно, балкон полностью окружен кирпичом. Она ничего не могла увидеть, ни другую комнату или другой балкон.

Ей придется забраться по стене, чтобы привлечь чье-то внимание. "Сердце, не подведи меня сейчас". Катарина ползла вверх... еще выше... используя неровности в кладке как опоры для рук и ног. Когда, наконец, забралась наверх, то уселась на выступе и стала держаться изо всех сил.

"Не смей смотреть вниз".

Она все же опустила взгляд, и, бау, ее сердце пропустило удар. Катарина была на высоте птичьего полета. Машины выглядели муравьями, а люди точками. Если она упадет, то превратится в лепешку.

На коже выступили бисеринки пота. Она осмотрела все здание с-образной формы. Большинство окон оказалось зашторено. Несколько балконов в пределах досягаемости были только с железной оградкой, а не кирпичной. Это ей на руку. Но никто не стоял... подождите! Женщина вышла на балкон справа от Катарины.

Экстраординарная девушка лет двадцати с темными волосами до плеч, кончики подрезаны, но неровно, словно пряди ровняли кухонным ножом... и без зеркала. У нее было решительное, угловатое лицо и сильное тело. Таких предпочитает Баден? Ее черная майка демонстрировала накаченные бицепсы и черные браслеты на них. Такие же браслеты как у Бадена. Американская мода?

Обе ее руки покрывали татуировки, но с такого расстояния Катарина не могла рассмотреть рисунок.

Между губами была зажата сигарета, черный дым клубился вокруг девушки. В одной руке она держала стакан с янтарной жидкостью. В другой - бутылку.

- Мадам! - Катарина пыталась шептать и кричать одновременно, размахивая руками. - Мадам!

Глаза неопределенного цвета сосредоточились на ней.

- Potrebujem pomoc. Zavolajte policiu!⁷ - Слова спешно сорвались с ее губ. "Надо говорить по-английски. Верно." - Меня зовут Катарина Джоэль, и мне нужна помощь. Меня похитил мужчина по имени Баден. Он убийца. Позвоните в полицию...

Женщина погасила сигарету, развернулась и вошла в свой номер, закрыв за собой дверь. Не сказав ни слова.

Катарину накрыло разочарование. Одна из ее собак перепрыгнула бы через здание, чтобы добраться до нее, но человек не озадачился даже ответить?

Черт побери, и что ей делать теперь?

* * *

Пришло время заработать свое первое очко.

Баден переместился в...

Духовный мир. В коттедж у моря, судя по плескам волн и запаху соли в прохладном бризе. Обстановка оказалась скучной, стояло только самое необходимое. Диван, журнальный столик и стул. Не было ни картин, ни других украшений. Ни личных вещей, ничего, что бы делало дом уютным.

Приятная мелодия доносилась из задней части дома. Женщина напевала. Точнее, это сирена напевала. Насыщенный, магический голос донесся до Бадена и даже... успокоил Разрушение?

Уловка зверя, чтобы внушить ему ложное чувство спокойствия? Не исключено. Или хитрость сирены?

Баден не мог заставить себя волноваться об этом. Он закрыл глаза и наслаждался редкими, драгоценными минутами покоя.

Только когда лязгнули кастрюли и сковородки, его внимание переключилось. Гнев разгорелся в нем, и Разрушение зарычал. Пожалуй, это не уловка. Женщине без труда удалось отвлечь их обоих. Если она также воздействует и на Гадеса...

Неудивительно, что мужчина хотел заставить ее замолчать.

Ее, безгрешную. Вина вновь охватила Бадена.

"Не могу позволить себе проиграть". Он все еще не верил, что Гадес сдержит слово и освободит победителя, но прямо сейчас, у него не было решения. Ему нужно участвовать и выиграть время.

---

⁷ Нужна помощь. Позвоните полицию! (словацкий)

Полный решимости он прошел через весь дом. И остановился у входа в кухню, наблюдая, как женщина из его видения из пепла вытирала и расставляла посуду. Она двигалась медленно и всегда использовала обе руки... одной держала тарелку, а другой щупала шкафы, словно...

Она была слепой?

Он смотрел на нее еще несколько минут, только чтобы убедиться и решить, да, она слепа. Дважды она поворачивалась в его сторону, но ни разу не показала, ни намека на волнение. Ужас присоединился к чувству вины. Гадес ждет, что он отрежет язык слепой сирене? Нет. Определенно, нет. Есть черта, которую просто нельзя пересекать. Однажды оступившись, уже не вернешься. Не станешь тем человеком, каким был.

Что если, когда Баден вернется без языка девушки, Гадес отправит Пандору закончить работу? Зная ее, она без вопросов выполнит поручение. Гнев веками копился внутри нее. Блин! Дрянной выбор.

Сирена застыла и притихла. Ее уши дернулись.

- Кто там?

Сейчас или никогда. Он появился прямо перед ней, обхватил рукой за талию, и, пока она безуспешно била его в грудь, переместился с ней к Гадесу.

- Я не сделаю ей больно, - заявил Баден, и девушка умолкла. - Ты хотел ее язык. теперь он у тебя... вместе с телом. Если хочешь сохранить его, поклянись, что не причинишь ей вреда.

Король сидел на троне, больше в зале никого не было.

- Ты бросаешь мне вызов прямо с порога. Возмутительно.

Такой сухой тон.

- Если ты хотел преданного слугу, то следовало отдать наручи кому-то другому.

- Я хотел слугу тьмы. А получил слабака! Тебе нужно взять себя в руки. - Гадес нетерпеливо побарабанил пальцами. - Я дам тебе еще один шанс стать мужчиной. Да будет отныне известно. Гадес, князь Преисподней, одаривает своего раба Бадена очередным благом, только сегодня. Ты можешь пожелать что угодно по своему усмотрению. Свободу? Физическое тело?

Баден моргнул, и сирена исчезла из его рук. Моргнул еще раз, и она появилась, сидящей на коленях у Гадеса. Женщина так сильно дрожала, словно у нее приступ. Слезы появились в глазах и потекли по щекам, заставляя его вспомнить о слезах, которые пролила Катарина. В груди возникла боль.

Гадес нежно запустил пальцы в волосы девушки, не отрываясь, смотрел на Бадена.

- Я возьму ее язык. Если ты не используешь свое благо, чтобы остановить меня.

Ярость... его собственная. Еще больше вины. Беспомощность. Все навалилось на него.

- Подумай хорошенько, - добавил Гадес. - Ты не знаешь, какие преступления совершила эта женщина против меня.

"Что дает тебе право быть судьей, присяжным и палачом?"

- Отпусти ее, - процедил он сквозь стиснутые зубы. - Поклянись не вредить ей и не позволять кому-то еще навредить ей.

Гадес приподнял бровь.

- На это ты потратишь благо? Уверен?

"Нет. Нет!"

Он кивнул, подтверждая, чем вызвал вздох князя.

- Будь я проклят, - ответил Гадес. - Ты первый из моих рабов, кто так поступил.

Другие тоже носили наручи? Что с ними случилось?

Проблеск надежды. Этими несколькими словами князь открыл больше, чем желал. Этот факт Баден использует в свою пользу. Он найдет ответы... и станет действовать.

Дни Гадеса, в качестве его хозяина, сочтены.

- Я в тебе разочаровался, - бросил Гадес. - Однажды ты поймешь, что люди не такие, какими кажутся. Не так ли, сирена?

Ее слезы высохли, и она рассмеялась.

- Bay. Ты действительно напыщенный осел. Дай мне встать. В этой позиции мне неудобно.

С нежной улыбкой Гадес отпустил ее. Она хлопнула его по плечу, затем встала. Ее взгляд оставался расфокусированным, когда она спускалась по ступеням возвышения, молча считая.

Бадена накрыло понимание. Она была слепа, но далеко не безгрешна. Сирена оказалась чертовски коварной.

- Что ты сделаешь, если я ударю ее кинжалом? - спросил Баден.

- Он ничего не делает, - ответила женщина за князя. - Я остановлю тебя.

- Она одна из моих лучших бойцов.

Теперь в голосе Гадеса звучала гордость.

"Люди не такие, какими кажутся..."

Уловка. Это всего лишь уловка.

- Подожди меня в покоях, - сказал ей Гадес.

- Да, да. Я знаю это упражнение.

Баден зарычал на нее, когда сирена проходила мимо. Она ощутила его гнев и беззастенчиво показала средний палец, когда прошла через дверь.

Все поручения Гадеса пустышки? Или их тестируют? Что на счет Александра и медали?

Нет, не тест. Баден не уловил ни тени страха от сирены, но Александр фонтанировал эмоциями с самого начала.

Гадес хотел, чтобы он выполнял приказы, не зная причин, не понимая, что реально, а что уловка. Возможно, так Баден не заинтересуется сохранить что-то или кого-то себе.

Ну, он станет рассматривать каждую задачу как наиважнейшую. Будет смотреть и учиться. И подловит момент... найдет способ победить Пандору и Гадеса.

- Ты допустил серьезную ошибку сегодня, Князь.

Он выплюнул его звание, как проклятье.

- Или узнал о тебе больше, чем тебе удалось узнать обо мне? - Гадес ему улыбнулся. - Сегодняшние уроки были бесплатными, Рыжик. Следующие будут стоить тебе очень дорого.

* * *

Катарина лазила по балконной стене всю ночь... утро... проклиная высокую кладку из кирпичей, которая закрывала обзор, надеясь привлечь чье-нибудь внимание. Все это время она прислушивалась, не идет ли Баден, чтобы спрыгнуть вниз и нырнуть в постель, когда он прорвется через преграду. А когда подойдет ближе, Катарина, наконец, пустит в ход гвозди.

Пока она сидела на балконной стене, наверное, уже в тысячный раз, крепкая рука обхватила ее лодыжку и дернула. Катарина приземлилась на не менее крепкую грудь. Раздалось шипение... его она узнала... и сильные руки поймали ее.

Баден здесь!

Он заревел, как рано разбуженный от спячки медведь гризли, когда поставил ее подальше от себя. Его черты лица исказились от... отвращения?

Определенно отвращение. Это его любимая реакция на нее.

- Куда-то собралась, невеста?

Ее кровь застыла. "Держи себя в руках".

- Просто осматриваю достопримечательности, kretén.

Мудак.

- И снова этот грязный рот.

Солнечный свет упал на него, наплевав на опасность, которую он излучал. Или тьму внутри.

Хотя, можно ли винить солнце? Баден привлекательно пах. Словно зажгли медовые с корицей свечи в сердце полуночи. Восхитительно и соблазнительно... распутно.

Убийца не мог так пахнуть.

- Ты хочешь эликсира? - спросил он.

- Нет.

Вскоре он поймет, что уже не владеет флаконом
"Ударь. Сейчас же!"

Молниеносным движением он вытащила гвозди из кармана и вонзила в его шею. Вновь зашипев, Баден оттолкнул ее. Катарина отшатнулась и врезалась в балконные двери... закрытые балконные двери. Они распахнулись от удара, и она ввалилась в комнату, припечатавшись в стену. Звезды засверкали у нее перед глазами.

- Не прикасайся ко мне, - рявкнул он. - Никогда.

Она ему настолько противна?

Когда Катарина отышалась, то сказала сухим тоном.

- Но пытаться навредить тебе можно?

Он вырвал гвозди из кожи, ни капли крови не вытекло из раны. Вместо этого вытекло... моторное масло?

- Ты пыталась сопротивляться единственным возможным способом. - Его голос прозвучал удивленно. А затем раздраженно. - Не пытайся снова.

Дрожа одновременно от удивления и от страха, она неуклюже встала на ноги. Он взглядом прошелся по ее скучной одежде и недоброжелательно выдохнул. Затем внезапно проявил заинтересованность.

Кто-то включил обогреватель? Потому теперь на ее коже выступил пот.

- Ты отведешь меня к Алеку?

Мaska безразличия вновь застыла на его лице.

- Нет.

- Но почему? Наступил новый день. Он мог уже приготовить монету для тебя. - Но не станет. Вместо этого соберет армию. - Не хочешь получить свое сокровище? Ты так упорно старался ради этого...

Баден взъерошил волосы пальцами, оставив пряди торчать во все стороны. Разве мог он стать еще сексуальнее?

Должно быть, стыдно из-за этого замечания!

- Я хочу ее, - ответил он, - но не желаю, чтобы Гадес заполучил монету. Поэтому Александр может подождать.

- Гадес это...

- Не тема для обсуждения.

В любом случае, ее не интересовало. Отвлеченный Баден лучше чем разозленный. На первый взгляд, он мог показаться спокойным. Но присмотревшись, Катарина заметила, что его зрачки расширены, а взгляд дикий. Мышцы на руках напряжены, так что браслеты сильно впиваются в бицепсы.

- Ты работаешь на Гадеса, но на самом деле недолюбливаешь его? Почему бы тебе не уволиться и...

Он сложил руки на груди. Предупреждение?

- Понятно. Твоя взяла, - ответила она. - Давай поговорим о чем-нибудь другом за выпивкой, согласен?

После минутного колебания Баден кивнул на дверь спальни. Дверь все еще была заблокирована шкафом.

Она вопросительно на него посмотрела.

- Как ты попал внутрь?

Тайный ход?

Молча он прошел мимо нее и отпихнул шкаф в сторону одним движением руки. Какая сила! Ее сердце забилось быстрее, когда она вышла в коридор и повторила путь, которым он провел ее прошлой ночью, но в обратном направлении, завернула за угол и вошла в знакомую гостиную.

Катарина остановилась у бара, держась спиной к Бадену, пока наливалась два стакана виски... и украдкой вытащила флакон, затем вылила содержимое в бутылку, а не бокал. Существовала вероятность, что Баден не примет напиток, который она ему предложит, но еще выше вероятность, что не откажется налить себе сам позже.

Когда она осушила свой бокал, то наткнулась на Бадена и протянула ему другой. Он покачал головой. Пожав плечами, она выпила и второй. Алкоголь обжег горло, но осел в желудке, словно растопленный мед, всего лишь согревая.

- Где твои друзья? - спросила Катарина.

Он так свирепо посмотрел на нее, словно размышлял ответить ей или задушить.

Сохраняя спокойное выражение лица, она его оглядела. На нем была все та же забрызганная кровью одежда, что и вчера. Он спал в ней или заставил себя бодрствовать, как и она? Возможно, последнее. Черты его лица были так напряжены, что у нее появилось чувство, будто Баден вообще никогда не спал, бедняга.

Подождите. Бедняга? Она ему симпатизирует?

Нет, о нет. Недопустимо! Но это заставило ее задуматься... что превратило его в холодного, расчетливого монстра?

Наконец, он ответил.

- Остальные закупают необходимое.

Она ощущала сладкое томление в желудке? Оно исчезло.

- Веревку? Ножи? Брезент, чтобы защитить мебель от брызг крови?

- Монополию. Страну конфет. Дженгу.

Баден сел в кресло напротив дивана, цветочная ткань каким-то образом подчеркивала его впечатляющую мужественность.

- Настольные игры? - Катарина решила остаться стоять, сохраняя доминирующее положение. - Для детей?

- Очевидно, я скучный. И неокрепший. Стоило мне вернуться из... - костяшки его пальцев побелели, когда он сильно сжал подлокотники. - Неважно. Остальные ушли.

Это сжимание... знак того, что друзья обидели его?

Как печально.

Нет. Не печально! Не печально! Новый план появился в голове. «Веди себя с Баденом любезно, установи с ним одностороннюю связь, заручись, что он сдержит слово и не навредит ей, затем спасайся, освободи собак и беги».

Действуй согласно шестому правилу дрессировки: общение должно быть коротким и приятным.

И седьмому: всегда заканчивай на позитивной ноте.

- Давай познакомимся поближе, - сказала она, изображая восторг, - и я решу, скучный ты или нет.

- Твое мнение едва ли важно. Мы посидим в тишине.

"Не нравлюсь ему".

- Бедняжка. Я очень хороший собеседник, и ты боишься, что придется приложить усилия, чтобы не ударить в грязь лицом. Я понимаю.

Он сжал губы.

- Тебе удавалось заткнуть за пояс Александра?

- Прошу тебя. Я моргала, и он прибегал. - Это было правдой. К сожалению. - Ты не считаешь меня сильнее и умнее Алека? Разве можешь сопротивляться моему обаянию?

Он провел языком по зубам и резко встал. Когда Баден приблизился к бару и налил себе выпить, то избегал смотреть ей в глаза.

Расцвела надежда. Наконец! Что-то идет так, как ей нужно.

- Что ты хочешь знать обо мне? - он вернулся в кресло с полу наполненным стаканом. - Почему ты хочешь это знать?

Чувства предвкушения и восторга разгорелись в ней, но она попыталась их скрыть.

- Почему? Я любопытное создание. Что? Не единожды ты и твои друзья говорили о людях так, словно не относите себя к ним. Светловолосый мужчина...

- Торин.
  - Торин даже сказал, что ты на порядок лучше. Демоны не лучше. Баден так и держал стакан, не сделав и глотка. "Не пьялься. Ты не должна выглядеть слишком нетерпеливой".
  - Я понимаю, что ты монстр не в буквальном смысле, - бросила Катарина. Она слишком зациклилась на словах?
  - Так ты думаешь, мы... кто? - спросил он. - Психи?
  - Нет причин лгать.
  - Да. Но кем вы считаете себя?
  - Бессмертными.
  - Она грубо рассмеялась.
  - Как вампиры? Оборотни?
  - Современная киношная фантазия.
  - Если бы я был кровопийцей, то уже осушил бы тебя. Будь я волком, то приковал бы к кровати и использовал как шлюху стаи. Ты бы назвала это kurva jebat.
  - В его тоне не промелькнуло ни искорки веселья, и, прорезвев, Катарина поняла - он искренне верит в свои слова... верит, чтоочные твари существуют.
  - Я никому не скажу, - бросила она, поднимая правую руку. В фантастических мирах потусторонние хищники предпочитали скрывать своё происхождение, часто убивая тех, кто узнавал правду. - Клянусь.
  - Можешь рассказать, кому захочешь. Тебя сочтут сумасшедшей. Безумной.
  - Баден пожал плечами и залпом осушил бокал.
  - Облегчение накрыло ее, прохладное и приятное. Она ждала, внимательно наблюдая, когда подействует успокоительное, но ничего не менялось.
  - Правило восьмое: отвлеки при необходимости.
  - Убеди меня. Расскажи о своей жизни.
  - Опять же, почему меня должно это беспокоить?
  - Потому что мне бы очень хотелось услышать твою историю?
  - Это недостаточный повод.
  - Так... чего ты хочешь?
- В его глазах вспыхнул огонь. Баден резко выдохнул, словно остался недоволен ходом своих мыслей. Или, возможно, был слишком доволен. Его штаны вдруг натянулись.
- У Катарины во рту пересохло. Она сцепила руки, сложив их в молитвенном жесте.
- Просто расскажи мне. Очень прошу. Пожалуйста!
- Призыв... после которого выражение его лица смягчилось.
- Многие века я жил на горе Олимп, охраняя Зевса. Уверен, ты слышала о нем. Все слышали. Я и мои друзья сильно обиделись, когда он поручил защищать свое величайшее сокровище, Ларец Пандоры, женщине. Тебе известно оно под названием ящик Пандоры. Чтобы наказать Зевса, мы выкрали Ларец, открыли его и выпустили демонов.
- Подождите, подождите, подождите.
- Demонов?
- Резкий кивок.
- Он решил покарать нас и проклял, сделав наши тела вместилищами для демонов. Я получил Недоверие, хотя и избавился от него в тот день, когда меня обезглавили.
- Она фыркнула.
- Обезглавили? И все-таки ты здесь, живой и невредимый.
  - Живой, да. Невредимый, нет. Я не бессмертный и не человек, всего лишь оболочка. В мире есть духи, и как видишь, мой дух хорошо сохранился.
  - Ты называешь себя призраком?
  - В некоторой степени. - Он поставил стакан на столик сбоку, к ее разочарованию, его рука не дрогнула. - Я провел последние четыре века в ловушке внутри тюремной реальности. Пока несколько недель назад меня не освободили, как тогда демонов из шкатулки.

- Демоны, - повторила она глухо. Катарина всегда верила в сверхъестественное. Мир людей и животных такой удивительно сложный, такой совершенный и такой продуманный в плане замысла, что она понимала - Бог есть... и если есть Бог, то были и ангелы-хранители.

Ее ангел-хранитель в отпуске. Определенно.

Кроме того, Катарина видела столько зла, что верила в существование демонов, которыми управляет дьявол. Но... но...

Баден не бессмертный. Не мог им быть. Такие вещи не случаются с такими людьми как она. Нормальными. Обычными.

- Почему же ты теперь не смеешься, невеста?

Ее глаза сузились. Он смеет издеваться над ней.

- Возможно, я была слишком занята, задаваясь вопросом, собираешься ли ты свалить все свои преступления на демона.

- Нет, - ответил он, удивив ее. - Я больше не одержим. По крайней мере, не демоном. Не уверен, что живет внутри меня сейчас. Что-то темное... зверь, называющий себя Разрушение. Но я не виню его за произошедшее в церкви. Это был мой выбор. Я спускал курок. Орудовал клинком.

Зверь? Разрушение?

- Ты ранил людей в церкви с такой легкостью. Предполагаю, что насилие не новая область знаний для тебя, неважно признаешь или нет.

- Нет, это для меня не ново. Но иногда особенно сладко.

Холодные пальцы страха пробежались по ее позвоночнику.

- Чем больше зла совершаешь, тем большим злом становишься, - высказалась Катарина. На мгновение закрыла глаза и вспомнила себя в безопасности в объятиях Питера. Девушку со светлым будущим. Счастливую. Поддающую надежды. - Что твоя девушка... жена?.. думает об этих наклонностях?

- У меня нет женщины, которую мог бы назвать своей. Ни одна недостаточно сильна, чтобы справиться со мной.

"Без силы, у нас ничего не будет... мы будем никем".

- Сила - это единственное требование к паре?

- Да. - Баден нахмурился. - Нет. Я не нуждаюсь в паре. Я слишком опасен.

Он отвел взгляд и посмотрел куда-то за нее. Затем побледнел, его глаза загорелись красным. Нет, нет. Они налились кровью, вот и все. Ужас от ситуации... и его заявления... повлияли на ее восприятие.

На лбу Бадена выступил пот, когда тело начала сотрясать дрожь. У него паническая атака? Или он сражается с тем, что зовется зверем?

Она уже размышляла над тем, чтобы утешить его, но не знала, как это сделать, не прикасаясь к нему.

- Пой, - прохрипел Баден. - Начинай петь сейчас же.

Она хотела огрызнутся в ответ на его резкий приказ, но вместо этого послушалась. Катарина часто пела собакам, когда они становились злыми. Как правило, они успокаивались. Спустя несколько минут, красный цвет в глазах Бадена стал тускнеть. Он облегченно выдохнул, щеки опять приняли естественный цвет.

Баден потер висок, словно отгоняя боль. Или голос, который не мог заставить замолчать. Наркотики, наконец, подействовали? Она облизнула губы, внезапно занервничав. Если он заподозрит...

"Отвлеки его".

- Ну. Моя очередь делиться. - Прежде чем он прикажет ей замолчать, Катарина начала: - Я выросла с отцом-американцем. Он был черным. А моя мать из Словении была белой как снег. Большинство людей приняли нашу семью, но нашлись и те, кто не смог. Я много раз ввязывалась в драки с этими несогласными. В школе приходилось бить-пригибаться-замедляться-выпрямляться. Папа говорил, что мы не можем бороться с огнем с помощью огня. Надо использовать воду.

- У меня... нет матери.

Баден быстро моргнул и наклонил голову в сторону. Его глаза медленно закрылись и больше не открывались, тело завалилось вбок.

Что значит, у него нет матери?

Разве это важно? Сейчас лучшее время для побега. "Оставайся спокойной. Сосредоточенной". Катарина бросилась к входной двери, по пути ища оружие. Ни ножей, ни пистолетов. Ладно. Она пойдет с тем, что есть. Ее руки дрожали, когда она нажала на замок. Петли заскрипели, когда дверь распахнулась.

Дзынь. Двери лифта раскрылись. Из кабины вышла темноволосая женщина, которая курила сигарету на соседнем балконе. С большой перекинутой через плечо сумкой она направилась к Катарине.

В конце концов, люди не пустая трата места. Женщина пришла помочь.

- Спасибо! - Катарина остановилась перед ней. - Нам нужно предупредить...

- Где Баден? - спросила женщина скрипучим голосом. Как и у Бадена, у нее присутствовал едва заметный греческий акцент.

Акцент... браслеты...

Беспокойство затмило чувство восторга.

- Там. Спит. Я напоила его.

Женщина довольно улыбнулась.

- Ну, ну. А ты полна сюрпризов?

Катарина вцепилась в ее запястье и потащила назад к лифтам.

- Пойдем. Мы должны предупредить власти. Они занимаются...

- Нет. Они так не поступают. А я да.

С этими словами женщина ударила Катарину в лоб.

Она отшатнулась, возникли боль и головокружение. Ее последней мыслью, прежде чем темнота поглотила, было: "Только я могла сбежать от убийцы и попасть в еще худшую передрягу".

Глава 6

"Украдем Ларец, сказали они. Будет весело, сказали они".
- Баден, сосед Разрушения

Баден боролся с тягостной позорной вялостью, Разрушение выкрикивал ругательства где-то в голове. Очевидно, Катарина подмешала ему наркотики и сбежала.

Она так слаба физически, но так сильна духом. Катарина доказала свои ум, находчивость и хитрость. Он недооценил ее. Этого больше не повторится.

Баден почти... восхищался ею сейчас. Почти.

Врагов нужно наказывать быстро и жестоко.

Разрушение впечатлить не так легко.

Только несколько минут назад зверь бесновался внутри головы Бадена... разговор о родителях заставил его вспомнить о матери, Иезавель. Ведьма, которая правила частью Преисподней до Гадеса. Сука, которая продала Разрушение одному из (бывших) князей... мужчине, что запер его в подземелье много веков назад.

Сирена заглушила воспоминания своим голосом, поэтому Баден приказал Катарине петь. Она не сирена, даже частично, и все же вызвала более сильную реакцию. Зверь не просто успокоился, он замурлыкал, полностью удовлетворенный.

Она имела власть над ним. Еще одна причина, из-за которой Катарина должна умереть.

Уши Бадена дернулись, когда входная дверь открылась. Ботинки прогрохотали по полу. Шаги слишком тяжелые, чтобы принадлежать Катарине.

Затянувшаяся напряженная пауза оборвалась после усмешки, которую он узнал. Пандора нашла его.

Должно быть, она встретила Катарину на площадке у лифтов. Пандора навредила человеку, чтобы добраться до него?

Баден рвал и метал, а зверь притих.

Пандора цыкнула.

- Видимо женщины твой криптонит⁸, мой друг. Они второй раз становятся причиной твоей смерти.

Угрожает? - спросил Разрушение. Он не был уверен?

Баден изо всех сил боролся с вялостью, его нервные окончания начали покалывать, а затем вернулись к жизни.

- Помнишь чувство, как лезвие рассекает твою шею? - спросила она, поддерживая дискуссионный тон. - Не беспокойся, если нет. Я напомню тебе.

Что-то тяжелое упало на журнальный столик. Ему удалось приоткрыть веки, когда Пандора открыла молнию.

Угрожает! - заревел Разрушение. - *Нужно ликвидировать.*

- Когда я закончу с тобой, - продолжила Пандора, роясь внутри огромной спортивной сумки, - то убью твоих друзей. И заставлю их страдать.

Если бы она нацелилась на Бадена, не очень хорошо, но можно забить. Пусть встанет в очередь. Но желать убить его братьев и сестру? Это слишком!

Зверь заревел громче.

Она беспечно продолжила.

- Ты и другие... вы не просто отобрали у меня ларец, не просто прикончили меня. Вы разрушили мой единственный шанс на... - Пандора поджала губы, ее ноздри раздувались.

Ее единственный шанс на что? За все проведенные вместе годы она никогда не раскрывала тайн своего прошлого.

Она с лязгом соединила разные металлические детали, создав работающую на аккумуляторах цепную пилу. Когда нажала кнопку, Пандора улыбнулась, мотор взревел, лезвия начали вращаться.

⁸ название вымышленного химического элемента, который делал Супермена слабым

Она пришла позабавиться.

Ярость поглотила его, ручейки от черных наручей разъедали его кожу, разрывали вены и зарывались глубоко в кости, заставляя их расширяться. Тем временем Разрушение бился о его грудь... грудь, которая тоже расширялась. Неестественная сила охватила его, темная и пьянящая, такого Баден еще не испытывал, словно зверь захватывал его тело.

Зверь захватил его тело.

Пандора оглядела его и нахмурилась.

- Как ты... неважно. Давай догадаюсь. Наручи делали странные вещи и со мной. Боюсь, твоя реакция немного запоздала. - Она подняла пилу над головой. - Прощай, Баден. Я бы сказала, что было приятно познакомиться, но никогда не лгу.

Он подвигал челюстью, обретя голос.

- Что на счет предупреждения Гадеса?

- Если убью тебя, то подпишу себе смертный приговор, так тому и быть. Она шагнула к нему, но он вскочил и занес ногу, чтобы ударить ее по лодыжкам. Пандора шлепнулась на задницу, потеряв дыхание, ей удалось удержать цепную пилу, даже когда лезвие рассекло деревянный пол, и опилки разлетелись во все стороны.

Он схватил ее за ногу и повернул, жестко, ломая кости лодыжки и опрокинул ее. По крайней мере, на мгновение. Она вскрикнула, и затем замахнулась на него бензопилой. Цель: его шея. Он поднырнул и, когда представилась возможность, удалил ее тыльной стороной ладони, заставляя, наконец, выпустить оружие.

Цепная пила упала, мотор заглох.

Он встал, когда она наклонилась, ее волосы торчали во все стороны, словно Пандора сунула пальцы в розетку. Клыки выдвинулись на нижнюю губу, из ее горла вырвалось слабое рычание. Такие зубы это что-то новенькое, они были больше чем у вампиров и меньше чем у медведя-оборотня. От наручей Пандоры струились такие же черные линии, как и у него, но ее переплетались с множеством бабочек, вытатуированных на ее предплечьях.

Когда Баден и другие стали одержимы демонами в первый раз, на их телах появились татуировки бабочек. Одинаковые по форме, но у каждого они располагались в разных частях тела и имели различные цвета. Пандора сама нанесла себе татуировки, каждая из которых олицетворяла одного из демонов. Насилие, Смерть, Боль, Сомнение, Гнев, Ложь, Секреты, Поражение, Разврат, Бедствие, Болезнь, Зависть, Ложная Надежда и Недоверие. Были и другие демоны, но их поместили в бессмертных, запертых в Тартаре. Тюрьме для худших преступников.

Пандора не имела претензий к тем пленникам, только к тем, кто выкрад ларец.

Бабочки стали списком убийств.

Она угрожает.

"Да. О, да".

- Где человеческая девчонка? - потребовал он ответа.

- Она отдыхает у лифтов. А что? Надеялся, что она придет тебе на помощь?

- Сегодня в опасности только ты. - Гадес не накажет его за самооборону. Разве он может?

- Ты совершила большую ошибку, придя за мной. - Зверь уже представлял, как лучше покончить с ней. Воспользуется цепной пилой, чтобы отрезать конечности... затем голову.

- Тебе следует сосредоточить свои усилия, чтобы заработать первое очко.

- Как очаровательно. - Она обошла его, леденящий оскал становился шире. - Ты не в курсе. Я уже заработала свое первое очко.

Баден сжал руки в кулаки, когда повернулся к ней. Пандора впереди, а он плется в хвосте? Недопустимо!

- Наслаждайся лидерством, пока можешь, skýla. - Сука. - Это не продлится долго. Ты слаба. - Он задел ее самолюбие, полный решимости вызвать гнев, сделать уязвимой. - Ты всегда была слабачкой. Я помню, как Хайди убила меня, да... но также помню, как легко было украсть у тебя Ларец. Помню, как Мэддокс сильно ударил мечом и погрузил клинок

в твой уязвимый живот шесть раз. Ты была совершенно беззащитной, не могла остановить его. Ты не могла даже...

Проклиная его, Пандора замахнулась на его голову. Когда он блокировал ее кулак ладонью, она замахнулась другой рукой, целясь в горло. Баден откинулся назад, избегая удара, пока ловил ее второе запястье. Одним движением он заставил ее развернуться, что позволило ему прижать руку Пандоры к ее спине.

- Видишь? Слабачка, - прошептал Баден ей на ухо.

- Ублюдок!

Разрушение засмеялся, когда Баден обхватил рукой ее шею, чтобы прижать к себе. Силы, с которой он давил, достаточно, чтобы придушить кого-нибудь еще.

- Мудак, - удалось ей прохрипеть.

Резкая боль пронзила его бедро, прежде чем нога полностью отнялась. Баден отпустил Пандору, отступая назад. Рукоять кинжала, наконечник которого был обмазан ядом, торчала прямо над коленом.

- Я вырву тебе...

Из коридора донесся болезненный стон, заставляя его замолчать и переключить внимание. Катарина очнулась.

- Первое убийство за мной, - с наслаждением произнес Торин. Затем взвел курок.

Его друзья вернулись.

Пандора напряглась. Баден выдернул кинжал, и во второй раз после возвращения из мертвых у него пошла кровь. Но не такая как раньше, а густая и черная. Он мог только догадываться о причине: из-за зверя, который все сильнее оживал с каждым прошедшим днем.

Сопровождаемый непристойными ругательствами Разрушения, Баден замахнулся клинком. Пандора ушла влево, но недостаточно быстро. Лезвие задело плечо. Она бросилась к окну, прыгнула... нырнула. Стекло разбилось, теплый воздух ворвался в гостиную.

Он помчался вслед, увидев, как она оставила черные разводы за собой. Пока Пандора летела все ниже и ниже, то использовала отводной провод, чтобы замедлить падение. Качнувшись вперед, она влетела в середину здания через окно.

Баден хотел броситься в погоню, атаковать, но желание защитить Катарину... ключ к первому очку... оказалось сильнее.

Уильям перекинул ее через плечо.

- Где ты хочешь ее разместить?

Торин и Камео стояли по бокам от него, с оголенным оружием наготове. Баден хотел облегчить их жизни, а пока только добавил проблем.

- На диване, - бросил он. Место преступления.

- Никого не надо убивать? - надулся Торин. - Я всегда пропускаю все веселье.

Уильям бросил Катарину поверх диванных подушек. Когда она перестала подпрыгивать, Баден заметил большую шишку на лбу. И понял, откуда это. Пандора ударила ее в голову. Нахмурившись, Баден толкнул Уильяма в плечо.

- Будь с ней осторожнее. У нее может быть сотрясение мозга.

- Теперь это абсолютно не моя проблема, так ведь?

Камео слегка подбросила пистолет, поймала за рукоять и ударила им Уильяма. Когда он выругался и потер свежую рану, она сказала:

- Считай это своей проблемой с этого момента. Я позабочусь, чтобы любая полученная ею травму появлялась и у тебя.

Баден и Разрушение вздрогнули в унисон.

Заметка для себя: "Беруши - мои лучшие друзья". Он не представлял, как Камео жила со своим демоном. Каждый раз, когда она переживала моменты счастья, которые могли бы изменить ее жизнь к лучшему, демон стирал память, гарантируя, что ее всегда будет окружать тьма.

Без света... надежды... пропадало желание жить. Об этом Баден знал не понаслышке.

- Ты хуже моих детей, - пробормотал Уильям. - Знаешь это, так ведь, Кам?

У мужчины было четверо детей. Три сына и одна дочь. Дочь убили несколько месяцев назад, и сыновья теперь в эпицентре жестокой войны с семьей ее убийцы. В войне, где семье убийцы не победить. Уильям был отцом Владников Апокалипсиса.

Камео... к счастью... пожала плечами.

Торин убрал пистолет в кобуру и поднял разорванную коробку.

- У кого-нибудь есть Монополия? Издание M&M's. Бродячие собаки возле отеля использовали его как игрушку, но думаю, мне удалось спасти большую часть... Еще больше бродячих собак?

Катарина застонала, прежде чем приняла вертикальное положение. Задыхаясь, она испуганно осмотрела комнату. Ее взгляд встретился с взглядом Бадена, и Катарина передвинулась на край дивана, выставив руку перед собой в защитном жесте, словно ожидала его атаки.

- Женщина, - сказала она. Большинство ее волос выбилось из прически, и теперь длинные темные волны обрамляли лицо. Его нутро сжалось от вида этого беспорядка. Такая хрупкая... слабые быстро умирают... но чертовски красивая.

Разрушение зарычал на нее, но не стал вновь требовать ее смерти.

- Это Пандора, о ней я тебе рассказывал, - бросил Баден. - Она - мой враг.

- Так вот кто напал на тебя? - засмеялся Торин. - Bay. У девчонки есть яйца, это точно.

Баден хмуро посмотрел на него.

- Она собиралась убить меня, чтобы вывести из игры, прежде чем пришли остальные.

Уильям кивнул, впечатленный.

- Это не такая уж и плохая стратегия.

- И, - добавил Баден, желая что-нибудь ударить, - у нее уже есть первое очко.

- Очко? - спросила Катарина. - В какую игру вы с ней играете?

Нахмутившись, он посмотрел на нее. Любой другой человек испугался бы. Она же, теперь уже знакомым действием, просто приподняла подбородок, отказываясь отступать. Смело, но глупо. Просто еще одна слабость.

- Темную и опасную. В конце тот, у кого больше очков, останется жить, а остальные умрут. Как вскоре и ты. Поскольку отравила меня, - отрезал он.

Катарина вздрогнула.

- Если ты рассчитывал заполучить пассивного узника, то тебе следовало выбрать кого-то другого.

Он бросил подобные слова Гадесу.

"Я не похож на князя. У меня есть границы".

Легче сказать.

- Человек опоила тебя? - Торин рыкнул с еще одним смешком. - Чувак. Тебе стыдно? Потому что мне стыдно за тебя.

- Словно у тебя есть право так поговорить. - Уильям толкнул его в плечо. - Твоя девушка неоднократно обводила тебя вокруг пальца.

- Да, но я был очень непослушным мальчиком. Начинал мировые эпидемии, и мне нужно было преподать урок.

- Эпидемии? - ахнула Катарина.

Уильям подмигнул ей.

- Не волнуйся, милая. Если он прикоснется своей кожей к твоей, ты заболеешь... но сможешь вылечиться, посасывая его...

Баден ударил его в челюсть, заставляя замолчать.

- Она достаточно знает о нашем мире. И мне нужно кое-что сделать. - Чувство неотложности подгоняло его. У него все еще ни одного очка. - Я отведу ее к жениху. Дай мне твои перчатки, - обратился он к Торину, уже ненавидя барьеры, которые будут препятствовать контакту его кожи с ее.

При касании тепло ее плоти дразнило его, даже вызывало муки.

Друг понял его страдания лучше, чем другие, и без возражений снял кожаные перчатки.

Баден надел одну, затем другую, защитив обе руки, прежде чем протянуть ладонь Катарине.

- Пойдем.

Она нетерпеливо встала, сжав пальцами его руку.

- Такое стремление вернуться в ад.

Его охватило темное чувство... что-то накрыло его. Не ревность. Это не она.

"Она средство к достижению цели, ничего более".

- У меня свои причины, - прошептала она.

- Конечно, свои. Деньги, власть и покровительство.

Баден резко притянул ее к себе, обхватил талию руками. Нерушимые оковы. Катарина ахнула, и он задался вопросом, такие же звуки она произносит, когда отдается своему мужчине. Бесподобное удовольствие заполучить ее.

Разрушение бродил в его голове, становясь все более и более беспокойным с каждой секундой. Она посмотрела на него сквозь густые ресницы... и оба, он и зверь, потеряли концентрацию. От нее повеяло легким ароматом ванили. Восхитительным. Съедобным.

"Должен попробовать ее..."

В мире так много зла, красивое нужно оберегать.

- Это уже неловко, да? - спросил Уильям, разрушая чувственность момента.

- Определенно, - сказал Торин, когда Катарина покраснела.

Камео сделала всем одолжение и просто пожала плечами.

Баден окинул их взглядом.

- Замените окна и двери и ждите меня в крепости, в Будапеште. Я вернусь, как только смогу.

Торин мгновенно стал серьезным.

- Собираешься навестить Александра в одиночку? Не уверен, что это умно, мой друг. Он будет вооружен и привлечет еще больше охранников, гарантировано.

Не человека достаточно сильного и быстрого, чтобы обезглавить Баден и вырвать ему руки.

- Я буду в порядке.

Уильям сжал его плечо.

- Твои причины избегать Будапешта все еще актуальны. Не забывай. И если решишь явиться, держись подальше от Лиса. Это плохо отразится на твоем здоровье и всем остальном.

Почему ему нужно обходить стороной лису?

Он еще сильнее прижал Катарину к себе, от чего появилась острые боль в груди и ноющая в паху. Баден проигнорировал обе. "Не могу хотеть ее. Не захочу ее". Соблазнительница, которая использует своего мужчину, в конечном счете, предаст его.

- Если ты собираешься нести меня, - сказала она, - то можешь отпустить. Я умею ходить.

- Я не понесу тебя, и мы никуда не идем. И не тебе отдавать приказы. Из нас двоих, только я отдаю распоряжения. Для твоей же безопасности, а не для моего удовольствия.

- Уверена. Это оправдание использует каждыйственный человек. - Катарина уперлась ладонями ему в грудь и оттолкнула... без результатов. Нахмутившись, она рявкнула, - не понимаю, как можно где-то оказаться, стоя на месте.

- Тебе не нужно понимать. Закрой глаза.

Одно качание головой.

- Нет.

- Я сказал... - неважно. Упрямая женщина сможет справиться с последствиями. Рейеса и Гидеона всегда рвало после перемещения. Парис терял сознание. - Тогда держи глаза открытыми.

- Обратная психология? Милая попытка, - пробормотала она. - Я никогда намеренно не стану уязвимой.

И все же она такой стала, выйдя замуж за Александра. Возможно, существовало что-то еще - какие-то обстоятельства - чем он понимал, как она утверждала. Возможно, нет. Это не имеет значения. Скоро Катарина исчезнет из его жизни навсегда.

Факт, который радовал его. Сильно.

Он представил в голове Александра. В один момент он стоял в пентхаусе с Уильямом, Торином и Камео, в следующее оказалось в каком-то подземном бункере, роскошно обставленный мягкими коврами, столом из красного дерева и большой двуспальной кроватью, а в стороне располагалась ванная.

Рядом с кроватью оказалась большая металлическая дверь, но она была заперта изнутри. Катарина ахнула.

- Как... мы только что... мы не могли... это невозможно.

Александр, одинокий хозяин комнаты, сидел за столом, просматривая пачку фотографий. Когда он услышал голос жены, то вскочил на ноги, его стул откатился назад. Побледнев, он достал пистолет 44 калибра и направил его на Бадена.

- Как ты сюда попал? - спросил Александр.

Его не заботит безопасность жены? Глупец.

Баден отпустил Катарину и загородил ее собой, убирая с линии огня. Разрушение подталкивал действовать, но направил все свои эмоции против Александра.

Убей его. Убей его сейчас же.

"Скоро".

- Да, - стала заикаться Катарина - Как мы сюда попали?

Баден улыбнулся Александру, но ответил девушке.

- Я говорил тебе, невеста. Я бессмертный.

Глава 7

"Чувак. Тебе не следовало цеплять кольцо туда".
- Бьянка Ужасная, Гарпия из клана Скайхук

Разум Катарины угрожал прекратить работу. Слишком много для обработки! Она не могла... как... нет, нет, то, что случилось, никоим образом не могло произойти.

Но правда есть правда, и как любой суперхищник, она могла защищаться.

Катарина переместилась из одного места в другое за мгновение. Не делая ни шага. Не перемещаясь. Не летя внутри самолета или перемещаясь на машине. Просто бум, и обстановка изменилась.

Баден не соврал о своем происхождении, да? Он действительно бессмертный. И если это так, то значит, в прошлом был одержим демоном... а теперь соседствует с каким-то зверем. Зверем с ненасытной тягой к жестокости.

Ее руки поднялись к горлу. Баден сказал, что работает на Гадеса... который, согласно мифологии, правит Преисподней.

"Привет, головокружение. Мы встретились снова".

- Монета, - гаркнул Баден Алеку.

Алек стремительно покачал головой, дуло его пистолета качнулось.

- Я не знаю, где она, наверное, кто-то украл.

- Ты лжешь. К сожалению, для тебя, я уже терплю одного лжеца в своей жизни. - Баден вытащил кинжал из ножен на поясе. Сколько еще оружия спрятано на его теле? - А Гидеон врет намного лучше.

- Отправляйся в ад. - Алек нажал на курок. Бах! Бах! Бах!

Когда Баден дернулся от выстрелов, Катарина прикрыла рот рукой, чтобы заглушить крик. Любой бы упал, но он не дрогнул и даже не споткнулся.

Что он сделал вместо этого? Пересек комнату и развернул пистолет, пока тот все еще оставался в руке Алека. Затем нажал своим пальцем на палец Алека и заставил ее жалкую пародию на мужа выстрелить себе в плечо.

Алек... всего лишь человек... сполз со стула, кровь хлынула из его раны.

Мужчины застучали в дверь, но она была закрыта и заперта изнутри. Никто не мог войти. Никто не мог помочь ему.

Его собственные меры безопасности приведут к поражению.

- Последний шанс, - сказал Баден, так спокойно, будто обсуждал меню на сегодняшний обед.

Почти в истерике она подумала: "Смерть от боли".

- Я не могу отдать монету тебе. - Алек задыхался. - Просто не могу.

- Можешь. Но выбрал другое, и всегда будешь жалеть об этом. - Он бросил пистолет на стол и очень медленно, нарочито неспешно встал перед Алеком, не убирая кинжал. - Я не лгу. Я пообещал, что заберу еще что-то важное. Сегодня ты потеряешь руку.

Алек попытался встать и убежать. Баден легко удержал его и быстрым движением отрубил ему запястье. Вот... так... запросто. Рука шлепнулась на пол, и крик агонии эхом отразился от стен.

"Черт побери". Баден сделал это. Действительно сделал. Порочность поступка... вид крови... вонь, наполнившая воздух... заставили желудок Катарины сжаться.

Баден вытер клинок об щеки Алека, оставляя на них кровавые следы.

- Принеси мне монету или завтра я отрежу тебе ногу.

Он заткнул оружие за пояс, прежде чем подойти к Катарине.

Она отшатнулась.

- Что ты делаешь? Ты сказал, что мы проведем вместе только одну ночь.

Баден нахмурился.

- Я надеялся, что мы расстанемся. Но ошибся.

- Я никуда с тобой не пойду.

Нельзя оставлять Алека во второй раз. Он только что потерял руку, охвачен болью и придет в ярость и бешенство, поэтому сможет навредить ее собакам.

- Я настаиваю.

- А я пас.

Катарина сделала обманное движение влево, а сама метнулась вправо, приближаясь к Алеку.

- Где они? - ее голос дрожал от отчаяния. Подсознательно она понимала, что просто предоставила бессмертному... и неудержимому... Бадену информацию о себе. Информацию, которую он мог использовать против нее. Но ей было все равно. Необходимость спасти животных перевешивала необходимость защитить себя. - Скажи мне!

Алек задыхался, он не мог поймать и прижать истекающую кровью конечность к груди. Слезы боли лились по белым, словно мел, щекам. Неповрежденной рукой он потянулся к... пистолету? Теперь он ее боялся? Следовало бы!

Беспощадно она спихнула оружие, фотографии и компьютер на пол. Затем прыгнула Алеку на колени и обхватила его щеки, заставляя смотреть себе в глаза.

- Скажи, где они, или я отрежу тебе вторую руку. - И Катарина сделает это. Без колебаний. Она может ненавидеть себя, может блевануть до, во время или после, но сделает что угодно ради ответов.

- Скажи мне! - закричала она, тряся Алека.

- Отпусти его, - приказал Баден. Он всегда приказывал, но в этот раз не получил желаемого.

- Скажи мне!

- Мертвые. Они... мертвые, - выговорил Алек, клацая зубами и трясясь. - Убиты... прошлой ночью.

Нет, нет, нет. Нет! Она не могла поверить... не хотела верить...

- Ты не успел бы...

- Собирался... использовать их, чтобы найти тебя... но они напали... пришлось... усыпить. Ее взгляд сфокусировался на следах от укусов, которые поднимались по его рукам. И метки были оставлены не вчера. Собаки, скорее всего, учゅяли ее запах на его одежде... запах ее отчаяния... и напали, чтобы защитить. Чтобы спасти ее. И он убил их за это.

Ярость, клокотавшая в ней, вырвалась наружу. Она стала избивать кулаками его уродливое, мерзкое, ненавистное лицо. Алек был слишком слаб, чтобы увернуться, и не защищался от ударов. Только сидел и принимал их. Катарина поранила суставы об его зубы, а кости об его, но она не обращала внимания, не могла остановиться, да и не хотела. Ее малыши... мертвые... ушли навсегда.

Сильные руки обхватили ее запястья и оторвали от Алека.

- Достаточно, Катарина. Ты вредишь себе.

Спокойный голос Бадена только еще сильнее взбесил ее.

- Ненавижу вас! - она плонула в Алека, затем в Бадена. Он скрылся за ней. Если бы он ее оставил, если бы позволили остаться со своим презренным мужем, собаки были бы живы.

- Как же сильно я вас ненавижу. - Используя своего похитителя вместо опоры, она оттолкнулась ногами, и ударили ими Алека в лицо. - Блядь! Вы ужасные люди! Ужасные! И все же вы живы, а они... они...

Баден отнес ее подальше от стола, в недосягаемости удара.

- Отпусти меня! - Катарина боролась с ним изо всех сил, царапая его руки, ударяя, пиная. - Не смей забирать меня...

Бункер исчез, вокруг нее мгновенно появилась спальня.

Она вывернулась и попыталась сориентироваться. Мелкие детали поражали ее сознание. Мужская обстановка. Массивная кровать с темно-коричневым одеялом. Старые каменные стены, похожие на те, которые она видела, когда ее семья посещала заброшенные замки в Румынии и Будапеште... когда жизнь была чудесной, а счастье нормой. Подсвечники из

кованого железа и потрескавшийся мраморный камин, украшенный розами ручной работы.

Другая тюрьма? Ну, это заслуженно. Она не защитила своих малышей. Когда они нуждались в ней больше всего, Катарина подвела их. Они умерли, испытывая боль, страх и одиночество, хотя она обещала всегда защищать их.

Чувство вины и печали присоединились к ярости, лишая остатков сил, и ее колени подогнулись. Катарина грохнулась бы на пол, если бы Баден не поймал ее и не опустил. Она пнула его.

- Ублюдок! Не смей прикасаться ко мне. - Катарина попыталась прокричать это слова, но из-за комка в горле всего лишь прошептала. - Ненавижу тебя.

Он выпрямился и поднял руки в знак капитуляции. Ложь! Этот мужчина никогда не сдается.

- Ненавижу тебя, - повторила она. Отравляющее сочетание эмоций обдало ее холодом. Катарина хотела заплакать. Так сильно хотела заплакать. Собаки достойны ее слез, но в глазах не ощущалось характерного жжения.

Баден потер место чуть выше сердца.

- Ты потеряла любимых?

Впервые за их знакомство в его голове появилась нотка нежности. Нотка, на которую она разозлилась. Где была эта мягкая сторона, когда она умоляла его о позволении обыскать дома Алека?

- Катарина, - вновь мягко позвал он.

- Мои собаки, самые замечательные пушистые мышки когда-либо рождавшиеся, мертвые. Ушли. - У нее даже не осталось их фотографий. Огонь уничтожил физические копии, а Алек и Доминик обрушили ее сайт. - Их убили. А ты тот, кто помешал мне спасти. Это нравится тебе и твоему зверю?

- Нет. Я сожалею, Катарина.

Баден склонился над ней и протянул руку, пробегая кончиками пальцев по уголкам ее глаз. Он искал слезы?

- Побереги свои извинения и убирайся с глаз моих долой, кретин.

- Если бы я знал...

- Убирайся!

Он побледнел, но упрямый ублюдок остался на месте.

Защищающая оболочка вокруг ее сердца треснула, весь гнев, чувство вины и тоска схлынули, разрушая ее, эмоции захлестнули, словно штурм, с которым невозможно бороться.

Она свернулась клубком. Дрожь была настолько сильной, что вскоре мышцы ослабли, а кости стали вялыми, как лапша. Катарина ненавидела всех... особенно этого мужчину... которые увидел в таком беспомощном состоянии, но ее больше не волновало, что нужно демонстрировать храбрость.

- Катарина. - Он вновь потянулся к ней. - Мне нужно...

Она откатилась, отгородившись от него, от этого разговора... от жизни.

* * *

Охваченный беспомощностью, Баден провел рукой по волосам. Катарина любила своих собак так же, как он любил друзей. Всеобъемлюще. Бесконечно. Не сдерживаясь. Он не сомневался в этом. Даже без ручейков слез от нее веяло такой печалью и несчастьем, что она могла бы посоревноваться с Камео.

Пытаясь спасти своих собак, Катарина пожертвовала счастьем и будущим. И, во время их короткого знакомства, Баден не раз высмеивал ее за это. Издевался и оскорблял ее. Его действия даже подстегнули Александра, что привело к безвременной кончине животных.

Она ненавидела Александра, и презирала Бадена. И была в своем праве.

"Она просто средство в достижении цели. Мне не нужно ее одобрение".

Но в груди возникла боль. От которой он не мог избавиться. Баден познал ужас от потери близких, чувство, словно ты упал в сердце океана посреди сильнейшего шторма, волны разбиваются об тебя, скалы царапают, снова и снова ты глотаешь слишком много воды, но ты все еще борешься, чтобы дышать, расти. В миг, когда выныриваешь, надеясь не отказаться в безопасности, тебя вновь накрывает.

Сколько веков прошло, прежде чем он перестал скучать по друзьям? Хитрый вопрос. Он и не прекращал.

Слишком ярко он помнил века заточения, где единственными друзьями были крысы. Он обожал тех крыс... плакал, когда пришлось их есть, чтобы выжить.

Выживание важнее сентиментальности.

Нет, нет. Крысы... эти воспоминания не Бадена, а Разрушения.

С ворчанием Баден дернул себя за волосы.

- Катарина, ты здесь в безопасности. Даю слово.

Он задолжал ей и вернет долг.

Зверь начал протестовать, только тихо. Страдания девушки задели за живое их обоих.

Тишина стала ему ответом, почему-то казалась хуже, чем поток проклятий.

Он перенес Катарину в Будапештскую крепость. Другие женщины позаботятся о ней, успокоят ее, также как они часто пытались успокоить его, мужчины должны защитить от любой опасности, пока Баден размышляет над наказанием для Александра. За убийство собак он лишится глаз. Для начала.

Предвкушение...

Внезапно наручи стали теплыми. Баден взглянул вниз, и увидел мягкое свечение, которое излучает металл.

Очередной вызов Гадеса.

Зная, что произойдет, он стремительно распахнул дверь и закричал:

- Мэддокс. Эшлин. Кто-нибудь! Не навредите...

Крепость исчезла, и появился тронный зал. Гадеса нигде не было видно. Как и сирены. Вместо этого черный смерч кружился ступенькой ниже королевского помоста, тысячи криков донеслись до ушей Бадена.

Смерч замедлился... остановился, толстые черные тени поредели. Гадес появился в центре, стоя над тем, что могло быть телом, плоть и мышцы сняты, кости покрывали углубления. Кровавое сердце оказалось к его руке. Гадес сменил костюм и галстук на черную футболку и кожаные штаны, кандалы обивали оба его запястья.

От бизнесмена до панк-рокера. Мужчина был хамелеоном.

Разрушение играл в молчанку, как и прежде раздражая Бадена.

- Чего ты хочешь?

Гадес улыбнулся, и обнажил окровавленные зубы.

- Мы только подождем... Ах. Вот и она.

Баден уловил движение справа. Он повернулся и столкнулся лицом к лицу с Пандорой.

- Ты.

Она сердито смотрела на него, ее волосы встали дыбом, а клыки начали расти. Когти показались из кончиков ногтей.

Тело Бадена стало увеличиваться, готовясь к схватке.

- Никаких кровопролитий в моем тронном зале, - заявил Гадес. - Ну, больше никаких. Не сегодня.

Его мышцы сжались вокруг костей, препятствуя любому движению. Точно такой же стоп-кадр застиг врасплох и Пандору, черты ее лица заострились, пока она боролась с неподвижностью.

Только когда он принял осознанное решение отступить... не нападать, не здесь... вновь обрел свободу действий.

- Так вот. - Гадес подошел к ним. - Ты нарушила мое единственное правило. Попыталась убить другого моего раба.

- Ты никогда не говорил, что попытка убить Бадена обернется проблемой, - ответила Пандора. - Только что умру, если преуспею.

Откуда он знает о преступлении Пандоры?

- Пипин.

Гадес хлопнул в ладоши.

Человек в белой робе появился в облаке темного дыма. Как и раньше, он сжимал каменную скрижаль.

- Да, сир.

- Какое мое единственное правило?

- Что нет никаких правил, сир.

- И? - подсказал Гадес.

- И как сами решите, сир.

- Верно. Как сам решу. - Гадес развел руки, представляя собой картину самодовольной мужественности. - Я решил, что даже попытка убить друг друга будет наказываться. Тебя не казнят за это, даже если добьешься успеха, но ты будешь наказана... и жаль, что не могу убить тебя вместо этого.

Баден разразился проклятьями.

- Если ты меняешь свое решение, когда захочешь, как мы можем верить, что ты сдержишь слово и освободишь победителя?

- У тебя есть другой выбор? - князь оторвал кусок от все еще бьющегося органа и положил его себе в рот. Он закрыл глаза, будто наслаждаясь вкусом.

- Шпион намного вкуснее шоколада.

Пандора вздрогнула, а Баден нахмурился. Она подослала к Гадесу шпиона?

- Пошлешь еще одного, Панди-девочка, и тебе не понравится то, что произойдет.

Гадес отбросил влево остатки органа и вытер руки.

Ну. Вот и ответ.

- Теперь, - сказал князь. - Тебе повезло, что на сегодня у меня уже есть сердце. - Он пнул его, и то упало, словно мяч для игры в футбол. - Ты легко отделаешься. За нападение на Бадена, ты лишаешься своего очка. - Гадес взглянул на Пандору, провоцируя ее на ответ. - А ты. - Он сосредоточился на Бадене, его гнев оказался направлен против них двоих.

Баден взмахнул пальцами, принимая все. Он не станет извиняться, защищая себя.

- Ты все еще не забрал мою монету.

Такова была претензия мужчины?

- Эта задача требует времени. Твои слова, не мои.

Гадес поморщился от заявления Бадена.

- Время, да. Но не вечность. Чтобы ускорить процесс, Пандора поможет тебе.

Рык рос глубоко внутри его груди. "Успокойся. Держись". Независимо от замысла Баден один найдет монету и убьет Александра. "Моя монета. Мое право".

- Я позабочусь о том, чтобы Пандора могла перемещаться к мужчине. В то же время у меня новое задание для тебя.

Гадес протянул ладонь, и Пипин положил в центр кусочек камня.

Камень загорелся, превратился в пепел, и, когда зола полетела в сторону Бадена, он вдохнул ее.

Новые образы всплыли в его сознании. Бородатый мужчина с шестью пальцами на каждой руке и на каждой ноге. Его руки покрывало множество шрамов. Они представляли собой тонкие прямые линии, словно сделаны ножом.

Баден внезапно подумал о Катарине и ее шрамах.

Боль в груди вернулась. Боль, которую пришлось ей вытерпеть...

"Прекрати. Сконцентрируйся!"

Новая информация продолжала обрушиваться на него. Мужчина был социопатом. Лишал жизни независимо от возраста и пола жертвы. После каждого убийства он делал по зарубке на обеих руках на память.

Баден провел языком по зубам.

- Чего ты хочешь от меня?

- Принеси мне его голову. Сегодня.

В прошлом Баден убивал только во время сражения. И он никогда не наслаждался этим. В этот раз он подумал, что сможет порадоваться наравне со зверем.

"Что дает тебе право быть судьей, присяжным и палачом?"

Слова Катарины всплыли в его голове, и он нахмурился.

"У меня есть миссия, которую нужно выполнить, чтобы заработать очко. Совершить зло против злого человека".

Поняла бы это Катарина? Осудила бы за такой поступок?

"Сконцентрируйся". Почему Гадес хотел заполучить голову мужчины?

Ответ возник сам собой. Цель была сосудом для чего-то темного.

Не демона, даже не существа наподобие Разрушения. Но чего-то худшего. Чего-то, что Люцифер надеялся заполучить и использовать против Гадеса, тем самым получив преимущество в войне.

Баден поймал бы эту сущность и доставил в преисподнюю вместе с головой. Потому что как бы он не любил Гадеса, но не позволил бы злу разгуливать по земле. Не тогда, когда может остановить его. Также Баден сделает что-то угодно, даже останется рабом, чтобы помешать Люциферу править над еще большей территорией.

- Считай, что сделано. Зачисляй очко.

Он представил свою цель... и переместился в маленький бревенчатый домик. Несмотря на свет, исходящий от нескольких керосиновых ламп, безнадежность висела в воздухе... или, возможно, виноват запах гнили.

Баден прошел на кухню... и нашел мертвое тело, привязанное к длинному деревянному столу, грудная клетка была вскрыта, некоторые органы удалены.

Его цель разместился во главе стола и ел то, что выглядело как печень. Мило. Он разговаривал с трупом.

- ...была голой, словно сойка. Я едва не пролил свою содовую... - он заметил Бадена и схватил винтовку, прислоненную к стулу. - Стой там, теперь подними руки.

Баден появился сбоку от него, схватил оружие и ударил рукояткой в висок, затем в его желтые зубы. Хрясь, хрясь. От удара мужчина упал на пол, но не потерял сознание. А стал отползать, кровь лилась по его лицу, стекая на грязную бороду.

- Не причиняй мне боль. Пожалуйста.

Он попытался незаметно дотянуться к внутренней стороне сапога, откуда выглядывала рукоять кинжала.

"Думает заколоть меня?"

Баден вновь переместился и наступил жертве на руку, ломая кости.

Крик боли прорезал воздух, Разрушение с наслаждением рассмеялся... как и Баден. Затем мужчина описался, и одно из воспоминаний зверя постучалось в дверь разума Бадена.

Он боролся, желая остаться в настоящем... но он... он... хижина сменилась клеткой. Больше не ребенок, а, наконец, мужчина, он преследовал единственного человека, которого желал видеть на протяжении многих веков. Лорда замка. Того, кто заплатил его матери несколько ничтожных монет за привилегию "укротить" его. Того, кто приказал запереть его, когда он отказался укрощаться.

Лорд был одет в дорогой бархат, его плечи и грудь увешивали различные медали. Как много битв он выиграл? Бесчисленно. И еще, он обмочился, когда между ними сократилось расстояние, зная, что его время пришло...

В настоящем, Бадена свалили с ног. Он моргнул и помотал головой, вырываясь из крепких объятий прошлого. Его цель ударил его в грудь и ринулся к передней двери.

Баден схватил мужчину за лодыжку и дернул. Челюсть была раздроблена, кровь, и остатки зубов хлынули на деревянные панели.

Улыбнувшись, Баден вынул кинжал и встал. Мужчина остался лежать.

"Что дает тебе право быть судьей, присяжным и палачом?"

Действуй. Сейчас же, - потребовал Разрушение.

Выживание прежде всего, а потом уже остальное.

- Ты не проявлял милосердия к своим жертвам. Теперь я не пожалею тебя.

Баден схватил мужчину за волосы, приподнял голову... «просто сделай это!»... и провел клинком по горлу. Кровь хлынула из раны и потекла вниз, кишечник мужчины опорожнился.

Смерть никогда не была привлекательной.

Баден отрубил оставшиеся сухожилия и кость, отсоединив голову. Когда он выпрямился, темный туман поднялся из тела мужчины. Сущность, которую ощутил в видении.

Множество неоново-красный глаз уставились на него, и багровые губы с криком разомкнулись. Баден протянул руку, ожидая боя. Но тьма накинулась на него... и погрузилась в его руку. На его глазах, одна из линий, въевшихся в его плоть, стала толще. Он заскрежетал зубами, раскаленное добела клеймо опалило кожу. Что. За. Черт?

Баден рыскал по кухне, ища мусорный мешок. Нашел пакет из-под картошки, запихнул голову внутрь и переместился в тронный зал Гадеса.

Разрушение притих, как обычно. Пандора исчезла. Князь и воины, которых Баден никогда не встречал, стояли полукругом. Они были покрыты татуировками, пирсингом и излучали такую жестокость, которую он улавливал только от Гадеса и Уильяма.

Они были молоды, выглядели на возраст Бадена, всего четыре или пять тысяч лет.

Проблески воспоминаний... узнавания... предупреждение Разрушения. Большинство существ в сверхъестественном мире полагают, что в аду только три реальности. На самом деле их девять. Другие всегда предпочитали оставаться незаметными. Больше нет. Они приняли стороны в войне.

Это четверо мужчин - князья в своих реальностях. Самый высокий известен как Железный Кулак, из-за него распространилась эта фраза. Другие в равной степени пользовались дурной славой. Безжалостные убийцы. Желанные любовники. Могущественные из-за своего жестокого образа действий.

- ...чтобы выиграть, - сказал Гадес и мгновенно одеревенел.

Все они замерли. И одновременно повернулись к Бадену.

"Не хочешь меня здесь видеть? Как жаль". Он бросил мешок под ноги Гадесу.

- Я заслужил свое очко.

Гадес увидел метку на руке Бадена, и его глаза удовлетворенно засветились.

- Да, это я вижу.

Итак. Князь знал, что сущность войдет в Бадена, даже хотел этого.

- Что это такое?

Важнее, как от этого избавиться.

- Это, милый мальчик, мой дар тебе. Монстр, которого боятся другие чудовища. Человек, которого ты убил, был неспособен управлять им или использовать в своих интересах. Однако, ты сможешь. Не стоит благодарности.

- Я хочу это. - Железный Кулак погладил рукоятку своего меча. - Отдай это мне.

- Ты приказываешь моему убийце? - спросил Гадес ядовито. - Чтобы ослабить его?

В его голосе явно слышалась угроза, и Баден изумленно заморгал. Гадес защищает его, хотя сам и угрожает жизни Бадена?

Событие, заслуживающее изучения.

- Я приказываю и получу. - Воин обхватил меч. - А уничтожение всех королевств ради одной безделушки ранее недостойно моего величия.

- Вот почему ты мне нравишься, - бросил Гадес. - Не заставляй меня разочаровываться в тебе.

Другие князья ощетинились. Назревала драка.

- Если я тебе больше не нужен... - Баден не желал бороться с Разрушением, который станет настаивать на участии в битве между князьями, только чтобы продемонстрировать свою силу. Он жаждал вернуться к Катарине. У них есть незаконченное дело.

Гадес холодно улыбнулся ему.

- У меня будет еще одна миссия для тебя. Скоро. А пока останься в живых.

Глава 8

*"Они назвали меня сукой. Я вызвала им скорую".
- Камео, хранительница Несчастья*

Катарина лежала на полу незнакомой спальни, странные мужчины и женщины стояли полукругом и говорили о ней, так словно Катарины здесь нет.

- Баден сказал нам защищать... ее?
- Возможно, он нуждается в защите от нее. Давайте запрем ее в темнице.
- Ты всегда отвечаешь именно так, Мэддокс.
- Потому что наши враги хитры.
- Девушка ни для кого не представляет опасности, и меньше всего для свирепого, плохого Бадена.
- Кстати о Бадене, где он? Почему ушел? И почему он позвал Эшлин?
- На последний вопрос я могу ответить прямо сейчас. Он позвал меня из-за моей способности. А значит, я отвечу на другие вопросы, как только вы уйдете из комнаты...
- Этого не произойдет, дорогая. Мы не знаем эту девушку и...
- Понимаю, понимаю. Все неизвестные - наши враги. Уже проходили. Но Бадена мы знаем. Ты ему доверяешь. Он не привел бы опасную женщину в наш дом.

Катарина перестала прислушиваться к милому женскому голосу, ответам мужчины и множеству реплик, которые последовали за ними. Если они решат запереть ее в темнице... неважно. Разве ее волнует изменение местоположения?

Горе поднялось в ней и начало душить.

Кто-то взял ее на руки и отнес на кровать. Одеяла слегка подвернули вокруг нее, и одна из женщин... пышнотелая красавица со светло-каштановыми волосами и такими же глазами... осталась, когда остальные вышли, она села рядом и мягко провела кончиками пальцев по ее лбу.

- Меня зовут Эшлин. Я не уверена, как много ты знаешь о тех мужчинах, что здесь живут, но я замужем за одним из них. У меня есть особая способность, которая позволяет слышать любой разговор, который состоялся в этой комнате, пока мужа нет рядом. Как только он ушел, я услышала о твоих собаках. И сожалею о твоей потере, Катарина.

"Замолчи", - хотела закричать Катарина. Возможно, у девушки есть интересные способности, как у Бадена, или в комнате есть жучки, поэтому она и услышала разговор. В любом случае, собаки не обсуждаются.

- Ты здесь в безопасности. Даю слово.

Катарина закрыла глаза и заснула. Точнее, она то погружалась, то выплывала из объятий Морфея. И понятия не имела, когда ушла Эшлин. Другие люди проверяли ее в течение дня, кто-то даже принес поднос с едой. Но у нее не было желания есть. Катарина хотела только одного - продолжать спать. И плакать, как раньше в детстве. Но, как всегда, слез не последовало, а это означало, что она не испытала очистительного освобождения.

В конце концов, Катарине понадобилось сходить в туалет. Она встала на нетвердые ноги и заперлась в просторной ванной комнате. Пол оказался покрыт мозаичной плиткой с ошеломительным цветочным орнаментом. Стены были кремового цвета, мраморные столешницы - с золотыми прожилками, а перегородки душа состояли из камня и стекла. За двумя белыми колоннами стояла ванна.

В целом, все также роскошно, как и у Алека. Она горько рассмеялась. Монстры и их деньги.

Когда она вышла, Баден сидел на краю кровати. Он недавно принял душ, поскольку его волосы выглядели темнее обычного. Он встал при ее появлении и протянул ей руку.

- Пойдем. Я покажу тебе крепость.

Она проигнорировала его, нырнула под одеяло и уснула.

При своем следующем пробуждении она была одна. Наедине со своими мыслями. Со своим горем... и воспоминаниями.

Вера, Надежда и Любовь обожали ее. Когда они волновались, то прыгали у ее ног как кролики. Собаки пыхтели и улыбались каждый раз, когда она переступала порог. Катарина вспомнила, как они играли в апорт и ходили гулять, и начала дрожать. Она вспомнила слюнявые поцелуйчики и обнимашки на диване и поднялась.

Ей нужно отвлечься. Немедленно.

Ее ноги все еще дрожали, когда она встала и вытащила первую толстовку огромного размера, которую нашла в шкафу. В центре красовалась надпись: "Я бы умер ради Люциена". Катарина отрезала кусок веревки клинком, ... который нашла среди оружия, хранившегося в незапертом сундуке у изножья кровати... и закрепила волосы в конский хвост.

Почему Баден не спрятал сундук? Не боялся ее гнева?

Неважно. Она бродила по огромному дому. Во все спальни или гостиные можно было пройти. Катарина нашла игровую комнату, полностью укомплектованную новейшими технологиями. Во всем доме стояла антикварная мебель. Портреты мускулистых мужчин с тиарами на головах украшали стены, которые были испорчены отверстиями размером с кулак и трещинами.

В какой-то момент она наткнулась на Бадена.

Идя рядом с ней, он сказал:

- Александр заперт в подземной темнице. Пандора сделала все возможное, чтобы выкрасть его, но я принял меры, чтобы остановить ее. - Его голос сочился удовлетворением. - Хочешь пытать его?

Да, о, да. Она на самом деле сделает это? Нет.

- Ты и Алек наслаждаешься мучениями другого живого существа. У меня нет желания стать копией мужчин, которых я презираю.

Баден дернулся.

Разные люди останавливались, чтобы поговорить с ними и официально представиться, но она оставалась тихой, безразличной и, в конечном счете, вернулась в уединение комнаты. Баден следил за ней по пятам.

- Ты голодная? Тебе нужно поесть. Ты...

Она забралась на кровать и накрылась одеялом.

Следующие несколько дней... недель?.. она придерживалась заведенного распорядка. Катарина спала и, когда сердце не сильно разрывалось от боли, бродила по замку, как приведение. Обитатели вскоре привыкли к ее присутствию и, по большей части, полностью игнорировали, так же как и она их. Если они вообще ее замечали.

Однажды она повстречала красивую брюнетку с самыми печальными глазами, какие только видела. Девушка была юна, возможно, даже моложе ее. Некоторые звали ее Легион. Некоторые Хани. Независимо от имени, она всегда склоняла голову и отвечала тихим голосом, словно боялась быть услышанной.

Бедняжка. Катарина потеряла ее из виду, хотя натолкнулась на Бадена, пока тот разговаривал с Торином.

- У нее есть предрасположенность, - сказал Торин. - Она тренирует собак с целью заработка. И ты понимаешь, что это означает, верно? Свою защиту она возлагает на животных.

Баден потер заднюю часть шеи.

Она немного отступила, решив избегать его, но любопытство заставило остаться на месте. Как он отреагирует?

- Теперь понятно, откуда на ее руках шрамы. Ее кусали. Много раз. - Он сделал паузу и кивнул. - Если начнутся проблемы, мы защитим ее так же, как защищаем детей.

Это раздражало. Не то чтобы она сделала ему выговор. Его мнение теперь значит для нее еще меньше чем в день знакомства.

- Надвигается беда, - ответил Торин. - Исходя из информации, которую я смог собрать, Люцифер делает все возможное, чтобы вывести из игры ближайших союзников Гадеса.

Пока война охватила только две реальности в Преисподней. Вопрос времени, когда ублюдок придет за нами.

- Возможно, я смогу отправить ему сообщение, - сказала Кили, входя в комнату. - Свяжешься со мной, потеряешь свое.

Торин хмыкнул, когда обнял красотку с розовыми волосами.

- Это моя сладкая девочка.

- Нет, - сказал Баден, покачав головой. - Не стоит выяснять отношения с мертвецом. Я...

Катарина? Тебе нужно...

Она ушла, не сказав ни слова.

День... два? три?.. спустя, она услышала разговор между женщиной по имени Анья и темноволосым мужчиной по имени Уильям.

- Он не должен был вернуться, - сказал Уильям. - И не должен был углубляться в историю наручей. Нам нужно остановить его, прежде чем он выяснит... ты знаешь.

- Твои секреты. - Анья закатила глаза. - Да, да. Но не похоже, что он откопает правду. Гадес гарантировал, что вся известная информация о них ложна, так?

- Это его специализация. Но ты же знаешь не хуже меня, что правда подобна солнцу. Всегда найдет способ засиять.

- Ну и что? Если ты попытаешься остановить Бадена от поисков, то только подогреешь его интерес... и, возможно, поймешь каково это, быть разорванным на две части. Просто оставь его в покое и позволь ему здесь остаться, хорошо. Он не терял самообладания более двенадцати часов.

- Чудо, да, но Баден только на пути к падению. Очевидно, что он не кидает палку. Если ты понимаешь, о чём я. Не играет с колбаской. Не дает своей новой соседке прокатиться на...

- Да, да. Нам обоим жаль, что любимый цвет помады его девушки не на его пенисе, - сказала Анья, пожав плечами. - Но это не так, поэтому нам нужно смириться. Он нужен парням, а раз они в нем нуждаются, Баден отправится в ад и вернется обратно, чтобы оказать помощь. Ты ведешь себя как мальчишка, такой же бесчувственный как гора, и поэтому не заметил, как он сожалеет о том, что тогда оставил их. И теперь, когда война между твоим отцом и Люцифером захватила две реальности...

Уильям вздохнул.

- После поражения Люци, я отшлепаю Гадеса за то, что дал Бадену эти наручи. Дорогой папочка обязан быть готов умереть за меня. Я не должен бороться за его любовь.

- Теперь ты говоришь ерунду. Гадес не заботится ни о ком, кроме себя. Даже о тебе. - Анья потрепала его по голове. - Иди, отдохни. Может, ляжешь и посмотришь фильм с выключенным светом. И с закрытыми глазами. И с выключенным телевизором.

Катарина пошла прочь... и хотя она никогда не признается, в этот раз искала Бадена. Где он? Чем занимается?

У неё никак не получалось найти его. Собственно, он появился только ночью, весь в крови. Баден принял душ, затем соорудил себе постель на полу. При этом не сказал ни слова.

На следующий день Катарина подслушала разговор между Мэддоксом, воином, одержимым Насилием, и Сабином, воином, одержимым Сомнением.

- Сколько очков он заработал? - спросил Сабин.

- На сегодняшнее утро, восемь. Но у Пандоры девять. Черт побери! - Мэддокс пробил стену, и это объясняло множественные дыры, которые обнаружила Катарина. - Гадес превратил Джентльмена с Олимпа в убийцу, страдающего комплексом вины.

- И это не самое худшее. Баден говорит, что после смертей одержимых людей на нем остаются следы... он все еще не знает как. Гадес назвал этих существ подарком. Монстры боятся других монстров.

- Я спрашиваю. Может кто-то что-то знает.

- Хорошо. Торин искал бессмертных, которые могли носить змеиные наручи до Бадена. Но ему пока не повезло.

Катарина ушла. Когда она повернула за угол, то услышала бормотание другого воина:

- Ты уверен, что Катарина стоит доверия?

- Нет. - Ответил Люциен, хранитель Смерти. - Но Баден уверен. Сказал, что убьет любого, кто причинит ей боль.

Как... почти мило.

Той ночью она заметила, что Баден передвинул свою импровизированную постель ближе к кровати, и она не стала протестовать. Потому что ее не заботили его действия. Нисколько.

На следующий день Катарина оказалась в комнате, где подруги и жены тренировались с мечами, пистолетами и арбалетами.

- Ну, вечеринка в честь дня рождения Джилли официально отменена. Она супер обломщика, - сказала Эшлин. - Уильям яростно бормочет о своей книге, о том, что проклятие начало действовать, и ему надо что-то сделать.

Книга? Проклятье?

- И это хорошие новости, - заявила Кайя Уничтожительница Крыльев. Рыжеволосая красотка была Гарпией. Кровожадная раса воров и хулиганов. Она выглядела как человек, за исключением крошечных крыльев, подрагивающих у нее между лопаток. - Я говорила с Бьянкой. Лисандр и Захариил тоже ищут ларец. Как мы, предположительно, должны сражаться с Посланниками и злыми миньонами, которым абсолютно точно не нравится наша компания?

Бьянка... близнец Кайи, Катарина покопалась в памяти. Лисандр... супруг Бьянки. Захариил... она не уверена. Посланники... это понятие еще не встречалось.

- Нам нужно усилить наши поиски, - сказала Анья. Она была богиней Анархии и, по словам всех в крепости, злостной мучительницей. - Те пай-мальчики могут помочь нашим мужчинам, а могут и не помогать. Проблема в Люцифере. Если он завладеет Утренней Звездой... - она вздрогнула.

Утренняя Звезда. Еще одно неизвестное понятие.

- Вообще-то проблема в наших мужчинах, - перебила Гвен. Она была младшей сестрой Кайи, и ее часто называли "милой". - Они беспокоятся о Бадене. Когда он здесь, они трутся рядом, словно боятся, что с ним случится что-то плохое.

Девушки искали способы исправить ситуацию... пока не заметили Катарину.

- Тебе нужно выйти из этой депрессии поскорее, - сказала Анья. - Думаешь, у тебя одной проблемы? Милая, попробуй пожить несколько тысяч лет и посмотреть на гибель близких. Ты ведешь себя как ребенок, и мне это надоело. Ты украла мою фишку.

- Я готова выпотрошить подлеца, который убил твоих собак, - сказала Гвен. - Моргни дважды, если хочешь, чтобы я приступила... жду... жду... хорошо. Но знай, что предложение в силе.

- Послушай. Я давно хотела поговорить с тобой, но все время не хватало времени. - Даника, миниатюрная блондинка, чье прозвище смущало Катарину. Всевидящее око. - Я заглянула в будущее и увидела там... ну, если ты не преодолеешь это, оно не радужное, Катарина. Пожалуйста, помоги ему. Помоги всем нам.

Что Даника подразумевала под словами "заглянула в будущее"? Она медиум? Ну. Это объяснило бы ее прозвище, так?

Катарине удалось сбежать от девушек, не дав никаких обещаний.

Этой ночью Баден поместил свою постель прямо возле кровати, так близко, что она могла бы коснуться его кончиками своих пальцев, если бы протянула ногу. Ее все еще не волновало его действия... но по какой-то странной причине, Катарина ощущала себя комфортно рядом с ним.

Следующим утром она наткнулась на Данику и Рейеса, одержимого Болью, занимающихся любовью. И атрибутами служили ножи, что заставило Катарину ахнуть от ужаса. Пытаясь стереть воспоминания из памяти, она бросилась прочь, прежде чем парочка поняла, что у них были зрители. Но...

Они выглядели такими счастливыми.

За оставшуюся неделю Катарина стала свидетелем еще нескольких страстных сцен. Одна пара не смогла дотерпеть до спальни, прежде чем начать срывать одежду друг с друга. Другая, смеясь, гонялись друг за другом по коридорам. И ей стал очевиден один факт. Эти люди могли быть злобными и кровожадными, но они любили друг друга. Глубоко. Безумно. Их преданность можно ощутить.

И в тихом мраке спальни Бадена той ночью... со спящим рыжеволосым по другую сторону матраса, самодельная постель в прошлом... Катарина больше не могла отрицать правду: эта преданность заставляла ее выбираться из скорлупы. Эти люди держались друг за друга. У них были проблемы, но они никогда не сдавались. Став свидетелем их храбрости и желания жить полной жизнью, она отпустила что-то внутри себя.

Когда утренний свет наполнил спальню, она вновь оказалась одна. Испытывая сильнейшую жажду впервые за долгое время, Катарина отправилась на кухню. Когда она налила себе стакан апельсинового сока, Баден переступил порог. Он сразу заметил ее, словно преследовал взглядом, и подошел ближе.

- Я не могу выбросить тебя из головы, и от этого мои внутренности сжимаются, - сказал он голосом, пронизанным смесью гнева и беспокойства. - Я беспокоюсь о тебе. В одно мгновение я хочу трясти тебя, в другое... обнять.

"Он хочет обнять меня?"

- Добро пожаловать в не-отношения, - бросил Гидеон, входя на кухню. Хранитель Лжи. - Пожалуйста, скажи мне, что ты выпила весь...

Баден указал на коридор.

- Круто.

Воин с голубыми волосами и огромным количеством пирсинга скрылся из вида.

- Ты отрезана от жизни, - продолжил Баден. - Я понимаю почему, но теперь тебе нужен стимул вновь, начать жить.

Катарина отвернулась от него. Хотя он и был прав. Она отгораживается, и это не в первый раз.

После смерти матери она отключила наиболее буйные проявления своей индивидуальности. Девочка, любящая смеяться, превратилась в девушку, сосредоточившуюся на работе с отцом. Затем Катарина потеряла отца, потом Питера... новые причины, чтобы погрузиться в работу. Затем она лишилась работы... ее любимцев. Единственного источника безоговорочной любви.

Катарина бросила бокал с соком об стол. Стекло разбилось, жидкость расплескалась. Она бросилась из кухни и направилась в безопасность комнаты Бадена, где забралась в постель и накрылась одеялом с головой.

Несколько секунд спустя, Баден лег рядом с ней. Потому что хотел обнять?

Он провел пальцами по ее волосам, заставляя Катарину ахнуть... задрожать. Специально?

- Понимаю, что слова тебе не помогут, ничто не поможет, но я сожалею о твоей потере.

От вины у нее в горле образовался комок. Разве она не виновата в той же мере? Катарина могла сказать Бадену правду в их первую совместную ночь. Возможно, он помог бы спасти ее собак, возможно, нет, но она не дала ему шанса, позволяя страху охватить себя.

- Я знаю, что ты делаешь, - прохрипела Катарина. Что он делал? - Прекрати.

Баден продолжил гладить ее волосы.

- Я знаю, каково это прощаться с теми, кого любишь. Знаешь, нас было больше. Больше бессмертных воинов, охранявших Зевса. До открытия ларца, мы потеряли восьмерых братьев и сестер во время битв, и у меня все еще шрамы в душе после этих потерь. - Он вздохнул. - Когда я умер, и в мой разум не вторгались мысли демона впервые за тысячи лет, то понял, что полностью отрезан от тех, кто все еще жив. И возненавидел каждую секунду.

А если бы он оставил ее с Алеком, что бы она сказала? Что тогда? Алек, скорее всего, убил бы собак в любом случае, поскольку хотел лишь одного: контролировать ее жизнь.

Тем не менее, Катарина откатилась от Бадена, чтобы покончить с разрывающим сердце разговором.

Он не стал удерживать.

- Хочешь узнать кое-что странное? Я воевал с Пандорой в течение четырех тысяч лет, и все же именно из-за нее я остался в своем уме. Я в долгую перед ней, однако, сделаю все необходимое, чтобы одержать верх над ней в нашей игре. Должен. Только победив, можно избавиться от этих наручей. - Он резко и горько рассмеялся. - У меня никогда не было больше причин сдаться, но я никогда не хотел жить настолько сильно.

Ее грудь сжалась. От боли за себя и за него.

- Делиться проще, чем я ожидал, - заметил Баден.

Любопытство взяло верх.

- Ты никогда этого не делал?

- А зачем? Я воин. Нести этот груз моя работа. Моя привилегия.

- Не согласна. Чем больше ты копишь, тем сложнее сражаться. Ты слишком увяз в этом. Он нахмурился.

- Почему ты делишься этим со мной? - Чтобы помочь ей излечиться, как он сказал, но есть еще причина. - Тебя же не волнует мое мнение, помнишь?

- Меня... волнует. Я ошибался, теперь же поступаю верно.

Какой милый... и загадочный... ответ от мужчины, которому она не доверяла, но не могла заставить себя оттолкнуть его.

Затем Баден ушел. Вместо того чтобы бродить по крепости для успокоения бури в голове, она прибралась в его комнате. И той же ночью, когда на нее навалилась усталость, задремала, наслаждаясь первым спокойным отдыхом после встречи с Алеком.

Катарина проснулась, когда открылась дверь в спальню, и скрипнули петли. Несгибаемый Баден встал перед ней, держа поднос с завтраком в руках.

- Ты должна поесть, - сказал он, ставя еду перед ней.

Голоду не удалось затмить внезапную вспышку ярости.

- Тебе нужно перестать мне приказывать.

- Я живу дольше. И знаю, что для тебя лучше. Кроме того, ты хрупкая. Тебе нужна моя помощь.

Ее злость только усилилась.

- Я хрупкая... я слабая. И признаю это. - "Я ничто без своих собак". - А ты высокомерный мудак.

- Ты это говорила мне раньше.

- Ну, стоит напомнить еще раз.

Раздался стук, и его глаза заблестели от облегчения. Не понравилась тема разговора? Он пошел к двери, чтобы поговорить с незваным гостем, а Катарина стащила кусочек авокадо.

Когда Баден вернулся, то держал большого черно-белого пса. У собаки были блохи и множество шрамов, словно когда-то он участвовал в боях.

Она узнала его. Это одна из дворняг, стоявших у входа в часовню.

- Знаю, этот парень не сможет заменить других, - начал Баден, - но ему явно нужен защитник. Он появился на нашем пороге.

Что! Нет. Она и так уже многое потеряла и не могла потерять еще больше.

- Отвези его в ближайший приют. Они проверят, есть ли у него микрочип. Если нет, то оставят у себя, чтобы найти ему хозяев.

Зашевелившись, собака зарычала на Бадена, который переминался с ноги на ноги, пытаясь удержать захват. Действие только разозлило пса, и он огрызнулся и зарычал, оскалив такие острые зубы, каких она еще никогда не видела.

- Катарина...

- Нет.

"Слишком чувствительна недавняя рана, чтобы предлагать кому-то помочь".

Вздохнув, Баден унес собаку.

Она поставила поднос на пол, больше не испытывая голода, и накрылась одеялом с головой.

Когда Баден вернулся, то устроился рядом и положил руку, затянутую в перчатку, на нее. Довольно странно, что она провалилась в очередной мирный сон...

Только проснулась от толчка, когда он бормотал:

- Убить. Убить!

Она напряглась. Он хочет убить ее? Катарина выбралась. Его окутывал искусственный свет. Глаза были закрыты, а лицо побледнело и натянулось. Баден разговаривал во сне?

- Шшш. Тебе не нужно никого убивать, - мягко прошептала она.

- Враги... слишком много врагов. - В его голосе была хрипотца, которую она не слышала раньше. - Им нельзя позволить жить.

- Кто смеет угрожать тебе?

Он ответил, словно услышал и даже понял ее, несмотря на нынешнее состояние.

- Все.

- Почему?

Катарина провела пальцами по его нахмуренному лбу, и он откликнулся на ласку. Затем она вспомнила когда-то отданный им приказ... "Не прикасайся ко мне. Никогда"... и отпрянула.

Баден нахмурился и отшвырнул одеяло.

- Я не вернусь в тюрьму снова. Никогда.

Как долго его держали взаперти?

Этот мужчина длительное время жил в каком-то замкнутом пространстве. Учитывая жестокость его мира, Баден должно быть боролся с выпавшими на его долю испытаниями.

- Шшш, - повторила Катарина. - Никто не собирается тебя запирать. Я не позволю.

- Можно доверять только себе.

Поскольку он хорошо отреагировал на ее пение в прошлом, она стала напевать. Постепенно Баден расслабился, лежа на подушках.

"Такой красивый", - подумала она. "И выглядит практически... невинно". Как одна из побитых собак, которую она спасла. Когда-то его заставляли сражаться ради выживания, а он отчаянно нуждался в безопасном доме, жаждал ласки... наконец, в безопасности и может надеяться на лучшее.

В сказке Баден мог играть как принца, так и дракона. Прямо сейчас Катарина исполняет роль принцессы, в очередной раз, попавшей в беду. Ну, все может измениться. Сегодня они поменяются ролями. Она станет драконом или принцем, а он - принцессой. Утром Катарина даже сможет поцелуем пробудить его ото сна.

Поцеловать его? Тпру! Слишком далеко зашло!

Но его идеальные губы уже привлекли ее внимание, а восхитительное тепло распространилось в животе.

"Игнорируй это!" Решив использовать свою энергию, чтобы защитить его... мужчину, который кормил и утешал ее... Катарина не спала всю оставшуюся ночь, на всякий случай. Но никто не пытался проникнуть в комнату, никто даже не постучал в дверь.

Когда Баден резко сел, полностью проснувшись и все понимая, она зевнула и пробормотала:

- Мы одни. Все хорошо.

- Конечно. - Он встал на ноги. - А почему ты считала иначе?

Он шутит?

- Из-за твоих слов прошлой ночью.

Баден замер, повернувшись спиной к ней.

- А что я говорил прошлой ночью?

Он не помнит?

- Ты сказал, что только благодаря мне дышишь... или привык дышать... и пропал бы без меня.

Мышцы его плеч напряглись, и поэтому рубашка, которую он носил, натянулась.

- Ты лжешь.

- Нет, я дразнюсь. Это разные вещи.

- Дразнишься? - Баден развернулся. - Ты выздоровела.

Да, она здорова? И-и-и с осознанием этого факта ее охватили печаль и чувство вины. Но уже не такие сильные и не грозились поглотить ее.

- Ты примешь душ, - сказал он, кивнув головой. - Сегодня.

Катарина зашипела.

- Я бы помылась, если бы ты вежливо попросил. Теперь можешь взять свой приказ и засунуть...

Баден поднял ее и понес в ванную, его восхитительный аромат дразнил ее, а оберегающие руки держали худшее из ее чувств в узде.

- Ты не можешь тащить меня на руках, чтобы добиться своего, - сказала она со вздохом.

- Я верю, что докажу обратное.

- Ты сильный, бла бла бла. Ты действительно думаешь, что это хорошо для тебя закончится?

- Готов рискнуть навлечь на себя твой гнев.

Его довольная улыбка раздражала.

Когда вода нагрелась, и пошел пар, он поставил ее в душевую кабинку. И даже последовал за ней, полностью одетый. Ох! Наверное, это рай.

Разум предал ее, не в состоянии выдать причину для возражения, когда Баден снял с нее все кроме лифчика и трусиков. Вместо этого в голове крутилась сумасшедшая мысль: "Давай посмотрим, куда это приведет".

Он не снял с себя одежду, и даже надел перчатки. Баден сел, увлекая ее за собой, и разместил между своих ног. Катарина задрожала от... предвкушения?

- У тебя здесь крысиное гнездо из колтунов, - заявил он. - У нас два варианта. Побрить голову или воспользоваться кондиционером для волос, который я выкрад у Уильяма, а он станет протестовать. С ножами.

- Побрить.

Волосы это только волосы. Они отрастут.

- Необыкновенное создание. Большинство женщин... в том числе и Уильям... стояли бы насмерть, лишь бы защитить свои локоны.

- А ты?

- Нет. Я уже достаточно воевал. Хотя теперь понимаю, что с радостью сражусь за твои локоны.

Он намазал ее волосы сладко пахнущим кремом и, пока тот впитывался в голову, намылил остальное тело Катарины, избегая интимных зон. На самом деле Баден равнодушно ее касался.

А почему должно быть иначе? Она хрупкая, слабая. Худшие из всех качеств, по словам Бадена. И ее матери, которая надеялась подготовить Катарину к тому дню, когда рак победит.

Он протянул ей зубную щетку и пасту, и она почистила зубы.

Баден смыл кондиционер для волос и, наконец, выключил воду. Затем разместил ее на крышке унитаза, вытер мягким полотенцем и осторожно распутал пряди волос, которые осмелились бросить вызов лечению.

- Ты все еще не хочешь пытать Александра? - спросил он осторожно.

- И никогда не захочу. - Она прикусила нижнюю губу. - Он отдал тебе монету?

От злости его щеки покраснели.

- Он постоянно сопротивляется мне.

- Мне жаль. - При ярком свете, Катарина заметила порезы и синяки, которые покрывали его лицо. Он недавно подрался. Скорее всего, и не один раз. - Он причинил тебе боль?

- Нет. Конечно, нет.

Но другие причинили.

"Баден говорит, что после смертей людей на нем остаются следы..."

Ему пришлось бороться, чтобы выжить.

- Я бы хотела, чтобы доктор осмотрел твои раны, - сказала она.

Баден хмуро взглянул на нее.

- Я в порядке.

- Но...

- Нет. Не прикасайся, - напомнил он.

Серьезно?

- Мы только что принимали душ вместе. Наши тела прижимались друг к другу.

- Это другое.

- Что? - потребовала Катарина.

Баден провел рукой по лицу.

- Ты больше не моя пленница, Катарина. Я перенесу тебя в любое место, какое захочешь. Сменил тему. Ладно. Что еще изменилось? Она! Катарина не хотела оставлять его, ее старого пса, хотя должна вернуться домой и восстановить питомник. И свой банковский счет.

Этому мужчине нужна помощь. Игра, в которую он играл с Пандорой, сковывала. Цепью. Из-за нее Бадену приходилось терпеть умственное и физическое насилие. Его друзья думали, что она может успокоить его, и она действительно хотела доказать их правоту. Как глупо!

- Не нужно меня никуда переносить, - ответила Катарина. - Я там, где хочу быть.

- Почему?

В его голосе прозвучала едва уловимая... надежда?

- Почему еще? Мне нравится жить за чужой счет.

Он уставился на нее, словно пытался прочитать мысли.

- Ладно. - Кивнул Баден. - Ты можешь остаться.

Ни одного возражения против ее статуса охотницы за деньгами? Ублюдок.

- Одеюсь.

Еще один приказ. Начнет ли он когда-нибудь просить?

Возможно, ему нужно показать на собственном примере.

- Не мог бы ты отвернуться?

Он заколебался, его лицо напряглось, прежде чем Баден выполнил просьбу. Она вскочила, стянула промокшее нижнее белье и натянула футболку и шорты, которые лежали на краю раковины. И снова принесенная им одежда была рассчитана на меньшую фигуру, низ футболки заканчивался намного выше пупка, а шорты едва прикрывали попку.

- Готово, - объявила она.

Когда Катарина прошла мимо него, он громко втянул воздух.

- Твои ноги...

Она остановилась, чтобы осмотреть их, но все выглядело нормально.

- Что с ними не так?

- Ровным счетом ничего.

Это... благоговение в его голосе? Она бы хотела его услышать?

Катарина играла с прядью волос, когда внутри нее разлилось тепло. Баден подошел к шкафу и переоделся в сухую одежду, без тени смущения давая взглянуть на свое обнаженное тело, и, вав, он представлял собой великолепный образец. Мускулов оказалось больше, чем она могла представить, шведский стол из силы и моци.

- Твоё тату, - сказала Катарина, понимая, что начинает пускать слюнки. - Бабочка на груди.

- И?

- Она... - восхитительно аппетитна. - Красивая.

- Когда демоны впервые вошли в наши тела, мы все получили такую бабочку. Я свою потерял после смерти и решил, что новая татуировка поможет мне стать тем мужчиной, которым я когда-то был.

Как мило и очень печально.

- Зачем тебе становиться мужчиной, которым ты был когда-то? Из всего, что я слышала - он был ужасен.

Баден посмотрел на нее так, будто увидел странное создание.

- Остальным он нравился.

- Но они тоже ужасны, да? Не очень хорошая рекомендация для твоего персонажа.

Баден дернулся губами.

- Возможно, я сделал метку потому, что втайне хочу стать таким же уважаемым мужчиной, какими стали мои друзья. Быть связанным с ними.

- Глупый воин. Тебе не нужна для этого татуировка. Вы, парни, уже связаны своей любовью друг к другу. Но наверняка метка теперь имеет и другое значение. Ты был Недоверием, затем умер, но вышел из бездны для нового полета.

Странное, удивительное создание.

Катарина гордилась собой.

- Вы с Пандорой спали, пока находились в заключении? Она жесткая. Определенно твой тип.

- Да, она очень жесткая. Но нет, мы не спали. - Баден шагнул к ней, его зрачки расширились, поглощая медную радужку. Он сжал руки в кулаки... чтобы сдержать желание потянуться к ней? - Ты доказала, что еще более хрупкая, чем я думал. И еще ты замужем.

Отвращение вернулось и все же... неважно, что он чувствует по поводу ее хрупкости, неважно, что думает о ее фиктивном браке, очевидно, Баден нашел ее привлекательной. Пока он изучал ее, предательские признаки возбуждения стали более явными.

Ее женское начало затрепетало.

- Да, я замужем, но это ненадолго. Эта девочка скоро аннулирует свой брак.

Баден сделал еще шаг к ней.

- Не нужно. Я сделаю тебя вдовой.

С какой легкостью он говорит об убийстве. С такой же легкостью, с какой убивает, она была в этом уверена.

А теперь он уставился на ее губы, поняла Катарина. Спрашивает себя, каковы они на вкус?

Она задрожала от желания.

Осторожный стук остановил его, заставив ее ощутить вину. Он бы поцеловал ее? Она бы позволила?

- Баден? - позвала Эшлин. - Катарина там?

Он напрягся.

- Да. А что?

- Вы оба одеты? - спросила женщина.

- Да, - проскрежетал он, словно недоволен этим фактом.

Эшлин ворвалась в комнату, заламывая руки.

- Появилась еще одна бездомная собака, и я прошу тебя позаботиться об обоих, Катарина. Нет, ни за что. Больше ни одно животное она не возьмет под свою опеку. Катарина дала нерушимый зарок не влюбляться и не терять еще один кусочек своего сердца. Зачем? Смерть неминуема.

- Я уже говорила в прошлый раз. Отвезите пса и его дружка в местный приют.

- Они лают на меня каждый раз, когда я подхожу к ним. Если я отвезу их в приют, собак посчитают агрессивными и усыпят. И я больше никого не могу попросить о помощи. Все слишком заняты, беспокоясь о Джилли и планируя убийство Уильяма. - Эшлин свела ладони в умоляющем жесте. - Только ты можешь помочь.

Она сказала об убийстве также легко, как и Баден.

- Я знаю, что Джилли больна, - сказал Баден, нахмурившись, - но почему все набросились на Уильяма?

- Он куда-то перенес ее. Мы не знаем куда. Он не отвечает ни на звонки, ни на сообщения.
- Эшлин умоляюще взглянула на Катарину. - У меня никогда не было домашнего питомца, но мне мучительно видеть их. Пожалуйста.

- Я... - "Не могу сказать нет, но должна защитить свое сердце".
- Катарина, - приказал Баден. - Помоги ей.

Он не в первый раз называл ее по имени, но впервые так ласково произнес все четыре слога, что заставил задрожать.

- Еще один приказ, - сказала она, подняв бровь.

- Как я уже сказал ранее, дворняги не заменят тех, кого ты потеряла, но потеря одного не отменяет необходимость в другом.

Мудрые слова. И действительно, в глубине души... погребенное под страхом потерять... жило желание поработать с собаками и подарить всю любовь, какую она может дать. Любовь, которая им необходима. Которую они, вероятно, никогда не знали.

Вероятность. Быть. Укушенной? Твердые сто процентов. Один из псов уже пытался укусить человека, его инстинкты говорили сначала атаковать, а потому же поверить... если поверить. Он нуждался в помощи также сильно, как и в еде. Новое окружение, с новыми людьми и запахами, могло внушить страх, и перепуганные собаки начинали кидаться. Не все люди относились с пониманием, терпением или хотя бы состраданием.

- Хорошо, - сказала она, вздохнув. - Я сделаю это.

Облегчение читалось на лице Бадена.

- Нужно купить намордник...

- Нет. - Катарина твердо покачала головой. - Никаких намордников без крайней необходимости.

- Да, - настаивал он. - Не стоит рисковать быть укушенной.

- Я решу, что стоит риска.

- Наши отношения строятся на другом, - напомнил Баден ей так, словно разговаривал с ребенком. - Я генерал, а ты скромный солдат. Я приказываю, ты исполняешь.

- Для моей безопасности, бла бла бла. Ну, этот скромный солдат поступает по - своему. Тебе остается только смириться.

- Спасибо, спасибо, тысячу раз спасибо! - хлопающая в ладоши, Эшлин прыгала вверх и вниз. - Собаки заперты в одной из спален на нижнем этаже. Мои дети дали им клички Бисквит и Подливка.

Дети... она слышала о близнецах во время своих многочисленных скитаний, но никогда их не видела.

- Сколько лет твоим детям?

Эшлин засияла от гордости.

- Урану и Ивер восемь мес... лет, - поправила она себя, и ее счастье увяло.

Странная реакция.

Неважно. Катарина стала помогать отцу, как только начала ходить.

- Они могут понаблюдать за моей работой, но должны делать все, что скажу и когда скажу.

- Ты так добра. Я сообщу им. Ох! И их уже проинформировали не причинять тебе вред, так что не стоит беспокоиться.

Восьмилетки опасны для нее? Да бросьте.

Разве что они бессмертные?

Верно. Новый мир, новые правила. Ей придется приспособиться.

Ее взгляд пересекся с прощупывающим взглядом Бадена.

- Ты идешь с нами?

- Нет. - Он потер наручи, скрытые под одеждой. - Мне нужно выполнить работу.

"Какую работу?" - едва не спросила она. Для него, вероятно, лучше, если Катарина не узнает.

- Будь осторожен.

Слова вырвались, и хотя она хотела забрать их обратно... "слишком беспокоишься, почти навязываешься"... но не стала.

Баден удивленно моргнул.

- Хорошо. Ты тоже.

Между ними повисла напряженная пауза, и она не могла точно понять ее причину.

Возможно, он тоже не мог. Баден нахмурился и вышел из комнаты.

Эшлин взмахнула и сцепила руки.

- По словам других воинов, Баден самый шикарный мужчина на планете, но смерть изменила его. Как и наручи, которые он носит. Он стал жестче, холоднее. Но я знаю, что Баден никогда не причинит тебе зла.

Ее сердце застучало словно барабан на рок-концерте.

- Что делает меня такой исключительной?

- Ах, милая. То, как Баден смотрит на тебя... ну, я уверена, ты узнаешь ответ из первых уст. И скоро!

Глава 9

"Похоже сейчас на фиг-это-дермо время".

- Кайя, Уничтожительница Крыльев

Гарпия из клана Скайхоук

Джиллиан Брэдшоу - для друзей Джилли, хотя она презирала это прозвище все сильнее и сильнее, желая доказать себе, что стала взрослой - перевернулась на мягком матрасе, когда ужасная лихорадка охватило ее тело. Большая часть последних дней стала размытым пятном, но она помнила, как Кили дала ей выпить что-то прохладное.

"Счастливого восемнадцатилетия, малышка. Это претворит все твои мечты в жизнь... мечты, о которых ты даже не подозреваешь. Не стоит благодарности".

А когда Джиллиан вскрикнула от боли, Кили сказала: "Я на сто процентов уверена, что на девяносто три процента убеждена, что дала тебе верную дозу. Эм. Твои симптомы... ну, они не сулят ничего хорошо. Возможно, нам стоит перейти к плану Б?"

Джиллиан вроде бы помнила, как Уильям собирался закрыть ее позже в тот день и отнести... куда-то еще. Должно быть, он так и сделал. Никто из ее друзей не навестил ее, чтобы пожелать здоровья.

Воины. "Не могу жить с ними, не хочу жить без них".

- Успокойся, крошка. - Уильям осторожно промокнул ее лоб влажной тряпкой. - Ты выздоровеешь. Это приказ.

Она распахнула тяжелые веки. Он сидел рядом. Его лицо расплывалось, словно в паутине тумана. Ее разум отмечал необходимые детали: он был самым красивым мужчиной с волосами чернее ночи и глазами синими, как океан.

- Что со мной произошло? - спросила она хриплым слабым голосом. Слова почти невозможно было разобрать.

К счастью, он не человек, и его слух лучше, чем у многих.

- Что-то сверхъестественное. Но я заставил лучших бессмертных врачей провести тесты.

Да. Джилли помнила, как ее ощупывали и кололи, а Уильям шипел: "Будь нежнее или лишишься рук".

- Я хочу домой, - сказала она. Джиллиан была не просто слабой и больной, она была в замешательстве. Появилось ощущение, словно у каждой клеточки ее тела выросли ноги, с помощью которых они теперь ползли по ее венам. Знакомая обстановка помогла бы.

Она не нашла в себе сил подняться и дойти до ванной. Ей нужна помощь... помочь Уильяма... или придется воспользоваться уткой.

Чертовой уткой. Какое унижение!

Она хотела присутствия рядом девочек.

Прохладные пальцы зарылись в ее волосы.

- Баден вернулся в крепость, а его нрав... нестабилен. Я знаю лучше большинства, на что он способен. Я испытал то же самое... - он затих, потом горько улыбнулся. - Здесь ты в безопасности. Эта реальность скрыта. Никто не придет и не уйдет без моего ведома. Спи, крошка.

"Нет, нет. Еще рано засыпать". Она хотела провести с ним больше времени, прежде чем они разлучатся навсегда...

Ее охватила паника. "Не думай о смерти". Что если ее мысли открыли дверь для Смерти?

- Ты не спишь, - сказал Уильям.

Милый Уильям. С первой их встречи он ее пугал и волновал одновременно. Уильям удивительно завораживал. Мощный. Порочный, умный, сексуальный и добрый... к ней. Только к ней. К своим друзьям тоже, но не всегда.

К врагам, ну, они умирали мучительно.

Мужчины его боялись, а женщины жаждали, словно наркотик. Когда он улыбался, трусики становились влажными. Или плавились. Джилли точно не знала что именно,

только понимала, что он обращал ситуацию в свою пользу. Парень спал, с кем попало, но никогда не оставался со своими партнерами. Потому что всегда возвращался к Джиллиан. Как бы ей не была ненавистна мысль о том, что Уильям раздевается перед другой женщиной, она никогда, никогда, никогда не захотела бы заняться сексом снова. Она все в этом презирала. Запахи, звуки, ощущения. Боль... унижение... беспомощность... Мысль о том, что ее тело соединится с другим, заставляла Джилли покрываться сыпью, а не дрожать от желания.

- ...друзья искали тебя, - раздался знакомый голос, врываюсь в ее размышления. Он принадлежал мужчине. Глубокий и хриплый, дерзкий и с вечной ухмылкой в тоне, как и у Уильяма. - Думаю, они хотят твою голову на блюдечке.

- Из-за тебя Баден навлек беду на Будапешт, - ответил Уильям, совершенно не волнуясь об опасности. - Сейчас Джиллиан нужны покой и тишина.

- Я говорил тебе не привязываться к ней. Она человек.

- А я говорил тебе идти нафиг. Не один раз!

- Так ты разговариваешь со своим дорогим отцом?

- Приемным отцом, - проворчал Уильям. - И я испытываю огромное желание выразиться похлеще. Давай продолжил это разговор снаружи.

Итак. Пот выступил у нее на лбу, когда она поняла, что он разговаривал с Гадесом. Плохой парень из Преисподней. И это говорило о многом!

Уильям не знал, но Гадес однажды ночью появился у нее. Он предупредил: "Держись подальше от моего сына. Ты ему не подходишь. Не заставляй меня это доказывать".

Он напугал ее, но Джилли его не послушалась. Уильям для нее слишком важен.

- Некровное родство со мной - компрометирующий секрет, который ты хорошо скрываешь, - прокомментировал Гадес.

Джиллиан открыла глаза... и увидела две высокие тени на балконе "У меня есть балкон?" Звуки плещущихся волн ласкали ее слух, а запах соли дразнил обоняние. Океан!

- Она смертельно больна и умрет, если ты не сможешь сделать ее бессмертной, - отрезал Уильям. - Так что приступай.

- Да, у меня есть силы изменить девушку. Но в ее положении она умрет прежде, чем изменится.

- Тогда ты для меня бесполезен. Уходи.

- Ай-ай-ай. Так грубо. Возможно, тебе стоит быть со мной полюбезнее, сын. Я единственный, кто стоит между тобой и десятками разгневанных мужей, которым ты понаставил рога за эти века.

- Как будто даже целый легион их может сравниться со мной.

- Верно. Я хорошо тебя обучил. Но девушка... они без колебаний причинят ей вред.

Уильям разразился проклятьями.

- Если к ней кто-нибудь притронется, я потрачу целую вечность, чтобы убедиться, что они и их любимые страдают от непрекращающихся мучений.

- Твоя преданность ей озадачивает. Она такая... обычная.

"Обычная, да?" Ну. Ее называли и похуже.

- Не в моих глазах, - рявкнул Уильям.

- Что в ней такого особенного? - спросил Гадес.

"Да, Лиам. Что во мне такого особенного?" Она всегда спрашивала себя.

- Я не стану обсуждать ее с тобой.

- Тогда я буду о ней говорить. Ты не можешь быть с ней. Как и ни с кем другим. Ты прекрасно знаешь, что твое счастье ходит рука об руку с твоей погибелью.

Джиллиан слышала немного о погибели Уильяма. Также известной, как его проклятие. Женщине, которую он полюбит, суждено его уничтожить.

Джиллиан верила в проклятия? И, да и нет. Она жила с бессмертными, одержимыми демонами, уже три года. Она видела разное. Сверхъестественные вещи. Дикие. Невозможные. Но проклятия... удача против невезения? Нет. Плохие вещи случаются, потому что принимаются неверные решения. Конец обсуждению.

Если Уильям ожидает худшего, то и увидит только самое плохое. Он поступит соответственно и превратит свое воображаемое проклятие в сбывающееся пророчество.

Ищи и найдешь.

- Я ищу способ разорвать... - начал Уильям.
  - Ты давно ищешь, - оборвал его Гадес. - Уже несколько веков.
  - Моя книга...
  - Это ерунда. Ловушка, чтобы заставить тебя надеяться на более сладкую кончину, чем будет на самом деле. Если книгу можно было расшифровать, то уже сделали бы это.
- Еще одна напряженная пауза. Затем Уильям выплюнул:
- Ты пришел сюда, чтобы меня позлить?
  - Разозлить тебя всего лишь бонус. Я пришел предупредить.
  - Ну, ты выполнил и то и другое.
  - Нет, сын, не выполнил. - Голос Гадеса стал жестче. - И вот предупреждение: если я решу, что ты влюбляешься в девчонку, то сам ее убью.
  - Ты попытаешься.

Раздался шорох одежды. Грохот опрокинутой мебели. Треск сломанных костей. Кряхтенье от боли и удовлетворения. Учащенное дыхание. Свист, когда тени упали за балконные перила... глухой удар.

И, конечно же, у нее не было сил закричать.

- Ответь мне на один вопрос, - сказал Гадес, и она все слышала также четко, несмотря на большое расстояние до них. Как такое возможно? - Ты думал о том, чтобы создать с ней связь?

Ее сердце, предательский орган, рухнуло в живот.

- Нет, - ответил Уильям после ужасно длинной паузы. - Я никогда ни с кем не соединюсь. Особенно с человеком.

"Ой!" Но на самом деле его отказ отражал собственные мысли Джиллиан. Она никогда не завяжет отношения с мужчиной... никогда не выйдет замуж. Она слишком травмирована. В детстве у нее была хорошая жизнь... пока ее биологический отец не умер в аварии на мотоцикле, а мать вновь не вышла замуж спустя несколько месяцев. У отчима уже было два сына подростка... и все трое мужчин превратили ее жизнь в сущий кошмар.

"Снимай одежду, Джилли. Парням нужно учиться, как прикасаться к женщине".

Они делали с ней ужасные вещи...

Даже теперь, спустя годы, ее тошнило от воспоминаний. Те парни... они сломали ее, дух, душу и тело, и в пятнадцать лет у нее осталось два варианта: убить себя и, наконец, прекратить страдания или сбежать. Хотя она сильнее склонялась к первому варианту, но все же выбрала второй, надеясь, молясь, что ее жизнь может закончиться достойно.

Добравшись автостопом до Лос-Анджелеса, Джилли устроилась на работу в дрянную забегаловку. А несколько месяцев спустя Даника... которая сбежала от Рейеса, за которого потом вышла замуж... появилась в том же месте. И когда Даника с Рейесом разобрались со своими проблемами, милая блондинка пригласила Джиллиан в Будапешт.

Если бы ей не пришлось иметь дело с ужасным управляющим и проводить каждую ночь с битой в руке, наблюдая за своей входной дверью и ожидая, что парень войдет внутрь, она сказала бы нет. Все эти мускулистые воины... весь этот тестостерон и зло... ну, пугали до усрочки, даже не вдаваясь в подробности, чем вызвана ее реакция. Но парни сохраняли дистанцию, давая ей пространство и время, чтобы преодолеть себя.

За исключением Уильяма, который однажды вошел в ее комнату, шлепнулся рядом на диван и сказал: "Скажи, что умеешь обращаться с игровой приставкой. У Аны это отстойно получается".

Они играли в видео игры ежедневно в течение нескольких месяцев, и она ощущала себя ребенком впервые со смерти ее отца.

Кто-то опустился на кровать, и ее разум вернулся к настоящему. Уильям вновь сел рядом с ней, и, когда перед глазами слегка рассеялся туман, Джиллиан близко-и-лично взглянула на его лицо в порезах и синяках.

- Я сказал тебе поспать, - нежно сказал Уильям. С ней он всегда нежен.
Она это любила, но в какой-то степени и ненавидела. И понятия не имела почему!
Джиллиан открыла рот, чтобы ответить... "Когда это я тебя слушалась?"... и поняла, что во рту пересохло.

- Воды. Пожалуйста.

Сильные ладони скользнули под ее голову и приподняли. Соломинка прижалась к центру ее губ. Она втянула, и прохладная жидкость успокоила ее саднящее горло.

Когда Уильям опустил ее на подушку, она спросила:

- Я умру?

Джиллиан ничего не смыслила в сверхъестественных болезнях, но полагала, что они хуже обычных.

- Нет! - выкрикнул он. Затем сделал глубокий вдох, выдох. - Нет, - ответил он мягко. - Я найду лекарство.

"Что если лекарства не существует?"

Хорошо. Время отвлечься.

- Как Гадес усыновил тебя?

Уильям отбросил влажные волосы со лба.

- Он сказал, что нашел меня. Младенца, оставленного умирать.

Это ее опечалило. Мальчика бросили родители? Плавали-знаем. Ее мать не поверила ей... не захотела ей поверить... когда она рассказала об отчиме. Выбрала мужчину вместо Джиллиан.

- Нашел где?

- В Преисподней.

Еще хуже!

- Ты понятия не имеешь, кто твоя настоящая семья?

- У меня есть догадка, но я не заинтересован в воссоединении. У меня есть ты и Анья и те дураки, которых она запрещает мне убить. Этого достаточно.

"Он считает меня семьей". Слезы обожгли ей глаза, а подбородок задрожал.

- Почему я тебе нравлюсь?

Он не ответил Гадесу, но, возможно, ответит ей.

- Не глупи, крошка. Почему ты должна мне не нравиться?

С чего бы начать? Она боялась темноты, морально пострадала и никогда не станет испытывать интерес к сексу.

"Твои сиськи слишком маленькие. Тебе нужно увеличить грудь".

"Я не должен использовать смазку, чтобы сделать тебя влажной".

На нее накатила тошнота...

- Ты бессмертный, - сказала Джиллиан. - У тебя есть такой опыт, о котором я даже не догадываюсь. Ты бывалый и искушенный, а я...

- Ты удивительная, и я не желаю слушать другие дурные слова, вылетающие из твоего рта. Спи. В этот раз по-настоящему, или я тебя накажу.

Она фыркнула. Будто Уильям когда-нибудь причинит ей боль.

Он взъерошил ей волосы и встал.

- На тумбочке стоит колокольчик, если тебе что-нибудь понадобится, что угодно, позвони в него. И я примчусь через несколько секунд.

Куда он собирается? Что хочет делать?

Она сдержала оба эти вопроса. "Не навязывайся!"

Раздались шаги... свет выключился, и она стала задыхаться от страха. Свет опять включился, и Джиллиан вздохнула с облегчением. Петли заскрипели, когда дверь открылась и закрылась.

Воцарилась тишина. Тьфа. Она осталась наедине со своими мыслями. Которые никогда не были о хорошем.

Призвав все силы, которыми обладала, она перекатилась на бок. У нее закружилась голова, и, вот дермо, когда пол и потолок поменялись местами? Джиллиан собиралась

дотянуться до колокольчика... Уильям хотел сделать как лучше... но движение снова оказалось невозможным. Она едва дышала. В ее теле не осталось энергии, а конечности внезапно стали весить по тысяче фунтов каждая.

Слезы опять навернулись на глаза, и сквозь пелену Джиллиан увидела пару меховых сапог. Уильям вернулся? В зимних сапогах?

Мягкий вздох долетел до ее ушей, когда он присел. Она нахмурилась. Он пах иначе. От него исходил запах торфяного дыма и лаванды, приятный, очень приятный, но все-таки другой. Тепло, излучаемое им, было удивительным, но тоже неправильным.

Это был не Уильям.

Она попыталась закричать, но удалось только застонать.

- Ничего не выйдет. - У незваного гостя был ирландский акцент, а сам голос грубый, но не злобный. На самом деле его голос не выражала никаких эмоций. - Я здесь не для того, чтобы навредить тебе.

Лжет, чтобы успокоить ее?

Вновь она попыталась закричать. И вновь потерпела неудачу.

Нужно предупредить Уильяма. Он никогда бы не пустил мужчину в ее спальню. Даже друга.

Это один из ревнивых мужей, о которых упоминал Гадес?

Не может быть. "Никто не придет и не уйдет без моего ведома", - сказал Уильям.

Когда незнакомец подоткнул одеяло вокруг нее, паника... отступила? Он нежно вытер недавние слезы, и внезапно Джиллиан стало четко... ну, четче... его видно. Он был... кем же он был? Верхняя половина его тулowiща была мужской, а нижняя животного. Козла, наверное? Его ноги оказались покрыты густым мехом, а между ними свисала набедренная повязка. И у него были копыта.

- Подними глаза, девочка.

Покраснев, она посмотрела вверх... и ахнула. У него было чрезвычайно завораживающее лицо, которое могло конкурировать с лицом Уильяма. У незнакомца оказались смуглой кожи и темные глаза, нос с горбинкой тонкие губы. Его волосы были длинными и темными с битвами, вплетёнными между прядями. И у него виднелись рога. Небольшие и закруглённые, но определенно они там были. Рога росли на макушке головы. Широкие плечи продолжались сильными руками и когтистыми пальцами.

Когти... Монстр!

"Этого не может быть, этого не может быть". Галлюцинация?

- Мне сказали, что я могу тебе помочь, - сказал незнакомец. - Что мы можем помочь друг другу. Но не упомянули, что ты принадлежишь Уильяму Темному, или что ты больна. И человек. - Он с издевкой произнес последнее слово, словно с ее расой было что-то не так. - Что ты делаешь с мужчиной его... репутации?

- К-кто ты? - спросила Джиллиан.

Он нахмурился и потянулся к пряди ее волос. Она отпрянула, и незнакомец нахмурился сильнее. Но ни одна эмоция не коснулась его глаз, когда рука мужчины опустилась.

- Я Пьюкинн.

Пьюк-ин. Никогда о нем не слышала.

- Ты можешь звать меня Пьюк. Я хранитель Безразличия.

Так. Значит, он был одним из воинов, одержимых демоном, но с ним она не встречалась. Пьюк не крал и не открывал ларец Пандоры. Он... Джиллиан поломала мозг и выкопала смутное воспоминание о том, что оставшихся демонов вселили в узников Тартара, тюрьмы для бессмертных.

И ее разум сразу же проложил цепочку ассоциаций: тюрьма... преступления... опасность... отсутствие нравственных ориентиров... и к ней вновь вернулась паника.

Мужчина снова вздохнул, словно был ею недоволен.

- Не уверен, что ты можешь мне помочь, но думаю, что позволю тебе попробовать. Я вернусь, когда ты привыкнешь к этой мысли.

С этими словами он дошел до балкона, перелез через перила и прыгнул.

Джиллиан обмякла на матрасе, ее кожа поблескивала от пота. Однако постепенно сердцебиение замедлилось, а пот высох.

Когда Уильям вернулся, чтобы проверить ее, она вновь чувствовала себя нормально. Ну, настолько нормально насколько это возможно, зная о скорой смерти. Он остановился на полпути к кровати, глубоко вдохнул и нахмурился, затем посмотрел на нее.

Она открыла рот, чтобы сообщить о своем госте, но передумала. Парень... Пьюк... не обидел ее, а если Джиллиан о нем расскажет, Уильям выследит его. Возможно, даже убьет. И определенно будет пытать. Она слышала рассказы об экспериментальных методиках пыток Уильяма и абсолютной любви к процессу.

Что сделало ее чувство комфорта с ним еще более странным.

- Ты готова к встрече с еще одним доктором, крошка?

- Мой господин... сэр, - раздался незнакомый голос. И только тогда Джилли заметила небольшого круглого мужчину с чешуей вместо кожи, стоящего рядом. - Я разговаривал со своими коллегами, и мы пришли к согласию. Она *morte ad vitam*, и, как вы знаете, от этого нет лекарства.

* * *

- Вспоминай. Давай же! Вспоминай.

Камео, хранительница Несчастья, дернула себя за волосы, врезала кулаками по вискам и, когда это не помогло, ударила головой об стену. Но, чтобы она не делала, ее разум оставался чистым.

Разочарование поглотило остатки имеющегося у нее контроля. С момента, когда ею овладел демон, она теряла память, если ступала на дорогу, которая ведет к счастью. Несколько недель назад древний артефакт отправил ее в другую реальность. Несомненно. Она не могла ничего об этом вспомнить, значит, Камео встретила кого-то или что-то, что могло изменить ее жизнь к лучшему.

Парни говорили, что она бормотала имя после возвращения домой. Лазарь.

"Лазарь. Лазарь. Лазарь".

Воспоминания так и не всплыли, только появилась безумная тяга к шоколаду...

Эти две вещи связаны?

И, конечно, ответ ускользнул от нее.

Скрипнув зубами, она подняла огромную вазу со столика и бросила глупую вещь через всю спальню. Стекло разлетелось вдребезги, а осколки усеяли пол. Камео хотела хотя бы раз ощутить счастье и насладиться им. Но нееет. Это не доступно даже в ее воображении. Должен быть другой способ вспомнить Лазаря. Кем бы он ни был. Была ли она на пути к своему счастью?

Дверь в ее спальню распахнулась, петли разлетелись на кусочки, как и ваза до этого. Мэддокс ворвался внутрь, готовый к сражению с кинжалом в руке. Его фиолетовые глаза осмотрели каждую стену в комнате за секунду, и Камео знала, что воин успел отметить небольшие повреждения.

- Я в порядке, - сказала она, и он поежился. Все всегда съеживались.

И Лазарь?

"Не думай о нем".

Больше ничего не сказав, она взмахом руки попыталась прогнать Мэддокса.

Он не уходил.

- Ты не выглядишь в порядке.

Она приподняла бровь, как бы говоря: "Я Несчастье, балда, как еще я должна выглядеть".

Он пожал плечами, задевая ими кончики своих темных волос.

- Так мне некого убить за то, что расстроил тебя?

Камео покачала головой.

- Отлично. - Он стал выходить из комнаты, но остановился в разломанном дверном проеме. - Наверное, тебе следует кого-нибудь позвать для починки этого.

"Маленький засранец". Смех вскипел... и умер мучительной смертью в ее горле. Нельзя смеяться. Если хотя бы смешок вырвется, она пострадает.

Bay. Вот это жизнь. И даже лучше, именно так она проведет оставшуюся вечность.

Давным-давно она удивлялась, почему Баден позволил себя убить. А Камео всегда подозревала, что он именно позволил этому случиться. Баден был слишком сильным бойцом по сравнению с теми, кто прокрался к нему. Так почему? Даже учитывая свое несчастное существование, она никогда даже не рассматривала бы такую судьбу.

До этого момента.

Женщина Бадена была настолько подавлена, что бродила по крепости словно призрак. И Камео чувствовала себя частично ответственной за это, словно ее демон заразил девушку. Возможно ли такое? А что на счет Джилли и Уильяма? Джилли больна, а Уильям безутешен. Ее вина?

Возможно.

"Мир станет лучше без меня".

С тяжелым сердцем она присела на край кровати. Ей хотелось рыдать, но от слез никакого толку. Они только подкормят ее демона, сделают сильнее.

Найти ларец и освободиться, наконец, от этого исчадия ада, на первый взгляд было лучшим вариантом. Но поиск ларца никогда не был более невозможен чем сейчас, все найденные зацепки ни к чему не привели.

Что она могла сделать?

Ей нужно подумать... принять решения на свет собственного будущего. Единственное, что Камео знала? Она не могла пойти по этому пути.

Глава 10

*"Только одно из правил верно: я никогда не преследую, я возвращаю на место.
Беру свои слова назад".
- Гален, хранитель Зависти и Ложной Надежды*

Бадену... Нужен... Секс.

Он должен быть жесткий и быстрый. Что самое важное, произойти немедленно. От этого зависит судьба крепости, как Уильям и предсказывал. Разрушение кипел в его голове, стуча по черепу.

Каждая минута... поправка... каждая секунда в присутствии Катарины становилась для него особым видом ада. Вчера он вымыл ее и, хотя испытывал мучительную боль, сделал все возможное, чтобы это скрыть. Каждая точка соприкосновения производила такой эффект, словно просыпали соль на рану, удовольствие держать ее в руках не сравняется практически ни с чем.

Ее соски напряглись в его ладонях, когда Баден намыливал тело Катарины, и ему пришлось бороться с желанием потеряться об ее спину. И затем, когда Катарина ходила по спальне, демонстрируя свои длинные ноги, он хотел взять ее на руки и бросить на кровать, раздеть и погрузиться как можно глубже в ее лоно.

Его телу нужно успокоиться.

Баден начал размышлять. Катарина возможно и не относилась к его типу, возможно и была слабой, но временной любовнице не обязательно быть сильной. И она принадлежала другому. Ну и что? Катарина принадлежала Александру только номинально. Пока что. Вряд ли это проблема. Она может принадлежать и Бадену. Недолго.

А если он потеряет контроль над зверем и сделает ей больно? Или даже хуже?

Он не хотел причинять ей вред. Баден действительно заботился о ее благополучии. Когда он поделился с ней кусочками своей жизни, пытаясь вытащить из депрессии, то создал неожиданную связь. Связь, которую не смог разорвать. Хоть и пытался!

Разрушение тоже ее хотел, и это только часть проблемы. Зверь теперь подозрительно к ней относился, не зная, что делать.

Баден пересек коридор, направляясь к спальне Страйдера.

- Пандора сегодня появлялась? - спросил он. Баден был один, но Торин контролировал коридоры с помощью камер и микрофонов.

- Еще нет, - ответил воин, его голос раздался из динамиков.

Хотя Пандора переместила в подземелье, по крайне мере, один раз, пытаясь поймать Александра, ей удалось избежать установленных Баденом ловушек.

Не имеет значения. Она была импульсивной и нетерпеливой и скоро совершил ошибку.

Она должна совершить ошибку.

Ранее на неделе, когда Баден отказался расчленять подростка, Гадес перепоручил задание Пандоре. Она выполнила это без колебаний, заработав дополнительное очко, и вырвалась вперед. Только позже Баден узнал, что этот подросток на самом деле был старой ведьмой, скрытой магией. Люцифер платил премию ведьме за каждого человека, которая та переманила на темную сторону.

Король Предвестников не доволен своей бессмертной армией. Он планировал расширить ее и за счет людей в том числе.

Гадес с каждым днем становился все более нервным. Он даже увеличил число заданий, выдав и Бадену и Пандоре список.

И Баден, ну, перестал ненавидеть мужчину. В его безумстве была логика, неважно понял это Баден сейчас или нет.

Он потянулся к двери хранителя Поражения и постучал настолько сильно, что дерево треснуло.

Баден сделал мысленную заметку: "Купить новую дверь".

- Иду, иду.

Раздался стук шагов, и дверь распахнулась, явив пару Страйдера - Кайю. Она встретила его с кинжалом в руке, копна ее рыжих волосы бала заплетена в косички, а в глазах пылала ярость.

Она вооружена... и представляет реальную угрозу. Убей ее!

Баден изо всех сил старался игнорировать зверя, глядя через плечо Кайи. Он осмотрел комнату, по привычке проверяя на наличие скрытых угроз. Ну. По её стилю оформления комнаты можно предположить, что в ней умер барахольщик.

- Ты нашла сестру?

Его следующее задание заключалось в том, что он должен украсть трусики Талии Бессердечной. Не прикасаясь к ней и не причиняя вреда. Талия была Гарпией, старшей сестрой Кайи и наполовину змеей-перевертышем. Она почти также кровожадна как и Разрушение.

Почему Гадес поручил Бадену это, пока непонятно, но не стал подвергать сомнению приказы мужчины.

- Ага. Она встретится с тобой в Падении в час.

- Спасибо.

- Побереги свою благодарность и сделай мне одолжение. - Она поцеловала рукоять своего кинжала. - В следующую встречу с Гадесом узнай про все тайные убежища Уильяма.

Его охватило внезапное желание защитить. Защитить Уильяма? Или Гадеса?

Обоих. - Прорычал Разрушение в его голове. - Они мои, и я уничтожу любого, кто даже подумает причинить им вред.

Это было намного больше, чем просто билет на Бесплатное Избавление от Пыток. Это были решимость, забота и беспокойство.

Но зверь не успокаивался. Он сражался с Баденом за господство... и сражался упорно, наконец, завладев его телом и разумом.

Его рот наполнился слюной.

Я попробую ее кровь. - У него зачесались руки. - Я сломаю ее кости.

Как хищник, Кайя ощутила его намерения и поступила соответственно - присела, готовясь к атаке.

В голове бились рациональные мысли: "Нет, нет. Не ее".

Но Разрушение уже замахнулся кулаком для удара. В последнюю секунду Баден восстановил подобие контроля, выплескивая ярость на стену.

Зверь заревел, все больше и больше друзей Бадена выбегали из своих комнат, хватая его и пытаясь остановить.

Они смеют пытаться удерживать меня?

Вновь зверь взял над Баденом верх и начал раскидывать воинов одного за другим по коридору. Мужчины впечатывались в стены с такой силой, что оставляли трещины после себя. Пыль и куски штукатурки загрязнили воздух.

Он рассмеялся.

- Как нам совладать с ним? - крикнул кто-то.

- Кили. - Раздался в динамиках голос Торина. - Ты нужна к комнате Страйдера. Как можно быстрее.

- Нет времени. Нам нужна Катарина, - крикнула женщина. - Думаю, она его успокоит.

Сразу несколько воинов бросилось на него, повалив на пол, но зверь вновь без труда раскидал их. От силы его конечности расширились, кости укрепились. Он с легкостью встал на ноги.

Я могу проиграть, но никогда не успокоюсь.

Ухмыляющийся блондин встал у него на пути. Мужчину звали Страйдер. *Его смерть станет для меня наслаждением.*

Баден закричал на разрушение. "Он мой друг. Они все мои друзья!"

- Эй! Сюда. - Крикнула одна из женщин. - Я собираюсь вырезать слово задница... на твоем лице.

Не мой друг, - ответил Разрушение Бадену, когда схватил женщину за шею и приподнял над полом. Анья. Разрушение изучал личностей, которые жили в крепости. - Знай своего врага...

- Нет! - закричал Люциен, хватая его сзади.

Богиня Анархии обвила ногами шею Разрушения и, когда он споткнулся, сжала с удивительной силой.

Боковым зрением он заметил, как Катарина и та, которую звали Эшлин, вывернули из-за дальнего угла. Обе женщины остановились и уставились на него. Он замер, не совсем понимая почему, давая Бадену обрести немного контроля. Не достаточного, чтобы заявить права на свое тело, но его хватит, чтобы замедлить зверя, пока их силы воли сражались. Он взревел.

- Беги, Эш, и забери девушку с собой, - приказал Мэддокс. - Она делает только хуже.

"Катарина... уходит?"

Баден и Разрушение действовали слажено, стянув Анью со своих плеч и отбросив ее. Они обошли Люциена и направились к женщине, которую хотели. К женщине, которая принадлежала им. Хоть и ненадолго.

- Бегите! - раздалось множество голосов. Воины бросились в погоню, пытаясь отвлечь его от объекта его одержимости.

Эшлин постаралась оттолкнуть Катарину, но та отмахнулась от движения девушки и пошла вперед. К нему.

Когда она подошла вплотную, то потянулась к его лицу своими нежными руками. Ему пришлось пригнуться, чтобы Катарине это удалось. Положение оказалось далеко не самым прекрасным, чтобы надлежаще защититься... но это того стоило.

- Что с тобой случилось? - спросила она.

Он сделал глубокий вдох, и его обычно бесполезные легкие наполнились ее сладким ароматом... словно возвращая Бадена и Разрушение к жизни.

- Они угрозы.

- Ошибаешься. Здесь нет никаких угроз.

- Они угрозы, - настаивал он.

Она провела большими пальцами по его щекам, нежно, так нежно, и в то же время обжигающе. Но он не отстранился. Воздух между ними сгустился и стал потрескивать. Ему это понравилось.

Остальные прекратили преследование и, держась на расстоянии, перешептывались с недоверием.

- Это действительно происходит, или у меня галлюцинации? - спросил кто-то.

- Человек обладает долбанной магией?

- Тебе нужно делать работу, - напомнила ему Катарина, игнорируя других. - Почему бы тебе не пойти и не выполнить ее, а я позабочусь об угрозах?

Он фыркнул.

- Ты недостаточно сильна.

Катарина приподняла бровь.

- Это ты мне уже говорил.

- Чувак. Разве она не замужем? - спросила Кайя.

Он зарычал на Гарпию, хоть и не отрывал своего взгляда от Катариной. Она похудела и выглядела более хрупкой, чем когда-либо, и все же от ее красоты перехватывало дыхание. Ему теперь нужен воздух, чтобы выжить?

- Баден, - сказала она.

- Разрушение, - поправил он.

- Он действует на тебя, и, готова поспорить, что и ты влияешь на него. Почему бы не звать тебя Бадрушение? - Катарина ему улыбнулась, приглашая поиграть с ней. - И благодарю за информацию. Если твоей новой работой было плятиться на меня, то ты преуспел.

Он не знал правил игры, но ему нравилось видеть ее такой. Счастливой, а не унылой.

Его не должны волновать ее чувства. Забота делала уязвимым.

Он хмуро на нее посмотрел.

- Держись подальше от неприятностей сегодня.

- Хорошо, но не потому что ты приказал. А потому что я девочка, сделанная из...

- Загадок и мармеладок, - перебил он, вспомнив стишок. Мальчики сделаны из веснушек и хлопушек.

- Неверно. Девочки сделаны из водки и льда. Два компонента, которые в сочетании помогают нам проявлять больше терпимости к мужским глупостям.

Он рассмеялся. Забавная девушка. Но смех быстро прекратился, когда Баден стал подбираться все ближе и ближе к поверхности, сражаясь изо всех сил.

Став серьезной, Катарина сказала:

- Я жду, что ты вернешься невредимым.

Она заботится о его благополучии? И он... позволит.

- Мне не причинят вред. Я сильный.

Но недостаточно сильный, чтобы и дальше сдерживать Бадена. Воин выиграл битву.

Баден покачнулся, когда вернулся к нормальному размеру. Но все равно ему пришлось пригнуться, чтобы прижаться лбом ко лбу Катарины, но он сделал это, чертовски радуясь, что зверь не причинил ей вреда... чувствуя вину в первую очередь за то, что начал драку, и волнуясь за реакцию друзей.

- Мне жаль, - сказал Баден, его челюсть жгло от ее прикосновений.

- Вот и ты, - ответила Катарина. - Мой Баден.

Ее глаза расширились, когда слова эхом раздались между ними. Ее Баден?

- Да, - нашелся он с ответом. Соглашаясь.

- На сегодняшней работе... сможешь никого не убивать? - она приподнялась на цыпочках и прошептала, - если воздержишься от убийств, я вознагражу тебя...

Он напрягся от волнения, когда она опустилась, и их взгляды встретились. Зрачки закрыли радужку. На ее щеках появился румянец, дыхание участилось.

- Чем? - потребовал Баден.

Она облизнула губы, пока смотрела на него.

- Что пожелаешь.

Член мгновенно затвердел.

Искра удивления зависла между ними... и тоски. Так много тоски.

- Я воздержусь, - пообещал он и переместился в Падение, пока не бросил ее прямо на постель.

Клуб находился на третьем уровне небес. Небес для перерожденных.

Он запихнул зверя в дальний уголок разума... не раздумывая над беспомощностью, которую только что испытал.

Также он отгородился от мыслей о Катарине... потому что должен был. Если начнет думать о ее наставлении, то не продержится и пяти минут вдали. Наверняка не выполнит задание.

Он протискивался через толпу. Стены и пол состояли из перистых облаков, пропуская проблески черного неба и ярких звезд, и все же и стены и пол на ощупь были твердыми. Слева играла живая музыка, группа женщин бросали нижнее белье вокалисту.

Если бы миссия Бадена была столь же легкой.

Справа от него бармены стояли за оккупированной барной стойкой, смешивая напитки и даря хорошее настроение. Слева от него бесчисленное количество тел корчилось на танцполе.

Разрушение бесновался внутри его черепа.

Не доверяй никому. Каждый может сделать больно. Для тебя этого достаточно.

Существовала только одна причина, почему он выбрал ночной клуб для бессмертных для места встречи с Талией: он принадлежал трем Посланникам. Беспощадным крылатым воинам, которые имели правильное представление о наручах. Убить двух зайцев одним выстрелом. Воины сейчас... и всегда... воюют с Люцифером и его миньонами, и в их обязанности входило знать, что происходит в Преисподней.

Баден стащил два шота с амброзией разбавленной виски с подноса, когда официант проходил мимо. Он выпил оба, а вкус и запах вернули его назад к погоне по пылающему полю, но тепло его успокоило.

- Эй, - сказал официант. - Это для...

Один взгляд на Бадена, и он сжал губы, благодарно принимая пустые бокалы.

Прежде чем Баден переступил порог для важных гостей, огромный мужчина встал у него на пути. Накаченные мышцы, львиная грива и гибкая челюсть медведя. Несомненно, он был Берсерком.

Баден решил попытаться вежливо попросить.

- Я здесь, чтобы поговорить с Посланниками.

- Вам назначено?

- Нет, но я готов не принимать во внимание этот недостаток, и увижу их в любом случае.

Берсерк скрестил большие руки и массивной груди.

- Они заняты и просили их не беспокоить.

Отказали нам? Мы укажем ему на ошибки в его поведении.

"Уже мы? - Баден был все еще на грани, поэтому они пришли к обоюдному согласию. - Только в этот раз".

Разрушение ликующее рассмеялся, когда начал влиять темную силу прямо в вены Бадена. Как и Кайя, Берсерк занял оборонительную позицию, готовясь к удару. Баден опередил его, впечатав кулак в центр его груди, смягчив удар в последнюю секунду, когда голос Катарины всплыл в его голове.

"Что пожелаешь".

Парень отлетел назад, врезался в стену и шлепнулся на задницу. Он остался в сознании, хотя в центре его торса теперь была вмятина, будто Баден пробил кожу, мышцы и кости. Возможно, так и было. Черный туман окутал его ладони, но затем стал редеть и полностью рассеялся. Такое уже было ранее. С Гадесом.

Баден даже не знал, что и думать. По крайней мере, Берсерк вылечится.

Все в VIP ложе затихли и замерли. Несколько женщин посмотрели на него с внезапным интересом, хотя в глазах большинства мужчин читался страх. Они ощущали хищника гораздо более опасного, чем они сами. Берсерки, как правило, находились на вершине пищевой цепочки, а Баден только что разделся с таким одним ударом.

Разрушение жаждал большего.

Баден сделал вдох и выдох, полный решимости сопротивляться искушению.

В дальнем углу встали двое мужчин. Посланники. Огромные бело-золотые крылья выгибаются за их плечами.

Хотя Баден никогда их и не встречал, но знал. Каждого. Один из них со светлыми волосами, шрамами на белой коже и красными глазами был Ксерксесом. Другой с темными волосами, загоревшей кожей и разноцветными глазами был Борном.

- Ты навредил нашему человеку, - сказал Ксерксес, похрустывая костяшками пальцев. - Сегодня ты умрешь.

- Я не собирался причинять ему вред. - Баден расправил плечи и приготовился к удару. - Я здесь ради ответов.

За ними Берсерк вскочил на ноги и взревел, когда исцелился. Он вырос на пять... нет, более чем на восемь дюймов, жуткие когти появились из кончиков его пальцев.

Баден нахмурился, его разум внезапно наполнился зудящим воспоминанием Разрушения. Когда он дрался с охранниками в тюрьме, и их тела валялись повсюду, Разрушение увеличился в размерах, вырос намного сильнее, чем раньше, его ногти удлинились и стали когтями впервые. Когти точно такие же... как... эти.

Зверь был частично Берсерком?

Затрудненное дыхание вернуло Бадена в настояще. Кончики его пальцев словно охватил огонь. Он посмотрел вниз и увидел, что его ногти удлинились стали когтями... от встречи с подобным? Он был частично Берсерком?

Когда он потряс руками, шокированный происходящим, когти втянулись.

Бьорн рукой остановил Ксерксеса и Берсерка в одно мгновение. Не отрывая взгляда от Бадена, он сказал:

- Успокойся, Колин, или я сделаю это за тебя.

Предупреждение сработало, Берсерк остался на месте.

- Посмотри на предплечья воина, - обратился Бьорн к Ксерксесу. - Он носит змеиные наручки.

Баден посмотрел на свои бицепсы, где сквозь рукава его рубашки проступал металл.

- Они одна из причин, почему я хотел с вами поговорить.

Ксерксес колебался всего мгновение, прежде чем махнуть ему. Бьорн подал знак частному бармену.

Баден подошел к затененному углу, освещенному свечами. Две полураздетые женщины развалились на диване и одна на кресле, все начали возбужденно болтать, когда он появился в поле зрения.

- Это Джейми долбаный Фрейзер⁹!

- Знаю. Ладно, ладно, ты меня уговорил. У нас будут шотландские дети.

- Снимай свою рубашку. Или ты предпочитаешь, чтобы я ее с тебя сорвала?

Баден ожидал, что вожделение вернется с полной силой. Эти женщины предлагали секс, которого он хотел. Секс, который ему нужен. Простой и незатейливый. Дарующий облечение и освобождение. За исключением того что они не Катарина, и его тело никак на них не реагировало.

Он нахмурился. Личность его любовницы не должна иметь значения. Желание было его оружием, его средством управления зверем. Тяга к определенной женщине превратит каждое ощущение в слабость... даст ей власть.

- Уходите, - сказала Ксерксес женщинам без намека мягкости в голосе.

Болтовня прекратилась, когда три женщины ретировались. Баден плюхнулся в кресло, оставляя диван без спинки для Посланников. Там больше места для их крыльев.

- Кто дал тебе наручки? - спросил Бьорн. - Гадес или Люцифер?

Только двое бессмертных имели власть, чтобы пользоваться ими?

- Гадес.

- Так ты под его контролем.

- Да. - Признался Баден, скрипнув зубами, но честность была обязательна. Посланники ощущали ложь. - Я не могу снять оковы так, чтобы не остаться без рук, чего бы мне ни хотелось. Без наручей я умру. Снова. Только в это раз смерть будет окончательной.

Оба Посланника кивнули.

"Потерпел фиаско".

- Как они работают? - спросил Баден.

Бьорн наклонил голову в сторону.

- Подумай обо всем этом следующим образом. Если ты возьмешь семя какого-то фрукта, посадишь его и будешь поливать, то вырастет дерево, которое начнет давать плоды. Они разные, но в тоже время одинаковые.

Это означает... что? Наручи были семенами, а корни теперь прочно в нем проросли?

- У меня видения о другой жизни. Наручи раньше были человеком... существом.

- Ты прав, - сказал Ксерксес. - Наручи созданы из сердца Гадеса. Он вынул его, сжег и выковал браслеты из пепла, которые навсегда впитали его сущность.

Что. За. Черт?

Разрушение был Гадесом? Воспоминаниями принадлежали Гадесу?

Нет, нет. Невозможно. И все же так много вещей вдруг приобрело смысл. То, как Гадес действовал, угрожая убить, затем передумывая, будто бы заботился о Бадене... потому что он заботился о себе. Зверь знал Кили... потому что Гадес был с ней обручен. Зверь затихал в присутствии Гадеса... Потому что они хотели одного.

"Нечего сказать?" - прорычал Баден. Зверь знал правду. Зверь всегда знал.

⁹ персонаж из сериала "Чужестранка"

Я - Разрушение.

"Да. Но также ты намного больше". И Баден должен был это понять. Вот идиот!

- Сколько наручей было изготовлено? - спросил он.

- Точное количество неизвестно, - ответил Бьорн. - Но хочешь знать мое мнение? Немного.

Баден не знал, благословили его или прокляли. Что произойдет с Разрушением, когда наруччи снимут? Существо привязано к металлу, но не к Бадену... верно? Получит он, наконец, шанс жить свободно от какой-либо одержимости, как мечтал?

Он почувствовал воодушевление.

Ярость, согласие зверя.

Я буду жить!

- А что на счет моих новых татуировок? - потребовал Баден. - Они вытекают из наручей и утолщаются, когда я убиваю цели Гадеса.

- Ты должен понимать коварную природу зла лучше большинства. - Ксерксес провел кинжалом по руке, делая порез. - Прямо сейчас рана кровоточащая, открытая, неспособная бороться с инфекцией. Ей нужна корочка, чтобы защититься.

- Чего?..

- Зло заражает, распространяется и открывает двери другому злу, - ответил Бьорн.

Баден ждал. Посланники не сказали больше ни слова.

- Я не услышал ответов на свои вопросы.

- Просто потому что ты не слушал, не значит, что мы их не дали.

Напыщенный кусок...

Пришла официантка с шотами амброзии на подносах. После того как Баден осушил все три по очереди, Бьорн ее отоспал.

Баден знал, что у Посланников есть свои проблемы. Бьорна заставили жениться на непонятного вида королеве теней... как и тени Гадеса... тени Бадена?.. и она медленно выпивала из него жизнь. Ксерксес, судя по слухам, охотился на бестию, полный решимости ее убить.

В клубе раздались аплодисменты, и кто-то назвал имя Талии.

Они пришла.

- Чтобы не случилось во время войны между отцом и сыном, - сказал Бьорн, - мы не можем позволить Люциферу выиграть. Наши оракулы высказались. Если Гадес выиграет, мир выживет.

- Если выиграет Люцифер, - продолжил Ксерксес, - миру, который мы знаем, придет конец.

Апокалипсис, - предупреждающее прошептал Разрушение.

- Уверен, у тебя есть еще вопросы, - добавил Бьорн, и Баден кивнул.

- Но у нас нет других ответов, - закончил Ксерксес.

Ох, у них были ответы. Просто не такие, какими они бы поделились. Но Баден не собирался давить. Он должен этим мужчинам и не отплатит им жестокостью.

- Спасибо за разговор, - сказал он, когда встал.

Посланники тоже поднялись.

Красные глаза Ксеркса запылали.

- Слава о твоей связи с Гадесом будет распространяться. Это не остановить, так что будь готов. Однажды Люцифер пошлет кого-нибудь за твоей головой.

Он уже посыпал. Уильям убил проституток.

- Я одержу победу.

С этими словами он пошел охотиться на Гарпию. Охота не должна продлиться долго.

Она сидела на механическом быке посреди клуба, ее короткая юбка оголила каждый дюйм ног Талии и кусочек трусиков, которые ему и нужны. Светлые волосы рассыпались по плечам, пока бык двигался назад и вперед. Обе ее руки были свободны, сжимали в кулаках по шоту, а она держалась с помощью бедер.

Бык неожиданно развернулся, показав Бадену спину девушки, на которой обнаружились небольшие переливающиеся крылья, что выпорхнули из щелей ее розовой майки.

Красивая женщина, без сомнений... но она не сравнится с Катариной.

Крики стихли, когда Талия соскочила с быка и приземлилась прямо перед ним.

- Слышала, ты хотел что-то у меня спросить, - сказала она. - Я позволю тебе купить мне один коктейль. Или двенадцать. Да, определенно двенадцать. Наше дело должно быть закончено прежде, чем последний шот опустеет. Ясно?

Талия направилась к бару, покачивая бедрами. Брачные игры. Но это не вызвало никакой реакции в его теле.

Сжав руки в кулаки, Баден последовал за ней.

Она заказала пятнадцать шотов, и он бросил золотую монету бармену. Торин заработал много денег за эти годы.

- Итак? Начинай говорить.

Она осушила один стакан, затем другой.

- Отдай мне свои трусики.

Она только что выпила пятый шот и поперхнулась. После того как Талия перевела дыхание, то рассмеялась и сказала:

- Bay. Не слишком ли много просишь? Чувак. Ты собираешься их носить или что-то еще?

- Нет.

Он предпочитал не объяснять.

Ее удивление ослабло, а веки сузились.

Когда кто-то налетел на нее сзади, она повернулась так быстро, что Баден едва смог уловить движение, и ударила обидчика кулаком в живот.

- Нет? - спросила она Бадена, не пропуская удара. - И это твой ответ?

Прими участие в драке! Поводок на Разрушении слегка протерся, и Баден обнаружил, что хватает задыхающегося мужчину за горло и приподнимает над землей.

- Продолжи или с ним или со мной, - сказала Талия, - но не с обоими. Я почти допила...

Разговор ограничен по времени. Верно. Он отпустил мужчину, не убив.

- Гадес...

- Гадес! Вот оно как. - Она облизнула ободок шота, чтобы поймать случайно стекающую каплю жидкости. - Ты теперь его сучка, вынужденная выполнять все приказы.

Он был не согласен, но опять же не предложил другого объяснения. Чем меньше другие о нем знают, тем лучше.

Талия осушила еще два шота.

- У нас с Гадесом есть своя история. - Она опустошила еще один бокал и задрожала, но не от страха. - Думаю, он послал тебя, просто чтобы разозлить меня. Ну. Я с радостью разозлю его в ответ. - Гарпия выпила еще один шот и полезла под юбку, чтобы стянуть с себя ярко-синие стринги. Она помахала ими перед лицом Бадена. - Я отдам их тебе... за определенную цену.

Он чуть не закатил глаза. У всего есть цена. За исключением Посланников, понял Баден. И Катарины. Она хотела отдать.

"Нужно вернуться к ней".

- Конечно, - согласился он. - Назови.

- Что же я хочу, что же я хочу? - Свободной рукой она постучала острыми, словно кинжалы когтями, по подбородку. - Ой, я знаю! Ты передашь мое сообщение. Слово в слово.

Для него это плохо кончится, так ведь?

- Идет.

Ухмыльнувшись, она приподнялась на цыпочки и прошептала ему сообщение на ухо. Он напрягся и вздохнул. Нет, это не кончится ничем хорошим.

- Я передам ему, - пообещал Баден. - Слово в слово.

Талия бросила трусики, и он их поймал. Прежде чем Баден смог поблагодарить ее, она осушила последний шот и исчезла в толпе.

"Лучше покончить с этим". Он переместился...

В спальню со стенами из отполированного черного дерева и полом цвета слоновой кости. На антикварной мебели были вырезаны птицы в лесу. В комнате лежал мягкий красный ковер, и стояла огромная кровать с белым балдахином. Гадес сидел на краю, уронив голову на ладони.

Слепая сирена пристроилась на табурете в нескольких футах, играя на арфе и напевая. Успокаивающие звуки ласкали кожу Бадена. Такую ласку он мог терпеть.

Его охватило чувство сострадания, что вызвало удивление. Гадес... когда-то был тем мальчиком, запертym и забытым... познал большие страдания, чем большинство людей может себе вообразить. Неудивительно, что желал убить всякого, кто покусится на его свободу.

Князь ощутил присутствие Бадена и вскочил на ноги, хватая рубашку с тумбочки. Он натянул материал через голову, скрывая мускулистую грудь с татуировкой в виде символа, которого Баден прежде не видел.

- Оставь нас, Мелодия.

Мелодия. Подходящее имя.

Девушка встала и, подсчитывая свои шаги, двинулась к двери. Она насмешливо улыбнулась, проходя мимо Бадена.

- Это был плохой день. - Голос Гадеса прозвучал гневно. - Лучше бы тебе иметь то, за чем я посыпал.

- Я принес. - Он бросил трусики через всю комнату. - И заработал свое следующее очко. Теперь у него в общей сложности шестнадцать. Наконец сравнялся с Пандорой.

Девять очков он получил за убийства, четыре за поиск, два за бред, такой как достать эти трусики. Но... Баден получил их. Убийства лишили Люцифера крупных игроков, которые негативно влияли на людей. Нахождение артефактов мешало Люциферу использовать их против Гадеса, а трусики (и другие вещи) забавляли. Развлечения позволяли ему оставаться вменяемым, даря свет во времена гибели и мрака.

Гадес медленно улыбнулся, когда поднес материал к носу и понюхал.

- Как ты их заполучил? Расскажи мне скорей.

- Попросил. В свою очередь пообещал Гарпии, что передам ее сообщение.

Ожидание практически светилось сквозь поры Гадеса, создавая вокруг него ореол.

- Передавай.

Баден закрыл глаза и сделал глубокий вдох.

- Ты сексуальный, восхитительный и горячий, но отдать тебе свою девственность? Неа. Мои трусики становятся влажными каждый раз, когда кто-то называет твое имя... но я все еще хочу подстраховаться... так что не смей кончать.

Гадес громко искренне рассмеялся.

- Умная маленькая ведьма.

Преображение стало шоком, словно охотящийся волк превратился в собаку с новой игрушкой. Но это же магия, когда одна женщина... правильная женщина... могла так влиять на мужчину, верно? Не то чтобы Талия подходила Гадесу.

Но посмотрите на его друзей. Когда-то они были дикими, теперь их приручили.

Образ Катарины всплыл в его голову, ее черты лица нежные, словно крылья бабочки, и тело Бадена дернулось в ответ. Он выругался. Она не могла быть для него той самой. Они слишком разные.

Баден вновь выругался.

"Вспомни о просьбе".

- Твой сын, Уильям, - начал он. - Он спрятал человеческую девушку, Джилли, и мы бы хотели знать, где он...

Веселье исчезло с лица Гадеса.

- Советую тебе уйти. Сейчас же.

- Так что... не обнимешь на прощанье?

Баден говорил эти слова, шутя... возможно.

Когда князь сделал выпад с мечом, Баден сказал: - Приму этот ответ, как нет, - и переместился в крепость.

Глава 11

*"Сделай нам обоим одолжение и вытащи свой тампон, мужик".
- Страйдер, хранитель Поражения*

Следующая неделя быстро пролетела. Катарина ждала, немного тревожась и стремясь к тому, чтобы Баден упомянул данное ею обещание. В конце концов, он вернулся без пятен крови. Но Баден даже не упоминал о награде. Он убил кого-то во время миссии? Или передумал и теперь не хочет ее?

Ладно. Она... как скромный солдат... не собирается об этом больше беспокоиться. Или думать о нем. Или желать его поцелуя... как жаждала этого, когда держала в ладонях его красивое лицо. Нет. Ни фига. Неа.

Катарина погрузилась в работу. Дети Эшлин отказались помочь ей, незнакомке, но часто следовали за ней, подглядывая и хихикая за спиной. Она купала, лечила, ежедневно кормила и защищала Бисквита и Подливку, делая все возможное, чтобы держать эмоции на привязи. Нет любви, нет боли. И все же, верная своей природе, она обнаружила, что проводит с животными дополнительное время, полная решимости дать им привыкнуть к ее присутствию... возможно, даже желая этого.

Лакомство, которое она оставляла после каждого визита, уже творило чудеса. Теперь, вместо того чтобы рычать при ее приближении, они виляли хвостами и прыгали вокруг от восторга.

Так прекрасно. И они оказались ее любимой породы: спасшиеся. Ладно, ладно, в них также были примеси других пород. У пары была короткая шерсть и большие, квадратные головы и широкие, мускулистые грудины, как у питбулей. Кроме того, с точки зрения размеров тела, они были большие, как взрослые датские доги... весом примерно сто двадцать фунтов (55 кг)... хотя их (очень острые) зубы говорили, что им четыре месяца от роду.

"Мне нравятся крупные собаки, нельзя это отрицать".

У Бисквита оказался серьезно нарушен прикус. А у Подливки, покрытой, в основном, белой шерстью, обнаружилась линия темного меха над верхней губой. Такие очаровательные усы! Эти двое любили бороться и кусаться... это такая собачья версия игры, как бы причинить побольше боли другому?

Трижды она надевала на них ошейники, и все три раза они разрывали кожаные изделия в клочья через несколько минут. Собаки ненавидели поводок и брыкались, словно быки на rodeo, каждый раз, когда Катарина пыталась привязать их.

Каждый раз, когда другой человек... или бессмертный... приближался к ним, пара затахала и замирала. Не от страха... что было бы ожидаемо... а от любопытства. Они наблюдали за миром вокруг умными глазами. Глазами, которые фактически меняли цвет в зависимости от испытываемых эмоций, от черных до голубых и зеленых, такого она никогда не видела у собак раньше.

Животные волновались только в присутствии Бадена, и Катарина не понимала причину.

Ее девиз в прошлом был таков: "Если мои собаки тебя не любят, то пошел к черту".

Не то чтобы Бисквит и Подливка ей принадлежали. Но глубоко в сердце она знала, что Баден не такой уж плохой. Не могло быть иначе. Баден заботился о ней на протяжении дней... недель. Он купал ее... "не думай об этом"... кормил, дал ей кров и полный шкаф одежды. Более того, Баден утешал ее в самые отчаянные мгновения. На самом деле, он до сих пор ее успокаивал.

Каждый раз, когда на нее вновь накатывало горе, заставляя валяться в постели и чувствовать себя утопающей, он оказывался рядом и гладил, пока Катарина вновь не ощущала себя нормальной.

"Я еще знаю, что значит быть нормальной?"

Он приходил и уходил, когда заблагорассудится. А когда не хотел этого, то исчезал с хмурым выражением на лице, а наручки на его руках пылали ярко-красным светом. Иногда

Баден возвращался в таком же состоянии, что и при уходе. Иногда был покрыт кровью. Каждый раз, он появлялся перед ней первой, где бы Катарина ни находилась.

В самый первый раз она предложила вымыть его, как когда-то Баден вымыл ее. Он с неохотой согласился и словно ожидал удара в спину, пока стоял к Катарине спиной. Во второй раз... и все последующие... Баден протягивал ей тряпку, прежде чем она успевала вымоловить хоть слово.

Один раз или два он возвращался и ходил взад и вперед, бормоча под нос.

"Я джентльмен. Жизнь бесценна... пока эта жизнь не принадлежит моему врагу. Все люди - мои враги. Нет, нет, у меня есть друзья".

Катарина вскоре поняла, что это самовнушения. И она нашла их очаровательными. Он не хотел причинять боль людям, но зверь буквально жил внутри него и жаждал крови. И это подтолкнуло ее на глупость - она дала импульсивное обещание, что выполнит его желание. Но не могла заставить себя сожалеть, что боролась с ним. Бадена поглотил гнев, а она отчаянно хотела облегчить его участь.

Хотя Катарина могла просто петь ему песню, чтобы успокоить. Когда она напевала, он ложился поперек кровати и погружался в спокойный сон.

Ее старого пса определенно можно научить новому трюку.

ВБУ?

Сегодня? Вероятность высока. Он уже начал вышагивать. Катарина наблюдала, как он ходил по питомнику, который она построила на заднем дворе. Бисквит и Подливка тоже смотрели на него. И не рычали. Ах, как сладок успех.

Баден был напряжен, а его руки сжаты в кулаки. Учитывая его силу, укус Бадена будет гораздо сильней, чем у любой из собак и может нанести реальный вред или хуже, убить ее, но если ей удастся... когда ей удастся... она поможет не только ему. Но и его друзьям. Поможет женщине, с которой он будет встречаться в будущем.

Ее уколола ревность, что обеспокоило Катарину. "У меня есть только мечта о поцелуе с ним. Ревновать глупо".

- Во время своих последних перемещений, - начала она разговор, пытаясь отвлечь их обоих, - ты пересекался с моим братом?

- Нет.

Одно слово. Не больше, не меньше.

Он вновь стал Баденом, которого она встретила в первый раз? Он больше не тот воин, который сильно заинтересован в ее благополучии?

- Раз Алек больше не у дел, я молю Доминика оставаться чистым.

В этот раз ей ответом была тишина.

Решив вовлечь его в беседу, Катарина попыталась начать новую тему.

- Ты знаешь, что Бисквит и Подливка те же самые собаки, с которыми мы столкнулись в Нью-Йорке?

Баден нахмурился, но не остановился и не произнес ни слова.

- Наверное, кто-то переправил их в Будапешт, но не могу понять кто и почему.

Теперь он пробормотал:

- Я бы узнал, если кто-то меня преследовал.

Она ждала, что он скажет что-то еще. Но Баден молчал.

Черт возьми, почему он такой взбешенный?

После того как Катарина поставила перед собаками миски с ужином, она подошла к нему. Когда Баден не заметил ее, она встала у него на пути. Он замер и посмотрел на нее своими красивыми медно-красными глазами.

Катарина его не боялась. Больше нет.

Баден сделал шаг в сторону, намереваясь ее обогнуть. Э, нет. Она положила руки ему на плечи, удерживая на месте.

- Я хочу знать, что тебя мучает, - сказала Катарина. - Расскажи мне.

Он проскрежетал зубами из-за ее демонстрации влияния.

- Ты думаешь, что хочешь знать мои проблемы. Ты ошибаешься.

Она ответила сухим тоном:

- Я так рада, что ты лучше меня знаешь мои мысли.
- Прекрасно. Мне нужен секс. - Баден бросил в нее словами, словно они были оружием. - Очень нужен.

Ого. "Вот так огорошил!"

Ее сердце бешено колотилось, и она отдернула свои руки от него.

- Секс... со мной?
- Дааа. - Прошипел. - Только с тобой.

Только. Удивительно, как одно маленькое слово может доставить столько наслаждения и согреть.

- Ты сказал мне никогда к тебе не прикасаться.

И Катарина поняла, что только что это сделала. "Моя вина".

- Я передумал.

Баден опустил взгляд, задерживаясь на ее губах.

От чего она воспламенилась.

- Но ты и я... мы разных видов.

Как будто это имело значение для ее тела. "Дай мне!"

Он подошел ближе, вторгаясь в ее личное пространство.

- Мы подойдем друг другу, обещаю.

"Разрази меня гром!" Хрипотца в его голосе... заставила ее задрожать от желания. "Нужно устоять перед его очарованием!"

Но... но... почему? Прежде чем отдаться Питеру, она ходила на свидания, они целовались в кино, театрах, машинах и на диванах. Ей нравились поцелуи и прикосновения и "катание на пряжке его ремня", как это называли ее друзья. Затем, когда она связала себя обязательствами с Питером, Катарина подарила ему свою девственность. В первый раз он не знал, что делать... потому что был точно также неопытен... и она осталась разочарована. Когда, наконец, набралась храбрости, чтобы высказать свои желания, он доставил ей наслаждение.

Ей не хватало секса. Но связи... близости... ей не хватало больше.

Бисквит рявкнул на Подливку, вырвав Катарину из воспоминаний. Они вычистили свои миски и теперь хотели играть. Катарина сжала руку Бадена, чтобы вывести его из питомника. Он вырвался, разрывая контакт.

Одно действие. Но сколько боли.

- Я позволяю тебе прикасаться к себе, и ты хочешь секса со мной, но все еще испытываешь ко мне отвращение. - Она вышла из питомника, покончив с ним. - Ну, я ухожу. Скатерью дорога! В любом случае, твоё делай-то-что-я-говорю-иначе отношение раздражает.

Баден встал перед ней, загородив дорогу. У нее перехватило дыхание, когда на него упали солнечные лучи, отдавая должное его рельефным чертам лица и заставляя его бронзовую кожу сиять.

"Такой красивый. Слишком красивый".

- Я не испытываю к тебе отвращение. Ты нужна мне. Я готов это принять, - признался он, открываясь ей. - Но при контакте кожи о кожу с другим человеком мне больно. Нам придется оставить ткань между нами. И ты переборешь свое раздражение.

Еще один приказ. Конечно!

- Во-первых, я тебе не нужна. Во-вторых, тебе больно? Как ты можешь обходиться без каких-либо прикосновений?

- Причина может быть психологическая или физическая. Или обе. Я провел тысячи лет без прикосновений к кому-либо. - Его взгляд вернулся к ее губам, и Баден облизнул свои, словно уже мог ощутить ее вкус. - Как... я могу себе это представить. Моя одежда будет на мне, но твою снимем. Я надену перчатки и натяну на член презерватив. Нагну тебя над кроватью, сделаю тебя влажной и раздвину твои ноги. Я...

- Достаточно. Я... я представила.

Слишком ярко. И картинка, которую он нарисовал, совсем не... отталкивала.

Возможно, он принял ее молчание за отказ. Баден провел ладонью по лицу и сказал:

- Нужно выбрать кого-то еще.

Ревность вернулась с полной силой.

- Ты желаешь только меня или нет? - потребовала Катарина.

- Только тебя. - Его зрачки так расширились, что черное полностью затмило медную радужку. - Очень сильно. Ты - все, о чем я думаю и чего жажду.

Наслаждение вновь охватило ее и согрело, став медленно пульсировать внутри.

- Тогда я позволю тебе, пригласить меня на свидание.

Он не лучший выбор для нее или для любого здравомыслящего человека. Кроме того, Баден был частью мира, о котором она почти ничего не знала. Мира, где каждый миф и легенда, когда-либо ею услышанные, вырастали из зерна истины. Мир, который может ей не понравится. Но Баден был восхитительно горячим, заставлял ее чувствовать что-то еще помимо грусти и обреченности.

"Однажды давным-давно..."

Их история не продлится долго. Катарина могла приручить его и получить удовольствие, потому что он... сексуальный, порочный и волнующий.

- Ты позволишь мне?

Баден положил свои руки... свои большие, сильные руки... на ее талию.

- Ну. - Исходящее от него тепло ощущалось сквозь одежду, радуя Катарину. - Нет, если ты жалуешься, кретин.

Уголки его губ приподнялись.

- Тогда, никаких жалоб. Только благодарность.

Он притянул ее ближе, так близко, что ее грудь прижалась к его, и она подумала, что может вновь стать неугомонной девушкой, какой была когда-то. Девушкой, которая любила смеяться.

У нее закружилась голова.

- Такой хороший мальчик.

- Непослушный. Когда ты улыбаешься, то заставляешь меня...

Он напрягся, и в его глазах появились красные всполохи.

Так проявляется зверь?

"Сделай общение коротким и сладким. Всегда заставляй его желать большего".

- Хорошо, - сказала Катарина, словно не заметила его негативной реакции. - Дай мне час, чтобы подготовиться... к нашему взаимному удовольствию.

Она выскоцкнула из его объятий... проглотив всхлип, когда излучаемое им тепло быстро остыло... и пошла прочь, виляя бедрами.

- Я удостоверюсь, что стою ожидания.

Его обрывистый стон нагнал ее по пути в крепость, и впервые за долгое время. Катарина рассмеялась.

Это будет весело.

* * *

Баден переместился к Александру, который все еще сидел в клетке из стали и бетона размером восемь на восемь метров. И в ней не было двери. Туда можно только переместиться.

Покрытый комьями грязи и засохшей кровью мужчина скорчился в углу. Его темные волосы торчали в разные стороны, глаза налились кровью. Александр с прищуром взглянул на Бадена, прижимая больную руку к груди.

Баден нахмурился. Кости на его запястье выглядели так, словно выросли на целый дюйм со вчерашнего дня, что невозможно. Люди не могли регенерировать как бессмертные.

- Я никогда не скажу тебе, где спрятал монету, - выплюнул мужчина. По крайне мере, он перестал лгать, что не может ее отыскать.

- И это правильно. Один из моих друзей компьютерный гений. Он взломал твои банковские счета и перевел все средства нам. К утру у тебя останется только эта монета. Ох, и он также нашел имена и места нахождения всех девушек, работающих на тебя. Их всех освободили, а охранников сожгли. В буквальном смысле.

Александр побледнел.

- В последний свой визит Пандора сказала, что ты увлекся моей женой. Ты действительно хочешь оставить Катарину нищей?

Улыбка Бадена была настолько ледяной, что в комнате понизилась температура. Он хочет эту женщину и возьмет ее, но их свидание не изменит будущего. Секс... освобождение... всего один раз, и прощай. Бесчувственно с его стороны? Нет. Любезно по отношению к ней? Да. Лучше он ударит и сбежит, чем однажды позволит зверю посчитать ее угрозой, которую нельзя оставлять в живых... что вполне может случиться.

Когда она стояла перед ним, и солнце ласкало ее смуглую кожу, внутри него поднялась нежность. Он ненавидел это также сильно, как и любил. Ему нужно оставаться наблюдательным, сосредоточенным на выигрыше в игре. Бадену нужно выжить в войне между князьями и помочь друзьям найти Ларец Пандоры. И ему нужно все это сделать, контролируя зверя.

Несомненно, Катарина может помочь с последним, но чего это ей будет стоить?

- Я не заставлю ее нуждаться, - сказал Баден. - Когда придет время, я отдаю ей твоё богатство. Она его заслужила.

Александр разразился ругательствами.

- Она моя, демонское отродье. Моя!

Баден боролся... с чем-то темным.

- Я больше не демон и не его порождение. Я хуже. И ты не в силах остановить меня.

Абсолютно не испугавшись, Александр пнул его.

- Однажды, ты пожалеешь, что связался со мной.

Несомненная угроза. Сейчас он умрет.

Да. Да. Кровь, которую они попробуют... крики, которые они услышат...

Дрожа от нетерпения, Баден сократил расстояние между ними. Александр отпрянул... теперь ублюдок испугался, да? Слишком поздно. Баден схватил его здоровую руку и вытащил кинжал, намереваясь отрезать второе запястье.

Александр попытался его оттолкнуть. Баден понял, что его запястье более длинное, с тремя пястными костями уже показалось сквозь кожу, словно маленькие белые веточки.

Такое возможно только в единственном случае. Он не человек.

У Гадеса была способность дарить бессмертие нужным людям, но с другой стороны, так поступают с некоторыми артефактами. Монета... Баден до сих пор немногое знал о ней, деталей было мало. Используя силы монеты... предположительно... можно заставить Гадеса исполнять благие деяния. Но каковы пределы этого? Последствия?

- Если хочешь, отрежь мне руку. - Александр уставился на него. - Но ты не заберешь мою жену.

- Уже забрал. - Что-то темное нагрелось... стало горячим... пока не опалило грудь Бадена, сжигая внутренности. - Если ты скажешь еще хоть слово о ней, я сделаю из твоего члена пюре к обеду.

Угроза, услышанная у Париса, подействовала.

Едкий запах страха наполнил комнату. Восхитительно.

- Пандора, - закричал Александр. - Пандора!

- Знаю, она обещала тебе помочь.

В клетке были спрятаны несколько камер, и Торин видел все ее перемещения в эту комнату.

Он каждый раз писал Бадену, и Баден присоединялся к нему за мониторами, ожидая, что она попытается освободить человека от цепей... цепей, которые были прикреплены к стене тайными узами. Они могли открыться только двумя способами: ключом, сделанным

специально для этого замка, или Ключом-ото-Всего, способным открыть любой замок. И второй принадлежал Торину.

В миг, когда Пандора прикоснется к путам, то сама станет привязана к ним и не сможет перемещаться. Но она была умна и избегала всех точек соприкосновения.

- Пандора! - вновь закричал Александр.

Движение справа. Баден повернулся и одновременно отпрыгнул, едва увернувшись от меча Пандоры.

Они сошлись, глядя друг на друга.

- Пытаешься убить меня? - Баден был вооружен и готов к войне. Два пистолета в кобурах ожидали на талии. В его карманах на камуфляжных штанах лежало что-то смертельное: кинжалы, дополнительные патроны, ножи, метательные звезды и яд. - Ай-ай-ай. Гадес будет недоволен.

- Возможно, я хотела побрить тебя. Ты выглядишь слегка заросшим.

Ну, тогда. Возможно, он тоже ее побреет. Он вытащил нож, смертельное серебро поблескивало при свете, бросаемой единственной лампочкой, свисающей с потолка.

- Этот мужчина принадлежит мне. - Она указала на Александра, словно Баден нуждался в пояснениях. - Он мое очко.

- Хочешь его? Так возьми. - Он улыбнулся. - Я даже пальцем не пошевелю, чтобы тебя остановить.

Она указала на оружие.

- Предполагаю, ты шевельнешь оружием.

Баден поднял руки, демонстрируя невиновность.

- Нет. Даю слово.

Она знала его, знала, что его слово тверже золота. Пандора также понимала, что он спланировал все наперед.

- Освободи его, - сказала она, - или я перейду тебе дорогу и украду что-нибудь еще.

- Ты можешь попытаться.

- Отлично. Помни, ты сам выбрал этот путь.

Пандора ухмыльнулась и исчезла.

Александр также ухмыльнулся, уверенный, что у него появился союзник.

Баден улыбнулся.

- Постарайся не кричать. Хотя, кричи, если нравится. Я получу от этого удовольствие.

* * *

Баден переместился к двери в спальню Торина. Он научился появляться за пределами комнат, кроме своей. Довольно часто парочки внутри занимались сексом. И даже в гостиной. Никто не соблюдал границы.

Он постучал, и от его чудовищной силы треснула очередная дверь.

- Если это не вопрос жизни и смерти, - отозвался Торин, - тогда убирайся.

Его друг, вероятно, пожалеет о такой формулировке.

- Так и есть.

Раздались раздражительное ворчание, шорох одежды и топот шагов. Кили открыла дверь, ее майка была одета задом наперед, а юбка заправлена в трусы.

О, да. Торин пожалел.

Разрушение обругал ее.

Она осмотрела Бадена с ног до головы и сказала:

- Ты никогда не выглядел лучше, но я никогда не презирала тебя сильнее. - Кили показала ему средний палец, когда прошла мимо него, бормоча под нос: - Блокатор для члена не окупил себя.

Зверь попытался захватить тело, чтобы напасть на пару Торина, но Баден услышал смех Катарины дальше по коридору и усилил контроль. Что или кто так ее развеселило?

"Сконцентрируйся!"

Верно. Баден вошел в спальню, когда Торин застегнул штаны, отбросил рубашку и шлепнулся на стул напротив своего "командного центра".

- Нужно усилить меры безопасности, - обратился к нему Баден. - Пандора грозилась что-то украсть у меня. Каждый день новое.

- Безопасность настолько усиlena, что мышь не прошмыгнет. И ты, очевидно, не слышал, как была занята Пандора. Кайя и Гвен ходили в город, когда она напала. Уверен, это попытка сделать больно Страйдеру и Сабину, но ей надавали под зад и заставили отступить. - Торин печатал, пока говорил. - Кстати. Гален приходил и просил меня поговорить с тобой о твоем старом приятеле Недоверии...

- Демон никогда не был моим приятелем. И я не хочу это обсуждать. Мне нужно извиниться перед Кайей и Гвен, перед Страйдером и Сабином.

- Зачем? Страйдер и Сабин помогали красть Ларец. Они заслужили гнев Пандоры наравне с тобой.

Тем не менее.

- Короче. Недоверие теперь хранит женщина по имени... - Торин почесал затылок. - Я забыл. Хотя Гален только что напоминал мне. Кем бы она не была, женщина могла бы использовать твой...

- Нет. - У него и так дел по горло. - Ты выяснил еще что-нибудь о монете?

- Нет. Единственные люди, которые хоть что-то знают, служат Люциферу. Как ты можешь догадаться, я предпочту срать кирпичами, но не доверяю его союзникам.

На одном из экранов Баден мельком увидел Катарину. Она стояла с Аньей возле комнаты Эшлин и Мэддокса. Парочка болтала, а Катарина жестикулировала руками во время разговора. Очаровательная черта. Раньше она не проявлялась.

Очаровательная... и чертовски сексуальная.

Зверь зарычал, но не стал призывать к убийству. Только к... защите?

Две женщины прошли по коридору и разделились у двери Бадена, Катарина скрылась внутри. Скоро он присоединится к ней ради свидания.

Каждый мускул в его теле задрожал от внезапного томления. "Моя... на сегодня". Возможно, и на завтра.

Один раз. Только один раз, - сказал Разрушение. - *Наверное*.

Баден мог ощутить желание зверя. Он хотел ее с такой горячностью и не понимал этого, но не желал слабеть, и эти два желания разрывали его. Бороться с Баденом или отступить. К чему бы он ни пришел. Баден уже принял решение. Он заполучит ее. Услышит ее от страсти охрипший голос... услышит, как Катарина выкрикивает его имя. Почувствует, как ее внутренние стенки сжимают его длину, когда он входит в нее сзади.

"Она моя". Крик Александра эхом раздался в его голове.

Баден сжал кулаки, острые кончики его когтей поранили кожу. Брак был фиктивным. Это ни в коем случае не должно его беспокоить. Но вдруг Бадена это начало сильно волновать.

- Стоять. - Торин бросил в него ботинком. - Убери эту штуку от меня.

Эта штука... его возбужденный член. Только потому, что Баден просто подумал о Катарине. Она уже имеет власть над ним...

Запустив дрожащую руку в волосы, он отступил от своего друга.

- Я воспользуюсь твоим душем.

Баден не стал ждать ответа, а просто заперся в ванной, чтобы смыть пот и грязь после контакта с Александром. Он также позаботился о своей проблеме.

Когда закончил, то переоделся в чистую одежду, которую позаимствовал из шкафа Торина. Хотя она была немного тесной.

- Куда отведешь свою девушку на первое свидание? - спросил воин. Он все слышал.

- Мы останемся здесь.

Нет причин рисковать, чтобы погружаться в воспоминания из жизни Гадеса в людном месте, оставляя его... и Катарину... уязвимым. Еще меньше причин, чтобы дать наметить

Разрушению потенциальных жертв. А что если Гадес вызовет его? Катарина останется сама по себе.

Девушка была типичной дамой в беде.

Торин перестал печатать на достаточно долгое время, чтобы взглянуть на Бадена.

- Я упоминал, что ты балбес? Женщины любят романтику, а ты, мой друг, явно не романтик.

Когда Разрушение поднял шум... "Я могу быть романтичным!"... Баден пробормотал:

- Мне нужно идти.

И затем вылетел из комнаты.

У него осталось полчаса до начала свидания. Он вернется в Падение. Ведь сможет же переместиться туда, без задания Талии? Если нет, то найдет способ. Всегда есть лазейка.

Там он подерется с тысячей бессмертных и вымотает зверя.

Затем... Катарина станет его.

Глава 12

*"Когда девушка говорит "Повеселись", не веселись. Отмена миссии!"
- Скарлетт, хранительница Ночных Кошмаров*

"Разве я смогу приручить злого зверя по имени Разрушение? Я сошла с ума. Это единственное объяснение".

Когда громкий стук эхом разнесся по комнате, Катарина дрожащими руками пригладила платье, которое дала ей прекрасная Анья... также известная как говно вопрос... и вспомнила мудрый совет богини.

"Тебе нужно меньше говорить и больше удивлять. Не бойся отказать в сексе в качестве наказания. И не напоминай о его прошлых плохих поступках. Серьезно. Ничего не скрывай, но убедись, что держишь все в тайне. Никогда не лги. Если захочешь немного повеселиться, пригрози уйти, а затем... сюрприз... не уходи. О, и самое важное, если он все запорет, не дай ему об этом забыть".

Эта женщина в курсе, сколько раз она противоречила сама себе?

Раздался еще один стук, и сердце Катарины сделало серию сальто. Нет причин нервничать. Если свидание не удастся, пусть так. Никакой боли, никаких ошибок.

Приподняв подбородок, она открыла дверь. Баден стоял, прислонившись к косяку, и, ваву, от одного взгляда на него в ней вспыхнуло желание, ее вены зашипели, словно их наполнили шампанским.

"Он будет моим".

Баден убрал рыжие волосы с лица, его большое, мускулистое тело в черной футболке и байкерской коже напряглось.

Сладкий... чувственный... совершенный.

На его лбу и челюсти виднелись порезы, а костяшки пальцев покрывали синяки, но травмы только увеличивали его притягательность плохиша.

Она хотела все, что он мог ей дать. Его поцелуй, его прикосновение, его тело, скользящее в ней.

Головокружительное желание... угнетало ее. Она двигалась дальше по жизни, а ее собаки лежали в могилах.

Ее накрыло волной горя... глубокой боли.

Баден ощутил изменения в ней и притянул к себе, окутывая непреклонной силой.

- Я с тобой, Рина. Я здесь.

Она наслаждалась теплом, которым Баден так легко поделился, и боль полностью прошла.

"Здорово! Я показала свою "слабость". Катарина отступила, чувствуя смущение, и облизала губы. Пора начинать свидание.

- Я собираюсь быть с тобой абсолютно честной. Я выгляжу потрясающе. Но уже желаю, чтобы ноги отдохнули. Эти каблуки огромные!

Он хрюкло рассмеялся, звук был таким резким, что стало понятно, что Баден смеялся редко.

- Разве не предполагается, что ты должна похвалить меня?

- Ни за что. Дамы вперед.

Он медленно оглядел ее, воспламеняя взглядом, и прикрыл веки.

- Я собираюсь быть с тобой абсолютно честным. Я не заслужил комплимент. И не достоин твоей изысканной красоты.

Какая похвала! Боль вернулась, но другая, горячая и восхитительная... пульсирующая. Питер часто делал ей комплименты, но она всегда принимала каждый "Я существую только благодаря твоим взглядам" как само собой разумеющееся. Этого больше не повторится.

- Спасибо. - "Я не упаду в его объятия до ужина". Ну, не снова. - И Баден... ты заслужил тысячу похвал. Ты - праздник для моих глаз, и ни один мужчина с тобой не сравнится.

Потому что он не мужчина, напомнила себе Катарина. Баден бессмертный, и жизнь и смерть значила для него совсем другое. И это хорошо. Они не пытались заключить вечную связь. Только временную.

На данном этапе ее смертного существования она хотела... даже нуждалась... в веселье.

Он мгновенно и уверенно рассмеялся.

- Что случилось? - спросила Катарина, не понимая, что сделала не так.

- Ты считаешь меня красивым.

В этом проблема?

- Да.

- Я красив только снаружи.

- Это неправда. Я видела красоту и внутри тебя.

Баден разглядывал ее лицо, словно не мог поверить этим словам, но не собирался никоим образом опровергнуть. Вздохнув, он протянул к Катарине руку в перчатке. Она жаждала прикосновения кожи к коже больше чем глотка воды или вина, но сдержала разочарование и переплела свои пальцы с его.

Он сказал, что такие прикосновения причиняют ему боль, но не знал проблема психическая или физическая. Ее догадка? Физическая. Иногда, когда пес проводил большую часть жизни привязанным на улице и почти не общался с людьми... "посмотрите, Катарина превращается в маму-медведицу"... его мех становился слишком чувствительным.

Если она права, Бадену нужен контакт. Это единственный способ все преодолеть. Но Катарина не могла давить слишком сильно и быстро. Им придется справляться со всем постепенно.

Когда он повел ее по коридору, она спросила:

- Что бессмертные делают на свиданиях?

- Не знаю, но этот бессмертный устраивает ужин при свечах с его любимым человеком. - Баден рывком прижал ее к стене, лишая Катарину личного пространства, его теплое дыхание коснулось ее лба. - Если ты не предпочитаешь делать кое-что еще? Его медные глаза пожирали ее... бросали вызов...

Новые приступы дрожи накрывали подобно лавине, становясь все сильнее и горячее. Пульсация между ног вернулась и возросла, соски напряглись и прижались к бюстгальтеру, моля о прикосновении. О его прикосновении.

Несмотря на желание притянуть его ближе, Катарина положила ладони ему на грудь, чтобы держать на расстоянии.

- Ты действительно думаешь, что я такая доступная?

- Если скажу, что надеюсь на это?..

- Твоя четность впечатляет... но это не повлияет на меня. Давай поедим.

Он наклонился и провел языком по ее губе.

- А если я хочу съесть тебя?

Ох, сладкие небеса.

- Меня нет в меню. - Она задрожала еще сильнее, и кожу стало покалывать. - Пока.

- Это очень плохо, krásavica. - Баден потерся своим внушительным членом у нее между ног. - Действительно очень плохо.

Из ее груди вырвался всхлип.

- Думаю тебе нужно поработать над словацким. Krásavica означает гламурную девушку.

Мода не для нее. Никогда не была и никогда не будет.

- Знаю. Гламурные девушки прекрасны... очаровательны.

И удовольствие испарилось.

- По сути, синонимы слова "бесполезны". - Он никогда не увидит в ней ничего другого, да? - У меня есть имя. Я предпочитаю его.

Катарина оттолкнула его, и Баден нахмурился.

- Я не хотел обидеть. В такой уродливой жизни, как моя, красота не бесполезна. Она бесценна.

От чувства вины у нее скрутило живот. Возможно, она слишком строга с ним в определении значений.

- Извини за мое отношение.
- Забудь. Мне это нравится.

Он провел ее вниз по лестнице на кухню, где организовал ужин при свечах на двоих. Запах морепродуктов, масла и дрожжей наполнил воздух, заставив ее рот наполниться слюной.

- Ты это готовил? - Как только Катарина задала вопрос, то сразу же поняла, что это невозможно. Она дала ему всего час. - Держу пари, ты послал одну из девушек в ближайший ресторан.

- Оба предположения ошибочны. Это был Люциен... он хранитель Смерти...
- Знаю. Я с ним сталкивалась. Даже носила его футбольку.

Он казался самым уравновешенным среди остальных. Люциен любил правила, старался урегулировать все мирным путем, хотя его друзья хотели другого и, лучшее, всегда относился с нежностью к Анье, своей невесте. Он заслужил уважение Катарины.

- Люциен может перемещаться. Как мы с тобой в тот день, когда я забрал тебя у Александра. Стоит подумать, и ты перемещаешься из одного места в другое. Он сделал заказ и забрал его. - Баден отодвинул для нее стул. - Из Парижа.

Впечатляет. Она села и спросила:

- Почему ты не забрал заказ? Ты же можешь перемещаться.

Он сел на стул рядом так, что их бедра соприкасались.

- Я могу перемещаться только к определенным людям. И, видимо, в любое место, которое считаю домом.

Людям вроде Александра. Значит... к жертвам Бадена?

Палец в перчатке погладил ее подбородок.

- Ты только что дернулась. Почему?

- Из-за твоих намерений по отношению к Алеку, - сказала она, решив быть честной. "Ничего не скрываю".

Вена по центру лба Бадена запульсировала.

- Если ты собираешься попросить меня, отпустить его, то не стоит. Он не покинет крепость живым.

С одной стороны, ура! Не станет больше сумасшедшего, жестокого Алека, который терроризирует мир. С другой стороны...

- Хладнокровное убийство не лучшее решение проблемы. И я не хочу, чтобы ты его отпускал. - "Не хочу, чтобы ты совершил дурной поступок, который погрозит тебе еще глубже в хаос". - Я хочу развода... и, если есть возможность, оставить его взаперти до скончания его дней. Пока он дышит, то надеется.

- Александр не человек. Это означает, что он будет жить...

- Что? - Не человек? Когда это произошло? - Он бессмертный?

Баден нахмурился.

- Зверь беснуется в моей голове... думаю, Александр всего наполовину бессмертный, значит, он будет жить дольше тебя, но не вечно. Итак. - Он налил ей в бокал красного вина. - Не хочу о нем говорить.

Такая нормальная реакция для мужчины, который не был нормальным.

- Важные новости. Твои желания не важнее моих.

Он посмотрела в ее глаза и затем кивнул.

- Ты права. Теперь я сожалею. Простишь?

Как Катарина могла отказать ему, когда он с ней согласился?

- Прощаю, - сказала с легкой улыбкой.

Когда она сделала глоток вина и застонала от богатства вкуса, Баден снял крышки с блюд.

- Тебе нравятся морепродукты?

- Обожаю.

Притвориться леди... только один небольшой укус за раз... было не так трудно, как она предполагала. Баден не спускал с нее глаз, наблюдал за каждым движением, от чего ее желудок скрутило. Остальное тело продолжало болеть.

- Ты выглядишь недовольной, - сказал он едва ли не... самодовольно.

- Так и есть.

Игра должна немного усложниться.

Хотя, зачем? Слишком долго она не получала никакого удовольствия. Если за ночь с Баденом ей придется забыть последние полгода, если только ненадолго, ну, она готова подписатьсь на это.

- Как именно ты познакомилась с Александром?

Он прорычал это имя, словно оно царапало его язык.

Если бы Баден был псом, он бы тоже на нее зарычал. Возможно, даже укусили. Он выглядел агрессивным, но по её опыту агрессивный не значит жестокий. Рычание может быть просто предупреждением: темные эмоции рвутся наружу.

Если во всем виноват страх, Катарина понимала, что нужно создать дистанцию, оставаясь в поле зрения. Но это не тот случай. Баден не ведал страха. Он злился... на нее? Или на ее обстоятельства?

Для мужчины, который заявлял, что ее семейное положение не имело значения, это сильная реакция. Мощная.

- Думала, ты не хотел его обсуждать? - Изучая его черты лица, она добавила, - моего мужа.

Баден оскалил зубы.

- Не хотел. Теперь хочу.

А если Баден что-то хотел, то получал.

Он потянулась и провела пальцем по его перчатке. Действие преследовало две цели.

Первая - это помогало ему привыкнуть к ее прикосновениям, и не ощущать боль, а вторая

- это напоминало ему, что она здесь с ним, а не с Алеком, надеясь, успокоить его гнев.

Баден уставился на ее руку с замешательством... и тоской?

О, да, это ее чуть не уничтожило. Она продолжила гладить и говорить:

- Он хотел купить собак для охраны дома у меня. Он - это мой муж.

Баден нахмурился сильнее.

Поглаживание, еще одно.

- Я заполучила его в свои руки, соблазняясь на деньги и власть.

"Не напоминать ему о его прошлых плохих поступках. Упс".

Баден прищурил свои медовые глаза.

- Хочешь, чтобы я убил его прямо сейчас?

- Нет. - Поглаживание, еще одно, еще одно. - Я просто напоминаю тебе о твоих предположениях на мой счет.

Он выдохнул и слегка повернул плечи вбок.

- Мои извинения. Теперь я знаю тебя лучше и понимаю, что ты вышла за него, только чтобы спасти своих питомцев.

Ее накрыло очередной волной горя, она притянула свои руки ближе к груди, прерывая контакт.

- Но у меня не получилось.

Баден наклонился, чтобы оставить легкий поцелуй на ее губах, и их щеки соприкоснулись. Он поморщился. К ее разочарованию, он отстранился.

- Когда я отказалась продать Алеку собак, - сказала Катарина, - он пригласил меня на ужин. Я отвергла его предложение, и он убедился, что мой брат пристрастился к героину, так что, когда Алек приказал ему отравить Полночь, старейшую собаку из моей стаи, Доминик послушался.

Ее подбородок задрожал, но как обычно слезы не обожгли глаза.

- Собственный брат предал тебя? - Баден погнулся вилку.

Она боролась с растущим чувством пустоты. Где теперь Доминик?

- Пытаясь спасти остальных трех собак, я нашла им новые дома. Алек выследил их, вновь при помощи брата, похитил и спрятал. Он показал мне их фотографии, сказал, что смогут забрать собак после свадьбы. Я... - слишком больно, это невозможно вынести. - Давай сменим тему, хорошо?

Баден положил испорченную вилку и пододвинулся, задев своим коленом ее.

- Почему ты никогда не плачешь?

Он не первый, кто заметил, но первый, кто спросил.

- Я плакала, пока моя мама болела. После ее смерти я просто... не могу. Думаю, слезы иссякли.

- Она страдала?

- Очень сильно.

- Так ты успокоилась, когда ее страдания подошли к концу. И чувствуешь вину, что теперь спокойна.

- Да. - Проницательное наблюдение для самопровозглашенного зверя. - Откуда ты знаешь?

Вина, которую она часто замечала, исказила черты его лица.

- Когда меня обезглавили, то это не стало неожиданностью. Я мог сбежать. Мог бороться, но не стал. Я не двигался с места. Я... в сущности... покончил жизнь самоубийством, надеясь спасти своих друзей от Недоверия.

Судя по разговорам, которые Катарина подслушала в крепости, она знала, что друзья подозревали, что он хотел умереть, хотя Баден никогда не подтверждал и не отрицал этого. И все же, здесь и сейчас, он доверил Катарине сохранить его тайну и не винить его за последствия.

Ее сердце ускорило ритм.

- Возможно, ты сделал это и для себя? Чтобы обрести мир.

Это и есть истинная причина его вины?

Сухой кивок.

Бинго! Неудивительно, что он ненавидит слабость. Его величайшие потеря и сожаление возникли в тот миг, когда Баден прекратил бороться.

- Ты изменился, - сказала она. - И не повторишь прошлых ошибок. Ты вырос и все усвоил. И теперь они оба заслуживают перерыв независимо от их прошлого.

Она схватила его за воротник футболки и приблизилась, словно собиралась предложить лакомство... поцелуй. Когда Баден напрягся, готовясь к прикосновению ее губ, Катарина его отпустила и отстранилась.

Его лицо потемнело от разочарования, и она чуть не засмеялась. Так она чувствовала себя жизнерадостной, даже... непослушной?

- Я пытаюсь решить... - начала она. О. да. Непослушание.

- Между чем и чем?

Прокрежетал Баден.

Ее голос упал до хриплого мурлыканья.

- Между тем, чтобы взять желаемое и заставить тебя принять это.

Он посмотрел на нее, словно она упала с небес. Его большие руки сжали ее бедра и рывком притянули к Бадену, ей ничего не оставалось кроме как оседлать его бедра.

- Я приму, - ответил он и приподнял ее подбородок.

Что с ее трусиками? Они внезапно намокли.

- Возможно, я вознагражу тебя за инициативу. - Катарина обхватила его длину... о, сладкие небеса, он был твердым. И больше, чем она представляла. И толще тоже. Длиннее и тверже. - Возможно, нет, - сказала она, убирая руку. - Тебе больно?

- Да. Но спроси, волнует ли меня это.

Она не хотела причинять ему боль. Но также не хотела заканчивать свою игру.

- Я задолжала тебе другие вознаграждения?

- Да. Все, что пожелаю.

Баден скользил руками по ее бедрам, пока она сидела у него на коленях. Затем отпрянул, задев ее сердцевину.

Она задрожала, едва найдя силы выдохнула:- Чего ты хочешь?

- Тебя, скачущую на мне.

Сладкий мужчина.

- Это можно устроить...

Катарина изогнула свои бедра один раз, второй, потираясь об него. Застонав, она вцепилась в его плечи, чтобы держаться и наслаждаться движениями.

Баден сжал ее бедра и заставил замедлиться, мучая, и... и... даря желаемое!

Ее разум заволокло от сильного наслаждения.

- Это так хорошо! Не останавливайся. Пожалуйста, Баден, не останавливайся.

Он не остановился. Когда Катарина поставила ноги на пол и прижалась к Бадену так сильно, как только могла, он втянул воздух.

- Мне нравится это, - прошептала она. - Думаю, я могла бы остаться с тобой.

Баден напрягся, затем замер.

- Ты же знаешь, этого не должно случиться ни в коем случае. - Каждое слово звучало более резко, чем предыдущее, его хватка усилилась, почти оставляя синяки. - Да?

- Конечно. Я имела в виду, что останусь с тобой ненадолго. - Ему нужно объяснить насколько прозвучало оскорбительно, и она решила добавить. - Ты же понимаешь, что я использую тебя, чтобы отвлечься от своих проблем, да?

Его хватка стала еще сильнее, определенно оставляя синяки. Что? Он не оценил ее честность? Он хотел быть единственным, кто считает их связь временной?

Мужчины!

- Мы слишком разные, - сказала Катарина, настолько желая двигаться, что ее слова прозвучали хныканьем. - Теперь, достаточно...

- Потому что я бессмертный?

- И потому что ты убийца. - Она прикусила нижнюю губу, пламя внутри нее погасло. Поглаживая его руки снова, Катарина сказала: - Чего зверь хочет в данную секунду?

- Трахнуть тебя и сразиться, в таком порядке.

Резкие слова, сказанные грубым тоном. Он надеялся испугать ее? Или подготовить?

- Сразиться... со мной?

- Не с тобой.

Хорошо.

- Ты не собираешься причинять мне боль, - сказала она ему.

- Я нет, - согласился Баден. - Никогда.

- Но зверь может сделать это случайно? - Поглаживание, второе, третье. - Может, нам нужно его отвлечь. Или ему нужно узнать меня до секса. Таким образом, он только захочет держать меня после всего.

Баден вдруг начал излучать неприкрыtą агрессию. Нравятся девушки с грязным ртом, так?

- Что ты хочешь попробовать первым? - Она наклонила голову к его уху и слегка подула. - Отвлечь? Или узнать меня получше?

- Давай просто трахнемся, - он почти выкрикнул... и Катарина была практически уверена, что услышала два разных голоса.

Ее мускулы напряглись от нетерпения. Ей, в самом деле, нравилась его... их?.. напор?

Она провела пальцами по шелковистым прядям его волос, прежде чем взять руки Бадена в перчатках и положить себе на грудь.

- Хорошо, но только если назовешь три вещи, которые знаешь обо мне.

Его зрачки вспыхнули.

- Ты красивая. Мне кажется, я упоминал это.

- Да, как и тысячи... миллионы... других людей и даже больше.

- Никто не сравнится с тобой. - Он уставился на вершины ее сосков, пока мял их. - У тебя есть исключительная способность заставлять меня смеяться.

Лучше. Упомянул важный пункт.

- Что еще?

Снаружи залаяла одна собака, затем другая. Злой, некто-щас-будет-съеден лай. Катарина напряглась, ее руки повисли по бокам.

- Я должен еще кое-что тебе сказать.

Баден схватил ее за запястья и погрузил ее пальцы в свои волосы, прежде чем обхватить грудь Катарины снова.

"Ты не собиралась привязываться к этим собакам, помнишь? Ты собирались держать дистанцию и сохранять..."

Очередной лай.

- Придется подождать. - Она подскочила на трясущихся ногах, заканчивая чувственную игру. - Что-то случилось со щенками.

Катарина побежала влево... черт! Дверь в кладовую. Ей еще предстояло узнать планировку дома.

- Катарина...

- Пандора здесь, - раздался голос из динамиков. Она его узнала. Голос принадлежал светловолосому воину по имени Торин.

Пандора...

- Твой заклятый друг? - спросила Катарина.

- Сейчас по большей части именно заклятый. Оставайся здесь.

Баден вскочил, обхватил ее талию ладонями и посадил ее на стол. Затем бросился прочь.

Оставаться здесь? Умоляю. Она последовала за Баденом, словно тень.

- Вернись назад, - выплюнул он, несясь по коридорам.

- И не подумаю. И просто к твоему сведению, если хочешь, чтобы это свидание прошло успешно, прекрати мной командовать.

Он толкнул входные двери. Упрямая до мозга костей, полная решимости, она не отставала от Бадена.

Солнечный свет. Летняя жара. Стрекотание сверчков и жужжание цикад. Все эти детали поразили ее, рисуя сцены, которые должны приводить в восторг. Но впереди замаячил питомник и черноволосая сучка из отеля... Мисс Удар по голове... держала Подливку в руках. Большой щенок боролся за свободу пока Бисквит, все еще остававшийся в клетке, ударялся о прутья, желая добраться до своего брата.

Пандора улыбнулась, когда Баден прорычал ее имя.

- Ни шагу, - сказала она, приставив клинок к горлу собаки.

Катарина застыла, ее сковал ужас. "Я беспомощна. Снова. Вынуждена сидеть, сложа руки и ничего не делать, пока невинные животные под угрозой".

- Нет! Я не позволю тебе это сделать. - Она махнула рукой. - Отпусти Подливку!

Баден схватил ее за запястье, не давая Катарине предпринять никак действий. Хотя она боролась за освобождение, но оставалась беспомощной, воин слишком силен, чтобы она смогла высвободиться.

- Отдай мне Александра, - приказала Пандора, - и я верну тебе собаку.

- Это неприемлемая сделка. Я бы предпочел, чтобы ты ушла вместе с этим. С этими словами, пропитанными злом, он кинул в нее кинжал.

Спустя секунду, Пандора пошатнулась, собака выпала из ее рук, и из ее десницы торчала рукоять клинка.

Глава 13

"Отличная мысль. Теперь я могу представить свое опровержение. Иди к черту".
- Рейес, хранитель Боли

В одно мгновение, Баден держал свой нрав в узде, а в следующее Разрушение - полностью - управлял им. И все же, каким то образом, его мысли оставались его собственными, словно и воин и зверь разделили разум. Не было больше двух разделенных существ - появился кто-то новый.

Кто-то чертовски злой.

Его тело увеличивалось... росло... кожа туго натянулась на увеличивающихся мышцах и удлиняющихся костях. Оглушающий рык сорвался с его губ, когда зрение прояснилось, и в красном тумане появилась Пандора.

Она угрожала ему. Угрожала его женщине и его собакам. Она заплатит кровью. И будь прокляты правила.

Кончики пальцев жгло от заостряющихся когтей. Когда Баден бросился на нее, Пандора выхватила кинжал. По ее лицу рекой текла черная кровь. Ноги подкашивались. Но Баден видел ее и в худшем состоянии. Теперь увидит мертвый.

Клыки выдвинулись из-под нижней губы. Пандора бросилась на него и клубком ярости, они встретились посередине. Пока резали и избивали друг друга подобно двум диким животным, они врезались в стену питомника с такой силой, что тот не выдержал и рухнул. Заревев, Баден схватил ее за волосы и бросил в ближайшую подставку для барбекю. Пандора разбила металлическую решетку на две половины, подняв вокруг себя тучу угольной пыли. Большой осколок она бросила в Бадена. Пока она отбегала, воин вырвал кусок железа из своей груди... и отбросил его к внешней стене крепости. Камень треснул, посыпалась пыль.

- Я с тобой, - нежный голос Катарины ворвался в затуманенное красным зрение, и хотя она разговаривала с собакой, Баден ощутил утешение. - Я не позволю ничему плохому случиться с тобой.

Шальная мысль: "Мне нравится ее материнский инстинкт".

Надо не забыть рассказать ей, насколько сильно ему хочется продолжить с того места, где они остановились.

Пандора сосредоточилась на Катарине, сжимая в руке окровавленный кинжал. Баден почти слышал шепот существа в ее голове: *Убей девчонку, она угроза.*

Задохнувшись, Баден замер на месте. Катарина присела перед собаками и отступала назад, удерживая парочку перед собой и защищая их своим телом, будто щитом. Смелый поступок.

Глупая девчонка! Ее могут ранить.

Баден промчался прямо перед Катариной и врезал мощным кулаком в челюсть Пандоре.

На сцене появились двое других воинов.

- Что ты хочешь, чтобы мы сделали? – Выкрикнул Мэддокс. – Твое желание для меня закон.

В то же мгновение, взгляды Бадена и Пандоры обратились к нему.

Демон. Угроза.

"Друг. Он мой друг".

Худшая из опасностей!

Телом, движущимся по своей собственной воле, Баден подошел к Мэддоксу, лишь на шаг, опережая Пандору.

Воин хмуро посмотрел на него.

- Что ты делаешь?

- Убиваю, - ответила Пандора.

- Хорошая идея. Не возражаете, если я тоже так сделаю. - Анья, второй незваный гость, подпрыгнула и пнула Бадена с такой силой, что его мозг ударился о череп.

Богиня, анархия, угроза.

"Друг!"

Так лучше заманить нас в ловушку...

Затем Анья ударила Пандору. Они обе упали на землю: Пандора попыталась прирезать Анью, пока они катались по земле.

- Помоги другим, Баден. - Катарина все еще говорила тем нежным тоном. - Хорошо? Не обижай их. Ты им нужен.

Его внимание переметнулось к ней; собаки встали по обе стороны от неё и зарычали на него. Чтобы отпугнуть его? "Никто не удержит меня вдали от нее!" Он ощерил клыки на животных.

- Мэддокс, помоги немножко, пожалуйста. - Анья замахнулась на Пандору, но та блокировала удар.

Пандора засмеялась, ломая в своей хватке костяшки пальцев Аньи.

Мэддокс закрыл своим телом богиню и принял предназначенный ей удар. Его челюсть выскочила из суставов.

Убей! Разрушение сосредоточился на Мэддоксе.

Нет. Баден прыгнул, в полете изменил направление и врезался в Пандору. Они покатились вниз по холму. Прежде чем скольжение прекратилось, Пандора вонзила кинжал в его бок. Раз, второй. Его почка получила слишком много повреждений, и если бы он был человеком, то истек бы кровью прямо на месте. Оскалившись, Баден обернулся и перекрывая доступ воздуха. "Нужно ли ей вообще дышать?"

Потребность медленно возвращалась к нему. Возможно, так же было и с ней. Баден усилил хватку.

Пандора боролась с ним, царапала руки, исполосовала кожу.

Бум!

Земля задрожала, взрыв тепла пронесся над ними. Баден упал бы, если бы уже не стоял на коленях.

- Бомба! - выкрикнула Анья.

Деяние Пандоры?

Мэддокс выкрикивал имена членов своей семьи, срывааясь на безумный бег; Анья следовала за ним.

- Сколько бомб ты установила? - потребовал Баден ответа у Пандоры.

- Не... я.

- Баден! - прокричала Катарина. - Помоги мне! - Он слышал боль в ее голосе. Ее ранило? - Пожалуйста.

Он сломал Пандоре шею, поднялся на ноги и начал подниматься на холм. Она не умерла, даже сознание не потеряла. Сошурившись, Пандора следовала за ним взглядом, пока ее тело не в состоянии было этого сделать. Он нашел Катарину на земле, длинный деревянный брус прижал ее ноги и бедра Бисквита. Они с Подливкой яростно пытались поднять колоду, но сил им не хватало.

Бум!

Очередная жаркая волна отбросила Бадена в другой конец двора. Он быстро поднялся на ноги, снова сокращая расстояние, и взмахом руки отбросил брус.

- Идти сможешь? - Кровь сочилась из раны, спрятанной где-то под юбкой, и он помог Катарине встать.

Она должна бы плакать.

Но не плакала, и это почти сломило его. Она ни в чем не должна себе отказывать, даже в слезах.

- Думаю, да, - ответила она, дрожащим голосом. Ее щеки покрыли разводы грязи. - Что произошло?

- Там, наверху! - выкрикнула Пандора.

Если бы не леденящий душу визг, который раздавался в небесах, Баден бы ее проигнорировал. Он быстро посмотрел наверх и увидел, парящее над крепостью отвратительное создание, укутанное дымом. У существа была малинового цвета кожа, а из головы торчали два массивных рога. Острые желтые когти красовались на руках и ногах, а на пятках торчали более мелкие рожки. Он был одет в набедренную повязку телесного цвета. Кожа из человеческой плоти?

С ужасающей улыбкой, создание протянуло руку. Над его ладонью появился огненный шар, в пламени которого смешались красные и черные цвета. Он прицелился в Бадена. Прежде чем всех их убили, Баден сумел схватить в охапку Катарину с собаками и переместиться в камеру, где до сих пор находился Александр. Комната осталась незатронутой той волной насилия, что творилась на поверхности, и ублюдок все еще был прикован к стене. Он не сможет дотянуться до Катарины.

- Пока остаешься на этой стороне камеры, он тебя не тронет, - сказал ей Баден. Рассвирепев, Разрушение бился об его череп, готовый вернуться на поверхность и убивать. - Позабочься о своем бедре и оставайся здесь. - Будто она сможет уйти отсюда без него. - Не подходи к этому мужику.

Бум!

Стены вздрогнули, воздух наполнился пылью.

- Не оставляй меня здесь, Баден. Я...

Нет времени на споры. Баден переместился в крепость. Или тому, что от нее осталось. Посреди развалин, он заметил тонкую руку, с розовым лаком на ногтях. Не обращая внимания на желание зверя поймать нового врага, он бросился вперед и начал разгребать завалы камней и мусора. В поле зрения наконец-то появились клубнично-белокурые волосы, от чего у него похолодело внутри. Гвен - супруга Сабина. Ее глаза помутнели, грудь - неподвижна. Щеки покрыты копотью и запекшейся кровью.

Баден освободил ее, задаваясь вопросом не найдет ли поблизости хранителя Сомнения, мертвого. Когда он прижал два пальца к ее шее, чтобы проверить пульс - "будь жива, пожалуйста, будь жива" - наручи на руках начали нагреваться. Нет. Нет! Не сейчас. Но он оказался беспомощным перед призывом и дематериализовался... появившись в тронной комнате Гадеса, вместе с Пандорой.

- Отправь меня обратно, - приказал он, пытаясь переместиться и не преуспевая в этом. - Сейчас же.

Гадес стоял возле длинного прямоугольного стола, в окружении четырех своих сподвижников.

Железный Кулак оказался без рубашки, открывая такие же, как и у Гадеса татуировки. Странные и... живые? Эти отметки перемещались, будто скользили по его коже. У него были длинные, волнистые черные волосы и борода, оттеняющая челюсть.

Воин, со слегка голубоватым оттенком кожи, глазами, окруженными черной краской - естественно, он не родился с подобной расцветкой - и пирсингом в виде скобок по всей длине бровей, засмеялся.

- Твой питомец думает, что он тут главный, как мило. - У него имелся странный акцент. Но чего у него не было, так это сущности Гадеса.

Разрушение зарычал с ненавистью.

Баден набросился на него и ударил, со всей силой армии, сосредоточенной в его кулаке; он чувствовал это, пока наручи не нагрелись так, что опалили его кожу. Мужчина едва ли отступил на шаг назад и потер свою челюсть.

- Не плохо.

- Я же говорил, он силен, - словно гордый папаша, ответил Гадес.

- Но он не слишком умен. - Новый голос прозвучал позади Бадена, теплое дыхание коснулось шеи, а потом его подняли чуть выше головы Железного Кулака - "должно быть, переместился мне за спину" - и бросили через всю комнату. - Может хороший удар образумит его.

Кости раздробились, боль затмила все ощущения, но Бадену было все равно. Он поднялся на ноги и поковылял вперед. *Угроза. Убью.*

И снова Пандора пошла рядом с ним. У нее все еще оставался здоровым лишь один глаз, и взгляд его был сосредоточен на мужчине, ответственном за внеплановый полет Бадена.

- Мне позволено причинять ему боль. - Она не совсем стойко стояла на ногах, но, по крайней мере, на виду у них был их общий враг. - Тебе нет.

- Хватит, - со скучающим видом, окрикнул Гадес.

Баден с Пандорой замерли на месте, их конечности не двигались с места.

- Отправь меня назад, - повторил Баден, его злость эхом откатывала от стен.

- И это твоя благодарность? Я призвал тебя, чтобы предупредить. Люцифер отправил убийцу, который должен вас уничтожить. Его зовут... как-то там. Я забыл, потому что мне все ровно. Он использует...

- Мы знаем, - в унисон выкрикнули Баден с Пандорой.

- Он в крепости, - добавил Баден. - Которая, должно быть уже рухнула.

- Хорошо, тогда. - Гадес поднялся на ноги и подошел к ним. - Дабы победить такого воина, вам понадобится улучшение. - Он прикоснулся к их наручам, и жар увеличился до тысяч градусов.

Баден закричал и рухнул на землю. Разрушение также взревел, но он чувствовал не только очередную волну боли. Внутри него взрывалась мощь. Невероятная сила.

- Тот, кто победит убийцу, - продолжил Гадес, улыбаясь, - получит пять бонусных очков. Идите.

Баден не стал тратить времени - он переместился домой. Пандора появилась рядом с ним, желая заполучить эти очки.

Перемирие закончилось.

- Мои. - Баден поднял ее на руки и бросил в завалы.

Опьянев от невиданной мощи, Разрушение быстро вошел в состояние обезумевшего исступления. *Убейубейубей. Никогда не останавливайся. Уничтожь мир!*

Кулаки Бадена сжались по собственному желанию. Он убьет любого, достаточно глупого, дабы стать на его пути.

Да, да. Он сосредоточился на убийце, приземлившегося в нескольких ярдах от него, со странно изогнутыми крыльями. Дым уплотнил воздух, темные нити казались ужасающе прекрасными, подобно лентам поднимались к небесам, но Бадену не стоило труда определить воинов, вступивших в бой с его целью. Парис, Сабин, Мэддокс и Торин. Они размахивали мечами, стреляли из пистолетов, били и резали, наносили раны, но не смерть. **УБЕЙ!**

Внезапно Баден ощутил вкус желания убийства. Кровь разогрелась и становилась все горячее, хотя наручи успели остыть.

- Мой, - сказал он и сделал шаг, лишь один шаг, но в следующее мгновение он оказался перед лицом своей цели. Удар Мэддокса пришелся ему в затылок, но Баден практически не почувствовал его, хотя более слабый мужчина упал бы замертво.

Убийца улыбнулся, показывая, что у него нет языка. Не говоря уже о клыках, столь же желтых, как и его кости. Он бросил огненный шар в лицо Бадену - и Бадену это понравилось. Пламя лишь придало ему сил, сплелось с той мощью, которой наградил его Гадес, тело стало проводником. И накопителем.

Убийца перестал улыбаться и отступил.

Баден последовал за ним, пробил кулаком ему грудь и вырвал сердце. Так. Просто.

Позади создания внезапно появилась Пандора. Она замахнулась мечом, намереваясь снести ему голову. Голова улетела подобно футбольному мячу. Тело плюхнулось на землю, словно мокрая лапша, разбрзгивая реки крови, которая мгновенно собралась бассейном.

Один готов, многие еще впереди, его враги ослаблены битвой. *Убей сейчас!*

"Шшш. Тебе не нужно никого убивать. Со мной ты в безопасности".

Успокаивая Разрушение, в его голове всплыл голос Катарины, что заставило Бадена нахмуриться. Ее здесь не было, и она никогда не говорила ему этих слов. Да и сил, чтобы охранять его у нее не было.

- Ты в порядке, мужик? - похлопав по его плечу, спросил Сабин.

"Успокойся. Только Спокойно". Баден выпустил из руки сгнивший орган и спросил:

- Как Гвен? Остальные?

От вспыхнувшей агонии, глаза воина потемнели.

- Люциен переместил ее в безопасное место, а как только Камео привела в сознание Кили, та использовала остатки своих сил, чтобы перенести остальных. Нашлись все, кроме Галена. Если он здесь, то погребен под завалами.

- Его здесь нет. Он ушел несколько часов назад. - Торин провел рукой по лицу, оставляя красные разводы. - Напавший на нас кусок дерма, первым делом вырубил Кили, чтобы она не смогла нам помочь. Он намеренно первым делом разбомбил нашу спальню, а потом уже остальную часть крепости.

- Все...

Сабин резко кивнул.

- Живы, да. Здоровы? Нет.

Баден взглянул на Пандору, которая убийственным взглядом наблюдала за его друзьями.

- Ты, - выплюнул он. - Если бы ты не напала на моих собак, мы бы не стали отвлекаться.

Секунду спустя они встали лицом к лицу.

- Хочешь напасть на меня? - прорычала она. - А?

- Имеешь в виду снова. Как твое зрение. Хреновая двадцатка?

Она расправила и вновь сжала пальцы в кулак. Мэддокс встал между ними и оттолкнул их друг от друга.

- Уходи, - сказал он ей. - Сейчас же. Или Баден будет не единственным, кто надерет тебе задницу.

Пандора открыла рот, чтобы поспорить.

Но Мэддокс прервал ее:

- Я даю тебе этот шанс, потому что мы наделали плохих вещей, когда украл шкатулку - потому что я плохо поступил с тобой, став одержимым - но второго шанса не будет.

- Эту драку ты не выиграешь, - сказал ей Сабин. - Мы слишком взвинчены, а ты - ранена. Они не знали об супер силе, которой наградил ее Гадес. Возможно, она и смогла бы их победить. Но капелька сомнений, подаренных Сабином, сделала свое дело. Пандора побледнела и исчезла.

Баден окинул взглядом, окружающую его разруху - шансов спасти это место не осталось. Он ощущал вину.

- Это я виноват, не стоило мне возвращаться, не надо было переезжать к вам.

- Не говори глупостей. - Торин пинком отбросил кусок древесины со своего пути. - Давайте найдем то, что сможем, пока ждем возвращения Люциена. Вместе мы сильнее.

* * *

- Приятно видеть тебя... жена.

Катарина зашипела на мужчину, принесшего ей столько боли и страданий.

- Ты мне не муж. Ты - мой шантажист, и дилер моего брата. А теперь еще и убийца моих собак.

- Но ты ведь можешь купить себе еще собак. На много больше. Вообще то, кажется, ты уже начала.

"Ублюдок!" Ненависть, которую Катарина успела похоронить, почти поглотила ее, так же как и ее горе. Он заслуживал страданий, и все же выглядел абсолютно довольным. Цепь, обернутая вокруг его талии, была единственным указателем того, что здесь он находился не по своей воле.

- Рыжий купил тебе этих щенков? - Уголок его глаза дернулся. - Тебе стоит вернуть их отправителю. Ты заслуживаешь собак с родословной, длиной в милю.

Ощетинившись, собаки встали по бокам от Катарины и уставились на Алека. Они вели себя, так же как и собаки, с которыми она работала месяцами.

- Баден - это не твое дело. Как и я. Как и мои собаки. - Она оторвала полоску от низа своей юбки и перевязала бедро, чтобы остановить кровь. - К тому же родословная ничего не стоит.

Алек пристально смотрел на нее.

- Ты с ним спала?

Этот тупой вопрос задан с целью запугать ее?

- Я могу трахнуть целую армию, но это тебя касаться не будет.

- Не обманывай себя. Твои дела касаются меня, потому что ты - моя. Моя жена... и моя собственность.

Собаки восприняли его тон как угрозу, подпрыгнули и предупреждающе зарычали.

Понимая, что не стоит дразнить разозленных животных нежелательными прикосновениями, Катарина начала напевать. Собаки расслабились и опустились на корточки.

Потолок задрожал, вновь посыпалась пыль. Где Баден? С ним все в порядке?

- Думаю, ты хорошо сыграла, жена. - Алек попытался подобраться к ней поближе, но цепь остановила его. - Вскоре я использую монету, чтобы сместить Гадеса с трона и займу его место в преисподней. Я стану королем.

Королем. Преисподней. Если точнее, зла. Теоретически, это, в самом деле, идеальная работа для Алека.

- Так вот, для чего монета? Купить тебе королевство?

- Она заставит Гадеса исполнить мое желание, каким бы оно ни было.

- Откуда она у тебя?

На мгновение он заколебался, потом ответил.

- Подарок моей матери.

- У тебя есть мать? Ох, должно быть она гордится своим мелким социопатом-убийцей?

- Она мертва. И в этом я виню своего отца. - Он улыбнулся маниакальной улыбкой. - Но папочка сдох. Я убедился в этом. И если хочешь сохранить свой симпатичный язычок, то больше не станешь говорить о моей матери.

Собаки гавкнули, но остались на своих местах.

Должно быть, отрезание языка весьма популярно среди темных повелителей. Катарина заметила, что у крылатого дьявола языка тоже не было.

- Мой брат еще жив, или его ты тоже убил? - спросила она, поворачиваясь к стене и прижимая руки к холодному камню. Здесь должен быть выход. Хотя она и не беспокоилась о своей безопасности. Но женщинам и детям может понадобиться помочь, ее и собак.

- После резни в часовне, я отправил Доминика в свое загородное поместье. Я не стану вредить ему... пока ты относишься ко мне с уважением, которого я заслуживаю.

Вот. Это стало бы ее жизнью, если бы Баден не появился. Угрозы и принуждение. Она задолжала воину огромный долг.

Катарина сумела извлечь шатающийся камень.

- Думаешь, можешь меня тут оставить? - Пытаясь встать, Алек загремел цепями. - Нет. Ты останешься. Слышишь меня? Ты останешься!

Она повернулась и бросила в него камнем, а потом задохнулась. Его глаза... светились всполохами красного.

Баден был прав. Алек не человек.

Как? Как это возможно? Почему она не знала?

- Когда я стану королем реальности Гадеса, - заговорил Алек тихим, умиротворяющим голосом, - Ты будешь моей королевой. Разве ты не хочешь стать моей королевой, принцесса?

- Уж лучше я стану слугой для хорошего короля, чем королевой плохого.

- Итак... да?

- Черт, нет. Но...

Катарина глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Сейчас она стала частью мира Бадена. Он восхищался силой, а она часто утверждала, будто достаточно сильная. Время это доказать.

Если она не может сбежать, то пора попробовать добыть информацию.

- Где сейчас монета? - спросила Катарина и поморщилась. Слишком много и слишком быстро.

На лице Алека расцвела очередная маниакальная улыбка.

- Можешь обыскать весь мир, но не найдешь ее.

Он казался таким уверенным. Обыскать мир...

Итак, где еще нужно искать, не если не во всем мире? Он упоминал преисподнюю?

Нет. Кажется, нет. Он не доверит монету никому другому. Нет, если сможет сделать то, о чем думает. Алек захочет, чтобы она находилась в пределах его досягаемости.

- Не смотря на мою к тебе ненависть, я не хочу становиться узником, - заметила Катарина. "Можешь все это соотнести, кретин?" Сделав невозмутимое лицо, она продолжила: - Если я помогу тебе освободиться, ты должен дать клятву, что возьмешь меня с собой. И отпустишь моего брата.

Алек прищурился, но кивнул.

- Так тому и быть.

Столь легкая капитуляция? Лжец!

Она поднялась на ноги и шагнула вперед, затем прикинулась, будто обдумывает свое решение, и отступила. Когда Алек напрягся, она вновь сделала шаг вперед.

- Как мне тебя освободить? - спросила она, как будто бы нервничала.

- Открой замок на цепи так, будто открываешь дверь своей спальни. - Он практически выбрировал от нетерпения. - Все остальное я сделаю сам.

Очередной шаг приблизил ее к нему.

- Другими словами, я делаю грязную работу за небольшое вознаграждение. Нет! Я тоже хочу монету.

"Взгляни на меня. Притворяющуюся искусственным золотоискателем. Баден будет доволен".

- Я поделюсь ею с тобой, - ответил Алек, хотя очевидно было, что он неимоверно взвешен.

Очередная ложь.

- Как мне узнать, что она и правда, у тебя?

- Тебе придется мне поверить.

Катарина решительно покачала головой.

- После того, что ты сделал с моими собаками? Нет. Я тебе не верю. - В этой истине, ее блеф был почти не заметен. - Тебе придется доказать ее существование.

- Она у меня, клянусь. - Звук его голоса обострился до состояния лезвия. - Это все, что тебе нужно знать.

- Извини, муж, но я должна ее увидеть.

Он оскалился, открывая зубы, как делал только тогда, когда кто-то из работников подводил его.

- Освободи меня, - приказал Алек, - а потом я покажу ее тебе.

Оставаясь на приличном расстоянии, Катарина оглядела цепи.

- Замок выглядит сложным. Если бы его легко можно было открыть, ты бы уже нашел способ. Может я не достаточно умела... - Согласно мнению Бадена, она не была достаточно умела ни для чего.

"А вот и моя горечь. Сосредоточься на задании".

- Ключ, - заговорил Алек. - Найди ключ.

- Как? Баден наблюдает за каждым моим шагом. Может, ты используешь монету? Ты станешь королем, как планировал, и призовешь целую армию, которая освободит тебя. -

Если Алек купится на это, то он еще более сумасшедший, чем кажется. - Скажи мне, где она. Я уговорю Бадена переместить меня в это место, и спрячу ее на себе, прежде чем он ее найдет. Он не узнает.

Алек пнул ногой воздух. Проявилось его здравомыслие.

- Шлюха! Ты планируешь использовать ее в своих целях.

Катарина похлопала собак по холкам, прежде чем они отреагировали на агрессию, и подняла подбородок.

- Я напугана, слаба. Никогда не смогу добраться до Гадеса, без тебя. - Уж на это он купится. - Но я не могу злить Бадена. Он жестокий мужчина. - Она изобразила содрогание. - Очень опасный.

Алек вздохнул и пыхнул. Он сумел сгладить черты своего лица, но так и не сумел скрыть гнев, пылающий в его глазах.

- Ты женщина. Уверен, сможешь найти способ отвлечь его от гнева.

Уже готов превратить ее в шлюху, хотя лишь мгновением раньше использовал уничтожительное слово против нее?

"Ублюдок!"

- Ладно, - ответила Катарина. - Я подвергну свою жизнь опасности и соблазню Бадена... если докажешь существование монеты.

Алек посмотрел ей за спину и побледнел.

О-оу. Проблемы.

- Ты сделала серьезную ошибку, невеста, - проговорил Баден, позади нее, его голос раздавался, будто зверь говорил вместе с ним. - Смертельную, если быть точным.

Глава 14

"Существует три способа смотреть на стакан. Полупустой, наполовину полный и - чего уставился на мой стакан, сука?"
- Гвендолин Застенчивая, Гарпия из клана Скайхоук

Теплый, чуть солоноватый ветер ласкал кожу Джилли. Она вытянулась на кушетке на частном пляже Уильяма, под тонким белым навесом. Солнце садилось, окрашивая небо ярчайшими оттенками розового, пурпурного и золотого. В нескольких дюймах от нее, кристально чистая вода накатывала на белый песок, оставляя пену с каждой волной. Так близко и все же так далеко.

Единственное, что не вписывалось в красоту пляжа? Восемь полностью вооруженных и одетых в черное охранников. Стоя в нескольких ярдах от Джилли, они создали вокруг нее восьмиугольник.

Уильям ушел, чтобы сделать... она понятия не имела что. Появился его отец и сказал:
- У нас проблемы.

Бедный Уильям. Его тянут во слишком многих направлениях. А она только ухудшает ситуацию.

Они ушли довольно скоро, но сперва Уильям принес Джилли сюда, желая, чтобы у нее было солнце и чистый воздух, надеясь, что это приободрит ее.

"Жаль разочаровывать тебя, Лиам, но этот эксперимент провалился".

Она была столь же слабой, как и раньше, но сейчас добавилась еще и злость. Она заслужила ответ на вопрос, который подобно водородной бомбе сбросила на него: Что такое *morte ad vitam*?

Единственное, что он ответил?

- Ты меняешься, крошка.

Джилли и так это знала, но черт подери. Это ее жизнь... и ее смерть.

У нее вырвался всхлип. "Не готова умирать".

- Вам что-нибудь нужно, мисс Брэдшоу? - спросил один из охранников. Мужчина обращался к ней слишком уж формально, потому что Уильям угрожал кастрировать каждого, кто ее обидит.

Только ее Лиам!

- Нет, спасибо, - прохрипела Джилли. "Не от вас".

Секунду спустя раздался стук.

Она еле нашла силы повернуть голову, но успела заметить двух охранников, неподвижно ничком лежащих на песке. Троє других, выхватив пистолеты, бросились к ним, но напоролись на невидимую стену и так же повалились на землю. Троє оставшихся решили объединиться и окружить ее. Вот только, один за другим они так же оказались лежащими на песке.

Пьюк, столь же тихий как океан, опустился возле Джилли, заставив ее ахнуть. Он был одет в очередную набедренную повязку, в этот раз сплетенную с волос. Покрытые мехом ноги казались менее пугающими, чем раньше и странным образом привлекательнее.

Больная и чудовище.

- Ты их убил? - потребовала ответа Джилли, ненавидя шепот своего голоса.

- Хочешь, чтобы я нанес смертельный удар? Пьюк присел в кресло возле нее и уставился на океан. - Я просто уложил их на песок немного вздремнуть, но могу без проблем перерезать им глотки. Только скажи.

- Н-нет. Пожалуйста. Нет.

- Тогда, ладно. - Он не сказал больше ни слова, и паника Джилли медленно отступила.

Приглушенные лучи солнца тянулись к нему, чтобы погладить, создавая при этом эффект ореола. Что казалось странным, учитывая его рога. Наполовину ангел... наполовину демон. Частично козел, добавила Джилли, припомнив ноги Пьюка. Целиком и полностью воин. Лезвия, вплетенные в его темные волосы, блеснули на свету.

- Почему ты здесь? Я не могу тебе помочь, - сказала Джилли, припоминая слова, брошенные ей на прощание, в последний раз, когда он появлялся.

Пьюк пожал мощными плечами.

- Мне сказали, будто твоя ситуация настолько плачевна, что даже мне не будет безразлично.

- Кто тебе такое сказал? - Уильям? Не похоже. Скрытный тиран. - И почему тебя это волнует? - Ум Джилли, даже в своем затуманенном состоянии, нашел ответ на вопрос, прежде чем Пьюк смог ответить. Он был одержим Безразличием, и скорей всего, демон стирал его эмоции еще до того, как Пьюк успевал их почувствовать. У одержимости всегда есть последствия. - Тебя это волнует?

Он мгновение думал, потом выдохнул.

- Ни капельки.

Ну, внезапно она почувствовала зависть. Не чувствовать больше влияния своего прошлого? Не страдать от ночных кошмаров и страха? Драгоценный дар.

- Ты хоть когда-нибудь чувствуешь, что-нибудь?

- Только очень редко, а потом... - Голос Пьюка затих, и он вновь пожал плечами.

- Везунчик, - пробормотала Джилли.

- Везунчик? Малышка, я могу сжечь тебя, наблюдать, как ты горишь, слушать крики твоей агонии, и единственное, что будет меня интересовать - тепло пламени в холода ночи.

- Ладно, возможно "везунчик" не слишком верное определение. - Джилли прикусила нижнюю губу и взглянула на Пьюка сквозь опущенные ресницы. - Собираешься меня сжечь?

- Нет. Я оставил спички дома.

Так утешительно. И все же, впервые с тех пор как она заболела, Джилли захотелось улыбнуться.

Несколько долгих минут они сидели в тишине: Джилли постоянно возвращалась взглядом к Пьюку, ее интерес к нему возрастал. Он и правда был очень привлекательным мужчиной и хотя - для нее - все бессмертные казались одного возраста, этот выглядел моложе. Почему?

Прохладный, солоноватый ветер остудил ее воспаленную кожу, и Джилли вздрогнула. Пьюк незамедлительно снял с себя рубашку и укутал ее. Джилли опустила взгляд на его грудь и... ого, вау. Он весь был покрыт тугими мускулами, в отличие от ее отчима и сводных братьев, которые...

Горло сжалось, и дышать стало немного тяжелее. Джилли отвернулась от Пьюка в поисках отвлечения. Задев носом его рубашку, она ощутила, как разум уплывает в блаженное забытье. Ничто и никогда не пахло так восхитительно. Весь этот торфяной дым и лаванда впитались в ткань. И жар его тела! Лучи солнца оставили ее промерзшей, но его рубашка быстро ее согрела.

- Спасибо, - пробормотала Джилли, чувствуя себя кошкой перед блюдцем со сметаной.

- Всегда, пожалуйста.

Они вновь погрузились в молчание. Если так пойдет и дальше, Пьюк может уйти. Джилли не хотела, чтобы он уходил.

"Просто не хотела оставаться в одиночестве. Вот и все".

Джилли ломала мозг над подходящей темой для начала разговора. И единственное, что сумела придумать?

- Так, хм, как ты стал невидимым?

- Я не становился. Просто двигался слишком быстро, чтобы ты - или они - не смогли уследить.

Пьюк ответил ей охотно, без единого мгновения колебаний. Это что-то новое. Уильям часто разговаривал загадками, а воины в Будапеште увиливали от ее вопросов, будто боялись открыть слишком многое человеку.

Возможно, Пьюк ответит на вопрос.

- Что такое morte ad vitam?

Взглянув на Джилли, он выгнул бровь.

- Это с тобой случилось?

- Да. Все доктора сошлись во мнении. - У Джилли пересохло во рту, когда он нахмурился.

- Что это значит?

- Твое тело пытается эволюционировать, стать бессмертным, но оно не достаточно сильное.

Что! Нет, нет, нет. Она человек, по рождению и происхождению. И всегда будет человеком.

- Единственный шанс на выживание, - продолжил Пьюк, - для тебя связать свою жизнь с бессмертным, сплести свою жизненную силу с его. Но даже это не дает гарантий. Ты можешь иссушить его силу и превратить в человека.

Связать... как будто в браке. Уильям отказывался связываться с ней, либо, с кем - то другим. Что, в общем, то, хорошо.

Брак подразумевает супружеский долг. Занятия сексом, к примеру. Джилли же предпочла бы надеть пояс верности на всю оставшуюся вечность.

Уильям, наверняка, не хотел ступить на этот путь из-за своего проклятия. Либо же он знал то, чего не знала она. Несколько Повелителей связались со своими супругами, с определенными последствиями. Жизни пар теперь навечно связаны в счастье, беде и ох, как же это грустно. Если умрет один, второй вскоре последует за ним.

- Ну, это хреново. - Уж лучше она умрет сегодня - сию же секунду - чем подставит Уильяма под ненужную опасность. - Сколько времени у меня осталось, прежде чем я...

- Учитывая твое теперешнее состояние, я бы сказал еще неделя, может две.

Четырнадцать дней в лучшем случае.

- Я никогда не смогу исполнить вещи из своего списка предсмертных желаний. Даже если бы он у меня был.

- Возможно, тебе стоит его создать. Я могу помочь.

Джилли нахмурилась в замешательстве.

- Почему ты хочешь помочь?

- Тебе нужно отвлечься, а мне понадобится новая цель. Женщина, которую я хотел, не ответила взаимностью, и мы разошлись своими дорогами. Теперь... - Пьюк пожал плечами.

- Женщины - это твоя цель?

- Почему нет? Мои цели удерживают меня от сидения на диване, круглосуточного просмотра мыльных опер и поедания несвежей пиццы.

- Но если ты ничего не чувствуешь, то откуда знаешь, что хочешь женщину?

- Я редко чувствую эмоции, но желание - часто. Одно не исключает другого, малышка.

- Это правда. - Джилли улыбнулась ему грустнейшей из своих улыбок. - Я чувствую все виды эмоций, но желание никогда.

В выражении его лица появилась искра интереса.

- Ты ведь уже взрослая, да?

Опасаясь того, куда их может завести подобный разговор, Джилли нерешительно ответила: - Да, я совершенно взрослая. - Наконец-то.

- И ты никогда не желала мужчину?

Джилли смотрела на воду, пока солнце скрывалось за горизонтом. Тьма укрыла ее убежище, пока единственным источником света не остались горящие факелы, на окружающих ее бревнах. Джилли дышала медленно, выверено, борясь против поднимающейся волны стыда, ненависти и ужаса, которая всегда выходила на поверхность ее сердца во время подобных разговоров.

- Ах. Я понимаю. Тебя кто-то обидел. - Констатировал факт Пьюк.

Джилли вся напряглась.

- Я не хочу об этом говорить. Смени тему или уходи. - Ну, ну. Вспышка гнева придала ей немного сил. Чего она не испытывала с тех пор, как все это началось.

Пьюк не сменил тему, но и не ушел.

- Я убью мужчину, ответственного за это. Просто скажи мне его имя.

- Имена. Во множественном числе, - вскрикнула Джилли, и сжала губы. Она была убеждена, что Уильям уже их убил. Джилли прожила с Повелителями три года, и время от времени искала имена своих мучителей - побуждение, которого она стыдилась. Однажды она нашла полицейский рапорт об их жестоком убийстве. Хотя тела так и не нашли, кровь и ... другие вещи покрывали пол и стены дома, где она страдала. Дело так и осталось нераскрытым.

Когда она спросила об этом Уильяма, он отвлек ее новой видео игрой, словно боялся ее реакции. Разве что, он никогда и ничего не боялся!

Но все же она сама боялась своей реакции. Благодарность казалась ей неуместной, как и гнев.

- Один мужчина или сотня. Для меня это не имеет значения, - все так же сухо произнес Пьюок.

- Спасибо за предложение, но они уже мертвые.

Он кивнул.

- Должно быть, Уильям позаботился о них.

- Вы с Уильямом дружите? - спросила Джилли.

- Я знаю о нем, а он, конечно же, слышал обо мне, но мы никогда официально не встречались.

- Если хочешь стать его другом, то тайное проникновение на его собственность не...

- Я не хочу быть ему другом. Он может меня ненавидеть. Мне безразлично и то и другое.

- Это не разумно. Если ты ему не друг, то становишься врагом. А его враги умирают. Болезненно. - Факт, который ей пришлось принять в Уильяме. Он был тем, кем был, и изменить его нельзя. Хотя Джилли и не хотела ничего в нем менять. Зачем портить совершенство?

Пьюок улыбнулся ей, и на мгновение показался почти... милым.

- Мои враги умирают с благодарностью, радуясь возможности наконец-то от меня избавиться.

Джилли закатила глаза.

- Вы, бессмертные и ваша кровная месть.

- Разве ты не имела в виду нас, бессмертных?

Укол тоски... "Я хочу жить"... который она проигнорировала.

- Я умру, помнишь? До того, как окончится трансформация. - Как странно это говорить! - И я не хочу придумывать список предсмертных желаний. - Придется выбрать те вещи, которые можно сделать, не вставая с кровати, разве не грустно?

- Ты умрешь, да. - Пьюок забросил в воду камешек. - Думаю, я могу на тебе жениться. Спасти тебя.

Джилли недоверчиво уставилась на него.

- Ты, в самом деле, делаешь мне предложение?

- Да. Нет. Я не хочу на тебе жениться, но и не жениться тоже не хочу. Это просто действие. Нечто, что может потенциально стать взаимовыгодным.

"Я могу жить!" Возможно. Либо же она его убьет.

Ладно, допустим, Джилли выйдет за него и переживет трансформацию. Что потом? Они станут мужем и женой. Пьюок захочет ее тело, как она того и ужасалась. К горлу подступила желчь, желудок угрожающе взбунтовался.

- Разве ты не боишься, что я сделаю тебя смертным?

- Я - доминант. Моя жизненная сила подавит твою, без вопросов.

Он говорил так уверенно, что она ощущала искушение. "Я могу спасти!" Но... стоит ли ее жизнь тех проблем, что последуют за связью?

- Спасибо за любезное предложение, которое вовсе не предложение, но я собираюсь отказатьсь.

- Из-за моих рогов?

- Нет. - Они были странно... прикольными, подумалось ей сейчас. И может даже немного сексуальными.

Сексуальными? Ничто не было для нее сексуальным.

Пьюк заслуживает правды.

- Тебе захочется... ты знаешь.

- Секса?

Ощущив прилив жара к щекам, Джилли кивнула.

- Ты права, - ответил Пьюк. - Захочется.

- Ну, а мне нет. Никогда.

- Это ты сейчас так думаешь, но я изменю твое мнение. - Он снова бросил в воду камень. - Не то, чтобы я стал тебя принуждать. Я не стану. Это один из моих жизненных принципов, по которым я живу. Я подожду, пока ты сама этого не захочешь.

- Говорю же тебе, неважно насколько искусным ты себя считаешь, ждать тебе придется вечность.

Пьюк фыркнул.

- На протяжении месяца ты окажешься в моей постели, гарантировано.

Сердце Джилли на секунду пропустило удар, нечто теплое разлилось по венам. Что-то, чего она раньше не испытывала.

Пьюк наклонил голову и его ухо - заостренное ухо! - дернулось.

- Уильям возвращается. Он будет здесь через пять... четыре... три...

- Тебе стоит уйти, - прошептала Джилли, ощущая бушующее в груди беспокойство. - Пожалуйста.

- Одну.

Уильям прошел через двойные двери, ведущие в гостиную дома. Он склонился над Джилли и нахмурился.

- С тобой все в порядке, крошка? Охранники...

- Я в порядке, - она резко повернулась, чтобы взглянуть на... Пьюк исчез. Просто исчез. И Уильям ничего не понял, в противном случае он бы сперва сосредоточился на незваном госте. Джилли вздохнула с облегчением. Она не желала становиться свидетелем драки, особенно потому, что не могла ничего сделать: ни помочь, ни... нет. К черту все. Помочь Уильяму. И только Уильяму. Конечно же.

Он появился первым.

- Что случилось с парнями? - Уильям изучал их спящие тела, и у Джилли появилось странное ощущение, что к утру все они умрут... или пожелают умереть.

- Кто-то случился с ними. - "Мне нужно ему рассказать, разве нет?" - Мужчина. Пьюк. Он приходил сюда и двигался так быстро, что я даже не смогла его увидеть. Охранники не выстояли против его скорости и силы.

Уильям встал так быстро, что Джилли могла поспорить: он ударили себя хлыстом. В обеих руках, отображая всполохи огня, заблестели кинжалы.

- Пьюк. Хранитель Безразличия. Он поклялся отомстить Торину, за то, что тот заточил его в другом измерении. Как он сбежал?

Пьюк не упоминал ничего подобного. К тому же, Джиллиан с трудом могла представить, что его хоть немножко будет волновать месть кому-либо.

- Откуда ты знаешь, в чем он клялся, если никогда его не встречал?

- Мои шпионы. Они повсюду, крошка.

- Либо же тебе сказал Торин, - сухо отметила она.

- Пьюк тебе что-нибудь говорил? Ублюдок что-то тебе сделал? - Каждое слово сочилось неприязнью.

- Он рассказал мне о morte ad vitam. - Услышав, как чертыхнулся Уильям, она продолжила: - Ты не станешь причинять ему вреда за это. И не убьешь. И никому не будешь платить за его убийство. - Девушка не должна исключать ни одной возможности. - Я должна была услышать правду от тебя, но этого не случилось, так что он любезно предложил помочь.

- Предложил. Помочь. Как? - Последнее слово плевком вылетело в ночную темень, когда Уильям заметил наброшенную на Джилли мужскую рубашку.

"Опасная почва. Продолжай очень осторожно".

- Сперва пообещай, - попросила Джилли. - Пожалуйста.

Сохраняя молчание, Уильям сорвал с нее рубашку и забросил в воду. Джилли подавила всхлип.

Уильям поднял ее на руки и понес в дом. Она так мало видела в этом месте. Только дорогу в свою комнату, если честно. Просторная гостиная со стратегически обрезанными стенами, чтобы максимально увеличить дневной свет и вид на океан. Окна из матового стекла, что тянулись от пола до потолка, приветствовали природу и в то же время сохраняли ощущение уединенности.

Изогнутый полумесяцем белый диван и два шезлонга - тоже белые - предлагали место, где можно прилечь и расслабиться перед каменным камином с резными львами по бокам. Кофейный столик выглядел так, будто его вырезали из древесины, найденной им на пляже.

- И каков приговор? - спросил Уильям, заметив ее взгляд.

- Чисто, просто и все же уютно, с элементами витиеватости, - ответила Джилли. - Итак, дом не твой. - Уилли был необыкновенным, уникальным и порочным. - Как давно ты владеешь этим местом?

- Со дня нашего приезда, и я... выселил владельца.

Что!

- Лиам, ты не можешь просто...

- Могу и сделал. Все, что могу сделать - моё право.

Он с легкостью поднялся по винтовой лестнице и вошел в первую спальню справа. Желтые стены и светло голубое одеяло на кровати, все это напоминало ей о солнечном свете и утреннем небе. К ночному столику было приделано рулевое колесо парусника, как подставка для ног, что придавало ему нотку новизны.

Уильям опустил ее на кровать и подоткнул одеяло.

- Хочешь пить? Есть?

Он считал Пьюка закрытой темой, не так ли? Скрытный мужчина.

- Я не могу с чистой совестью позволить тебе...

- Твоей совести не надо ничего выносить. Я сам понесу все бремя.

- В том то и проблема. В тебе нет совести.

- Возможно, я заполучу себе одну. - Он выгнул бровь. - Как думаешь, сколько они теперь стоят?

Да что не так с мужчинами в ее жизни?

- Пить хочешь? - снова спросил Уильям.

- Нет, - проворчала Джилли. - И просто чтобы ты знал, я не собираюсь за тебя замуж.

Он казался натянутым как барабан, когда садился возле нее.

- Я не помню, чтобы предлагал, крошка.

- Я знаю, что ты не просил, и знаю, что и не попросишь. Таким образом, когда я умру, тебе не придется тратить время на чувство вины, задаваясь вопросом, что было бы, если бы ты попросил.

- Ты не умрешь, - тихо и все же грозно ответил он. - Я тебе не позволю.

Существуют вещи, которые даже Уильям Вечно Похотливый не может предотвратить.

Джилли собрала все имеющиеся у нее силы, потянулась и скжала его руку.

- Я люблю тебя, Лиам. Когда у меня ничего и никого не было, ты подарил мне дружбу и радость, и за это я буду вечно тебе благодарна.

Уильям сощурил глаза в тоненькие щелочки.

- Прекрати говорить так, будто для тебя это конец.

Она улыбнулась ему той же грустной улыбкой, которой одарила Пьюка... куда он подевался? Что делал? И почему она беспокоится о мужчине, которого ничто не волнует?

- У тебя есть недостатки. Много недостатков. Но ты отличный мужчина.

Тиканье прекратилось. Казалось, Уильям забыл, как дышать.

- Этот отличный мужчина найдет способ тебя спасти. Я работаю каждый день, каждый час и каждую минуту. А теперь отдохни. - На этом, он бросился прочь из комнаты и захлопнул за собой дверь.

И знаете, что грустно? Джиллиан смотрела на балкон, ожидая... надеясь..., что появится Пьюк. Одна минута превратилась в десять, но он так и не показался. Разочарование истощило остатки ее сил, и Джилли закрыла глаза.

Уплывая в сон, ей показалось, будто она ощутила запах торфяного дыма и лаванды... послышался шепот глубокого голоса:

- Спи, малышка. Я позабочусь о твоей безопасности.

Глава 15

"Всегда верь женщины, которая убеждает в своей невиновности. Твоя вера никогда не вернется и не укусит тебя за задницу".
- Гидеон, хранитель Лжи.

Тысячи новых воспоминаний наполнили голову Бадена. Память Разрушения. Воспоминания Гадеса. Они брали верх, поглощали, от чего зверь бесился. Он хотел разорвать Катарину на куски. Она так же сильно предала его, как и его мать.

В детстве, Изабель привязала его к стойке. Каждый из его суставов оказался вывихнут, мышцы разорваны. Дражайшая мамочка вытащила его кишечник из живота и нанизала на вертел, чтобы поджарить, пока сама лакомилась его печенью - прямо из источника. Она смеялась и ведрами сыпала на него демонических насекомых. Мелкие твари забирались ему в рот, ползли по глотке, заползали и выползали из каждого отверстия.

Когда ей не удалось убить его - того, кто по пророчеству, должен был ее уничтожить - мамочка продала его одному из королей преисподней. Мужчина контролировал стаю адских гончих. Не через связь с ними. Гончие должны добровольно подобного желать. А через угрозы. "Делай, что сказано, или смотри, как я убиваю твою пару".

По его приказу, они выследили Гадеса... разорвали его на части.

Столько боли... такая агония. Тела и души. Он любил свою мать, но и ненавидел ее.

А теперь, Катарина решила, будто ей хватит ума обмануть его? Смелости его предать?

Она подумала, что сможет освободить кусок деръма, в качестве мужа, и бросить Бадена?

Разрушение рычал с яростью, которую вынашивал все эти столетия, и эмоция передавалась Бадену. Сила превыше сантиментов. Слабые всегда ищут защитника. Любой защитника. Такова, правда, жизн.

Какая-то часть Бадена защищала Катарину. Ее ум слишком развит; она умна и хитра. Она сможет выжить в этом мире и без него - без Александра - и даже станет процветать.

Мысль... не могла быть верной. Ей нужен сильный мужчина, который спасет ее. Катарина всегда будет нуждаться в сильном плече.

Она приподняла подбородок, серо-зеленые глаза засверкали яростью, провоцируя его высказать против нее.

После раскрытия ее предательства, Катарина посмела бросить ему вызов?

Может ее разум не так уж и развит. Она намеренно будила худшее в нем.

"Успокойся. Только спокойно". Баден передал Бисквита ей в руки и подхватил Подливку. Свободной рукой, он прижал предательницу к себе. Она удивленно вздохнула... может от страха.

Баден с Разрушением в унисон прокляли ее. "Сучка-предательница не должна хорошо себя чувствовать".

Александр бросился к ним, настолько близко насколько позволяли цепи. Его ошибка. Баден пнул его ботинком в лицо, практически сломал шею.

И близко не ощущая удовлетворения, Баден перенес их к безопасному дому, куда Кили с Люциеном перемещали других. Снаружи их временный дом выглядел хибарой, но внутри оказывался супер навороченным арсеналом и в то же время временной больницей. Баден поспешил отпустить Катарину, словно она была токсичным отходом - чем она в принципе и являлась - и опустил собак у ее ног.

Баден ожидал, что она вцепится ему в руку, начнет рыдать и извиняться за свое поведение.

"Ты все не так понял..."

"Я была так напугана, так смущена, но сейчас я снова - я".

"Я никогда не предам тебя. Слишком сильно тебя хочу".

Но Катарина лишь перекинула волосы через плечо и зарычала на него.

- Чтобы оставаться подозрительным, Недоверие тебе не нужен, не так ли, необоснованный кретин?

- И почему это я необоснованный, zvodkyne¹⁰? - Соблазнительница. Скажи мне. Пожалуйста. - Своими же словами, осуждаешь себя.

- Ты прав. А теперь уходи. - Величественным жестом, она отмахнулась от него. - Ты слушаешь, но на самом деле не слышишь.

- И что это должно значить? - потребовал ответа Баден.

Скрипнули петли входной двери; прерывая разговор, на порог ступила Сиенна. Одно из ее огромных крыльев оказалось изогнуто под неправильным углом, на лбу виднелись швы.

Пока Сиенна подходила, черты ее лица приобретали блаженное выражение. Ее демон, Гнев, ощущал напряжение между ними и поглотил, что разозлило обоих: Бадена и зверя.

- Думала, вам это понадобиться, - сказала Сиенна, протягивая два ошейника с поводками.

- Спасибо. Ты очень добрая и понимающая. - Собаки взбрькнули, когда Катарина наклонилась, чтобы закрепить полоски кожи. Но затем она начала напевать, и они присели, неожиданно успокоившись.

Баден оскалился. Однажды она так же легко укротила и его. Никогда больше!

- Ох, всегда, пожалуйста? - Ответила Сиенна и вернулась к дому, лишь раз оглянувшись через плечо.

Когда Катарина вознамерилась последовать за девушкой, Баден схватил ее запястье.

- Атака, свидетелями которой мы стали, была спланирована. Меня ищут. - Злость в его голосе заставляла сбегать всех вокруг, но не человечку. Ее никогда. Глупая девчонка. Глупый Баден. Почему он так ею восхищается? - У Гадеса два сына. Уильям, которого ты уже встречала, и Люцифер - абсолютная тьма без проблеска света. Он украдет у любого, убьет каждого и уничтожит все, что угодно. Он желает моей смерти. Хочет уничтожить всех моих союзников. Тебе нужна моя защита, хорошенько себе это запомни.

- Люцифер... дьявол? Настоящий падший ангел? Тот, который заключает сделки, умасливает и обманывает, чтобы заполучить души?

- Он самый.

- Ну, значит мне нечего бояться. Я тебе не союзник. Так что катись к чертям, вместе со своей защитой. - Еще немного выше приподняв подбородок, Катарина вывернулась из его хватки и ушла в дом, собаки побежали за ней.

Баден последовал за ней, и догнал в гостиной, обставленной, как и все подобные помещения: диван, два кресла и журнальный столик. Он прорычал:

- Твоя нога нуждается в дальнейшем лечении?

- Нет. Это всего лишь небольшая царапина.

Он хотел сам все увидеть, убедиться, что рана не глубже, чем она решила, но прикусил язык. Ее боль, его не касается. Больше нет.

- Если ценишь свою жизнь, то оставайся здесь и сиди тихо. - Он разберется с ее предательством, после того как увидит своих друзей. Мужчин и женщин, которые никогда не стали бы его предавать.

- Я могу помочь... - начала Катарина.

- Но не станешь. Я тебе не доверяю.

- Ладно. Мы останемся в стороне от всего происходящего. - Она присела на диван и похлопала возле себя. Собаки запрыгнули наверх и уселись. - Но не потому, что ты так приказал - моим дорогушам нужно время, чтобы успокоиться.

"Беспокоится о собаках, но не обо мне".

Баден выскочил в дверь справа и вошел в небольшую оранжерею, где на полу в куче грязи лежала Кили. В помещении было тепло и влажно, воздух наполненный ароматом роз. Плоть Кили постепенно заживала.

Торин склонившись возле нее, водил пальцами по розовым волосам Кили. Он был белым как мел, с полностью опустошенным лицом.

- Я люблю тебя, принцесса. Мне нужно, чтобы ты исцелилась. Как раньше. Как каждый предыдущий раз. Ты можешь. Ты все можешь.

---

¹⁰ zvodkyne - из словацкого - соблазнительница

Позади этой пары, Парис с Амуном набирали грязь в тачку. Чтобы вывалить все на Кили?

- Чем я могу помочь? - с пересохшим ртом спросил Баден. То, что его друзья чувствовали к своим женщинам... для него было чуждо, и все же внутри загорелась необъяснимая искра тоски. Любить кого-то также...

Торин поднял свой изумрудный взгляд, в котором блеснули невыплаканные слезы.

- Ты не можешь. Я с ней, а она со своей грязью.

Как Хранитель - дух света, призванный защищать планету - Кили была привязана к земле и ее сезонам.

Баден провел рукой по лицу.

- Мне жаль. Знаю, ты считаешь, будто вместе нам лучше, но мне стоило уйти с крепости несколько недель назад. Моя связь с Гадесом втянула вас в самый центр войны с Люцифером. Уильям меня предупреждал, говорил, что ничего кроме вреда я не принесу.

- Уильям не центр вселенной, - ответил Парис. - Чтобы ни случилось, ты с нами. К тому же, мы на стороне Гадеса. Рано или поздно, Люси пришел бы за нами.

- По крайней мере, теперь мы знаем, что выбрали правильную сторону, - заметил Торин.

Да. Хотя Баден успел потерять часть обиды на Гадеса - по большей части - он все еще оскорблялся на некоторые из самых скверных заданий мужчины. Но больше этого не будет. Теперь он все будет выполнять незамедлительно и с рвением.

Люцифер заплатит за то, что произошло этим днем. Сильно заплатит. Наибольшая его слабость Утренняя Звезда - единственная причина, по которой он так желал ею обладать. Смерть Повелителей была просто бонусом.

Для Бадена, ее поиски никогда не были столь важны.

- Позовите меня, если что-то измениться. - Он вышел в следующую дверь, вошел в палату, где собирались остальные.

Эшлин полулежала на каталке с раной на щеке. Скорей всего останется шрам. Близнецы, оба покрыты синяками и царапинами, были прижаты к ее груди.

Гвен уже пришла в себя и теперь присосалась к сонной артерии Сабина, будто к бутылке сока. Гарпиям, как и вампирам, для исцеления нужна кровь. И должно быть Сабин был очень силен, ибо его кровь сработала на ура. Щеки его супруги приобрели яркий цвет.

Скарлет, хранительница Ночных Кошмаров и по совместительству беременная жена Гидеона, вытянула левую ногу на холмике из подушек. У нее оказался сложный перелом, берцовая кость торчала из кожи, из раны сочилась кровь.

Гидеон стоял возле ее кровати, он сгорбился и блевал в ведро.

Должно быть во время того хаоса, он произнес слово правды, позволив демону отравить его.

Зло всегда использует любую возможность навредить - даже своему хранителю.

Синеволосый воин вытер лицо дрожащей ладонью и пинком отбросил от себя ведро.

- Мне не жаль, - выдохнул он, обращаясь к жене. - Люблю смотреть на тебя такую. - У него была рана, тянущаяся от волос до подбородка, она проходила через его глаз и почти разделяла нос на две половины.

- Бывало и хуже, - ответила ему Скарлет. - И не пойми меня не правильно, дорогой, но ты ужасно выглядишь. Иди, приляг. Люциен с Анней у нас дежурные доктора и они могут...

Гидеон прямо тряхнул головой.

- Да, ты в порядке. Я ухожу.

- Я мог бы вправить ей ногу, - прервал перепалку Баден. - У меня есть практика. - Ему пришлось самому заботиться о себе в реальности мертвых. - Я могу помочь. - Он должен был помочь.

Лицо Гидеона смягчилось от облегчения.

- Ни за что и никакой благодарности.

Баден собрал все необходимое и принялся за работу. Скарлет отказалась от виски, приправленного большой дозой амброзии, ради безопасности ребенка. Баден никогда не знал материнской любви. Ни в жизни, и уж точно ни в воспоминаниях зверя.

Гидеон держал Скарлет за руку, пока Баден вправлял кости, но когда он начал сшивать рану, Скарлет начала рычать на него: боль оказалась слишком сильной.

Не успев моргнуть глазом, он увидел кишащих в комнате пауков. Иллюзия, созданная ее демоном. Ублюдок специализировался на том, чтобы оживлять худшие страхи людей. Сегодня, случилось так, что страх был изъят с Гидеона, который отшатнулся, начал похлопывать себя по рукам и материться.

Пауки избегали Бадена, как будто боялись его.

- Очень веселая игра, - воскликнул Гидеон.

- Извини, мне так жаль. - Скарлет закрыла глаза, нахмурила лоб и иллюзия начала исчезать.

Когда Баден закончил свое задание, она осела на матрас и облегченно вздохнула.

- Никаких благодарностей, мужик. - Гидеон похлопал его по плечу, но, несмотря на рубашку, движение раздражало кожу Бадена. Гидеон вновь повернулся к своей жене.

- Я тебя ненавижу. Я так сильно тебя ненавижу.

- Я тоже тебя ненавижу.

Нежный, трогательный момент, между двумя людьми, которые умрут друг за друга.

Укол тоски в груди; Баден помыл руки и проверил остальных пациентов. Большинство уже подлатали, и они шли на поправку.

Ударь сейчас. Отсутствие сопротивления означает полную победу.

"Будешь и дальше им угрожать, и я найду способ уничтожить тебя навеки".

Зверь поперхнулся, удивился и... ему стало больно?

Сколько всего может вынести мужчина. Бадена уже довели до предела. Он - как и все остальные - не был готов к сегодняшней битве, и все это его вина. Он знал, что Люцифер пошлет кого-то за ним. Его предупреждали. Но Баден по глупости решил, будто сумеет со всем справиться. "Ублюдку придется сначала до меня добраться". Ну, ублюдку это удалось. Достаточно легко.

Люцифер пришлет еще одного убийцу, и довольно скоро.

Как доверенный боец Гадеса, Баден составлял для Люцифера большую опасность, чем его друзья. Он уйдет, с надеждой снять их с прицела, и даст время залечить раны.

И не смотря на опасность, Катарину он заберет с собой. Если она когда-нибудь поможет Александру причинить вред мужчинам, женщинам и детям, которых Баден так обожал...

Его друзья воспротивятся подобному решению. Громко/Сильно. Вспомнить только, как Торин с Парисом отреагировали на саму мысль об его уходе.

И на конец, воины станут настаивать на том, чтобы кто-то отправился с ним. Только Камео с Галеном не имели супругов, а значит, оказались единственными, кого Баден мог принять, и все же он не хотел подвергать Камео ненужному риску. Гален - Баден вздрогнул. Он без проблем подвергнет воина риску. Есть способы, которые обеспечат верность лживого козла.

Баден обыскал временное жилище и отыскал Галена, прислонившегося к стене, скучающим взглядом изучающего жителей.

Как хранитель Зависти и Ложной Надежды, Гален, как правило, вызывал проблемы повсюду, где ступала его нога. Знал ли он о прибытии убийцы и не потому ли часами ранее ушел из крепости?

Предатель!

Разрушение привело Бадена прямиком к мужчине. Он обвил ладонью шею Галена и приподнял его над землей.

Улыбнувшись - улыбнувшись? - Гален приподнялся и обвил ногами шею Бадена. Подобная позиция выворачивала руки, ослабляя хватку, и хотя крылья Галена отрезали несколько месяцев назад, они отрастали, и сейчас оказались достаточно большими, чтобы удержать его - Гален завис в воздухе, когда Баден отшатнулся.

Гален поднял ноги на уровень плеч Бадена и толкнул, еще больше увеличивая расстояние между ними. Баден больше не мог не то что удержать хватку, а даже устоять на ногах. Он отпустил Галена, который сжалвшись, рухнул на пол.

Синие глаза сверкнули сквозь пучки светлых волос, улыбка стала еще шире.

- Расскажешь о своих проблемах или продолжим надирать тебе задницу?

- Где ты был во время нападения? - потребовал Баден.

Быстро исчезнувшая вспышка неловкости.

- Меня не было.

Не было?

- Чем ты занимался?

- Своими делами.

- И какие у тебя дела?

- Те, которые тебя не касаются, - ответил Гален.

- Все, что угрожает моим друзьям - моё дело.

- Правда? - Гален изогнул золотистую бровь. - Ты то же самое чувствовал четыре сотни лет назад, когда позволил моим людям отрубить тебе голову?

Слова, словно кинжалы впились в грудь. Гален, когда то был лидером Ловцов, человеческого подразделения, которое намеревалось избавить мир от "злых" бессмертных. Людей, которые не понимали, что их лидер - бессмертный.

- Ты помог убийце, которого прислал Люцифер? - вновь потребовал ответа Баден.

- Пошел ты. Может я и сгнил до самой сердцевины, но не оглушен.

- Это не ответ.

- Хорошо, потому что он и не должен им быть.

- Я тебе не доверяю. Я никогда тебе не верил.

Преувеличенно нахмурившись, Гален прижал руку к груди.

- Я рыдаю? Уверен, я рыдаю.

Разрушение зарычал.

- Несколько месяцев назад ты сказал, что Кронос заточил тебя в Царстве Крови и Теней. Но, знаешь что? - Баден развел руки в стороны. - На время твоего лишения свободы, Кронос был мертв.

- И что?

- И что? Тебя поймали на лжи.

- Или на том, что ты считаешь ложью. - Все так же дерзко, Гален продолжил: - Не знаю как, но именно Кронос заточил меня. Как и остальных одержимых воинов. Камерона, Винтер и Пьюка. Спроси у Кили.

- Я не могу ее спросить. Она слишком занята борьбой за свою жизнь.

Беспокойство проявилось напряженными линиями у глаз воина, будто ему и, правда, не было все ровно.

- Мы думаем, у Кроноса есть двойник.

- И мы услышали о нем только сейчас? Нет.

- Альтернативная реальность? Путешествие во времени? Все возможно.

- Ты не убедишь меня...

Восхитительный женский смех заставил его застыть. Или разгореться. Баден повернулся и увидел, склонившуюся возле кровати Эшли, Катарину, пожимающую лапу Бисквиту. Катарину, которая склонилась возле кровати Эшли, чтобы пожать Бисквиту лапу. Она уже научила приблудного щенка этому трюку?

Красивая, коварная стерва. Она наверняка солгала о смерти своих щенков, чтобы заполучить долю симпатии.

Но могла ли она воссоздать такую боль?

Детишки радовались. Полностью покорен.

"Таким и я был. Таким доверчивым..."

- Тебе стоит над этим поработать, - сухо заговорил Гален. - Глядя на свою девушку будто пресмыкающееся, ты получишь только защитное судебное предписание. Ну, или нож в шею. Потому что да, я пять раз мог убить тебя, пока ты на нее пялился. - Он пожал широкими плечами. - Хотя кто знает? Я еще могу.

- Она - не моя девушка, - пробормотал Баден.

- Из всего, что я сказал, ты заметил только это? - Гален закатил глаза. - Все еще хуже, чем я думал. Ты такой же, как и все они.

Может и так, поскольку Баден продолжал наблюдать за ней, не мог отвести глаз, его взгляд будто попал в плен. Невозможно отрицать желание, которое он все еще к ней испытывал. Дурак! Он желал ее в своих руках, в своей постели. И, решил Баден, он ее получит. Не нужно доверять ей, чтобы насладиться этим маленьким соблазнительным телом.

Но, все по порядку. Нужно найти новое пристанище и убедить Галена присоединиться к ним. При правильном стимуле, мудак может даже охранять Катарину, пока Баден выполняет новую миссию.

"Если он предаст меня..."

Я прослежу, чтобы стимул мотивировал его правильно себя вести.

Баден мгновение все обдумывал, затем кивнул с холодной решительностью. Он знал, что можно использовать.

* * *

Катарина старалась избегать Бадена, пока проверяла людей, которые не остались безучастны в ее скорби о собаках. Кто-то отличился больше остальных, но все же. Бессмертных можно ранить, так же как и людей. Кто же знал?

- Узнаю взгляд в глазах Бадена. - Мэддокс уселся на каталке своей жены, дочка вытянулась у него на коленях, а сын вытянулся возле Эшлин. - Он снова от нас уходит.

Сердце Катарины забилось в стремительном ритме. Приласкав собак, она ответила воину:

- Если он захочет уйти, не пытайтесь остановить его.

Мэддокс сосредоточился на ней, и Катарина могла поклясться, что на мгновение его лицо скрылось за маской скелета.

- Кто ты ему? Нам? Ты его раз успокоила. Ты не имеешь права голоса в нашем к нему отношении.

Ауч. Он поставил ее на место.

Эшлин толкнула руку мужа.

- Это грубо!

- Ты вышла за меня не за моё хорошее поведение, - ответил ей Мэддокс и прикусил ей пальцы.

Катарина перебросила волосы за плечо.

- Мне не нужно быть кем-то для Бадена - или для вас - что клетку создают не только металлические решетки. Вы любите Бадена, и не хотите его обидеть. Поэтому, позвольте ему уйти.

Она также должна его отпустить. Катарина на 90 процентов была уверена, что он бросит ее где-то, как только закончит тут, и на 100 процентов знала, что готова вернуться к своей старой жизни. Баден слышал ее обещание, данное Алеку, и сейчас считал ее жадной до власти шлюхой. Это больно. Очень больно. Мужчина, который держал ее в объятьях и утешал, который умостил ее на своих коленях и доставил удовольствие, не дал ей кредит доверия. Он даже не спросил о ее версии произошедшего. Или, точнее, приказал ей все рассказать. Теперь она не собиралась ничего объяснять. Пусть думает, что хочет.

Спасибо Господу Богу, она не спала с ним! Любой мужчина, считающий, будто он каждый день во всем прав и забывал о ее желаниях, не достоин внимания.

И все же, Катарина испытывала сожаление от того, что не сможет тренировать его; была уверена, что все еще хотела его, хотя чувств этих и не желала; она грустила потому, что у нее не будет шанса избавить его кожу от сверхчувствительности, и чувствовала опустошение из-за того, что больше его не увидит. Ну что же, это его потеря! Она смогла сотрясти его мир.

- Она очень особенная для него, - сказала Эшлин, - и ты это знаешь. Мы все это знаем. Она имеет право высказаться.

Раньше, Катарина может, и была кем-то особенным. По крайней мере, как возможная любовница. Теперь они этого не узнают.

- Нет, Мэддокс прав. Я не должна говорить за Бадена. Да и не хочу. Я уеду домой. И буду скучать по вам. Скучать по всем вам. - Дамы в этом доме были очень милыми.

Она задавалась вопросом, сможет ли поддерживать с ними связь после ухода. Баден сохранит связь с мужчинами.

- Оставайся на связи, - добавила она, нежно сжав ногу Эшлин - Если поищешь моё имя - найдешь меня. - Обращаясь к детям, Катарина сказала: - Собак я заберу с собой. Вы можете навещать...

- Собак ты заберешь только через свой труп, - рыкнул Урбан.

- Да. - Кивнула маленькая Ивер, от чего золотистые кудри подпрыгнули у ее висков. - Твой труп.

- Дети. - Вздохнула Эшлин. - Что я вам говорила о запугивании других людей?

- Сначала убедиться, что ситуация действительно касается жизни и смерти, - проворчал Урбан.

- Верно.

Катарина пыталась не рассмеяться - пока не почувствовала привычный жар на затылке. Она напряглась, запах Бадена дразнил ее обоняние, нервные окончания внезапно загудели от ощущений... желая большего.

"Я злюсь на него. Мне не стоит его желать".

- Я говорил с Галеном, - объявил Баден, обращаясь ко всем разом. - Мы с ним уходим. Ради безопасности всех, кого я люблю, - добавил он, когда послышались протесты.

- Только не снова, - заговорил Люциен.

- Мы нужны тебе, - начал Сабин, - а ты нужен нам.

Рейес, хранитель Боли, уставился на него.

- Мы тоже часть этой войны, с нами ты или нет.

Баден оставался неподвижным.

- Вам нужно время на исцеление, и я вам его предоставлю, отвлеку Люцифера, чтобы у него не было времени отправить за вами своих солдат. Я могу перемещаться в преисподнюю, вы не можете. Даже Люциена блокируют. - Посреди напряженной паузы, которая последовала за его словами, Баден продолжил: - Я знаю, что не имею права просить вас отпустить меня - принять это - но я все же попрошу. Ради меня... ради ваших женщин.

Постепенно, воины согласились с ним. С таким упрямцем как он, им пришлось принять то, что Катарина знала с самого начала. Он перевернет землю и небо, но сделает, как хочет.

Баден прошептал ей на ухо:

- Ты, красавица, не поедешь домой. Ты идешь со мной.

Что! Он обнял ее рукой за талию, жестким обручем жара и силы. Удовольствие сравнимое своей интенсивностью с болью.

- Ты так не прав, что аж смешно. Я отправляюсь домой. - И наконец-то, начну все сначала.

- Однажды я сказал, что отведу тебя в любое место. Но ты выбрала остаться со мной. Теперь ты встретишься с последствиями своего решения.

Катарина напряглась.

- Итак, я снова стану твоей пленницей?

- Если тебе так нравиться играть в нее.

- Я вообще не хочу играть с тобой ни в какие игры.

- Ну, я не могу оставить тебя шастать вокруг, в попытках помочь своему драгоценному муженеку, не так ли?

- Ты идиот. Знаешь что? Если замкнешь меня, я... я... - Что? Она не могла в один день жаловаться на его жестокие методы, а в следующий угрожать ему кровопролитием.

Мэддокс вскочил на ноги, глаза замерцали красным, напоминая Катарине об Алеке и Бадене, когда те выходили из себя.

- Ты осуждаешь Насилие.

Баден задвинул ее за свою спину и ткнул пальцем в сторону мужчины.

- Она моя. Никто не смеет к ней прикасаться. Или пугать ее. И даже смотреть на нее.

Сперва, он обвинил ее в проступках. Теперь защищает? Непонятный мужчина!

Как только Мэддокс отошел, Баден повернулся к ней. Заглянув ей в глаза, он тихо промолвил:

- Может я и идиот, но ты все еще хочешь меня, и кем это тебя делает?

- Я не...

Он склонил и прикусил мочку ее уха.

- Твоя кровь бежит так быстро, что я ее слышу. Твои соски только что затвердели, а запах, который от тебя исходит... - Баден провел носом вдоль ее шеи, глубоко вдохнул, возможно, позабыв о боли, которую испытывал, касаясь чьей-то кожи. - Восхитительный.

Предательская дрожь охватила тело, от возбуждения увлажнились трусики.

- Нам не стоит продолжать этот разговор здесь. - При свидетелях. И вообще!

- Согласен. - Обращаясь к остальным, Баден произнес: - Я буду часто вам писать.

Комната исчезла, они появились в другом месте. Стены оклеены кружевом и бархатом, и портреты великолепного блондина - Галена - с огромными крыльями висели здесь... и там... повсюду. В какой-то момент, воин, должно быть, потерял свои белые крылья; сейчас они больше походили на нарости. Мебель из полированного дерева, слоновой кости и кованого железа, а полы, устланые мягкими коврами, вели к впечатляющему камину, изготовленному из сапфирового мрамора; обрамляя панно из витражного стекла, по бокам вырезаны амуры.

Ее новая золотая клетка?

Она вывернулась из объятий Бадена.

- Как посмел ты оставить моих собак...

- Теперь они твои? - Он подошел к бару и налил себе чего-то, что выглядело как виски, но пахло намного сладче. - Как быстро моя женщина меняет свое мнение.

Собаки принадлежали ей. То, как они оставались возле нее во время и после нападения Пандоры... как они недвусмысленно дали понять Алеку, что защитят ее даже ценой своей жизни... Да, он принадлежали ей. А она - им. Не Бадену, как он открыто заявил.

- Я буду бороться с тобой каждый день, каждую минуту, пока они не вернутся ко...

- Спрячь свои когти, мегера. Гален принесет собак.

Ох.

- Если он навредит им...

- Не навредит. Его предупредили. - Баден налил себе еще и залпом выпил. Он повернулся к ней, его веки отяжелели, ресницы почти сомкнуты.

- Мы должны уладить кое-что между собой.

"Началось". Он начнет жаловаться на ее якобы измену. И хотя, да, то, что он услышал, было убийственно. И все же! Он должен знать ее лучше.

- Если начнешь меня оскорблять...

- То что? - спросил он с немалой долей злорадства.

- Я откажусь от возможности заняться с тобой сексом. - Подождите. Думала, я уже это сделала.

Он стал твердым как камень, и не в хорошем смысле.

- Возможность секса останется при любом раскладе.

О-о, правда?

- Собираешься меня заставить?

- Будто бы, мне придется. Ты выглядишь так, словно готова изнасиловать меня.

Глупые соски! Они все еще оставались твердыми, рвались к нему.

Катарина присела на краешек кофейного столика. Такая позиция ставила ее в невыгодное положение, чего она никогда не допустила бы при обучении новой собаки, но Баден был совсем из другой породы. Ставя себя в, казалось бы, более слабую позицию, она

надеялась, что Баден прекратит свою наступательно-оборонительную деятельность и начнет прислушиваться к тому, что она собиралась сказать.

- Ты знал, что монета может купить королевский титул в преисподней? - спросила она. - На самом деле, она заставит Гадеса исполнить желание ее владельца, каким бы оно ни было.

Баден наливал себе очередной стакан выпивки, но медленно повернулся и встретился с ней взглядом.

- Откуда ты это знаешь?

- От Алека, конечно же.

Он провел языком по зубам.

- Этому мужчине нельзя доверять, как и тебе.

- Ты так прав. Я собираюсь тебя уничтожить. - Она слегка провела ногтями по коже. - С самого начала собирались. Вот почему я практически умоляла тебя украсть меня прямо с моей свадьбы.

Баден продолжил, будто и вовсе не слышал ее слов.

- В этом случае, однако, вы оба говорите правду.

Теперь Катарина, распушив волосы, заговорила так, будто он промолчал.

- Алек поклялся сделать меня королевой. Все девушки мечтают стать королевами.

Баден шагнул к ней... остановился.

- Никогда больше не произноси имени этого ублюдка.

- Или? - подсказала она, бросая вызов и ему и чудовищу. "Давай!" Эта девушка готова достичь нового уровня.

Сжав кулаки, Баден еще на шаг приблизился к ней.

- Почему ты не молишь о моем прощении? Или пощаде?

Катарина невесело рассмеялась.

- Мне не за что извиняться. Я не делала ничего плохого. И я сомневаюсь, что ты способен на пощаду.

- Твое предательство...

- Кого я предала? Алек...

Баден зарычал:

- Это имя.

- У тебя была возможность высказаться. Теперь моя очередь. - Провоцировать этого мужчину рискованно. Может стоить ей жизни! Это может привести к нежелательным последствиям, и она окажется искусанной. В прямом смысле!

Но кто не рискует, тот не пьет шампанского.

- Ты мне не муж, - добавила она, - так что моя преданность не должна принадлежать тебе. Она должна принадлежать Алеку. - Сама идея казалась Катарине отвратительной, но она должна отстоять свою точку зрения. Она сладко улыбнулась.

- Разве ты не согласен?

Глава 16

"Когда я показываю тебе средний палец, беги. Я только что показал, сколько секунд тебе осталось жить".
- Мэддоукс, хранитель Насилия

Ярость перемешалась с чувством собственничества и похотью и поразила Бадена с головы до ног. Обдала жаром. Он приблизился к Катарине, упал на колени и обхватил ее ноги, раздвинув бедра одним движением. Она наблюдала за ним, и её широко открытые глазаискрились, но Катарина не протестовала, когда он двигался между ее бедер. Ее дыхание стало прерывистым, когда Баден наклонился и оперся ладонями на кофейный столик, заключая её в клетку своей мозги.

- Что ты делаешь? - спросила она мягко. Дрожь сотрясала ее сладкое маленькое тело. За ее спиной солнечный свет струился через огромное овальное окно, освещая пылинки, танцующие между ними. Она замужем. Этот факт ей нравился все меньше и меньше. Она использовала его. На данный момент, его это не волновало. Баден хотел отметить ее. Доказать, что Катарина принадлежит ему и только ему.

- Твоя преданность мне, - сказал он. Когда Баден вдохнул, она выдохнула, когда Катарина вдохнула, выдохнул он; они дышали дыханием друг друга. - Ты нужна мне, чтобы выжить в этом мире. Чтобы защитить тебя и твоих собак.

- Мне тааак не нужен...

- Ох, но тебе нужен.

Он медленно провел языком по ее лону. Облизнул. Попробовал на вкус ее сладость, смакуя.

Катарина выдохнула его имя, дернувшись, будто от удара молнии.

- Я не сделаю этого. Не с тобой.

- Сделаешь. Ты хочешь большего, krásavica, так позволь мне дать это тебе.

- Я тебе больше не нравлюсь.

- Не думаю, что и я тебе все еще нравлюсь. Разве это действительно важно? - Баден все еще горел для нее. - Я тебя хочу.

Она наклонилась к нему, ноги подкосились, и Катарина еле удержалась.

Она выругалась, произнеся его имя, и схватилась за воротник его рубашки.

- Ты слишком стар для меня. Чересчур стар.

- Возраст не волновал тебя раньше, когда ты терлась об мои бедра. - Когда Катарина зашипела в ответ, он добавил: - Ты слишком слаба для меня, но яправляюсь с этим.

- Я не слишком... знаешь, что? Это неважно. Ты был временным отвлечением тогда и сейчас ничего не изменилось. Несмотря на твою непригодность, ты можешь довести меня до оргазма. Я заслужила его после всей возни с тобой.

Баден понимал, что их отношения временны, но не оценил ее пресыщенной позиции. Однако предупреждать ее было бы совершенно непродуктивно для его цели: заполучить ее в свои руки, добиться полного удовлетворения.

Катарина запустила пальцы в его волосы.

- Нет гримасы или шипения? Кто-то делает успехи. И это я!

Ему нравилось, как она шевелила губами. Его разум плавал в тумане головокружительного желания, и Баден не улавливал сути ее слов.

- Что это означает?

- Это означает, что я могу уменьшить порог твоей чувствительности. Сейчас. Тебе лучше подарить мне обещанное наслаждение, прежде чем я передумаю.

Нельзя, чтобы ее мнение поменялось. Он нахмурился, даже пока проводил языком по ее губам. В этот раз ее язык коснулся его. Его тело охватило пламя возбуждения, как стремительный лесной пожар, который невозможно остановить. Он ощущал боль, но она ничто по сравнению с желанием.

Зверь протестовал.

Она нас предала. Стремится причинить вред... стремится...

Катарина застонала, словно была в восторге от его вкуса, пока он наслаждался ее вкусом. Мята и взбитые сливки. Чистый, насыщенный и прекрасный. Вызывающий привыкание. Она десерт.

"Я... хочу... большего".

Большего. Именно. Баден пожирал ее рот. Он завел ей руки за спину, заставляя выгнуться и прижаться своей грудью к его.

- Держи свои руки в таком положении, - приказал он. Чтобы облегчить боль, но также оставить ее уязвимой и неспособной действовать против него, пока он отвлечен.

- Хорошо... пока ты не остаешься в долгу.

Хрипота в ее голосе пробудили в нем неизведенное ранее желание... забрать и отдать все. Ее груди соприкасались с его, и, несмотря на одетую рубашку, трение вызывало и боль, и всевозрастающее наслаждение. Он никогда не держал столь щедрую женщину.

"Возьму ее. Наконец".

Он не был уверен, кому принадлежали эти зародившиеся мысли: ему или зверю, даже не уверен, что это еще имеет смысл. Его контроль ослаб. Баден углубил поцелуй, беря ее рот, его язык погружался внутрь и выходил, толкал в нее, имитируя секс. Она издала восхитительные стоны... звуки поражения... и Баден поглотил их все.

Моя! Войди в нее... возьми все!

Он боролся с желанием. Собирался быть нежным или же уйти. Когда он откинулся назад достаточно далеко, чтобы обхватить и сжать ее груди, Катарина последовала за ним, опускаясь на него.

- Я дала понять, что использую тебя только ради оргазма, да? - Она слегка задыхалась. - Как только я его получу, то покончу с тобой.

Отказ признавать такое едва не доводит его до взрыва, но вместо этого он заставляет себя рассмеяться.

- Возможно, я получу свой оргазм, и оставлю тебя неудовлетворенной. Или заставлю тебя молить о своем.

Она жалостливо на него посмотрела.

- Будто меня это волнует. Эта охотница за деньгами просто найдет кого-нибудь еще.

Ничто не могло остановить его от возражения в этот раз.

- Я убью любого мужчину, который достаточно глуп, чтобы прикоснуться к тому, что принадлежит мне.

Баден вновь ее поцеловал, желая закончить разговор... желая ее. Жесткое столкновение губ, языков и зубов, и в этот момент он жил ради нее. Все для нее. Только для нее.

- Подожди. Мне нужен больший доступ к тебе. - Катарина оттолкнула его, затем уставилась на его рубашку, словно хотела ее сжечь. - Помоги мне встать.

Она нарушила его приказ, но Баден подчинился без возражений, поднялся и помог ей встать на ноги, не разрывая поцелуй. Катарина толкнула его на стул. Когда он упал на сиденье, она села ему на колени, оседлав. Такая поза демонстрирует силу. Только иллюзию контроля. Позиция неважна, всегда сила в его руках... и Баден это докажет.

Он обхватил ее бедра и прижался пульсирующей длиной к ее сердцевине, задав сумасшедший темп, подводя их обоих к краю безумия. "Хочу то, что мое... нужно... сейчас же". На их свидании, она пыталась ускорить дело, а Баден старался притормозить. Теперь, в этот миг, он двигался как можно быстрее.

"Больше! Дай мне!"

- Великолепные ощущения, красавчик. - Она взяла его за запястья и положила его руки на подлокотники кресла. С откидывающейся спинкой. - Но сегодня нет причин торопиться. - Катарина прикусила его нижнюю губу и втянула ее сквозь зубы. Толкнувшись, она изменила угол наклона его тела, заставляя его почти лечь. Затем, ох, затем, она начала сама об него тереться медленно, так мучительно медленно. - Наслаждайся, пока обладаешь мной.

Еще одно упоминание о ее отъезде. Баден сжал ручки кресла, и дерево треснуло.

- Ты нужна мне, - напомнил он ей. - И не только для этого.

- Не нужна.

Баден не выдвинул больше ни одного обвинения, каждое его нервное окончание наэлектризовалось, тяга к ней только росла. Вместо этого он рванулся вперед и сомкнул зубы на изгибе между шеей и плечом. Наконец отставляя свою метку.

Катарина вздрогнула и выдохнула его имя с восторгом. Затем начала вращать бедрами, постепенно увеличивая давление. Нажатие... отступление... нажатие... отступление. Мучая его.

- Тебе так нравится?

- Я... обожаю.

Когда его дыхание участилось, Баден с восхищением посмотрел на ее лицо. Ее черты светились, веки отяжелели, мягкие и розовые губы припухли после его поцелуев. Румянец окрасил щеки Катарины, а темные кудри упали на плечи в великолепном беспорядке. Он протянул руки и сжал пряди в кулаке.

- Останься и позволь мне защитить тебя, пока война Гадеса не закончится.

Она застыла, ее ногти впились в его плечи.

- Ты постоянно напоминаешь мне, насколько я слаба.

- Потому что ты нужна мне. - Несколько секунд он не ощущал давления и движений, что казалось мукой. Пот выступил у него на лбу. - Я сильный.

- Ты еще и упрямый. Но как на счет этого, а? Я позволю тебе подарить мне наслаждение и, возможно, останусь здесь на некоторое время, но ты будешь держать свои мысли о силы и слабости при себе. - Катарина дразнила его, доводя до инсультта, а ее лоно прижималось к его члену. - Скажи, да, и мы вернемся к делу. Я мокрая. Доказать?

- Да. Да!

Она встала и сняла платье через голову. Ее лифчик и трусики были голубыми... и трусики определённо намокли в центре. Баден застонал, пока пожирал взглядом остальное ее тело. Длинные, бесконечные ноги выглядели такими великолепно смуглыми, травма скрыта повязкой. Изгибы бедер образовывали сердце. Впалый живот... кружевной бюстгальтер не скрывал ее сосков.

Она воплощала собой женственность, и Баден хотел всю ее.

Он поманил ее пальцем.

- Вернись ко мне.

- Как на счет сделки? - Она разместила колени по бокам от него, по ее коже побежали мураски. - Я останусь здесь... если ты войдешь в меня пальцами.

Мучения? Уже нет. Она... его... убивала. Явно грозила его существованию, но и он и Разрушение пойдут на это с улыбкой.

Его охватило желание сорвать с себя перчатки зубами. Он бы убил целую армию за возможность почувствовать ее шелковистое тепло. Но нельзя рисковать. Баден только во второй раз испытывает удовольствие за века. Если он испортит его потоком лишней боли...

- Я согласен на твои условия.

Чувство крайней необходимости накрыло его, когда Баден скользнул под ее трусики. Даже через перчатки он мог ощущать ее гладкость... Катарина намокла... и сладость ее женского тепла обжигала. Баден толкнулся одним пальцем внутрь, и ее внутренние стенки сжали его.

Застонав, она прижала ладони к своей груди и сжала соски. Для его наслаждения, и ее собственного. Такая раскованная реакция приводила его в восторг.

Медленно он погрузил в нее еще один палец, растягивая. Такая тугая! Такая идеальная.

Катарина застонала, выражая растущий голод.

- Великолепные ощущения.

Великолепные. Да. Но они могли сделать еще лучше.

- Скачи на моих пальцах.

Его челюсти были сжаты так крепко, что он едва смог выговорить слова. Каким-то образом она полностью лишила его человечности, превратив в животное с единственной целью: оргазм.

Или в зверя.

- Вот так? - Она приподнялась... и опустилась. - Ммм, надеюсь так. Это замечательно.

- Да, вот так. - Он большим пальцем начал выписывать круги на ее клиторе. - Ты обжигаешь меня, доводишь до кипения.

"Разрушаешь для кого-то еще".

Она наклонила голову, чтобы беспрепятственно подобраться к его губам. Катарина провела языком по краю его рта.

- Я хочу обхватить тебя. Позволишь?

Да! Баден все еще не мог рисковать, прикасаясь кожей к коже, поэтому одел бы презерватив. Где они лежат? Нет времени на поиск. Тогда ему придется ее отпустить, а он не мог позволить ей уйти.

- Держи свои руки за пределами моего нижнего белья.

- Хорошо... если ты поцелуешь меня жестче.

- Всегда вот так торгуясь. - Баден прижался своим ртом к ее, заставив Катарину застонать, и расстегнуть его штаны.

- Не останавливайся.

Он зашипел, когда Катарина обхватила его длину. Вверх... вниз... она гладила его, продолжая скакать на пальцах Бадена. Да, о да. Так! От этого он полностью слетел с катушек. Трение вызвало новые пожары, пока его полностью не поглотило возбуждение. Баден встал на цыпочки, чтобы приподнять бедра и заставить ее опереться на его грудь ради равновесия.

Он погружал свои пальцы все глубже, глубже и глубже в нее.

- Да! Так близко, - выдохнула она, ее бедра выгнулись, желая еще большего давления на клитор.

Баден прижался к ее комочку нервов, и она закричала в потолок от удовольствия, кончая, кончая так сильно, что ее внутренние стенки сжали его, словно убеждаясь, что он не выскользнет. Катарина вздрогнула на его пальцах один раз, второй, третий, вцепившись ногтями в его плечи.

Когда она уткнулась лбом в его плечи, то выдохнула:

- Как мне это было нужно. Спасибо. - Тяжело дыша, Катарина сжала основание его длины.

- Теперь позаботимся о тебе.

Баден затрепетал, когда приподнял бровь.

- Милая Рина. Что заставляет тебя думать, что я с тобой закончил?

* * *

Катарина гудела от удовлетворения и предвкушения. Пальцы Бадена все еще оставались внутри нее, все еще возбуждали ее, несмотря на оргазм. Она была горячей и чувствительной... лишь один раз разжег сильнее ее аппетит к этому таинственному и опасному мужчине.

Она вновь сжала основание его члена. Он был таким большим, толстым и длинным, тверже полицейской дубинки.

- Я делаю тебе больно?

- Приятная боль.

Уже уменьшила его восприимчивость к боли? Или дело в ментальной предпосылке... проявление отрешенности от мира?

"Выяснишь это позже. Наслаждайся!" Со стоном Катарина выгнулась, демонстрируя ему свое декольте.

- Моя красавица хочет, чтобы я пососал ее соски?

Его гламурная девушка? Он продолжал заявлять на ее права...

- Да, - сказала Катарина. Его глаза почти полностью покернели, а зрачки затмили радужку. Тонкие морщинки образовались вокруг рта. Насколько сильна его потребность кончить? - Отчаянно.

Свободной рукой Баден дернул за застежку в центре лифчика, освобождая ее грудь. Холодный воздух поцеловал ее кожу, вызывая еще большее желание.

Он облизнул губы, словно мог уже попробовать ее.

- Твои маленькие соски взывают ко мне, да?

- Взывают... болят.

Она схватилась за верхнюю часть кресла, все еще держа второй рукой его длину... "никогда не отпущу". Катарина подалась вперед, разместив один из сосков в его рот. Предлагая.

И он принял подношение. Его язык показался, чтобы подразнить нуждающуюся вершинку. Сначала жестко и быстро, затем медленно и нежно. Боль между ногами только усилилась. Или утихла. Его перчатки и даже ее трусики полностью намокли. Такими порочными были его действия. Баден оставался полностью одетым, в то время как на ней болтался лишь тонкий клочок ткани, который он с легкостью отодвинул в сторону.

Баден сосал ее грудь, даря невероятное, потрясающее наслаждение. Вскоре Катарина больше не могла просто сидеть. Она начала обвязывать его пальцы снова, выгибаясь вперед, назад, снова вперед.

Когда Баден переключил внимание на второй сосок, то отрывисто сказал:

- Несомненно, ты сделана из амброзии.

Всегда такой льстивый. Ей никогда не будет его достаточно.

Она скользила рукой по его члену вверх и вниз, заставив его задерживать дыхание. Чем быстрее она двигалась, тем больше слышала ругательств от него. Вскоре на его коже выступил пот. Баден был близко.

Катарина обхватила его мочку зубами.

- Возможно, однажды, если ты будешь хорошо себя вести, я возьму твой член в рот и высосу его досуха. Ты бы этого хотел?

Он заворчал в ответ, его большой палец снова начал лихорадочно тереть ее клитор. Удовольствие затуманило ее разум, такое сильное удовольствие, она дошла до края во второй раз. Дом мог рассыпаться. Внутрь могла ворваться целая армия. Мир мог исчезнуть, ее это не волновало. Сейчас имело значение только наслаждение. Ее... и, как ни странно, его.

"Нужно больше".

- Вытащи из меня пальцы, - приказала Катарина. В этот раз она отдает распоряжения.

Хотя он не обратил на это внимание. Только глубже погрузил свои пальцы.

Она едва смогла заставить себя произнести слова.

- Хочу почувствовать тебя прижатым к себе.

Через секунду его пальцы выскользнули из него. Она застонала из-за пустоты, оставленной им, но прижалась к его длине и стала тереться... тереться...

Баден не отрывал своего горячего взгляда от нее, пока с жадностью слизывал с пальцев ее соки. Это зрелище... и мысль о том, что часть его была внутри нее... сладкая часть... заставила Катерину разлететься на кусочки, потираясь об него лоном, жестче и быстрее, подводя его к краю и продлевая собственный оргазм. Внезапно он зарычал ее имя.

Баден обхватил ее попку, впиваясь пальцами в ее плоть, а в трусах ударила струя, намочив материал и ее руки. Завтра проявятся синяки ... и ей это нравилось.

Катарина рухнула на него, полностью выдохнувшаяся, ее дыхание было столь же прерывистым, как и его, разум помутился. У них не былоекса, и все же он заставил ее кончить дважды.

Этот мужчина... ох, этот мужчина. Он влиял на нее.

- Слезай, - сказал Баден, удивив ее. Когда у нее не получилось сдвинуться достаточно быстро, он встал, благодаря чему она соскользнула с его колен.

Ее ноги по консистенции напоминали желе, и потребовалось сознательное усилие, чтобы оставаться на ногах и отойти от него.

- Одевайся, - сказал он, смотря куда угодно, только не на Катарину.

- Хорошо, но только потому, что я сама хочу одеться.

Ей стало больно, но серьезно, разве стоило ожидать чего-то другого? Он ее не любил и не уважал. Словно он реально хотел прижаться к ней сейчас.

"Ты нужна мне", - Баден любил ей это говорить. И каков вывод? Она ему не нужна.

Злость пришла на место боли.

- Ну, ну. Посмотрите, кто спешит сменить свои трусы. Ты выплеснул из себя целое ведро, да?

Он молча кинул в нее сброшенной одеждой. Отрывистым движением она прикрыла свою наготу, ее усилия скрыть дрожь потрачены впустую.

- Просто знай, ты отлично начал, но плачевно закончил, - пробормотала она, поправляя материал.

- Тебе понравилось, - отрезал он.

- Как и тебе. Так в чем проблема?

- Возможно, прикосновения причиняли мне большую боль, чем я думал.

Возможно... не совсем ответ. Единственное слово отсрочило наказание. Что он хотел скрыть от нее?

- Возможно, ты начал что-то чувствовать ко мне, и тебе это не нравится.

Подколка эхом отдалась в ее разуме, от чего ее глаза расширились. Ее чувства к нему определенно стали мягче, так почему бы и ему не смягчиться по отношению к ней?

- Тебе следует молиться, чтобы этого не произошло, - сказал Баден тихо и угрожающе. - Я опасен.

"Не для меня". Даже когда он считал ее предательницей, то доставил ей удовольствие, а не наказал.

Он добавил:

- Внутри меня тьма, которая только растет. Во мне нет света.

- Ну, знаешь что? Во мне есть свет, и когда тьма и свет вступают в противоборство, тьма бежит и свет спасает день.

Баден нахмурился.

- Думаешь, ты можешь меня спасти?

- Не глупи. Один человек не может спасти другого. Не в истинном смысле этого слова. Мы все делаем свой выбор. Я просто говорю, что готова поделиться с тобой.

Он нахмурился сильнее, но продолжал молчать.

- Когда-то внутри тебя жил демон, - сказала Катарина, - но ты сохранил самообладание до конца и победил его. Верно? Разум над содержанием. Теперь ты можешь сделать то же самое со зверем.

- Для тебя это звучит легко, но даже не представляешь битву...

- Ох, я понимаю эту битву. Твой собственный разум более злой соперник. - Ее улыбка стала почти печальной. - Когда я потеряла Питера...

- Питера? - Перебил он. - Кто такой Питер?

- Мой жених. До Алека.

Баден расслабился, но незначительно.

- Кто разорвал помолвку?

Невидимые руки обхватили ее сердце и сжали.

- Никто. Алек его убил.

Баден смягчился.

- Соболезную.

- Спасибо. Суть в том, что я хотела погрызнути в своей печали, но не стала. Не смогла, потому что мои собаки во мне нуждались.

- Собаки, которые Александр позже забрал у тебя.

Ее подбородок дрожал, когда она кивнула.

- Ты видел, что случается, когда я грущу.
- Я также видел, что происходит, когда перестаешь.
- Мне пришлось изменить течение своих мыслей. Вместо того чтобы сокрушаться о потере, я сосредоточилась на том, что осталось. Мои эмоции вскоре поддались силе разума. То же самое может произойти с тобой.

Он обдумал ее слова, и на мгновение Катарина решила, что убедила его. Затем Баден нахмурился.

- Наша ситуация отличается. На тебя не влияли извне.

- Как и на тебя. Какой ужас для тебя. - Она потерла кулачками под глазами, имитируя слезы. - Думаю, ты недостаточно силен, чтобы переступить через это. - Вызов. Явная насмешка. - А я сильна.

Он угрожающе шагнул к ней.

- Тебе нужно...

- Не говори это. - Катарина подняла подбородок, настаивая на своем. "Я - альфа-самец. Я вожак стаи". - Если тебе не нравятся мои слова, опроверги их, но не смей меня оскорблять. Или прикажи мне чувствовать другое.

Он замер, его руки сжимались и разжимались. "Хороший мальчик". Баден успокоился сам, без реального вмешательства с ее стороны.

Обучить его будет легче, чем она полагала. Красавица полностью приручит чудовище, да. Ей просто нужно сосредоточиться и перестать теряться в бескрайних просторах его сексуальности.

"Вроде, я планировала оставить его как можно скорее".

Ну, планы поменялись. Снова.

Дверь распахнулась, и хмурый Гален ворвался внутрь. В руках он держал по поводку, к концам которых были привязаны Бисквит и Подливка.

- Специальная доставка. Наслаждайся. Или нет. Да, скорее, нет.

Счастье пустило ростки. Гален бросил поводки, и собаки бросились к ней. Катарина присела, приветствуя их с распростертыми объятиями. Они лизали ей лицо, пока она гладила и хвалила их. Большинство тренеров препятствовали облизыванию, но она всегда наслаждалась демонстрацией собачьей привязанности. Собаки говорили на другом языке, и облизывание значило "я люблю тебя".

- Что это за пятно на твоих штанах? - спросил Гален Бадена, очевидно пытаясь не засмеяться. - Дети, что вы делали, пока меня не было? Мне гадать?

Катарина сжала губы, останавливая рвущийся наружу смех.

Баден выругался себе под нос.

- Катарина, уверен, ты встречала Галена. Он хранитель Зависти и Ложной Надежды. Ему принадлежит этот дом, который находится в другой реальности.

Да, она видела Галена, но никогда не говорила. Катарина заметила, что большинство воинов его избегали.

- Другая реальность? - спросила она.

Он кивнул.

- Ты можешь доверить этому мужчине свою жизнь, но ничего больше.

Гален быстро растерял свою веселость.

- Кровожадный зверь-мудачина любит кидаться камнями. Великолепно. Нам стоит основать команду для вышибал. Или как у Гарпий, команду в игре "увернись от булыжника".

- Мне нужно уйти прежде, чем я сделаю что-то, о чем, несомненно, пожелаю.

Баден выбежал из комнаты, веселье Катарины тоже померкло.

Ее взгляд переместился на Галена. Его привлекательность почти гипnotизировала, но в стиле страшного серийного убийцы.

- Что он имел в виду в другой реальности?

- Думаю, другой мир. Потому что так и есть.

Бессмертный... другие миры... о чем еще она не знает?

- Почему вы двое враждуете?
Он проигнорировал ее, сказав:
- Предполагается, что я должен охранять тебя, пока Баден на одной из миссий Гадеса, но, не колеблясь, вспорю тебе живот, если решу, что ты для него опасна.
Бисквит пополз к нему, рыча, пока она не позвала щенка.
- Ты любишь Бадена? - спросила Катарина.
Гален пожал плечами.
- Я люблю себя, но нужен ему. Девочка, тебе не повезло.

Глава 17

*"Хотел бы я целовать тебя, а не скучать по тебе".
- Аэрон, бывший Хранитель Гнева.*

Баден снял с себя грязную одежду, взглянул на не зажженный камин и решил, что спалить все до нитки будет отличной идеей. Он бросил в центр очага пылающую спичку, сверху кинул одежду и наблюдал за тем как тлеет ткань. Одежда лишь будет напоминать о Катарине и о том, как он повел себя будто подросток, которого первый раз приласкали. Унизительно, и все же... оно того стоило? Баден забрался в горячий душ.

Горячая вода полилась на лицо и плечи, капельки скользили по его груди, и даже находясь здесь без одежды, Баден мыслями возвращался к Катарине. Наслаждение, которое она ему подарила... он никогда такого не испытывал. Он настолько сильно ее желал, что сделал бы все, о чем бы она не попросила, отдал бы ей все, что она пожелает. Он бы умер за нее.

Она имела над ним власть... над ними обоими... и все же Разрушение охотно убил бы за нее. За нее, не за себя. Будто ее враги имели большее значение, чем его собственные. Словно каждого недруга нужно научить тому, что смотреть в сторону этой человечки большая ошибка.

Черт бы ее побрал, Катарина все еще имела власть над ними!

Желание к ней больше не казалось произвольным, оно стало необходимостью. Ее вкус. Ее мурлыканье. Ее стоны и вздохи, и то как она шептала его имя - или выкрикивала его. Ее руки, что так правильно обхватывали длину его члена. Ее отпущенная на волю страсть, чистое порочное покорение, когда она насаживалась на его пальцы.

Баден ударил кулаком о плитку. Что, черт подери, он будет с ней делать?

Слегка утолив похоть, в его голове прояснилось, зверь затих. Баден смог прокрутить изобличительные слова, которые Катарина сказала Александру.

"Я подвергну свою жизнь опасности и соблазню Бадена... если докажешь существование монеты".

Мужчина убил ее собак, она ненавидела его всей душой. Действительно смогла бы она освободить его, просто чтобы стать королевой преисподней? Без шансов. Поэтому должна быть веская причина для дачи такого обещания.

Внезапное подозрение закралось в его разум. Она пыталась отыскать монету для Бадена? Да. Точно. Без вопросов. Он проклял свою вспыльчивость и паранойю. Баден задолжал ей извинения. Хотя слов вряд ли будет достаточно, чтобы исправить все то, что он натворил. Когда он выключил воду, наручи на бицепсах начали нагреваться. Мягкое красное свечение заполнило кабинку. Баден спешно потянулся за полотенцем... только переместился без него. Он появился в тронном зале Гадеса, мокрый, голый и безоружный. При беглом изучении он заметил запах дыма и отдаленные крики. Никто не стоял в переделах досягаемости, но стражники, выстроившиеся у дальней стены, на него косились. Баден просверлил их взглядом, провоцируя их сказать что-нибудь.

- Пощади мои глаза, прикройся, - приказал Гадес, привлекая к себе внимание. Он появился рядом со своим троном, одетый в костюм-тройку.

Баден протянул руки, как бы говоря "все для услады твоих глаз, мудак".

- Кто-то должен был сообщить мне, что в эту пятницу нужно одеться по-деловому.

- Пипин!

Старый, одетый в робу мужчина возник из облака темного дыма.

- Да, сир.

- Преображение понедельника. Выдай Бадену одежду для нового образа.

- Да, сир.

Пипин отломил камушек с края своей скрижали.

Гадес. Пламя. Пепел.

Этот пепел облепил кожу Бадену, словно приклеенный, стремительно превращаясь в кожаные штаны с множеством молний и хлопковую рубашку. Все сидело идеально.

Баден хотел таких скрижалей.

- Намного лучше. - Гадес пробарабанил ногтями по подлокотнику трона. - Расскажи последние новости на счет поиска монеты.
- Александр оказался более упрямым, чем я ожидал.
- А другие задания в твоем списке?
- Почти завершены.

- Тогда с радостью тебе сообщаю, что для тебя есть новая работа.

Одно из воспоминаний Разрушения всплыло в его голове. Его мать, темноволосая красавица, которая лакомилась его печенью, сидела на троне. На этом троне. Троне Гадеса. Она отпрянула при его приближении, ее острые когти впились в руки, пока пыталась подняться... но не смогла. Он удерживал ее на месте с помощью такой мощи, которую она не в силах преодолеть. Тени, все его красивые тени, кружились вокруг нее и шипели.

- ... слушаешь меня? - рявкнул Гадес.

Мужчина сильно пострадал от ее рук, и поэтому убил ее за это. Убил собственную мать. Безжалостно.

Нет такой черты, которую бы он не пересек, если его предали.

"Сконцентрируйся!"

- Я слушаю, да.

Теперь.

- Я хочу, чтобы этот артефакт стал моим к концу дня.

Гадес хлопнул в ладоши, и Пипин положил новые камешек на ладонь Бадена.

Пламя. Пепел. Баден сделал глубокий вдох, вдыхая каждую частицу. Артефакт... ожерелье... было известно как Сердце Земли. Мистический голубой коралл в двести каратов. Изысканный, по утверждениям женщин, но по большей части его хотят из-за сверхъестественных свойств. С ним, мужчина или женщина любой расы, даже человеческой, сможет жить и дышать под водой.

Нынешний владелец: любовница Посейдона, на первый взгляд хрупкая лесная нимфа.

- В этой миссии только одна небольшая загвоздка. Вряд ли стоящая упоминания, - сказал Гадес, махнув рукой. - Если у тебя все получится, водяной король потеряет свою любимую наложницу и пришлет убийц за тобой.

Великолепно.

- Он не станет первым или последним. Я с ним справлюсь.

Гадес посмотрел на своего раба.

- Видишь, Пипин. Я не чрезмерно жестокий. Баден принимает вызов.

- Да, сир.

Обращаясь к Бадену, Гадес сказал:

- Справься с водяным королем, но не убивай. Если наложницу придется убить, убей. И помни, что ты все это делаешь ради высшего блага.

Высшее благо. Победа. Защита для его друзей... и для Катарины.

- Я добуду ожерелье. - Оговорка... "к концу дня"... позволит ему нанести удар Люциферу первым. Он уже в подземном мире, так почему бы и нет?

- Прекрати. Я знаю это взгляд, - сказал Гадес, нахмурившись. - Что ты задумал? Скажи мне правду.

Ответ слетевший с его губ, был вытянут силой приказа князя.

Гадес задумался на мгновение, а затем кивнул.

- Отлично. Я даже помогу тебе. Пипин, пожалуйста...

Благодаря еще одному кусочку скрижали у него оказались карта девяти подземных реальностей и возможность перемещаться между ними. Нельзя было перенестись только во дворец Люцифера, стены мистически заблокировали.

Но всегда есть способы это обойти. Или они найдутся, когда он закончит.

Когда пояс его штанов потянуло вниз, Баден опустил взгляд. Граната свисала с каждой щелицы. Он ухмыльнулся. Вот и путь.

"Око за око". Люцифер разрушил его дом, теперь Баден уничтожит его.

Он переместился к окраине дворца мужчины. Возвышающееся уродство построено из крови и костей. Окружающий ров наполнен смесью кислоты и слез проклятых. Сверху летали драконы среди огня и облаков дыма.

Запах серы заполнял воздух, сливаясь со зловонием смерти. Тысячи криков от боли и страха создавали ужасную атмосферу... гораздо худшую, чем он когда-либо ощущал на территории Гадеса.

Вооруженные стражники патрулировали у дворцовогопарапета. Они заметили его и включили пронзительный сигнал тревоги. Баден бросил гранату. Бум! Когда парапет распался на кусочки и потонул в огне, Баден переместился к другой стороне дворца и кинул вторую гранату. Он продолжал атаковать, пока все шлёвки на поясе не оказались пусты. На все потребовалось всего десять минут, но в течение этого времени нескольким стражникам удалось заметить его местоположение. Они кидали в него копья, пока другие кидали копья во все стороны, чтобы, когда Баден переместится на новое место, одно из копий найдет свою цель.

Так и вышло.

От удара он потерял возможность перемещаться, его окружил невидимый барьер, и Разрушение взревел. И тогда каждый стражник сосредоточился на нем, бросая еще больше копий. Но прежде чем град орудий дошел до Бадена, зверь вернул способность двигаться.

Он вновь переместился, намереваясь справиться сброшенными копьями, но оказался прямо в железном капкане... сделанном для тех, кто перемещается таким образом. Металлические зубья сомкнулись вокруг лодыжки, не давая ему перенестись. Линии, которые появлялись на Бадене после каждого убийства для Гадеса, начали гореть и светиться, словно зверь дышал на них огнем изнутри. Дым просочился сквозь его кожу, сформировав вокруг него стену.

Он понял, что это не дым, а существа, которые когда-то жили внутри своих жертв.

От шока его грудь сжало тисками. Баден наблюдал, как тени поднимаются из Гадеса, даже видел намек на тени, когда разбирался с Берсерком, но не ожидал такого.

Вокруг него образовалась целая армия.

Какого черта ему делать? По словам Гадеса, люди, в которых сидели эти существа, не знали принцип их использования. Баден тоже понятия не имел... и все же они... помогали ему?

Да. Существа отделились от него, хотя невидимая нить привязала их к его душе, не позволяя уйти слишком далеко. Они остановили все оружие, которое бросали в его сторону... даже гранату. Когда вокруг него запыпал огонь, не в силах достать, Баден пошатнулся. Через несколько секунд тени смогли прогрызть металл, освобождая его.

- Будь готов, - сказал Разрушение.

Как только тени вернулись в его руки, Баден переместился домой... но огонь, в конечном итоге добрался до него, и вместе с Баденом переместилось несколько искр. Они подожгли ковер и шторы в гостиной. Он бросился затаптывать пламя, прежде чем оно распространится. Когда закончил, вся комната стояла в дыму. Настоящим дыму.

Баден не собирался думать о тенях или об их возможностях. Не сейчас. У него слишком много дел.

Где Катарина?

Он обошел дом. Оплот в пустынной реальности, где никто не осмелился бы поселиться. Единственный участок травы располагался в закрытом оазисе на заднем дворе. Когда Баден договорился с Галеном, то настаивал на месте для собак для прогулок и игр. Почему? Потому что. Гален доставил их собственным уникальным способом. Кроме дворца и оазиса, реальность представляла собой квадратную милю палящего солнца, обжигающих скал и черных песчаных дюн.

Добро пожаловать в Реальность Забытого.

Чтобы войти, нужен ключ. Который есть только у Бадена и Галена.

Чем дольше он здесь находится, тем больше вероятность, что он сотрется из памяти всех, кого когда-либо встречал. Просчитанный риск. Он не хотел, чтобы Гадес забыл о нем. Больше миссий означало больше очков.

В обмен на ключ ему пришлось устроить свидание Галена с Легион. Или Хани. Или неважно как демон-девушка-обращенный-в-человека называл себя в эти дни.

Аэррон любил ее как дочь. После жёстких издевательств, пережитых в аду, мужчина сделал все возможное, чтобы исцелить ее разум, также как и тело. Хотя с последним не было никаких проблем, ему не везло с первым. Она все еще переживала. Возможно, Галену это удастся. У него и девушки было прошлое.

Приглушенный голоса заставили Бадена завернуть за угол и увидеть просторную кухню с первоклассной техникой и белыми столешницами из кварца. Его женщина... его сладкая мука... появилась в поле зрения, и его тело затвердело, приготовившись для нее.

"Хочу снова ощутить свои пальцы внутри нее".

Она приняла душ и переоделась. Розовый топ и потертые джинсы предавали ей женственный и изящный облик... но он хотел ее обнаженной.

Она поставила миски с водой и едой перед собаками во время разговора с...

Имя щелкнуло в голове, и он понял, почему забыл его. Фокс, новая хранительница Недоверия. Он все это время была здесь.

"Держись подальше от Фокс".

Эти слова однажды сказал ему Уильям. Почему?

Правая рука Галена... в прошлом, когда он возглавлял Ловцов... женщина с темными волосами, сине-золотистыми глазами и угловатыми чертами лица. Она была худой, но явно выносливой. Такой тип женщин всегда больше всего привлекал Бадена, и все же она не могла сравниться с нежной Катариной.

- ...какой он? - спросила Фокс. С Недоверием в соседстве она должна ощущать душевные страдания все время днем и ночью.

- Упрямый, - ответила Катарина. - Раздражающий. Недоверчивый...

- Это я могу понять.

Он... "Это обо мне?"

Баден прижал язык к небу.

Но Катарина не закончила.

- Приводящий в ярость. Надоедливый. - Она тяжело вздохнула. - Остроумный. сексуальный и беспокоящийся. Слишком беспокоящийся!

"Она думает, что я сексуальный".

Гален сидел за столом в углу, точа клинок. Их взгляды встретились, и мужчина пожал плечами, как бы говоря: "Женщины!".

- Ты не упомянул, что здесь еще кто-то живет, - бросил Баден.

Девушки вздрогнули и одновременно повернулись к нему. Челюсть Катарины упала.

- Ты весь покрыт сажей, - сказала она.

- Да.

Он отвернулся от нее и обратил внимания на Фокс, между ними пробежала искра.

Баден желает? Ее? Нет. Никогда. Должно быть из-за Недоверия. Но Баден не желал иметь ничего общего с этим исчадием ада. Он не станет скучать по опухоли, которую вырезали из его тела, или по любому другому заболеванию, которого лишился.

За исключением времен, когда демон был его единственным собеседником. Даже в компании других воинов он ощущал себя одиноким.

Но чувства не всегда верны, так?

Демон начал развивать темные волосы Фокс, пряди превратились в пламя. Демон в ярости? Из-за него?

- Эй, - обратилась к Фокс Катарина. - Что с тобой происходит?

Фокс потерла виски, и огонь утих.

- Простите. Я все еще обучаюсь контролю.

Гален улыбнулся Бадену.

- Ты веришь, что я забыл о моей дорогой Фокси Рокси?

Нет, но он не собирался кончать от этого.

- Мне нужно оружие. Лучшее, что у тебя есть.

Катарина взглянула на него.

- Ты меня игнорируешь?

- Нет.

Короткий, но точный ответ.

Она поджала свои красивые губы.

Фокс помахала ему.

- Приятно познакомиться. Наверное.

Его взгляд вернулся в хранительнице Недоверия, и разрушение зашевелился в его голове.

Она найдет способ, чтобы настроить тебя против друзей. Убей ее сейчас.

"Хладнокровное убийство никогда не будет лучшим выходом". Голос Катарины эхом раздался в его разуме.

Гален встал и сказал:

- Ты хотел оружия, у меня есть. Сюда.

Баден последовал за ним по длинному коридору.

Катарина сорвалась с места, чтобы идти рядом с ним.

- Почему ты выглядишь так, словно воспламенился? И почему тебе нужно оружие?

- Я на войне. И мне дали очередное задание.

- Оно очень опасное?

- Конечно. А что? Ты станешь настаивать на своем участии?

Баден открыл было рот, чтобы напомнить о ее слабости, и его силе, как он необходим Катарине, и ему никто и никогда не понадобится, но вспомнил про ее угрозу уйти от него.
"Возможно, мне нужна... она?"

- Эм... нет, - ответила Катарина, разочаровав его. - У тебя есть работа, и у меня есть. Необходимо заботиться и кормить моих новых питомцев.

- Тебя не заботит, выживу я или умру? Разве ты не хотела прикрывать мне спину?

Фыркнув, она погладила его руку. От прикосновения кожи к коже его пронзила боль. Баден втянул воздух, и она отдернула ладонь. И все же без ее прикосновения он ощутил острое чувство разочарования.

Гален остановился в спальне, которую превратил в мечту воина. Полки висели на стенах, а пистолеты всех калибров, мечи, кинжалы, гранатометы, огнеметы и многое другое заполняли все эти полки.

- Ты захочешь переодеться. - После нажатия на кнопку открылся шкаф, явив множество одежды. Гален выбрал черную футболку и бросил ее Бадену. - У этой на спине есть щели для крыльев. Ты можешь их использовать, чтобы скрыть пару мечей.

Баден переоделся.

- Еще мне нужен телефон.

Гален вытащил один из кармана и бросил Бадену. Пока шел из комнаты, воин бормотал:

- Бывший лидер Ловцов теперь упал до уровня няни. К вашему сведению, это не входило в мои жизненные планы.

Баден написал Торину: "Добрался до нового места, все хорошо, вы все еще лучшие".

Ни одной ошибки. Такое у него впервые.

Прежде чем Баден успел отправить, Катарина прочитала написанное и сказала:

- Не забудь добавить СВВП.

Он покопался в памяти, но не нашел такого акронима¹¹.

- Зачем?

- СВВП. Это означает, смеюсь во все протезы. Знаешь, потому что ты такой старый.

Баден посмотрел на нее и нажал кнопку "отправить" настолько сильно, что телефон треснул.

---

¹¹ Акроним – это аббревиатура, образованная из начальных букв слов

- Тебе нужно еще одно упоминание о том, что мой возраст не имеет значения? Он положил гаджет в карман. "Когда я смогу заполнить ее своими пальцами снова?"
В следующий раз он не собирался надевать перчатки. Баден мог потерпеть боль ради удовольствия. И оно обязательно будет. Ее тепло и влажность... внутренние стенки, сжимающие его...

Катарина притворилась, что не услышала.

- Или, возможно, тебе следовало использовать ЛДН так что КС. Лучший друг навернулся так что каталку срочно¹².

Разрушение... рассмеялся? Наверное, именно такие звуки издают кошки, когда их убивают.

- Сейчас ты злишься на меня еще больше, чем когда я обвинил тебя в предательстве... о чем глубоко сожалею, - добавил Баден. - Почему?

Румянец окрасил ее щеки, интригую... и радуя... его. Как низко он пал?

- Я всегда злюсь на тебя. Ты оскорбил меня однажды, теперь я узнаю, что ты здесь держишь другую женщину в заложниках.

- Она не моя заложница, и я был неправ, когда оскорбил тебя. Я попрошу прощения позже вечером. На коленях. Пока ты будешь сидеть передо мной.

Она вздрогнула, но затем изумленно на него уставилась.

- Подожди, отмотаем назад. Ты, мужчина, только что признал свою неправоту?

- Конечно, нет, - пошутил он. - Такое беспрецедентное событие должно сопровождать песнопение хора ангелов.

Она ему улыбнулась, но радость быстро сошла на нет.

- Я видела, как ты на нее смотрел.

Мрачные нотки в ее тоне... Катарина ревнует?

Если бы было возможно, он бы схватил Разрушение за руку и поднял бы в воздух. Ни стали чемпионами, которые выиграли с тяжелейшей битве.

- Как я на нее смотрел?

Баден изучал оружие и выбрал два кинжала, пистолеты и три запасные обоймы.

- Как на это оружие, - сказала она немного резко. - Словно они ответы на все твои проблемы.

- Она носит в себе часть моего прошлого. Но я буду так обращаться только с оружием, а не с Фокс. Мое желание не для нее.

Пульс у основания шеи Катарины забился быстрее.

- Тогда для кого твое желание?

Баден подошел к ней и горячо на нее взглянул. И, не отвечая на вопрос, все еж сказал:

- Не ссорься с ней, пока меня нет.

В ней поднялся гнев.

- Делай то. Не делай этого. Ублюдок! Я буду делать, что...

- Если Фокс причинит тебе боль, мне придется ее убить, и тогда демон вырвется на свободу или, возможно, даже попытается вновь завладеть мной.

- Ох. Хорошо. Раз у тебя такая веская причина... - Катарина растаяла от его слов и протянула руку, чтобы поиграть с кончиками его волос. - кроме того, я слишком сладкая, чтобы с кем-нибудь драться.

- Ты определенно сладкая на вкус.

Катарина медленно улыбнулась.

- Я наивысшее наслаждение для твоего рта?

- Нет, ты лучше. - Намного лучше. Наконец, Баден сказал ей то, что она хотела знать. - Ты - единственная, кого я желаю.

Улыбнувшись ему, она сказала:

- Может мне напомнить о своей любви к твоему рту, мmm?

---

¹² игра слов, на самом деле аббревиатуры ЛДН и КС означают лучший друг навсегда и кстати сказать

От этого невозможно было отказаться. Баден наклонился вниз для быстрого поцелуя, собираясь провести язык по ее хотя бы раз... может два... но обнаружил, что припер ее к стенке и пировал. Он обхватил ее попку и приподнял, заставив Катарину обхватить его талию ногами. Затем прижался твёрдым членом к ее бедрам, срывая с ее губ рваный вздох желания.

- Я помню о слишком многих вещах. - Она замурлыкала, когда выгнулась навстречу нему.
- Мне нравится, как мое тело откликается на твои прикосновения. Горячие и мучительные... нуждающиеся.

Если он не уйдет сейчас, то не уйдет вообще. "Заберу ожерелье, заработаю очко и, наконец, заполучу Катарину".

Баден отстранился, оставляя их задыхающимися.

- Будь обнаженной, когда я вернусь.

Его тон... такой же жесткий, как и его член... не предполагал возражений.

По ее коже пробежали мурашки, но она сохранила скучающее выражение лица, когда сказала:

- Попроси лучше.

Ради этого он будет умолять.

- Будь обнаженной... пожалуйста.

- И отказать тебе в удовольствии раздеть меня? Нет! Я буду полностью одета, и ты поблагодаришь меня за это.

Нужно взять ее прямо сейчас.

"Да... нет! Нужно уходить. Задание на первом месте, женщина на втором".

Впервые его приоритеты казались... не важны.

- Я ненадолго.

Баден взял в руку кинжал и полуавтомат и переместился прямо к лесной нимфе... которая была на вечеринке. Вода окружала прозрачный купол, но сам купол был сухим. Толпы бессмертных набились в это место, как сардины в банке, каждый одет довольно официально, женщины в платьях, а мужчины в смокингах.

Одежда Бадена определённо не соответствовала обстановке. И Разрушение не был рад из-за непосредственной близости к вампирам, перевертышам, сиренам, Гарпиям, Феям, Гоблинам, Горгонам, ведьмам и даже Циклопам.

"Успокойся. Держись".

Официант подошел с подносом, на котором оказались желейные шоты. Это странно, учитывая убранство и одежду.

Его уши дернулись, когда уловили знакомое "ого". Напрягшись, он проталкивался сквозь толпу, шипя при любом контакте. Баден миновал высокие мраморные колонны, узор на которых напоминал Посейдона, и набрел на нимфу... которая покачивалась на ногах рядом с Талией. Обе пили шоты и закусывали лаймом.

За ними тянулся помост, где Посейдон наблюдал за их выходками с трона, сделанного из кораллов. Баден знал, что мужчина проводил половину каждого года в воде, вторую половину на суше, ослабленный из-за какого-то проклятия... но с другой стороны разве крах каждого мужчины не из-за проклятия? Это был месяц на суше.

Его взгляд не отрывался от нимфы, а черты его лица исказились от неудовлетворенного желания.

- В этот раз, - сказала Талия нечленораздельно, - мы будем пить шоты, пока я буду тобой, а ты - мной. Быстро, давай поменяемся одеждой и украшениями.

Баден напрягся. Она здесь тоже ради кражи ожерелья?

Словно полностью понимая происходящее... и зная о присутствии Бадена... она повернулась к нему и подмигнула.

- Подруга! Это превосходная идея!

Нимфа потянулась к застежке.

Посейдон встал и зарычал:

- Не смей.

Многие гости вздрогнули.

Талия нахмурилась, но быстро изменила выражение лица на немного разочарованное.

- Теперь шоты будут не такими хорошими на вкус.

- Знаю!

Нимфа показала морскому царю опущенный большой палец.

Все бросились врассыпную, когда он бросился к ней. Посейдон схватил нимфу за руку, а двое мужчин... по виду стражники... приблизились.

- Отведите ее в покой. Оставайтесь снаружи. Никто не должен входить или выходить.

- Бууу, - произнесла она, когда ей помогли уйти. - Вечерника только начала становиться интересной.

Баден обменялся с Талией последними взглядами, прежде чем отступил в толпу, чтобы его не заметил Посейдон.

- Ох, посмотри на себя, сочный кусок мужчины.

Рыжеволосая Гарпия погладила руку Бадена, чем вызвала у него сердитый взгляд. Он отшатнулся, только чтобы наткнуться на другую Гарпию. У этой были темные волосы и невероятно красивые янтарные глаза, и пухлые красные губы. "Знаю ее..."

Ее личность вспыхнула в голове. Это была Ника Нежеланная. Лучшая подруга Талии. Ее когда-то пленили Фениксы.

Ее когти впились в ее руку, и хотя она улыбалась, ее окружала аура злобы.

- Ожерелье наше. Уйди или заплати кровью свой выбор.

Баден схватил ее за шею прежде, чем успел это осознать. "Зверь, черт тебя возьми!" Он также быстро отпустил ее.

Она невозмутимо показала ему средний палец.

- Приятно познакомится, воин.

Вместе с рыжей и Талией Ника исчезла в толпе. Баден направился по пути, в котором ушли стражники, выискивая всевозможные угрозы, не перемещаясь. Когда он добрался до отдельного коридора, то увидел одного из охранников без сознания за кадкой с растением. Он отметил, что девочки работали быстро.

Баден нашел другого бессознательного стражника перед закрытой дверью и понял, что достиг цели. Не теряя больше времени, он переместился в комнату. В спальню. Стены были выкрашены в небесно-голубой и украшены растениями и цветами, висящими повсюду. Три Гарпии... Талия, Ника и рыжеволосая... окружили нимфу. Она сражалась как профессиональный убийца, а не как пьяница, которой казалась. Она совсем не пьяна. Четыре женщины сцепились в клубок бьющих рук, рассекающих когтей и пинающих ног. Они двигались так быстро, что пришлось сосредоточиться, чтобы разобрать движения каждой.

Вспышка воспоминания. Его собственного. Он сидел рядом с Парисом, ел попкорн и наблюдал за "кошачьей дракой" бессмертных женщин, которые сцепились ради свидания с мужчиной.

Крики и стоны быстро вернули его к реальности. Брызнула кровь. Зуб полетел в воздух, словно выброшенная конфета.

Баден использовал мебель, чтобы заблокировать дверь.

- Отдай мне ожерелье, - приказала Талия.

- Оно тебе не нужно, сука, - завизжала нимфа.

- Как и тебе, шлюха. - Ника ударила ее в живот. - Сейчас ты умрешь.

- Меня заверили, что я не умру еще год, как минимум! - Снова нимфа. - Ты не представляешь, что мне пришлось пережить. Я лучше умру, чем сдамся.

- Ну, я здесь, чтобы тебе угодить. - Рыжеволосая отстраненно ухмыльнулась, когда выпустила из пальцев металлические когти. Она в состоянии вырастить настоящие? - Это будет следующим призом в Играх Гарпий.

Нимфа была хороша, но не могла больше противостоять трем способным Гарпиям. Немногие могли.

Разрушение хотел танцевать в их крови, но даже он признавал малую вероятность выхода из драки с ними невредимым.

Баден переместился в центр круга, защищая нимфу, принимая следующие атаки предназначенные ей на себя. Когти по шее. Удар по почкам. Пинок в живот.

Острая боль быстро разбудила в нем ярость. Она зажглась. Росла и расширялась. Поглощала его. Он прицелился своим полуавтоматом и быстро пустил пулью рыжеволосой между глаз.

Она поднимется... через несколько дней.

Баден сосредоточился на Талии и выстрелил опять. Ожидая этого, она отскочила в сторону. Когти выросли из кончиков его пальцев, и он уронил свое оружие. Которое ему и не нужно.

Тени поднялись...

Ника дернула Талию к двери, когда Разрушение поделился с Баденом информацией. Тени были продуктом Испорченности. Если их не сдерживать, то тьма заразит хозяина, направляя его... или ее... мысли и действия.

От одного прикосновения эта тьма... словно вирус... может заразить и Гарпий и начать руководить их мыслями и действиями.

Наручи, как доспехи, давали Бадену иммунитет.

Гарпии схватили рыжеволосую и вытащили ее из зоны поражения. Тени смотрели и корчились, рвались в бой.

Талия уставилась на Бадена.

- Я хочу это ожерелье, Рыжий.

- Гадес получит его в течение часа. Если хорошо попросишь, возможно, он тебе его отдаст.

- Ты не понимаешь меня. Отдашь ему, и я заставлю тебя об этом пожалеть. Сильно.

Он и так о многом жалел. Не факт, что кража ожерелья окажется в этом списке.

Тени зашипели и даже направились к ней. Талия потащила своих подруг к коридору и пинком открыла дверь. Напоследок он увидел ее хмурый взгляд.

Тени вернулись на свои места.

Стеклянная ваза врезалась в его голову. Когда осколки посыпались на пол, Баден развернулся и посмотрел на нимфу. Ее глаза расширились от ужаса, когда он остался стоять.

Он показал ей полуавтомат, а затем кинжал.

- Так или иначе, я уйду отсюда с ожерельем. Давай не будем все усложнять. Отдай его.

Очевидно, что линия, проведенная им между добром и злом, истончалась с каждым днем. Баден думал, что придерживался строгого принципа: не убивать женщин и невинных, никогда. Нимфа была и тем и другим, и все же он ей угрожал.

По крайней мере, он предложил ей выход.

Что бы сделала Катарина?

Злоба исказила лицо нимфы, только затем, чтобы исчезнуть как утренняя роса. Она улыбнулась и похлопала ресницами.

- Почему бы тебе вместо этого не украсть мою добродетель? Обещаю, этим ты будешь наслаждаться сильнее.

Предложение утолило бы его потребность и прочистило мозги, но оно его ни капельки не соблазнило. Баден хотел человека. Хотел дотрагиваться до нее, только до нее. Желал ее прикосновений к себе, только к себе. Не хотел никаких преград между ними. Ни одежды, ни боли. Если он не получит последнее, то удовлетворится первым.

Каким-то образом она его околдовала.

В этой ситуации она своим обаянием добилась триумфа. Проблема в том, что у Бадена не были никакого обоняния. Что же он имел? Правду.

- Отдай мне ожерелье. Я не хочу причинять тебе боль, но сделаю это, если понадобится.

- Или ты можешь просто уйти, - предложила нимфа.

- Последний шанс. - Он тряхнул оружием. - Моя женщина вознаградит меня за то, что позволит тебе жить. А я хочу награду. Но если я не отда姆 твоё ожерелье Гадесу, то меня накажут и пошлют другого воина за тобой.

- Я спрячусь прежде...

- Не имеет значения. Пандора найдет тебя.

- Пандора? - Нимфа вздрогнула, и ее щеки побледнели. - Вот. Возьми ожерелье и уходи!

Глава 18

*"Определение брака? Это когда женщина начинает заботиться о великовозрастном инфантильном мужчине, с которым больше не могут справиться его родители".
- Оливия, бывшая Посланница*

Катарина: 0. Баден: 1.

"Потребую ротос... мне нужна помощь".

Катарина забыла о желании приручить Бадена, заметив с какой тоской, он смотрел на Фокс... с тоской по женщине, которая не была "слабой". Это сильно задело ее гордость.

Когда выражение его лица мгновенно сменилось гневом, она поняла правду. Тоска вызвана скорее товарищескими отношениями, а не сексуальными. Словно он не видел старого друга много лет, и оба взгляда вызвал Недоверие.

Он вполне справедливо ненавидел демона... но, возможно, скучал по их общению. Прямо сейчас, Баден он мог доверять узкому кругу людей. По объективной причине! Гадес сделал все возможное, чтобы превратить его в ценного цепного пса, бойца, у которого только одна цель - атаковать.

Ну, тем хуже для Гадеса. Цепные псы на самом деле были добрыми великанами. При правильном стимуле они были любовниками целиком и полностью.

Катарина решила, что пришло время начать свою игру. И у нее был план. Испытание огнем. Или точнее испытание прикосновением.

Прикосновение было самым важным инструментом в ее арсенале. Пока Баден использует пистолеты и ножи, чтобы передать сообщение, она использует руки. Контакт кожи к меху... или кожи к коже создает связь между двумя существами... эм, людьми. Прикосновение говорит "ты не один, я здесь ради тебя".

И поистине ей просто хотелось вновь прикоснуться к нему руками.

Бисквит и Подливка тяпнули ее карманы, когда она привела в спальню, которую ей выделили. Роскошная обстановка с яркими золотыми шторами, портретами королей и королев, развешанных на стенах, и резной мебелью. Она только закончила печь печенье для собак без сахара, и пластиковые пакеты в ее карманах заполнены крошками.

- Сидеть, - сказала она и, когда обе собаки подчинились, вытащила угощение.

Прежде чем предложить его, она попросила собак пожать ей руку.

- Хорошая работа, парни.

Они проглотили следующую подачку, и она подумала, что может лопнуть от любви. Почему она так отчаянно старалась защититься от боли и очередной потери? Людям нужна любовь для выживания. Любовь была опорой. Жизнью. Чем больше любви она излучает, тем больше получает в ответ.

Бисквит лизнул ее руку. Подливка прыгал как заяц, пытаясь укусить за хвост собрата, намереваясь использовать в качестве игрушки. Начался дружеский поединок. Эти двое с каждым днем излучали все больше счастья, не говоря уже об игривом настроении и уверенности в будущем.

Катарина начала думать, что из них выйдут отличные сторожевые псы. Обучение шутцхунд¹³ работало лучше со щенками, которые были спокойны и уверены с самого начала, они рано вступали в общество, поэтому ничто их не тревожило. Но нервных, неуверенных собак нельзя тренировать, поскольку они часто становились подобны полностью заряженной винтовке в руках испуганного человека, у которого палец дергался каждый раз при виде своей тени. Также нервные собаки, как правило, обладают избирательным слухом и часто игнорируют команды тренера, кусая всех, даже тренера, из страха о собственной безопасности, а не из желания защититься.

Бисквит и Подливка, вероятно, не социализированы и, возможно, их раньше обижали, учитывая поведение собак с незнакомцами, но они определенно имели необходимую

¹³ система тренировки собак для защитной службы

уверенность. Также у них отлично развит охотничий инстинкт, что не менее важно. Нужно уметь найти, преследовать и схватить пищу. Или, когда-нибудь, плохих парней. Собаки уже освоили базовое обучение в послушании и, хотя Катарина только начала тренировать их искать... игрушки, лакомства и, однажды, если решит поднять их на новый уровень, наркотики... показали навыки в этом, отличившись обостренным обонянием. Следующий этап - работа над укусами, которая начинается как игра.

На самом деле она превратила все в игру от начала до конца. Тяжелый, мягкий рукав, который она отдала им... прелюдия к живому объекту... использовалась жевательная игрушка. Они играли в перетягивание каната с ним, стимулируя их уровень возбуждения все выше и выше. Цель состояла не в том, чтобы причинить боль, но крепко держала игрушку, пока не сказала им, отобрать ее.

Что служило ключом? Нужно перенаправлять их агрессию. И любить их. Всегда любить. Так много людей, которые платили за ее услуги, спрашивали, как она творит такие чудеса с собаками. Ее ответ состоял из двух частей. Во-первых, она всегда брала щенков из приютов. И не принимала магазинных! Приютские собаки принимали дом за подарок. А во-вторых, из любви рождалась защита. Это просто, как дважды два.

Ее другие собаки, которых она забрала с боевых рингов, нуждались в большей любви и утешении, чем эти два. Даже в большем времени. Время, что одновременно психически и эмоционально опустошало, и волновало. Еще одна причина, почему ей пришлось оставаться сильной после смерти матери.

"Без силы, у нас ничего не будет".

Ей придется что-то дать.

- Я собираюсь позаботиться о вас, - прошептала она.- И я собираюсь дать вам жизнь, которую вы заслуживаете.

Они перестали бороться и с обожанием на нее посмотрели, словно поняли ее слова. Катарина решила, что собаки пытаются ей сказать, что тоже собираются позаботиться о ней.

Они обменялись взглядами... предвкушая? Подливка наклонила голову в сторону. Бисквит кивнул. Они слаженно подошли к ней. Каждый уткнулся носом в ее запястье, и когда Катарина попыталась повернуть руку, чтобы погладить их, собаки обнажили по паре клыков... клыков?!.. и вонзили их глубоко в ее вены.

Лавина боли! Взвизгнув, она попыталась выдернуть руки, но они сжали только сильнее. По крайней мере, боль утихла и сменилась теплым потоком...

"Разрази меня гром!" Она под кайфом? Катарина всегда сторонилась наркотиков, но это соответствовало описаниям ее брата... головокружение, ощущение легкости, словно она могла улететь, чувство экстаза, будто в ее мире все хорошо. Дерьмо! Что с ней происходит?

Наконец, собаки ее отпустили, и она упала. Ее ноги дрожали, кости вибрировали. Каждый орган охватил огонь, ее поглотило пламя, пот катился градом. Она умирала. Должна умирать. Она...

Перед ее лицом щелкнули пальцами. Катарина моргнула, широко открыв глаза, и обнаружила, что сидит, а не лежит. Еще больше сбивало с толку отсутствие боли, ее кожа и одежда были сухими, без намека на пот. Единственный признак произошедшего - металлический привкус во рту. Она прикусила язык? Нет, на нем не ощущалось никаких ранок.

С обеспокоенным выражением Гален присел перед ней.

- Хочешь рассказать мне, что с тобой случилось? Ты сидишь здесь не менее пяти минут, кряхтя и постанывая как зомби.

Но... но... прошло всего несколько секунд. Верно?

- Я в порядке.

Ее горло горело, словно она не говорила несколько дней, может, недель. Катарина встряхнула головой, чтобы рассеялись любые намёки на легкость.

Бисквит и Подливка сидели рядом, спокойно наблюдая за воином. На один безумный миг, ей показалось, что она ощутила их неприязнь к мужчине... незнакомцу!.. и несгибаемую решимость защитить своего глупого человека.

Нахмутившись, Катарина подняла руки на свет. Ее запястья выглядели нормальными. Не было никаких признаков ран, или даже синяка. Ей почудился укус?

- Я в порядке, - повторила она. - Правда. - Возможно, она заснула, и ей приснился укус. Или галлюцинировала? Вполне возможно. У нее почти было свидание с бессмертным воином. Более странные вещи происходят каждый день. - Что ты здесь делаешь?

- Я приготовил обед. Мой профиль. Сэндвичи с ветчиной.

Обед? Прошли не минуты, а часы.

- Спасибо, но я не голодна.

Ее живот был слишком занят, скручиваясь в тысячи крошечных узлов.

- Хорошо. - Гален грациозно встал. - Я положу один в холодильник на случай, если ты передумаешь. Если проголодашься потом, у нас, каждый сам за себя. У тебя был шанс.

- Ты слишком добрый.

- Знаю. И теперь, когда я подмазал тебя...

Смысл фразы ускользнул от нее? Подмазал?

- Ты флиртуешь со мной?

Гален поиграл бровями, глядя на нее.

- Размечталась. Я надеюсь убедить тебя поговорить с Баденом, чтобы он помог Фокс справиться с Недоверием.

- У нее проблемы?

- Всего лишь ежедневно.

В ней шевельнулось сострадание, но также и воспоминание т знакомстве Катарины с Галеном. Он ей угрожал. Поэтому она ответила.

- Если ты начнешь называть меня своим сладким смыслом жизни с этого момента, я подумаю о возможности упомянуть женщину при Бадене.

Он улыбнулся.

- Надеюсь, ты такая же с рыжим... смысл жизни.

Гален отсалютовал ей, прежде чем выйти из комнаты, оставив ее с собаками.

Следующие несколько часов, она заняла себя тренировками, решив не думать о произошедшем. Или не произошедшем. Неважно! Когда один из псов начинал писать или какать, она отдавала приказы остановиться и выйти вдвоем, предлагая угощение каждый раз, когда они заканчивали свои дела на траве.

В доме... дворце... было миллион комнат, за каждым углом начинался новый коридор, в котором можно потеряться, поэтому она всегда следовала по одному пути. Прямой спуск по лестнице, через кухню, прачечную и под конец солярий. Задний двор был огорожен высокой стеной, сделанной из золота, стали и железа. Трава, кусты и множество цветов были идеально ухожены, а множество деревьев давали тень от палящего солнца.

Когда тренировка закончилась, она осталась снаружи, позволяя псам побегать, пока Катарина в голове составляла список покупок. Собачья дверь, органическая еда, бирки на ошейники, прочные поводки, спрей по нейтрализации мочи и игрушки.

— Игрушки —

Она услышала незнакомый голос и вместе с этим фактом отметила, что слова сказаны на незнакомом ей языке, но все же понятном. Нахмутившись, она огляделась. Никто рядом не стоял.

Но обе собаки застыли.

— Девушка, демон идет —

И вновь незнакомый голос застал ее врасплох. Однако в этот раз Катарина поняла, что слова звучат в ее голове. Но они не появились в голове, а были сказаны ей другими существами... Она посмотрела на собак. Нет, нет. Невозможно... и все-таки?

Собаки выбежали перед ней, когда Катарина закрутилась. Бисквит зарычал на Фокс, которая открыла дверь и прислонилась к раме, и Катарина буквально ощутила, как животное готово лопнуть от злости. "Это более чем странно".

- Тебе хорошо с ними, - сказала Фокс.

- Я люблю их, - ответила она. Только и всего.

И Бисквит, и Подливка улыбнулись ей, будто поняли значение слова. Или так и было? Фокс потерла висок.

- Ты любишь Бадена? Подожди. Знаешь что? Это неважно. Я тебе не поверю. - Женщина рассмеялась с оттенком горечи. - Демон. Ну, ты понимаешь.

Катарина погладила собак за ушами.

- Он рождает паранойю, да?

- Если бы ты знала, сколько теорий заговора рождается в моей голове каждую минуту...

- Ты надеешься, что Баден заберет демона себе?

Потому что даже если он согласиться, Катарина будет сражаться всеми силами, чтобы остановить экзекуцию. Мужчина уже достаточно от него натерпелся.

- Да. Нет. Не знаю. Я больше ничего не знаю наверняка.

Сострадание охватило ее вновь. Сильнее чем ранее. Катарина ничем не могла помочь девушки, но могла попытаться отвлечь.

- Раз уж ты здесь, я могу использовать твою помощь, добыть несколько вещей для собак.

- Дай мне список, и я лично все подберу.

- Великолепно. - Она высказалась все желаемое. - Но, эм, мне нужны кое-какие личные вещи. - Чтобы начать соблазнение... приручение... Бадена. - Как у массажистки.

- Без проблем. У нас есть одна среди персонала.

Даже лучше.

- У него... нее?.. есть переносной стол.

- У него. И да.

Мужчина. Даже лучше.

- Мне также нужно нижнее белье. Много нижнего белья, и убедись что оно очень развратное. Такое, которое бы одела проститутка. Высшего класса! Нет, отмена. Низшего класса. Ох, и мне нужны туалетные принадлежности. Лучше с запахом ванили. И презервативы. Много презервативов. Они не должны пахнуть ванилью. И купальник... у вас есть бассейн? Неважно, не имеет значения. Бикини со стрингами. Разве тебе не следует это записать?

—*Мы принесем это тебе?*—

И снова незнакомый голос, громче и яснее, чем раньше. Катарина посмотрела вниз на собак. Обе уставились на нее, ожидая ответа.

Они же с ней говорят?

Такая глупая мысль, но подозрение не давало ей покоя.

- Нет, - сказала она им на всякий случай. - Не нужно приносить.

Они разочарованно вздохнули.

- Ты разговариваешь со своими псами? - спросила Фокс, нахмурившись.

- Ты, нет?

Женщина пригладила темные волосы, пока устрашающе смотрела на Катарину.

- Я добуду вещи для тебя к концу дня.

- Или раньше. - Баден может вернуться в любой момент. - Например, скажем, в ближайшие два часа.

- Сделаю, что смогу. Просто... не причиняй боль воину. Если посмеешь...

- Нет.

- Но если причинишь...

- Я действительно не причиню. Мне... он нравится.

- ...я убью тебя, - закончила Фокс.

Когда собаки зарычали на нее, она повернулась на каблуках и ушла.

Катарина опустилась на колени, чтобы погладить и похвалить своих учеников. Они ощутили угрозу и отреагировали, оставаясь спокойными, стоя рядом. Теперь они виляли хвостами и облизывали ее.

Для нее этот мир совершенно отличался от того, что она видела, но эти собаки, они были ее нормой. И Баден... он был просто ее. Пока.

* * *

Баден переместился к Гадесу. Князь восседал на троне, диктуя инструкции Пипину, который стоял рядом, высекая на скрижали.

- ...голову отсечь, конечности оторвать, открыть сундук и... - Заметив Бадена, Гадес переключился. - Ну?

Баден бросил ему Сердце Земли.

- Еще одно очко.

- Отлично. - Гадес закрепил цепочку на своем запястье, посмотрев на Бадена с чем-то похожим на гнев. - Ты навредил Гарпиям?

- Нет. Не было нужды.

Гадес расслабился, но только слегка.

- Все детали. Сейчас же.

Он высказался, закончив рассказ тенями, отпугнувшими Гарпий.

- Тени... они миньоны Испорченности, да? - Высокий Лорд с возможностью соединяться с любым согласившимся человеческим духом. Он получал удовольствие лишь тогда, когда разрушал хорошую личность.

Гадес постучал двумя пальцами по челюсти, словно обдумывая свои следующие слова.

- Да, их зло родилось в человеческом сердце.

Разрушение понял все правильно. И теперь, не в пылу битвы, он был... разочарован. В его плоти сидело семя Испорченности.

- Почему такой мрачный? - спросил Гадес. - Наручи делают тебя невосприимчивым к их особенностям питания. Они хотят только защитить тебя, своего хозяина. И уничтожить твоих врагов, конечно.

Правда... на этот раз. Но Испорченность, как и любое зло, набросится на хозяина. Гарантированно.

- Что случится, когда я выиграю, и ты заберешь наручи.

Гадес загадочно улыбнулся.

- Тебе все равно не о чем беспокоиться.

Потому что он не переживет удаление наручей?

Нет. Он и Гадес связаны, и ни один из них этого не мог отрицать. Ответ, каким бы он ни был, просто еще не ясен.

- Пипин. - Гадес смахнул пушинку со своего колена. - Я решил наказать или вознаградить своих подопечных за нарушение правил и борьбу друг с другом?

- Вознаградить, сир.

Плечи Гадеса разочарованно поникли.

- Отлично. Я никогда не меняю собственных решений.

- За исключением тех, которые вы отрицаете, сир.

- Это правда. Ты подловил меня, Пипин. Поэтому я не уволю тебя сегодня.

- До конца дня еще несколько часов, сир.

Баден вмешался:

- Дай мне другое задание.

Гадес взглянул на него.

- Так хочешь победить Пандору?

- Так хочу победить Люцифера.

Одобрение вспыхнуло в черных глазах князя.

- Мы приближаемся к победе с каждым днем. - Щелкнув пальцами, он отмахнулся от Бадена. - Сейчас иди. Отдыхай, пока можешь.

Нет покоя грешникам. У него есть дело, которому нужно уделить внимание... наконец, разорвать связь между Катариной и Александром.

Баден не убьет его. Катарина хотела запереть мужчину навечно, и поэтому он будет сидеть взаперти. В обмен за сохранение жизни Александра, Баден настоит, чтобы мужчина отрекся от Катарины, по сути, расторгнув брак. В их мире слова мужчины будет достаточно.

Он переместился в темницу под крепостью в Будапеште и...

И мужчина, и цепи пропали.

Черт побери! Ублюдок не мог освободиться с помощью Ключа-ото-Всего. Торин никогда его не предаст. Баден знал это каждой клеточкой своего существа и ощущал стыд, вспоминая времена, когда не верил Торину и другим. Времена, появившиеся в его голове, когда он посмотрел на Фокс и увидел результаты сражения с Недоверием. Самые темные дни в его жизни. Такие темные, что он предпочел смерть.

С наручами и тенями он стал еще более опасным, чем раньше. И все же, у него не появлялось желания покончить с жизнью. Баден будет бороться за желаемое.

За Катарину. Прямо сейчас она была единственным ярким пятном. Он признал правду: нельзя ее потерять.

Но она уже замужем, эту связь он мог разорвать так скоро, как того хотел. Ярость... Кто-то должен был найти ключ от цепей в развалинах крепости. Кто-то с возможностью перемещаться... или даже с возможностью перемещаться именно к Александру.

Пандора! Ее имя ударило кнутом в его голове, Разрушение взревел.

Она заплатит. Баден тоже мог перемещаться к Александру, это означает, он просто упустил побег мужчины, в противном случае оказался бы где-то еще. Он стиснул в руках по кинжалу и переместился...

В центр оживленной трассы. Раздался гудок, грузовик был в нескольких секундах, чтобы не врезать в него. Сучка пыталась убить его, не нарушая правил. Он переместился, когда автомобиль задел его руку, в конечном итоге оказавшись в женской раздевалке.

Наполовину одетые женщины, которые уже имели дело с Пандорой и Александром ахнули, закричали и кинули в него полотенца и обувь. Баден переместился снова, в этот раз оказавшись в переулке, покрытом граффити.

Прозвучала серия выстрелов... до щелчка, который сказал о пустой обойме. Он пригнулся, одна из пуль попала в ключицу. Еще одно воспоминание не его жизни постучало в дверь его разума, но в этот раз, Баден без проблем проигнорировал его, поскольку его воля крепла.

Когда он выпрямился, то заметил Пандору. Выколотый глаз еще не исцелился полностью. Более уязвимым частям тела требуется больше времени. Но, по крайней мере, она восстанавливалась, хоть и была духом.

Отращивание новых конечностей возможно. Но только как быть с наручами?

Она надела черную футболку, скрывшую следы Испорченности на руке.

По количеству убитых людей, они равны. Баден заработал, таким образом, шесть очков, не считая очков, что они разделили за убийство миньона Люцифера. Сколько заработала она? И почему он не ощущает желания убить ее, несмотря на ее поступки сегодня?

- Привет, Баден. - Пандора выдала пародию на усмешку, перезарядила и прицелилась. Александр был привязан к ее талии, веревка, привязанная к концу цепи, обвивалась вокруг ее запястья. Помеха. Отлично. - Твоя маленькая ловушка не удалась, как видишь. Я нашла ключ в развалинах.

- У тебя есть кое-что принадлежащее мне, - сказал Баден, когда Разрушение зарычал.

- Он мой!

Баден запустил кинжал, целясь в веревку.

Пандора наверное подумала, что он собирался убить ублюдка, но не позволить ей увести его, потому что она вскочила, приняв бедром удар. Пандора поморщилась, подняла полуавтомат и выстрелила еще два раза.

Пули попали в его тело, разорвав желудок. Начала вытекать черная жидкость и вместе с ней и его сила.

- Если он умрет, то не сможет сказать нам, где спрятал монету.

Пандора целилась в Бадена, ее руки дрожали, пока из тела вытекала такая же черная слизь.

Она не могла заставить себя ранить его еще сильнее? Наверное, Пандора тоже чувствует связь.

- Он никогда нам не скажет, - бросил Баден. - И мне он нужен не из-за монеты. - Он повернулся к мужчине. - Скажи, что разводишься с Катариной.

- Никогда, - заявил Александр.

"Решает отказать мне?"

Ярость...

- Снова девушка. - Девушка покачала головой с отвращением. - Важны только монеты. - Если она заставит Гадеса исполнить мое самое большое желание.

Ее уверенность.

- Я это знаю, но откуда у тебя такая информация?

- Не только у тебя есть друзья, Плохиш.

Баден наклонил голову в сторону, изучая ее.

- Ты планируешь использовать монету для покупки себе царства, так?

- Да! А ты нет?

- Нет. - Но, по крайней мере, она была честной. - Ты никогда не была одержима. Не знаешь об ужасах жизни с демоном.

- Я хозяин теней и вижу воспоминания, которые никогда не переживала. Я могу справиться с демонами.

Неверно. Ты неправлялась с демонами. Ты морила их голодом.

- Кроме того, армия - это армия, - добавила она. - Я никогда не буду снова беспомощной!

Он разделял это чувство. Вопрос вынесен на обсуждение.

- Есть другие пути. Панди.

Она непреклонно покачала головой.

- Уйдешь сейчас и будешь жить. Останешься, и мы сразимся до смерти.

Разрушение скребло копытами в его голове, готовый атаковать. Угроза есть угроза, связь не важна.

Катарина бы не согласилась. "Пока дышишь, надеешься".

- Ты действительно хочешь освободиться от наручей? - Гадес мог простить несколько шишек и синяков, но не убийство.

С дикими глазами Пандора ответила:

- Монета даст мне собственное царство и свободу. Возможно, я сберегу тебя сегодня и захвачу в качестве раба завтра.

И в этом состоял ее грандиозный план?

- Думаешь, Гадес уже не держит всех князей под контролем? Я видел их. Как и ты. - Воины, кинули его через тронный зал, словно он был легким перышком. - Ты можешь получить царство, но точно не свободу.

- Получу. - Как безрассудно прозвучало. - Я не могу согласиться с таким.

Его кольнуло сострадание, такое он редко испытывал к этой женщине. Он винил Катарину. Ее мягкость, должно быть, повлияла на него.

Александр ухмыльнулся ему через плечо Пандоры, и зверь завыл, завыл в черепе Бадена, стремясь добраться до мужчины.

В висках застучало. "Сосредоточься".

- Я не позволю тебе...

- Дай мне одну ночь с ним, и клянусь, что никогда не наврежу твоему человеку.

Слова Пандоры снизили его буйство и даже утихомирили Разрушение. Она просто предложила единственное, от чего он не мог отказаться.

- Я даю тебе одну ночь.

Просчитанный риск. Если она найдет монету, то получит еще одно очко. И даже если ей не удастся, мужчина будет далеко от жесткого контроля Бадена.

- Завтра, - добавил он, - я приду за ним.

- Идет. Но если ты придешь за ним раньше, нападешь из засады, то вернусь за девушкой.

- И я ручаюсь, что ты останешься безрукой и безногой оболочкой.

Она фыркнула.

- Мне нравится мысль, что ты окажешься в клетке моего собственного производства. Возможно, я проведу всю ночь, создавая для тебя ловушки.

Он улыбнулся ей, бросая ей вызов.

- Я разочаруюсь, если ты поступишь иначе.

- До завтра. - Она исчезла вместе с Александром, который все еще ухмылялся. Глупец. Он считал, раз Пандора женщина, то от нее легче сбежать, и она представляет меньшую опасность. Баден ее лучше знал. Она причиняла своим жертвам боль такими способами, которые будут преследовать их до конца дней. Нимфа это знала, а вскоре поймет и Александр.

"Вернуться к Катарине. Начать заявлять права".

Улыбка Бадена выражала чистое соблазнение, когда он переместился домой.

Глава 19

"Песня "Нагибайся, детка, вау, вау" - это мощная вещь. Используй или потеряешь".
- Даника, Всевидящее око

Катарина прошлась по спальне, мысленно пробегая по списку дел. Выключить верхний свет и все лампы. Сделано. Установить повсюду и зажечь свечи с ароматом ванили и лаванды. Сделано. Настроить массажный стол и накрыть его одеялом. Сделано. Помыть тело ванильным мылом и надеть только кашемировый халат. Подготовлено и сделано. Собаки мирно спали в ванной. Массажист ждал ее звонка. Не хватало только Бадена. Где же он?

Она села в кресло у потрескивающего камина, развалившись, чтобы выглядеть сексуально. Но спустя час поднялась и начала расхаживать, будучи уверенной, что виляет бедрами. На всякий пожарный. Если Баден прогуляет всю ночь, то она... она... черт! Она расстроенная пойдет в кровать. И в качестве расплаты убедится, что Баден будет ложиться спать неудовлетворенным неделю. "Уныло". Негативное подкрепление принесет вред им обоим.

Вздохнув, Катарина шагнула к окну и замерла. Минуты проходили одна за другой, темные мысли кружились в ее голове, разрушая чувственный настрой. Она здесь, чтобы соблазнить Бадена, в то время как ее брат... что? Он где-то там, скорее всего, ширялся. Или принял слишком большую дозу и никогда не получит шанс завязать.

"Почему меня это вообще волнует?"

Она вздохнула, уже ясно зная ответ. Доминик был ее единственной семьей, хоть ей и пришлось уйти, но остается... хорошо это или плохо... с семьей связанный. Навеки.

- Катарина.

Ее тряхнуло от рокочущего голоса Бадена, дрожь, охватившая ее, вызвала теплоту. Вздрогнув, она повернулась лицом к объекту своего увлечения... единственный человек способный отвлечь от всех проблем, просто сказав ее имя.

Как обычно при виде этого красивого мужчины у нее перехватило дыхание. Он принял душ. Его волосы были влажными, пряди казались темно-красными, почти коричневыми. На нем была надета черная футболка и камуфляжные штаны, которые оказались, заправлены в армейские ботинки. Его перчатки были на месте.

- Ты грустила. Почему?

- Я беспокоилась о своем брате.

- Тебе нужно прекратить... пожалуйста. Он причинил тебе боль. Поэтому не должен получить привилегию быть частью твоей жизни.

Ну. Баден научился просить, а не требовать. По-своему, да, но прогресс есть. И, ох, то, как он ее похвалил... ей это никогда не надоест.

Он оглядел ее, заметив полураздетое тело, и его черты лица заострились. От напряжения воздух вокруг него сгустился, потрескивая от электричества.

- Мне нравится твой халат, - сказал Баден. - Теперь сними его.

Ого. Ладно. Если бы на ней были трусики, то они стали бы мокрыми в одно мгновение. Очевидно, временами ей нравились приказы. И все-таки Катарина ответила:
- Попроси вежливо.

Логичность является ключевым моментом для успешных тренировок.

- Не могла бы ты его снять?

Она улыбнулась ему, внутренне гордясь Баденом.

- Да, могу. Для массажа.

Он хотел ее, явно намеревался взять, но планировал это сделать без прикосновений кожа к коже. Абсолютно неприемлемо. Сначала нужно дотянуться до звезд, и если нужно, потом довольствоваться цветами.

- Массаж? - спросил он заинтриговано.

- Мне определенно нужен массаж. Я устала после недавних... активных действий. - Ее дрожь только возросла, когда она подняла трубку. Система внутренней связи позволяла ей подключиться к любому телефону в доме, но ни к одному за пределами. Ей это показалось странным, но она не собиралась жаловаться. Катарина набрала правильный код для прислуги и, когда ответили, попросила поговорить с массажистом Фокс.

Когда он подошел к телефону, она ответила:

- Я готова.

Баден сложил руки на груди. Руки, которые, как она надеялась, вскоре ее обнимут.

- Массаж. От женщины.

Она рассмеялась, словно была очарована.

- Не будь смешным. - Немного наклонив подбородок, Катарина кивнула в сторону стула, который поставила возле переносного стола, место, с которого ему откроется прекрасный вид. - Садись.

Он опустил руки, потянувшись одной к рукояти кинжала.

- Мужчина?

- Да. Мне нравится глубокий массаж, и, как ты любишь мне указывать, мужчины намного сильнее.

Она в припадку взмахнула ресницами.

- Не всегда, - проскрежетал Баден. - Женщины могут быть...

- Но не беспокойся, дурачок, - обозвала она. - Я позволю тебе наблюдать.

"И ты не представляешь, что тебя ждет".

- Я это сделаю. Сделаю тебе массаж. - Его грубый тон говорил о том, что она бросила ему вызов. - Я сильнее любого человека.

Катарина надула губы, стараясь не захихикать, как школьница.

- Прикосновения причиняют тебе боль, а сегодня вечером я хочу только наслаждения.

Его ноздри раздулись, когда он резко выдохнул.

- Я в перчатках. Мне не будет больно.

Ох, сколько сейчас желания в его голосе.

- Хорошо, позволь мне перефразировать. Я хочу прикосновений без преград. Это приносит больше тепла... удовольствия.

Мышца под его глазом дернулась.

- Нет такого слова - удовольствия.

- Прошу прости мой бедный язык. Волнение помутило мой несчастный маленький женский мозг. - Катарина подошла к нему, виляя бедрами, и подвела к стулу. - Теперь, если ты будешь так добр и сядешь...

Баден не стал. Она толкнула его, и он с размаха опустился на стул, не спуская с нее глаз.

- Мне это не нравится.

"Это кристально ясно, дорогой".

- Зверь требует нового убийства?

- Да! И он настроен очень решительно.

- Ну. Что бы ты ни делал, - начала она, наклоняясь вперед, прижимаясь губами к его уху, - не причиняй вред человеку. Повторяю, не причиняй вред человеку.

Он сжал ручки стула.

- Я не могу дать никаких обещаний.

Катарина выпрямилась и заговорила решительным голосом.

- Ты дашь мне слово, или я не позволю тебе наблюдать.

Ой, ой. Ему это крааайнне не понравилось. Красные всполохи появились в его глазах, и когда Баден заговорил, то раздалось два голоса, один яростный, а другой... страстный?

- Думаешь, что можешь заставить меня уйти, милая Рина?

- Нет. - "Нужно действовать аккуратно". Они вступили на опасную территорию. - Но я могу уйти в другую комнату.

- А я - последовать за тобой. Ни одна дверь не удержит меня от тебя. И ни одна стена. Чтобы достичнуть желаемого, я уничтожу любой барьер, не потреплю никаких препятствий.

Ужасно горячие слова, ужасно горячий мужчина.

- Ну, я могу отказать тебе в доступе к моему "парку развлечений". - Чтобы подчеркнуть смысл своих слов, Катарина провела руками по изгибам своего тела. - И ты ничего не сможешь с этим поделать.

Прошла секунда в напряженном молчании.

Наконец, он сухо кивнул и сказал:

- Я не убью человека.

"Довольно легко". Она подавила усмешку.

- И ты не причинишь ему вред.

Баден провел языком по зубам.

- Я не причиню ему вред.

- И ты поговоришь с Фокс, помогая ей. Она мне в какой-то мере нравится. Когда женщина не погружается в параноидальные фантазии, так и есть.

- Да, - сказал он сквозь зубы. - Я помогу ей.

Какой хороший мальчик, а хорошие мальчики заслуживают награды. Катарина взяла его руку в перчатке и положила себе на грудь, ее сосок запульсировал от подобного внимания. Баден застонал, поглаживая свой возбужденный член другой рукой.

- Посмотри, что ты делаешь со мной, Рина.

- Если бы ты мог ощутить, что делаешь со мной, воин...

С еще одним стоном он сжал ее грудь.

Раздался осторожный стук в дверь. Баден напрягся, и Катарина затрепетала от радости. Она отпустила его... вся ее женская сущность взывала к его мужской... чтобы распахнуть дверь. "Да начнется игра".

Она поразилась, впервые увидев массажиста. Он полностью человек, как и Катарина, молодой, вероятно, около двадцати пяти лет, с прямыми каштановыми зачесанными назад волосами и темными глазами, обрамленными длинными ресницами. Она не заметила никаких недостатков, а внешность соответствовала сильному голосу. Очевидно, что он занимался в зале. Хотя занятия с тренажерами не сделает его похожим на таких мужчин, как Баден.

Ее обуяла гордость. "Это мой мужчина".

- Входи, пожалуйста.

Она отошла в сторону.

- Спасибо. Кстати, я Томас.

Он вошел с корзинкой с маслами, споткнувшись о собственные ноги, когда увидел большого, напряженного Бадена на стуле.

- Не волнуйся, - бросила Катарина. - Воин обещал не убивать тебя и не делать больно.

Томас побледнел.

- Это... успокаивает?

Баден лишь сверлил его взглядом.

- Очень успокаивает. Что же. Будь милым, - начала она, смотря на Бадена, - и отвернись. Также закрой глаза, пока я не разденусь и не устроюсь на столе.

- Конечно.

Томас мгновенно подчинился, и не только потому, что испугался реакции Бадена. Фокс рассказала о его спасении от группы вампиров несколько лет назад... вампиров!.. и теперь массажист полностью ей предан, работая на нее и предоставляя свои услуги.

Катарина развязала пояс на талии, на что Баден смотрел с особой внимательностью, словно она была единственным человеком на планете, казалось, он даже задержал дыхание. Она повела плечами, и материал упал с ее плеч под ноги, внезапно открывая взору каждый дюйм ее тела.

Перекинув волосы через плечо, она позволила ему смотреть. Катарина не смущалась. Зачем прикидываться?

Баден сжал ручки стула.

- Ты...

Холодный воздух дразнил ее разбухшие соски, пока тепло его взгляда сделало влажным ее естество. Катарина пробежала пальцами от груди к пупку, затем повернулась, продемонстрировав попку.

- Я?

- Катарина. - Хриплая мольба. - Ты восхитительна. Воплощение всех моих фантазий.

"Ох, его слова будоражат мои чувства!"

- И это только начало... - сказала она, забыв на мгновение, что у них есть слушатели. Она залезла на стол и прикрыла нижнюю половину полотенцем. - Я готова.

Томас порылся среди масел, выбрал одно, прежде чем отказаться от других.

- Дай знать, если я нажму слишком сильно или легко, - сказал он, растирая масло ладонями. От них повеяло запахом лаванды, когда массажист потянулся к ней.

Когда с губ Бадена сорвалось угрожающее рычание, Томас замер.

- Баден, - сказала Катарина. - Веди себя хорошо или это прекратится.

Он сразу затих.

Ну, ну. Ему не нравится, что другой мужчина к ней прикасается, но уверен, что насладится зрелищем.

Томас приступил к работе, разминая пальцами каждый чувствительный мускул ее спины. Она не лгала Бадену. От активной длительности у нее все болело. Кроме того, проведение время с бессмертными может быть тяжелым.

Его пристальное внимание к ее лицу обострялось с каждым прикосновением. Составляет мнение по ее выражениям?

- Сильнее, - сказала она, и Томас подчинился, заставив ее простонать. Катарина не сводила глаз с Бадена, черты, лица которого были искажены от желания, пылкой сексуальности и неукротимой ревности.

Ему стояк напоминал таран, но он даже не пытался это скрыть. Все мышцы Бадена стянуло узлом, ему нужен свой массаж.

"Он ощутит на себе мои руки. Скоро..."

Одна минута перетекала в другую. Его напряжение возросло до нового максимума, делая воздух толще. Катарина подумала, что ей придется плыть, чтобы добраться до него.

"Нырнуть..."

Она представила, как прикасается к Бадену... поглаживает его кожу... и не прошло много времени, прежде чем она возбудилась настолько, что ощутила ноющую боль.

- Оставь нас, - рявкнул Баден. - Сейчас же. И для собственной же безопасности, не возвращайся.

Томас даже не удосужился забрать свои принадлежности. Он метнулся к двери, которая закрылась за ним с мягким щелчком.

Катарина не стала ждать приказа... Баден не контролировал себя сегодня... а встала на шатких ногах.

- Я посчитаю, что твое хамство является причиной обиды и нужды оказаться на этом столе. Подойди.

- Нет. Ты подойди.

Он поманил ее пальцем, и она догадалась о его планах. Повторить то, что уже было между ними раньше. По крайней мере, начало. И Катарина не устояла, слишком велико искушение.

Его пальцы в перчатках ощущались хорошо, но она хотела большего.

"Посмотри на приз. Дай мне контакт кожи к коже или ничего".

- Нет, красавчик. Я останусь на месте. Но ты... ты снимешь одежду и расположишься на столе. Чем раньше ты это сделаешь, тем раньше я до тебя доберусь.

Ее зрачки расширились от вспышки похоти.

- Ты собираешься прикоснуться ко мне?
- О, да. Боль вполне может быть временной. Чувствительность, которую ты обнаружил, будучи духом, не может вступать в контакт с другим. Если так, мы уменьшим твою чувствительность. Ты же можешь выдерживать прикосновения дольше, чем раньше, так?
- Да. - В его голосе ощущалась тоска... но и неуверенность. - Я хотел этого, представляя. Хотя не должен рисковать тем, что причиню тебе вред. Не должен опускать защиту, позволяя себе быть уязвимым.
- Но...
- Но я доверяю себе достаточно, чтобы оставаться нежным. И я уверен, что ты не предашь меня. Потому что ты мне нужна больше, чем что-либо за всю жизнь. Даже за вторую жизнь.

Огорошив ее своими словами, Баден встал. Настоящая сексуальность в его движениях усилили ее боль. Распространяя жар по венам.

Он стянул футболку через голову, обнажив широкую мускулистую грудь с загоревшей кожей, на которую она постоянно пускала слюни, и татуировку бабочки, которую она надеялась прочертить языком.

"Однажды я полностью заполучу этого мужчину".

Он снял перчатки, черные линии на его руках служили мрачным напоминанием о его жестокой жизни... жизни, которую она хотела смягчить. Катарина заметила, что цвет линий становится глубже каждый раз, когда он возвращается с заданий Гадеса, понимая, что это означает смерть.

Когда-то это вывело бы его из себя. Она и Баден были слишком разными. Теперь? Наступает новая история, новая концовка, потому что она наслаждалась этим новым началом. Его доброта и забота построили мост через огромную проспать, разделяющую их.

Он скинулся ботинки, штаны, потом трусы, наконец, оставшись полностью голым и, ох, восхитительным. Он - абсолютное совершенство. Тысячи других слов описывали его, но ни одно не оценивало справедливо.

Его член... Катарина едва могла поверить, что обхватывала его рукой. Он был таким большим. Огромным... но путь к финишу будет забавным.

- Ты смотришь, красавица. - Баден обхватил широкое основание и погладил. - Тебе он нравится? Хочешь его?

"Посмотри на приз". Ну, другой приз.

- Да. Так давай сделаем, что необходимо, чтобы я его точно получила.

Он подошел к ней, остановился, когда они оказались совсем близко. Его великолепный запах дразнил: "Лизни меня, укуси меня, не останавливайся". Его тепло подначивало: "Это меня ты так отчаянно жаждешь".

От одного глубоко вдоха его грудь поднимется напротив ее, создав критическое трение... и ее сопротивление рухнет.

Прикусив нижнюю губу, Катарина кивнула на стол. Баден забрался наверх и растянулся на спине, лицом к ней.

Непослушный мальчик.

- Хочешь наблюдать за мной, да?
- Всегда, - беззастенчиво выдохнул он.

Она выбрала бутылочку масла с ванильным ароматом и растерла им ладони. Прижавшись бедрами к стороне стола, Катарина занесла руки над его грудью, не прикасаясь, позволяя ему дрожать от ожидания.

Сейчас. Она легонько провела кончиками пальцев по его груди вниз, и Баден резко выдохнул.

- Больно? - спросила она.

- Да.

Ожидаемо. Пока что.

- Скажи, если станет хуже.

Она провела кончиками пальцев по тому же месту, снова и снова, всегда нежно, масло оставляло за собой мерцающий след.

Через некоторое время черты его лица разгладились. Напряжение спало.

- Так же плохо, как и раньше? - спросила Катарина, теперь обводя пальцами его татуировку в виде бабочки.

В этот раз Баден замешкался.

- Да?

Вопрос. Определенно есть прогресс.

Покорение новой вершины вызвало у него хмурое выражение лица, которое оказалось еще мрачнее прежнего. К счастью, длительный контакт расслабил его, как и раньше. К тому времени как Катарина прикоснулась к каждому миллиметру, он перестал напрягаться и выгибался навстречу каждому прикосновению.

"Продолжай те же короткие и сладкие прикосновения! Всегда заканчивай на позитивной ноте".

Хотя она и дрожала, думая о возможности умереть от желания, Катарина закончила сеанс, хотя оба жаждали больше. Он возразил. Громко возразил. Только ее обещание начать снова утром его успокоило.

Но ночь оказалось мучительной. Они провели ее в разных спальнях. Если бы они остались вместе...

На рассвете Катарина бросилась в ванную и приняла душ. Вода только напомнила ей о горячей и мягкой коже Бадена. "Необходимо снова к нему прикоснуться".

Она натянула кашемировый халат. Обнаженный Баден ждал ее за дверью. Твердый и ожесточенный. Молча он потянул ее к столу, растянулся на нем и стал ждать.

"Полное и безоговорочное поражение".

- Ты готов?

Ее дрожь вернулась, когда она увлажнила руки маслом с запахом ванили.

- Более чем.

После первого прикосновения он отчаянно застонал. После второго - застыл. После третьего... расслабился?

Она скользнула ладонями вниз, ближе к его длине, объекту ее наваждения.

Баден действительно готов к большему?

"Не стоит спешить, только потому, что я изголодалась по нему". Она изменила направление и начала массировать выше и выше, обвела один из его сосков, затем второй. Он выругался, даже маленькие коричневые вершинки напряглись для нее.

- Думаешь, они смогут выдержать мой рот?

Огоньки желания пронизывали ее голос. Нет причин скрывать. Прямо сейчас этот мужчина принадлежит ей.

- Думаю, меня не волнуют, смогут они или нет. Я хочу твой рот. - От него исходили волны агонии и наслаждения, сильнодействующая черная магия, которая ее отравила. - Сделай это. Прошу.

Ноющая боль между ног... слишком сильна! Но Катарина наклонила голову и лизнула языком его сосок. Когда его стоны превратились в жесткие требование, она начала сосать.

- Катарина.

Баден потянулся к своей длине, желая погладить себя.

- Нет. - Она схватила его за запястья, останавливая. - Это мое. Я не разрешаю.

В его взгляде была мольба.

- Тогда сделай с этим что-нибудь. Не уходи на этот раз.

Она сделает кое-что... но не сейчас. Если она начнет действовать быстро, его агония может полностью затмить наслаждение.

- Не уйду, - согласилась Катарина.

Баден вцепился в края стола, его костяшки пальцев побелели, когда она скользнула пальцами вниз к животу. Ее рот последовал за пальцами. Катарина занялась его пупком,

проводя языком вокруг краев, прежде чем осторожно приласкать и поцеловать его бедра, дразня Бадена.

Когда резко убрал ногу подальше от нее, Катарина обеспокоенно остановилась.

- Тебе нужен перерыв?

- Нет! - Капля пота стекла по его виску, исчезнув в волосах. - Продолжай. Пожалуйста. "Отвлечи его".

- Что ты подумал обо мне, - начала она и лизнула его бедренную кость, - в день нашего знакомства. Знаю, что выглядела уродливо. Помню твое отвращение.

- Отвращение было направлено не на тебя, а на меня. Я испытывал к тебе желание, которого еще не понимал. Я не собирался брать тебя с собой, но не мог оставить. Я не был достаточно сильным.

Признание сделало что-то непонятное с ней.

- Я думала, ты пришел, чтобы спасти меня, и впервые меня не волновало, что стала дамой в беде. Теперь я знаю, ты спас меня... и стал одним из лучших вещей, которые со мной случались.

Гордость промелькнула в его глазах. Гордость и наслаждение.

- Я защищу тебя, - сказал он. Слова казались тяжелыми, словно Баден давал обет. - Я всегда буду тебя защищать.

- А я тебя.

Но он не закончил.

- Ты можешь положиться на меня, Рина. Я позабочусь о тебе.

Каким бы милым он не был, Катарина не хотела на него полагаться. Это создаст неустойчивость в уже несбалансированных отношениях. Когда один всегда дает, а другой всегда берет, чаши весов никогда не выровняются.

Однако, сейчас не время для такой серьезной проблемы.

- Как ощущения?

- Я готов. Хочу тебя. Нуждаюсь в тебе. Прими меня в свой рот и в свое тело. Просто прими.

Восторг... и собственная агония... оба чувства расцвели глубоко, глубоко в ее душе. В конце концов, отношения между ней и Баденом могут быть не такими уж и несбалансированными. Мощный воин готов умолять.

- Ты чувствуешь боль?

- Да, но сейчас другую. Она хуже и лучше одновременно. - Он оперся ногами. - Я получу тебя, - Баден зарычал. Затем схватился за отвороты ее халата и слегка потянул.

Материал упал на пол, оставив ее обнаженной. Его взгляд обласкал ее с ног до головы, в глазах Бадена читались благоговение и желание, заставляя Катарину дрожать, и силой своего желания подпрыгивая ее собственное.

- Да, ты меня получишь.

Она провела кончиками пальцев по его соскам, желая укусить и поцарапать его... не оставив ни одну частичку его тела без отметин желания... которое одолело Катарину. Захватило. Она никогда не испытывала такой животной нужды раньше, но ей это чертовски нравилось.

- Как ты хочешь меня?

- Всеми способами. - Баден схватил ее за талию, понес к кровати и бросил на матрас. Когда Катарина подпрыгнула, он встал коленями на край и пополз к ней. - Раздвинь ноги. Она медленно и соблазнительно ему улыбнулась.

- Ты говоришь, это только до рассвета, красавчик?

- Я говорю, что, наконец, заполучу свое.

Глава 20

"Единственная причина, по которой женщина должна вышвырнуть мужчину из постели,
- это чтобы заняться любовью на полу".
- Амун, хранитель демона Секретов

Баден поднялся на колени. Без сомнения Катарина была самой сексуальной женщиной когда-либо созданной. С обнаженным телом, наклоненным под углом к нему, она оперлась на локти, приподняв груди и привлекая внимание к темноватым вершинкам посередине.

Разрушение промурлыкал от одобрения, не выдвигая никаких требований. Он хотел того же, что и Баден. Возможно, даже нуждался в этом.

Не в силах противостоять ее магнетическому шарму, он опустил взгляд с ее плоского живота на крошечный треугольник темных волос уже влажных от возбуждения. Как и было велено, она раздвинула свои длинные ноги и согнула их в коленях, уперев пятки по бокам от его бедер, предоставляя полный доступ к его новому раю.

- Тебе нравится это? Хочешь?

Ее голос стал хриплым, когда Катарина вернула Бадену его слова... она знала, какой властью над ним обладала, и упивалась этим.

Он не мог ее винить. Его член, уже пульсирующий от желания, стал влажным на кончике.

- Нравится слишком мягкое слово.

Баден дрожал. Испытывал боль. И больше не беспокоился о страдании, которое ощутит при контакте кожи к коже. Боль от невозможности прикоснуться к этой женщине руками казалась почти невыносимой. Он ворочался прошлой ночью, словно от наваждения.

- Я должен тебя попробовать.

Его речь была заторможенной, слова звучали слегка нечленораздельно.

- Ты уже пробовал, - поддразнила она. Но Катарина не была спокойной, как хотела казаться. Ее ногти впились в матрас. - Или забыл?

Словно он мог это когда-либо забыть.

- В этот раз я хочу вкусить прямо из источника. Позволь мне.

Ее веки опустились, став слишком тяжелыми, чтобы их держать открытыми.

- Тогда, пей из меня.

Он медленно обхватил пальцами ее лодыжки и притянул к себе. Она пожирала его глазами. Они не сводили друг с друга взглядов, когда Баден положил ее ноги себе на плечи, полностью открыв Катарину своему взору.

Он наклонился, предвкушение сжигало его заживо. Баден ждал... ждал пока... она не выдохнула его имя, как благословение, и приподняла бедра. Тогда он сделал. Провел языком по сосредоточию ее страсти. Катарина закричала, ее маленько тело не могло сдержать такого взрыва чувств. "Я это сделал, стал этому причиной".

Гордость разрывала Бадену грудь, пока ее сладчайший вкус ставил под угрозу его мужественность. Катарина словно конфета, нектар, который он будет жаждать все дни своей жизни. Афродизиак. Факел, сжигающий его дисциплину.

Разрушение требовал большего, и Баден с радостью повиновался. Он попробовал это на вкус, но закончилось все отказом от остальной еды. Он лизал, сосал и покусывал, и даже засунул язык поглубже, имитируя секс. Она двигала бедрами все быстрее, сильнее, вдавливаясь в его лицо, преследуя его рот, когда Баден поднял голову.

- Баден... я хочу... мне нужно...

- Знаю.

Вчера и сегодня она понижала его чувствительный порог, даря массу ощущений. Настраивала на необходимость контакта. Неутоленное желание сжигало его изнутри. Довольно справедливо, что теперь он отдавал долг.

Он втянул ее маленький комок нервов, и ее бедра прижались к его вискам. Мурашки побежали по ее восхитительной коже, и Баден понял, что она близка к кульминации. Он ослабил давление и начал лизать, возвращая ее с краю пропасти.

"Нельзя позволить ей упасть. Еще нет, еще нет".

- Дурак, - прорычала Катарина, ударив матрас. При пылающих свечах черты ее лица светились.

- Обзываи меня, как тебе нравится, красотка. Это не принесет никакого результата. Но не волнуйся. Я подарю тебе оргазм... в конце концов.

Она вздрогнула. А затем вновь выругалась.

- Такой жестокий мужчина. Возможно, мне придется тебя наказать.

- Нет, дорогая. Возможно, тебе придется меня умолять. - Баден отчаянно ее хотел, больше чем что-либо или кого-либо в своей жизни. И хотел всего от нее... включая полную капитуляцию. Он встал и погладил ее клитор, кончиком своего члена, зная, как ей это нравится. Глаза Катарины ее выдавали. - Тебе это нравится? Тогда попроси ласково.

Ее мягкий теплый смех оказался столь же мощным, что и ласка.

- Если не будешь осторожным, - начала она, ушипнув себя за соски и приподняв бедра, - я заставлю тебя наблюдать, как доставляю себе удовольствие сама... тогда ты увидишь, как я ухожу, оставив тебя твердым и изнывающим от боли.

Баден рассмеялся, низко и хрипло, удивившись, что нашел забавным то действие, которое сводило его с ума после возвращения к жизни.

- Тебе не представится возможности уйти, красотка. Дай мне показать почему. - Он скользнул пальцами внутрь нее, впервые почувствовал, как внутренние стенки сжимаются вокруг него без каких-либо барьера. Теплая... влажная... мягкая... лучше, чем он представлял. - Мне нужно быть внутри тебя.

- А мне нужно ощутить тебя внутри.

"Более чем достаточно". Он погрузил в нее второй палец, восторгаясь тем, как она растягивается, чтобы принять его.

Застонав, Катарина выгнулась, чтобы двигаться в такт его скольжениям. Хотя каждая клеточка его тела кричала от нетерпения, Баден не спешил.

- Ты была создана для этого, - похвалил он. "Создана для меня".

Его чувство обладания усиливалось... "Мое, мое, все мое. Никогда не поделюсь. Никогда не отпущу".

Он решил, что Катарина останется с ним, отныне и навсегда. Она будет больше чем военным трофеем. Она будет призом. Преодолев войну длиною в жизнь и потерю, смерть, которая привела его к многовековой беспомощности, и плен, воскрешение, которое привело к тому же самому, она заслужил женщину... эту женщину... в своей постели каждую ночь и в своих объятиях каждое утро.

Катарина стоила любых лишений.

- Нужно больше тебя внутри, - выдохнула она. - Нужен весь ты. Пожалуйста. Я прошу... умоляю так ласково.

"Она убивает меня... но таким великолепным способом". Баден погрузил еще один палец, в этот раз, подготавливая ее к своему члену.

- Подожди. - Задыхаясь, она попыталась отстраниться. - Подожди. Баден! Остановись на секунду. Это не совсем приятно.

Он сделал, как Катарина попросила, но это стоило ему толики здравомыслия.

Дай мне все! - потребовал Разрушение. - *Сейчас же. Сейчас же!*

"Нельзя делать ей больно. Если испугаем, то никогда не заполучим снова".

Звенящая пауза.

Расслабь ее, - отдал следующий приказ Разрушение.

Она делала вдохи и выдохи, ее стенки по-прежнему сжимали его пальцы, не отпуская. Баден наклонился и вновь лизнул языком крошечный комочек нервов. С ее губ вновь слетел стон, в котором было больше удовольствия, чем боли.

- Лучше?

- Да, да, намного лучше, - замурлыкала она.

Он жестко всосал.

- Да! Я близко... так близко...

Баден всосал сильнее, приведя ее к быстрой и безжалостной разрядке. Которой не позволил насладиться долго. Когда Катарина закричала, он вытащил пальцы... после чего крик превратился в хныканье.

- Баден, - она тяжело дышала и была такой удивительной влажной, что могла бы пропитать его. - Прошу.

- Ты уже по мне скучаешь?

Он жаждал этих слов почти также сильно, как ее маленькое тело.

- Да! Я опустела без тебя.

- Тогда ты меня получишь. - Его нервные окончания горели для нее. - Всего меня.

Она указала дрожащим пальцем на тумбочку.

- Презерватив. Я принимала противозачаточные... но перестала... презерватив, - повторила Катарина, когда он не пошевелился.

Баден сомневался, что мог бы дать ей ребенка, и эта мысль внезапно... его разозлила.

Однажды она захочет детей. Семью.

Александр мог дать ей и то, и другое.

Ярость Бадена была готова вырваться наружу.

- Воин. - Катарина подняла бедра, молчаливо призывая его к жесткомуексу. - Чего ты ждешь? Надень презерватив и войди в меня.

Теперь не просьба, а требование. Ему это понравилось намного больше.

Он рывком открыл единственный ящик в тумбочке, и содержимое вывалилось. "Сдерживай свою силу". Нагнувшись, он поднял пакетик из фольги, надорвал его зубами и раскатал латекс по всей длине, пока Катарина наблюдала за каждым его движением с очевидным голодом. "Это моя девочка".

Баден наклонился над ней и занял позу для проникновения. Он не толкнулся внутрь, пока нет, но прикоснулся ладонями к ее вискам. Баден и Катарина сверлили друг друга взглядами в течение нескольких мучительных ударов сердца.

- После этого не будет пути назад, - сказал он ей. Это было предупреждение. К которому ей лучше прислушаться.

Возьми! - Потребовал Разрушение. - *В любом случае, нет пути назад.*

И вновь они были согласны друг с другом.

- Отлично. - Она облизнула губы,ексуальная маленькая кошечка, которая он не мог отказать. - Я не хочу поворачивать назад.

Баден сомневался, что она поняла смысл его слов, и, когда пот потек по его груди и спине, он сомневался, у него остался контроль, чтобы объяснить. Нет, он знал, что контроль канул в Лету.

Ему удалось проскрипеть:

- Ты моя, Рина.

- А ты мой, - прошептала она.

Баден не мог больше ждать. Он погрузился в нее одним мощным толчком.

Закричав, Катарина выгнулась ему навстречу, заставив войти еще глубже. Ее внутренние стенки сжали его крепче любого кулака и были влажнее любого рта, на мгновение непередаваемое удовольствие затмило его разум. Наслаждение стало болью, а боль - наслаждением, они так переплелись, что Баден не был уверен, где начиналось одно и заканчивалось другое, только знал, что любил каждую секунду.

- Приятно? - спросил он.

- Да! Двигайся во мне, - взмолилась она. Ее ногти поцарапали его спину. Затем она впилась зубами в его плечо. - Двигайся быстрее.

Ее страсть заставила отбросить любые желания Бадена двигаться медленно, чтобы смаковать каждую секунду, Он немного отстранился, чтобы ринуться вперед. И вновь

Катарина встретила его, выгнув бедра. Ее ноги, все еще обхватывающие его, сжали талию. Она окружила его, завладела им. Жестко обходилась с ним.

- Не могу больше сдерживаться, - сказал он ей, пока наматывал ее волосы на кулак, чтобы удержать в нужном положении. - Если будет больно... кричи.

- Милый, я буду кричать независимо от твоих действий. Дай мне все.

* * *

Он. Был. Зверем.

Катарина упивалась каждым его толчком. Из головье раз за разом ударялось об стенку, и картины упали на пол. Пружины матраса скрипели, ножки кровати скользили по паркету. С каждым движением члена, ее соски терлись об грудь Бадена, это стало искрой для огня уже струившегося по ее венам. Баден пробудил в ней ощущения, о которых она даже не смела, мечтать, ее нервные окончания шипели, клетки гудели.

Катарина никогда не была настолько влажной, не испытывала такую всепоглощающую муку.

Баден был таким большим, что растягивал ее, и таким сильным, что, вероятно, оставил на ней синяки, но Катарина наслаждалась каждой секундой.

Он однажды сказал ей, что женщины хотят от мужчин только двух вещей: денег и власти. От него она хотела привязанности и секса. Много, много секса. Но сейчас секс и власть были синонимами, с каждым его бешеным толчком Баден задевал в ней такие женские точки, о которых она и не подозревала

Слабо? Даже не близко.

- Скучаю по твоим сладким соскам, - сказал он скрипящим голосом. Баден остановился на достаточное время, чтобы склонить голову и всосать в рот тугую вершинку.

- Баден!

Какое удовольствие! Крышесносное!

Он поднырнул рукой под одно из ее коленей и поднял его вверх, его член вошел глубже. Баден приподнял ее ноги, раздвигая их шире, открывая себе возможность, входить глубже. Катарина ахнула... затем закричала, когда оргазм захватил ее с чудовищной силой, разрушая любые преграды, которые она могла возвести против его обаяния.

Сжав свои внутренние стенки, она вскоре подвела его к грани. Баден зарычал и ускорил темп, двигаясь все быстрее и жестче, продлевая ее оргазм или сразу же даря ей второй, Катарина не была уверена.

Так хорошо, так хорошо, так чертовски хорошо. Каждая клеточка ее тела взорвалась, словно испытывая свой собственный оргазм. Катарина взлетела, отдала себя, умерла и возродилась вновь.

С оглушающим ревом он погрузился в нее последний раз, отпустил ее ногу, чтобы сжать бедра и крепко держать, пока кончал в презерватив. Баден сжал зубами местечко, которое соединяло ее шею и плечо, что ему явно нравилось делать, соединяя их сильнее, отмечая ее, и она шагнула за край снова, сжав Бадена в своих объятиях.

Наконец, она обмякла на матрасе, а он рухнул сверху. Они оба были потными, оба тяжело дышали, и, хотя Катарина наслаждалась его весом, он скатился с нее, чтобы не раздавить. Она свернулась калачиком рядом с ним, без тяжести его тела, без его длины глубоко в ней. Катарина больше не ощущала себя цельной... ей нужна какая-то связь с ним... с первым, с кем она была после Питера.

Напоминание о смерти ее любимого всегда печалило ее. Сегодня грусть сделала ее слишком уязвимой.

"Пожалуйста, пожалуйста, пусть Баден не закончит также плачевно, как в прошлый раз". Когда ее сердцебиение выровнялось, а он по-прежнему оставался рядом с ней, Катарина решила прощупать почву.

- Как ты себя чувствуешь?

- А ты разве не догадываешься?

В его тоне явно слушалась поддразнивание, поэтому она расслабилась.

- Тебе больно? - Она провела пальцем вдоль края его татуировки в виде бабочки. - Это причинило тебе боль?

- Спроси меня снова, когда очнусь от приятной комы.

Катарина хихикнула и оперлась на один локоть, чтобы встретиться с его взглядом. Нерешительно она обвела кончиком пальца его сосок. Баден не дрогнул и не скривился, и удовлетворение растеклось по ней, подобно жидкой лаве.

Когда она подняла руку, он схватил ее запястье и вновь положил ладонь на свою грудь. От требования никогда не прикасаться к нему они перешли к просьбе никогда не отпускать его. Ох, как же изменились обстоятельства!

- В следующий раз, - начал Баден, - я собираюсь целовать тебя, пока беру.

Катарина ему улыбнулась.

- Так уверен, что будет следующий раз, да?

- С этим лицом? - Он похлопал себя по щекам. - Да.

Она хихикнула, когда он снял презерватив, завязал и выбросил в мусорное ведро.

- Ты немного красив... я так думаю. - "Всегда заканчивай на позитивной ноте". - Но у тебя прекрасные руки. И рот.

Он вытянулся рядом с ней, словно так же отчаянно ощущал потребность в контакте.

- Ты забыла упомянуть мой член.

Катарина нагнулась и провела зубами по мочке его уха.

- Я не забыла. Я приберегла лучшее напоследок.

- Что сейчас?

- Ммм. - Он встала на трясущиеся ноги и протянула руку. - Ты доказал свои навыки в постели. Теперь пришло время продемонстрировать их на кухне. Я голодна. Они должны сохранять это хорошее отношение в различных ситуациях.

- Ничто нельзя получить просто так. - Баден взял ее руку, но не позволил поднять с кровати, а дернул обратно в постель... или скорее на него. - Я сделаю тебе сэндвич... на плату.

* * *

Баден сновал по кухне с улыбкой на лице. С улыбкой! Его голова была ясной, как никогда, зверь спокоен, напряженность покинула его тело, и красивая женщина спала в его постели. О такой жизни он всегда мечтал. О жизни, которую он даже не рассчитывал получить.

- Ты выглядишь счастливым.

Фокс. Его улыбка увяла. Он ненавидел то, как незаметно она подошла... "Это не должно случиться снова".

Вспомнив о своем обещании Катарине, он кивнул ей в знак приветствия.

- Человек хорошо на тебя влияет, - сказала она.

- Да.- Баден закончил готовить сэндвич с яйцом и сыром и вернул оставшиеся продукты в холодильник. - Скажи. Кому ты больше всего не доверяешь сегодня?

Наступила тишина. Затем Фокс ответила.

- Человеку.

Он напрягся.

- Почему?

- Она делает тебя счастливым... но, сколько это продлится? У нее есть обязательства. А если ее поймают и начнут пытать твои враги? Он сдастся быстрее, чем ты успеешь сказать: "Вот дерньмо". А если она шпионка? Я работала с ловцами, так знаю их подход. Хорошие-хорошие, но только снаружи. А если ловцы выжили, и стали работать в тени? Она может быть приманкой, чтобы привести тебя к твоей второй смерти.

Именно так он говорил столетия назад?

Баден знал, что последует дальше: нападение на того, кому она доверяла.

Фокс должна бояться Бадена. Если она причинит вред Катарине, то он ответит тем же. И сделает в тысячу раз больнее.

- Сядь на стул, - приказал он. - Сейчас же.

Она забыла о лавине подозрений настолько долго, что пробормотала:

- Ого. Ты всегда такой дружелюбный?

- Да. Ты хочешь моей помощи или нет?

Она с пыхтением села.

Баден разбил яйцо в миску, приговаривая:

- Когда демон вываливает поток мыслей о чей-то возможной измене, составь список обо всем хорошем, что помнишь об этом человеке. Хорошие слова, которые он говорил. Хорошие дела, которые делал. Как он улыбается. Затем мысленно повторяй список снова и снова, пока демон не закроет свой паскудный, лживый рот.

В течение многих лет только эти списки могли остановить его от нападения на собственных друзей.

Она настороженно на него посмотрела.

- Если списки - золотой билет к спокойствию, тогда почему ты позволил себя убить?

Фокс знала правду? Катарина не рассказала бы ей.

Почувствовав направление его мыслей, Фокс добавила:

- Недоверие поделился со мной воспоминаниями.

Ну конечно. Ублюдок.

- Я выбросил свои списки. Слушать демона было просто... легче. Я боролся так долго и устал от всего.

Он позволил свету... надежде, сердцу, защитной части его натуры... погаснуть.

Свету, который Катарина зажгла вновь.

"Буду защищать ее любой ценой".

Возможно, ему нужно переименовать зверя в Строительство, подумал Баден с внутренней усмешкой. Его другая половина больше не разрушалась, теперь застраивалась.

"Только с помощью моего человека".

Мой человек. Баден заканчивал сэндвич.

Гален вошел в кухню. Блондин остановился, когда заметил их и выгнул бровь.

- Я прервал беседу, девочки?

- Да, - сказала Фокс в то же время, что и Баден бросил: - Нет.

Яйцо готово, он положил сверху поджаренный хлеб.

- Я закончил.

- Это его невежливый способ сказать, что он не может провести вдали от своей драгоценной больше ни секунды, - вставил Гален. - О! Сэндвич на завтрак!

- Только прикоснись и лишишься руки.

Кончики его пальцев вспыхнули, когти угрожали выйти... ой, они появились. И звякнули о фарфор.

Гален закатил глаза.

- Кстати. Может, ты и маленькая подружка будете потеше в следующий раз, но начнете сношаться как кролики? Некоторым из нас, и я не называю имен... - он указал пальцем на Фокс... - нужно быть красивыми.

- Некоторым из нас, и я не называю имен... - Баден указал пальцем на Галена... - нужно воткнуть кинжал себе в сердце.

- Разве ты не слышал? В настоящее время у меня нет сердца. - Привкус горечи просочился в его слова. - Ходят слухи, что у меня его никогда и не было.

- Вот тебе совет. Не закладывай своих друзей, после того как помог им с планом взлома и проникновения, обеспечивая их поимку. Не посытай людей убийц, после того как они прокляли тебя за предательство, и не жалуйся, когда один из них получает кое-что, пока ты довольствуешься старым верным другом.

И он кивнул на правую руку Галена.

Воин его удивил, засмеявшись, а не нападая.

- Тебе пятнадцать? Кое-что? Серьезно? Разве так мы называет это сейчас?
Баден пожал плечами. Он слышал, как его друзья называют это многими забавными словами.

- Также, - добавил Гален. - Тебе нужно поработать над прощением. Слова ранят.
- Как и кинжалы.

Чтобы закончить разговор, он переместился в спальню и поставил сэндвич на тумбочку. Катарина все еще спала. Он не хотел беспокоить ее, и все необходимость к ней поглотила его. Баден познал блаженство ее прикосновений и теперь подозревал, что отныне всегда будет их жаждать.

Он решил отвлечься, дав ей дар, о котором она не просила... и в тоже время, доказывая, насколько сильно он ей нужен.

Баден внес исправление в мысли. Потому что согласно словам Гадеса, он мог всегда перемещаться домой. Лазейка в плане князя, чтобы удержать его. В течение следующих нескольких минут он считал усадьбу Александра своим домом. Он переместился и прошел по комнатам. В каждой оказались помощники и охранники, и Баден перемещался так быстро, что остался незамеченным. Спустя немного времени он нашел брата Катарины, лежащего на полу с рукой, перевязанной жгутом и торчащей иглой из вены.

Мужчина был в отключке, с блевотиной под головой. Если бы он повернул голову лицом вниз, то давно бы уже задохнулся.

Убей. Гнев стал причиной этой команды, а не возможный риск для выживания.

"Нет". Несмотря на всё содеянное Катарине, она будет его оплакивать. Или скорее мальчика, каким он когда-то был.

Баден схватил его за волосы и перенес в камеру, где держал Александра. Где все еще валялась отрубленная рука Александра, и он понял, что позволило ему, переместиться без необходимости внесения корректировок в свое мышление. Затем перенес еду, бутылки с водой и ведро. Достаточно припасов, чтобы продержаться неделю.

Он написал Торину, если еще что-нибудь понадобится, и, в итоге, ворвался в аптеку, захватив лекарства, которые помогут с лечением от зависимости.

Мужчина станет чистым, неважно хочет он того или нет.

Нас вознаградят? - спросил Разрушение.

Да, и Баден знал, чего тот хотел...

Глава 21

*"Я решаю свои проблемы по старинке. С помощью бензина и спички".
- Кейн, бывший хранитель Бедствия*

Мозг Камео гудел от удручающей статистики, пока она смотрела на часы. В мире около двухсот миллионов сирот, и почти пятнадцать процентов из них совершают самоубийство до совершеннолетия. Более двадцати тысяч детей умирают каждый год из-за нищеты. Серьезно, каждую минуту... каждую секунду... в муках.

Но, наконец, к счастью, последний из ее друзей удалился в спальню. Путь свободен, ее друзья теперь занимаются сексом.

Доказательством служили мягкий смех и стоны с придаханием, просачивающиеся сквозь трещины в стенах.

"Да начнется марафон", - подумала она с немалой долей зависти. После нападения на крепость все успокоились, потому что выжили, и теперь, исцелившись, праздновали с глазу на глаз.

Конечно, два пятна омрачали их радость. Похищение Уильямом Джилли, и последний уход Бадена. Все беспокоились, что его вновь убьют. Но Гален - кусок дермы - писал последние новости о мужчине, и пока все было хорошо. Не было никаких проблем, человеческая девушка, Катарина, занимала все время Бадена.

"Так же, как все мое внимание было сосредоточено на Лазаре?"

Камео должна знать. Отчаяние терзало ее. Надежда издевалась. У Камео появился шанс вкусить счастье снова... ей это необходимо.

И теперь у нее был план.

Согласно пояснению других, она встретила Лазаря, когда ее затянуло в другую реальность. Получается, Камео снова с ним встретится, если опять позволит себя засосать в другую реальность.

Для такого путешествия ей нужны три артефакта и картина. Покров Невидимости, Жезл Разделения и Клеть Принуждения. Картины нарисовала Даника, Всевидящее око, которая могла заглянуть в рай и ад. Милая блондинка давала жизнь увиденному, эти картины служили гидом по реальностям. Без правильного изображения Камео могла оказаться в итоге еще дальше от Лазаря.

Хорошие новости? Когда Кили переместила женщин и детей в безопасный дом, то переместила также артефакты и картины.

Плохие новости? Они заперты, и Камео не дали ключ.

Ее друзья узнали и разгадали ее план еще до того, как она его продумала. "Я собираюсь вернуться к нему... собираюсь вернуться к Лазарю".

Ее сердце бешено колотилось, а тысячи бабочек порхали в животе.

"Я знаю Лазаря, - сказал ей Страйдер. - Он может и пожертвовал своей жизнью ради моей, но его причины не были альтруистическими. Он опасен, сын существа известного, как отец всех монстров".

На самом ли деле важны причины Лазаря ради спасения Страйдера? Он спас ее друга. Насколько он плох на самом деле?

И действительно, из-за этого самопожертвования Лазарь пойман в ловушку в другой реальности и стал духом. Духом, которого она могла касаться. Как еще он мог сделать ее счастливой?

"Я хочу прикоснуться к нему снова. Хочу, чтобы он дотронулся до меня".

Удовольствие... ох, как же Камео его жаждала.

"Не думаю, что ты прислушаешься к нам, - запела Кайя. - Лазарь - супруг Гарпии. Которая придет за ним... и тобой!.. если обнаружит, что его дух находится там, и ты пытаешься с ним зажечь".

Первое, что Камео удалось выяснить, Лазарь никогда не считал Гарпию, своей женой. И второе, если есть хоть малейший шанс, что в ее силах изменить свою жизнь к лучшему, он

им воспользуется. Это означает, что ей пришлось совершить небольшой взлом и проникновение ночью. Завладев артефактами, ей придется попрощаться со своими друзьями.

В этот раз, когда она окажется в другой реальности, то может не вернуться назад.

* * *

Джиллиан знала, что достигла конца пути. Последняя остановка на дороге ее жизни. Место, где ей завладеет бесконечный легкий сон.

"Воткните в меня вилку, я всё".

Она не могла спать, не было сил даже ворочаться, ее тело болела так, словно бесчисленные иглы вонзались в каждый орган. Ее руки и ноги были ледяными, не давая остальным частям тела согреться. Каждый раз, когда ей удавалось сделать вдох, то слышался странный хрип.

Пьюк говорил, что ей осталось жизнь несколько недель, но ей не дотянуть даже до конца недели.

"Не готова. Я никогда не жила по-настоящему".

Слезы обожгли ей глаза. Она большую часть своего детства боялась отчима и братьев. Последние три года она опасалась бессмертных воинов, которые никогда не делали ей больно, а только защищали. Последние три года она боялась все и вся. Дурость! Этот страх многого ее лишил, и винить в этом некого, кроме себя самой. Джилли выбрала скрываться в своей комнате, а не гулять с друзьями из школы, создавая счастливые воспоминания.

Уильям вне себя от расстройства и горя. Этим утром он ходил рядом с ее кроватью. Он наорал на нескольких докторов, и она почти уверена, что убил парочку... или даже всех. Уборщики входили и выходили, им приказано не смотреть на нее и не пытаться заговорить, но ее разум оставался в таком тумане, что все казалось дурным сном.

Уильям даже еще раз накричал на своего отца.

"Измени ее! Сейчас же!"

"Не могу".

"Можешь".

"Хорошо, я могу, но не стану. Это убьет ее, сын".

"Она уже умирает".

"Верно, но я не буду причиной ее кончины. Ты никогда мне этого не простишь".

"Если она умрет, я разорву этот мир на части".

"Тогда соединись с ней".

"Я... не могу. Ты это знаешь".

"Неправильно. Ты этого не сделаешь, потому что не должен. Но это не обязательно конец пути для нее. Ты можешь захватить ее дух, когда он покинет тело. Я дам тебе пару змеиных наручей и..."

"Нет! Я не позволю тебе поработить или извратить ее".

"Клянусь, я никогда не заставлю ее служить мне, - сказал Гадес обиженно.

"Ты не в состоянии помочь даже себе. Война с Люцифером разгорается все сильнее с каждым днем. Новые игроки выбирают стороны. Пешки гибнут. В ближайшие месяцы при твоем дворе будет гладко и кроваво. Обе армии понесут серьезные потери, и я не позволю ей наблюдать за такими ужасами".

Когда Гадес напомнил Уильяму, что он элитная мишень для убийц, и несколько попыток уже совершили за его жизнь, пока он рыскал по всему миру в поисках врачей... и одна из этих попыток чуть не увенчалась успехом из-за его рассеянного внимания... Джиллиан начала плакать всерьёз. Ее смерть отвлечет его еще больше.

- Я найду способ спасти тебя, - сказал Уильям сейчас, заставляя ее вернуться к настоящему. Он звучал безумно. Неистово. - Просто дай мне еще немного времени, куколка. Держись ради меня. Хорошо?

Несмотря на ее попытки утешить его, он собирался винить в ее смерти себя, так? Ну, тогда. Первый пункт в ее списке предсмертных желаний внезапно появился. "Спасти Уильяма от себя".

Ей нужно пережить это. Не если, при условии или с оговоркой.

Пока ее лучшим шансом был брак с Пьюком. Уильям никогда этого не предложит. Он ясно дал понять. Возможно, он пересмотрит сейчас свое мнение, что конец неизбежен, но Пьюк сказал, что существует вероятность сделать ее мужа смертным. Джилли не могла рисковать и так ослабить Уильяма. Особенно когда его враги кружат, словно акулы, почувствовавшие кровь.

Однако Пьюк готов рискнуть. По крайней мере, он предлагал... но давно. Пьюк все еще этого хочет?

Если да, она согласится. Джилли решила, что выйдет за него. Она выживет, даже если сделает его смертным.

На счет секса... если он настоятельно потребует, она, вероятно, сможет пережить это. Но, может быть, он не станет настаивать. Он хранитель Безразличия, ему будет легко заинтересоваться кем-то еще, помимо жены... несмотря на его клятву в обратном.

С другой стороны, Уильям захочет секса. Он ему необходим, Уильям чрезвычайно сексуальное существо с напором десяти альфа-самцов. Но также он очень благороден, что может скрыть от всех других, но не от Джиллиан. Уильям не пойдет к кому-нибудь еще, если отдаст свою жизнь ей, даже если она позволит ему ходить на сторону...

А она позволит. С чувством глубокого удовлетворения.

И даже не заплачет, когда он изменит. Серьезно.

Но... хороший муж никогда не пойдет налево, даже с разрешения. Верно? Биологический отец Джиллиан... святой!.. никогда не изменял, хотя ее отчим постоянно это делал. Он был одним из худших людей, которые когда-либо ходили по земле.

В глубине душе Джиллиан подозревала, что ее ненависть к Уильяму будет расти, если... когда... он изменит. Что довольно смешно, учитывая ее позицию по данному вопросу! Но, в конце концов, они оба будут несчастны.

Итак. Да. Ее мужем должен стать Пьюк. Нужно только его найти. Вернее, заманить его сюда, потому что у нее никоим образом не получится вылезти из постели.

Джилли захныкала. Как ей заманить его сюда? Она даже не могла голову приподнять... не могла думать... думать... не могла...

Ее разум то погружался в густую черную пелену, то выплывал оттуда. Во время ее бодрствования, хрипы в легких становились все хуже.

Внезапно ее тело приподнялось с постели, и ее окружило восхитительное тепло. Сильные руки обхватили ее, а около уха билось чье-то сердце. Это ее запутало. Уильям выносит ее из дома? Хотел позволить ей умереть у воды?

- Джиллиан! - заревел он, но где-то в отдалении.

Наконец, она поняла, что это не его руки, а знакомый запах торфяного дыма и лаванды поразил ее сознание.

Облегчение пришло на место замешательству. Пьюк пришел за ней.

- Прости, малышка, но я решил не позволять тебе умереть. В последний раз, когда оставил тебя, то почувствовал что-то. Думаю, это сожаление, и я хочу испытать это снова.

Его самым большим желанием было ощутить сожаление? Его жизнь такая же грустная, как и ее собственная.

- Будем... жениться, - сказала она ему. Джиллиан попыталась понять их местоположение, но все было в тумане. Наверное, он делает свои слишком-быстро-чтобы-отследить штучки. - Что... нужно... делать?

- Просто повторяй за мной. - Он повернулся за угол, и у нее закружилась голова. - Я отдаю тебе мое сердце, душу и тело. - Пьюк подождал, пока она не повторила, хотя ей потребовалось некоторое время и пришлось выталкивать слова между вдохами. - Я связываю свою жизнь с твоей, и, когда ты умрешь, я умру с тобой.

Его интонация понизилась, словно только произнесенные слова имеют гораздо большее значение, чем все сказанное им ранее.

Серьезность ее действий зарегистрирована. Но не было дороги назад. Когда они свяжутся, он станет ее мужем. Они будут вместе. Семьей. И даже если у них не будет секса, он займет первое место. Пьюк станет важнее Уильяма.

Ее глаза вновь обожгло. Она действительно собирается это сделать?

Ее руки и ноги стали еще холоднее за секунду, но в мускулах почти не осталось жизненной силы, чтобы задрожать. Она слишком близко к смерти, слишком близко. Так что да, она действительно собиралась это сделать.

И Джилли вновь повторила его заявление.

Пьюк продолжил.

- Я это говорю, и я это делаю.

- Я это говорю, и я это делаю.

Когда Пьюк больше ничего не сказал, она поняла, что они закончили. Джилли ожидала чего-то удивительного. Прилив силы. Тепла. Чего-нибудь! А получила пшик, ноль, ничего.

- Это не сработало, - удалось ей прошептать.

- Не беспокойся, малышка. - Пьюк, наконец, перестал бежать. Он посадил ее на что-то мягкое, затем выпрямился, разрывая контакт. Единственный источник тепла исчез. - Мы еще не закончили.

Он прижал что-то теплое к ее губам. Что-то влажное. Язык ощущал медный привкус, и Джилли подавилась. Кровь?

- Глотай, - приказал он.

Она отрицательно покачала головой, ручеек скользнул по щеке, а не по горлу.

- Придется.

Он сжал ее нос и челюсть одной рукой, не допуская дальнейших шевелений, и держал свое запястье над ее открытым ртом, заставляя ее подчиниться.

Отлично. Она никоим образом не собиралась сейчас завершать церемонию. Пьюк слишком обнаглел. Слишком равнодушен к ее судьбе.

Но кровь все равно скользнула в ее живот, и ее разум вновь накрыла черная пелена. В этот раз она не потеряла сознание. Пьюк приподнял ее руку, надрезал запястье... острое лезвие заставило ее вздрогнуть... затем сделал глоток крови.

- Кровь от моей крови, дыхание от моего дыхания, - сказал он. - До конца времен. Повтори слова.

- Нет.

- Тогда ты умрешь, а Уильям и я будем сражаться ни за что.

Черт! Она не могла позволить Уильяму начать очередную войну. Джилли повторила слова, и, наконец, потрясающие "вещи" произошли, а затем еще что-то. Ее тело пронзalo силой снова и снова. Тепло внутри становилось все жарче и жарче, и вскоре она ощутила себя так, словно проглотила солнце.

Укол печали... она никогда не испытывала ничего настолько удивительного, но она не испытывала этого с Уильямом.

Чернота полностью исчезла из ее разума, и она внезапно прозрела. Солнечный свет! Открытая, светлая спальня. Роскошный аромат лаванды висел в воздухе, сильнее, чем когда-либо раньше. Джилли легла на огромную постель, клочья белой развивающейся ткани свисали с четырех столбиков.

"Я жива!" Легкомысленно рассмеявшись, она села. Пьюк пристроился рядом, наблюдая за ней с отсутствующим выражением лица, и в порыве внезапной благодарности Джиллиан обняла его за шею. Он спас ее, несмотря на риск... о, нет! Риск! Уильям его накажет?

Нет, нет. Конечно, нет. Пьюк спас ее, и этого Уильям... ее друг... хотел.

И поскольку это брак по расчету, она и Пьюк могли даже переместиться в крепость. Или она может вернуться без мужа на буксире. Ничего не изменилось!

Она попыталась отстраниться, но его руки обвились вокруг ее и крепко сжали. "Слишком сексуально!" - кричал ее разум, слишком много, слишком быстро. Джилли вывернулась, прерывая контакт, когда ритм ее сердца стократно увеличился. Пьюк нахмурился.

- Прости, - пробормотала она.

Он ничего не сказал, продолжая смотреть на нее, пока его омывал солнечный свет. Возможно, это связь... но каким-то образом он стал еще красивее, чем раньше. Оттенок его кожи казался глубже, богаче, а шелковые пряди волос блестели. Даже плетеные бритвы были хороши, серебристый металл ее завораживал. Она могла разглядеть каждую отдельную ресничку, которые обрамляли великолепные глаза. Острый нос придавал лицу захватывающую силу, которую твердая прорезь губ только увеличивала.

Он протянул руку и после недолгих колебаний заправил прядь волос ей за ухо. Его пальцы остались огненный след, и Джилли поняла, что стремится к его прикосновениям.

- Ты восхитительна, - сказал он.

На ее щеках вспыхнул румянец.

- Спасибо. А ты...

- Нет. - Его тон стал немного жестче. - Знаю.

- Нет. Не говори...

- Джиллиан!

Крик Уильяма эхом отразился от стен. Он ворвался сквозь дверь через секунду, щепки разлетелись во всех направлениях. В каждой его руке было по кинжалу, а в горящих красным глазах - обещание смерти.

Его темные волосы развивались вокруг лица, приподнимаясь от ветра, который она не ощущала, но могла поклясться, что на мгновение увидела, как под его кожей сверкнула молния. Но какая самая шокирующая часть его трансформации? Тени за плечами. У Уильяма были крылья!

Он сосредоточился на Пьюке.

- Ты умрешь... но прежде будешь молить о пощаде на протяжении веков. Она моя, а я защищаю свое.

Ее разум зацепился за одно слово. "Умрешь".

- Нет, - сказала она, покачав головой.

- Вообще, она моя. - Пьюк медленно встал, совершенно не боясь, и во рту у Джиллиан пересохло. - Я никогда не причиню вред своей девочке.

Молния вновь показалась под кожей Уильяма. Он сделал шаг вперед и поднял кинжал, готовый броситься.

Протянув руки, чтобы не подпускать его. Джиллиан вскочила на ноги, убедившись, что закрывает собой Пьюка.

- Уильям. Ты не можешь причинить ему вред.

Он зловеще улыбнулся.

- Ох, крошка. Уверяю, что могу.

- Ты не понимаешь. Он спас меня. Он... он мой муж. - Слово имело странный вкус на языке. - Причинишь вред ему, причинишь боль мне. Я так думаю. Верно?

Пьюк кивнул ей.

Смесь шока и ярости исказили любимые черты лица Уильяма.

- Связь, - сказал он безразличным тоном. - Ты согласилась на это.

Слезы наполнили ее глаза, когда она кивнула. Многое изменится.

- Я не хотела умирать, а ты сказал, что не свяжешься со мной. Я слышала.

Но теперь ее голова мыслила ясно, тело не переполняло боль, и Джиллиан начала сомневаться в правильности своего решения.

Она может все испортить.

Уильям никогда не простит ее за это. А Пьюк... он может захотеть убить Торина, ее друга. В агонии она забыла про его месть, направленную против воина.

- Ты даже не представляешь, что наделала, - сказал Уильям тихо. - Он использует тебя для чего-то.

- Знаю.

Они используют друг друга.

- Знаешь? Ты в курсе, что принадлежишь ему, и эту связь невозможно разорвать?

Да, и это внезапно больно ее ранило.

- Мне жаль, - прошептала Джиллиан.

Пьюк положил руку на ее плечо, и это ощущалось... правильно. Но в то же время неуместно. Она сделала все, чтобы скрыть свои противоречивые чувства от мужчин.

Уильям нажал на одну рукоять кинжала к сердцу и сделал шаг назад, словно его ударили. Впервые с начала их общения все притворство, и любезность исчезли с него. Она увидела желание, настолько сильное, и ей захотелось плакать и обнять его, а потом убежать и рыдать еще больше.

- Я могу запереть его, - обратился к ней Уильям, - держать его в безопасности и подальше от тебя.

В ней поднялся протест, она прикусила язык, и наружу прорвался только всхлип.

- Давай. Попробуй.

Хватка Пьюка стала крепче.

"Я служу канатом, который перетягивают два хищника, и я плоха для любого из них".

И... и... Почему Уильям вообще хотел ее? Она испорченный товар. Испачканная. Сломанная. С другой стороны, Пьюка она понимала. Джиллиан... ее ситуация... вызывали в нем эмоции, какими бы слабыми они не были. И временными.

Насколько он разочаруется, если она не сможет помочь ему почувствовать что-то новое?

- Джиллиан. Хочешь, чтобы я его запер? - Слова Уильяма били, будто кнут.

Слезы вернулись. Она не могла отплатить Пьюку жестокостью на добро.

- Нет. Мне жаль, - повторила она.

В мгновение ока выражение его лица стало пустым, и это разбило ей сердце. Уильям больше ничего не сказал, просто развернулся и вылетел из комнаты.

"Что я наделала?"

Всхлипнув, Джиллиан упала обратно на матрас. Пьюк сел рядом с ней и провел пальцами по ее волосам.

- Ты любишь его? - спросил он, когда она, наконец, успокоилась.

Зачем врать?

- Да. - Ее слезные протоки распухли и высохли. - Он мой лучший друг.

- Теперь я буду твоим лучшим другом.

Пока ее муж... "все-таки странно звучит"... продолжал пальцами гладить ее волосы, она расслабилась, и ее охватило чувство покоя. Нет, не покоя, а... равнодушия? Именно тогда ее ничего уже не волновало, и это мило. Так работала связь?

- Я бессмертная? - спросила Джиллиан. - Или ты стал человеком?

- Я же говорил. Я доминант.

Итак. Она бессмертная. Теперь ей придется прожить вечность, зная, что причинила боль Уильяму худшим из способов. Она обменяла один ад на другой.

- Сейчас мы скрепим нашу связь, - сказал он, поднимаясь, чтобы снять рубашку.

Она жестко покачала головой.

- Нет. Неекс. Никогда. Я даю тебе разрешение быть с кем-то другим. Столько раз, сколько захочешь, но никогда со мной.

Пьюк опять нахмурился.

- Мы - муж и жена.

- Знаю, но я говорила тебе, что никогда не испытывала к этому желания, и это и имела в виду.

Он задумался на секунду и кивнул.

- Отлично. Будет так, как захочешь.

Пьюк развернулся на пятках и вышел через ту же дверь, что и Уильям. Хотя Джиллиан думала, что слезные потоки высохли, в глаза появились новые потоки слез.

Глава 22

"Игра Престолов? Нет. Игра зайдов. Я собираюсь дать взаймы мою ногу в твою задницу".
- Талия Бессердечная

Катарина положила голову на плечо Бадена и погладила пальцами мышцы груди, мысленно прокручивая последние несколько часов. Сначала он прочитал сообщение от Торина и выругался.

"Уильям в ярости. Джилли лучше... но, ой, она вышла замуж за чувака по имени Пьюкинн/Пьюк/Ходячий Мертвец. И она, вероятно, стала бессмертной, так что ярость Уилли будет длиться ВЕЧНО".

Баден рассказал Катарине о связи, сделавшую человеческую девушку бессмертной, и привел в пример Эшлина и Мэддокса. Затем он нежно, нежно любил Катарину. После прижал к себе, и они шептали глупые секреты в темноте.

Она рассказала ему, как в пять лет отец убедил ее, что она волшебным образом может изменять сигнал в светофорах. Он сказал, что, если она пошлет воздушный поцелуй, то красный сменится зеленым. В этот день она посыпала воздушные поцелуи всем светофорам, пока ехала.

Баден рассказал ей, как несколько веков назад позволил Парису сломать его руку кувалдой, потому что Парис клялся и божился, что женщины просто обожают целовать травмы и этим залечивают раны. Только от поцелуя ему не стало лучше. Поэтому он сломал Парису обе руки.

- Ты его не убил? - спросила Катарина. - Баден, я так тобой горжусь!

- Своей сдержанностью я заработал себе прозвище. Джентльмен Олимпа.

Она засмеялась, и он начал ее щекотать. Катарина молила его остановиться, хотя надеялась, что Баден будет продолжать. Он столько всего упустил за свою жизнь. Детские игры, невинные забавы... связь.

Они занялись любовью снова, и он уснул с улыбкой... шепча одно слово. Брак.

Он намеревался сделать ее бессмертной через брачные узы? А она согласна?

Нет, нет. Конечно, нет. Они вместе временно. Это не изменилось... так ведь?

Теперь Катарина его изучала. Без забот о мире и требований зверя, тянувших его в разных направлениях, его черты лица казались практически мальчишескими. И она помогла ему этого достичь.

- Ты прекратила, - сказал он более глубоким и резким голосом, чем обычно. Баден повернулся голову, встречаясь с Катариной взглядом, и она ахнула. Его зрачки скрыли радужку, поглотили медь, которую она считала такой красивой. В черном виднелись красные всполохи. Кровавые звезды. - Начни снова.

- Прекратила что? - спросила она недоуменно.

Он сжал ее запястье слишком сильно, будто не знал о собственной силе, и повел ее руку вверх и вниз по своей груди.

- Делай это. - Баден отпустил ее. - Не останавливайся вновь.

Баден обычно не такой грубый с ней, и потом Катарину осенило. Эти глаза. Она говорила непосредственно со зверем, так ведь? Хотя это их не первая беседа.

"Действуй осторожно". Зверю необходимо приручать гораздо дольше, чем Бадена. Он был диким и непредсказуемым.

- Тебе нравятся поглаживания?

"Коротко и нежно. Всегда заканчивай на позитивной ноте".

- Нет.

Она чуть не засмеялась. Чуть. В его выражении лица не было ни намека на игривость.

- Тогда почему ты сказал мне продолжать?

- Мне нравятся твои поглаживания. Ты слабая. Никакой угрозы.

Черт! Еще один скептик. Что нужно, чтобы доказать этим людям... и существам... что она обладает силой, только другого рода, не такой как у них?

- Что еще тебе нравится?

- Кровь. Смерть. Месть. Никогда не предавай меня, женщина.

- Как будто я посмею, - бросила Катарина сухо.

Он посмотрел на нее.

- Ты надо мной насмехаешься?

- Я тебя дразню. Это другое. Первое жестокое, другое милое. Милое делает меня счастливой.

Зверь медленно расслаблялся.

- Думаю, мне нравится, когда ты счастлива.

- Я рада. А мне нравится, когда ты счастлив.

- Только потому, что боишься меня. - Он сказал эти слова так, словно они были неоспоримым фактом. - Как минимум, ты умна. Временами.

- Я тебя не боюсь, - ответила она, обведя пальцем один его сосок, затем другой. - Да и зачем? Мы же друзья.

Он нахмурился в замешательстве.

- У меня нет друзей. Они - помеха.

- Друзья - благословение. Они прикрывают спину и...

- Я никому не доверяю прикрывать свою спину.

Он выплюнул эти слова, пропитанные гневом.

Катарина все равно продолжила, словно он ничего и не говорил. Кто не рискует, тот не пьет шампанское.

- Они помогут, когда тебе понадобится ласка.

Теперь он поджал губы, не желая упрекнуть ее, чтобы она не остановилась.

- Они заставляют тебя улыбаться, когда грустно, - добавила она, - наполняют радостью, когда тебя охватывает печаль. Несут свет в твою тьму.

- Я могу видеть во тьме, - пробурчал он.

Гнев испарился, хотя бы опасность миновала. Катарина вздохнула с облегчением.

- Твой брат не прикрывал тебе спину и не был для тебя благословлением. Он сделал тебе больно.

- Да. Определенно так. Но я никогда не говорила, что он мой друг.

Мгновение прошло в тишине, пока зверь обдумывал ее заявление. Затем он заговорил.

- Он не причинит тебе боль снова. Теперь он заперт, не имея возможности купить наркотики или даже контактировать с другим человеком.

Разрушение так же подбирался к ее сердцу.

- Правда?

- Мы в этом убедились. Ради тебя.

"Ради меня".

- Спасибо. - Ох, она знала, что Доминику придется постараться, чтобы оставаться чистым после освобождения, но это... это было подарком. - Хорошо, большой парень. Мы будем делать упражнение на доверие.

Это ее подарок Бадену и Разрушению.

Хмурый взгляд быстро вернулся.

- Я не доверяю...

- Никому. Знаю. Но мы все равно будем делать упражнение.

- Женщина, ты не сможешь меня заставить...

Она накрыла пальчиком его рот, заставив замолчать. Его глаза расширились, словно он не мог поверить в ее смелость.

- Твой комментарий не оценен. Замолчи.

Зверь ущипнул ее палец.

- Ты храбрая. И глупая.

Не такая храбрая... и глупая... как нужно, чтобы победить это существо.

- Перевернись.
- Нет. - Он оскалился. - Если ты попытаешься причинить вред, мне придется тебя убить. Не угроза, а обещание. ВБУ? Довольна высока.
- Перевернись, - все равно повторила она, слегка толкнув его. - Я поглажу твою спину. Его мышцы напряглись.
- Ты сильнее, чем раньше. - Он схватил ее запястье и поднес к носу. Когда вдохнул, ярость вернулась в его зрачки, а дымчатые, темные усики появились на радужке. - На тебе слабый запах адских гончих, эта раса вымерла несколько веков назад. Как это возможно? Адские гончие? У нее? Невозможно. Если только...
У нее появилась идея, от которой перехватывало дыхание.
- Я мало знаю о мире бессмертных, но люблю собак. Расскажи мне об этих адских гончих. Его неприязнь к ним заинтересовала.
- Некоторые защищали Преисподнею, пока другие охотились и ловили духов, которым удалось сбежать. Они общаются телепатически... что знает одна, знают все... и могли перемещаться между мирами.
У ее идеи выросли ветки и вырастили ужас на кончиках, словно зреющие плоды.
- Они людей кусали... заражали? - В ее рту пересохло. - Как, скажем, вервольфы.
- В некотором смысле. Но очень мало выживших после укуса. Как только адская гончая вкусит чье-то крови, ей нужно питаться от этого конкретного человека, исключив все остальное.
- Какое облегчение! Ее собаки не были адскими гончими. Если бы они ее укусили, то растерзали.
- Откуда ты это знаешь?
- Мужчина, который запер меня, контролировал стаю. Они... играли с моими конечностями.
Ее желудок скрутило. У нее сердце болело за мальчика, которым он был.
- Мне так жаль.
Слов не достаточно. Никаких слов не достаточно.
Его хватка усилилась настолько, что вызвала у него болезненный крик.
Он ослабил захват и сказал:
- В детстве бессмертные не могут регенерировать. Но я больше чем бессмертный. И никогда не забуду того, что они мне сделали. Если адским гончим удалось выжить, их нужно истребить.
Несмотря на остаточный ужас о его прошлом, в ней вспыхнули защитные инстинкты. Уничтожить целую расу за преступления нескольких особей? Нет!
— Тебе нужна помощь? —
- "Нет, нет. - Мысленно произнесла она и взмолилась, чтобы животные услышали. Они сидели в ванной, но точно могли прогрызть себе путь к свободе. - Я в порядке. Оставайтесь на месте".
- Если она ошиблась, если раса изменилась: научилась контролировать свою жажду крови, и щенки действительно были адскими гончими... если Разрушение обрушит на них свой гнев...
Тогда последует строгое наказание.
- Баден никогда не упоминал о запахе адских гончих, - сказала она.
- Его чувства не настолько развиты.
Сохранить нейтральное выражение лица оказалось непросто, но Катарина смогла.
- Хорошо. Как ты сказал, адские гончие вымерли. Прошли века. Твой нос мог просто сыграть с тобой злую шутку. Или, возможно, адские гончие когда-то жили здесь. Место старое. Теперь. Прекрати спорить и перевернись.
- Наконец, он подчинился, и она понимала, что причиной служит не внезапно появившееся доверие. Вероятно, зверь решил ее испытать. Этот тест она пройдет на пять с плюсом, золотую звезду или, какую там систему оценки он использовал.

Он провела кончиками пальцев вдоль его позвоночника, по мышцам между плечами и скользнула вниз, вниз к округлой заднице, продолжая пока он не расслабился на матрасе. Вскоре зверь начал мурлыкать.

- Ты такой твердый и мягкий одновременно, - сказала Катарина.

- Тебе это нравится.

Утверждение, а не вопрос.

- Да. - Она усилила нажим, массируя его мускулы. Его мурлыканье вскоре превратилось в... храп? Он уснул? Серьезно? Уголки ее губ дернулись от улыбки. Очевидно, что красавица только что завоевала и пометила двух чудовищ.

* * *

Когда утренний солнечный свет ворвался в спальню, Баден дернулся от утомления. Он был немного взвинчен. Разрушение оставался спокойным, почти довольным... затем он поднимется с песней как принцесса Диснея?

"Я счастлив".

Знаю. И мне это мешает.

Баден закрепил оружие на руках, талии и лодыжках, изучая Катарину, которая ела "спасибо за помощь" завтрак, принесенный Фокс. Оладьи и яйца. На ее предплечьях появились темные пятна. И это определенно не грязь. Скорее всего, синяки. В нем вспыхнул гнев... Он прикасался к ней слишком грубо. В следующий раз ему придется быть более осторожным.

Ее черты лица были мягкими, ясными, кожа все еще красной после утреннего секса.

Телефон в его кармане завибрировал, и Баден посмотрел на экран. Сообщение от Торина.

"Уильям хочет отомстить сатири и просит нашей помощи в этом".

Уильяму придется позвонить лично, если хочет помочи Бадена. Это убьет двух зайцев одним выстрелом.

- Где собаки? - спросил он Катарину.

Она наклонила голову в сторону, словно прислушивалась к топоту их лап.

- Играют на заднем дворе. А что?

Баден нахмурился.

- Ты можешь слышать их отсюда?

Окна были закрыты, а двор находился с другой стороны дворца.

Хотя ее щеки окрасил румянец, Катарина отмахнулась от этого, как от чего-то несущественного.

- Я - мама-медведица, а они мои детеныши. - Она ему улыбнулась, но нежность не коснулась ее глаз. - Тебе и Разрушению лучше их не обижать.

Зачем она такое сказала?

- Я бы никогда. Почему ты считаешь иначе?

Катарина облизнула губы, явно нервничая.

- Разрушение упоминал о своей ненависти к адским гончим, и я надеюсь, что ненависть не распространяется на всех собак.

- Зверь говорит с тобой? - В нем вспыхнул гнев. - Без меня?

- Иногда, - ответила она, пожав плечами.

Баден ненавидел саму мысль, что зверь общается с ней без его участия.

- Он ненавидит адских гончих по веской причине. Его мать продала его Мастеру Темных Удовольствий. Бывший король Преисподней держал юных... секс-рабов. - Прошлой ночью ужасные воспоминания вторглись в его сны. - Разрушение сбежал, и адские гончие бросились в погоню... притащили его обратно в ад.

Катарина побледнела.

- Мне ненавистны те ужасы, которые он пережил. Это так. Но не все стаи... были... посланниками зла, я уверена.

Катарина собачница до мозга костей.

- Наши щенки никогда не пострадают от его руки.

В ее глазах вспыхнула надежда.

- Обещаешь?

Ее недостаток доверия ранил его, но он не обратил на это внимания. С начала он сказал этой женщине бояться его. И заслужил это.

- Да.

- Спасибо. - Сменив тему, она осмотрела его и присвистнула. - Сексуально. Ты собираешься на очередную миссию?

- Да.

- Ну. Если ты воздержишься от убийств сегодня, я сделаю очень порочные вещи с тобой... своим ртом.

И он, и Разрушение зарычали от желания такого обжигающего, что его пламя никогда не погаснет.

- Я хочу этого. И не буду убивать. Сегодня. Я иду увидеться с Александром.

Ее глаза расширились.

- Ты собираешься оставить его в живых?

- Да. Но он должен разорвать свою связь с тобой. После этого я его запру. Он никогда не выберется на свободу, умрет в клетке.

Катарина поставила свою тарелку на тумбочку и послала ему воздушный поцелуй.

- Ты, Баден, великолепный мужчина. Ой! На радостях я забыла тебе сказать, что эта мать Алекса дала ему монету.

Его мать? Кем она была и как получила монету?

Разрушение дал ответ, наполняя его голову темными воспоминаниями о ярости, крови и смерти.

Баден увидел гарем. В первые дни своего царствования Гадес держал гарем с красивыми женщинами, бессмертными и обычными людьми. Со всеми, о ком можно только мечтать.

"Я беру все, что хочу. Никто меня не остановит".

Блондинка... одна из фавориток, по крайней мере, на некоторое время... была ангелом, которая влюбилась в него, отказалась от жизни на небе, чтобы жить с ним. Ее крылья срезала ее сестра, оставив толстые, неровные шрамы на спине. Ему нравились шрамы, а она любила, с каким благоговением Гадес их гладит.

Но она не жила в гареме и обижалась каждый раз, когда приходилось делить его с другими, и, в конце концов, сорвалась, хладнокровно убив его других женщин. В свою очередь Гадес чуть не убил ее, проявил редкую милость и сослал ее на землю.

Вскоре он узнал, что надежно охраняемая монета пропала. Гадес разу понял, кто ее взял. Единственный способ отомстить.

Он пошел за женщиной. Никто отмеченный не мог от него укрыться. Никогда.

В этот день она посмеялась над ним.

"Хочешь монету? Как плохо. Ты никогда ее не найдешь. Особенно, если убьешь меня. В момент моей смерти, она попадет к Люциферу".

Тогда он ушел, оставив одного из своих шпионов наблюдать за ней постоянно. Спустя многие годы она вышла замуж за человека и родила ему сына... Александра... и, судя по всему, именно любящий сын вырвал ее внутренности. Но, будучи наполовину бессмертным, а не полностью, Александру не хватило бы сил, чтобы ее одолеть. Значит, она позволила себя убить.

Позже в тот же день Александр схватил шпиона Гадеса и сказал ему передать сообщение: "Монета у меня. Я не планирую использовать ее... пока. Но я, как и моя мать, принял меры, чтобы монета попала к Люциферу после моей смерти".

"Ты должен был рассказать мне раньше", - огрызнулся Баден на Разрушение.

Делиться секретами внове для меня, как и для тебя.

В настоящем Катарина встала на колени и обняла его за шею.

- Куда ты ушел, милый?

Ему нравилось, когда она так его звала. Даже Разрушение одобрил. Прозище ничего не говорило об их силе, но все о мягкости их женщины.

- Я был прав. Александр не человек, - сказал Баден. - Его мать была падшим ангелом.

- Как ты это узнал?

- Все здесь благодаря Гадесу. - Он постучал по виску. - Иногда приходиться копать. Иногда зверь сам делится информацией.

Она прижалась своей великолепной грудью к его, и Баден огорчился, что рубашка мешает контакту кожи к коже, которого он теперь жаждал больше всего на свете.

- Вновь я удивляюсь, как пропустила в муже...

Он прижал палец к ее губам.

- Тебе запрещено говорить это слово.

Катарина медленно ему улыбнулась.

- Потому что ты ревнуешь?

Сильнее, чем мог представить.

- Ну, по сути, у тебя тоже есть муж, - заметила она. - Ты связан с Гадесом.

Бадена передернуло, и она рассмеялась.

"Такая красивая... такая яркая".

- Катарина, - сказал он и обхватил ее шею сзади. Его грудь сжалась. - Скажи, что я тебе нужен.

Ее веселье испарилось, и она облизнула губы.

- Ни за что. Я не собираюсь лгать.

- Скажи, - настаивал Баден.

- Никогда! Я дрессировала собак, который заставили бы тебя обоссаться от страха. Я стала их лидером, они полагались на мою защиту. Я возглавила бизнес, развив его от средне успешного до международного феномена, и как ты уже знаешь, демонстрация милосердия требует большей силы, чем мщение. Один борется с этим желанием, другой ему потворствует.

Баден тысячу раз называл себя дураком за то, что заставил ее занять оборонительную позицию. Он расслабился... на время... но все еще нуждался в ее одобрении, также как и в наручах: оба были необходимы для его выживания.

- Александр у Пандоры. Я сдержу свое желание причинить ей боль. Даже буду нежным. Это сделает тебя счастливой?

- Да.- Катарина успокоилась, пока играла с кончиками своих волос. - Но будь осторожен. Она хитрая сучка.

- Ты начинаешь говорить так, будто я тебе нравлюсь.

Она сжала свои красивые губы, прежде чем сказать.

- Я... возможно.

Ответ в стиле Катарины. Упрямый, и одновременно загадочный.

- Я вернусь к тебе. Ничто в этом мире или любом другом не сможет меня остановить. Он подарил ей решительный и быстрый поцелуй, затем еще один, и ее язык ворвался в его рот. Если он не переместится сейчас же, то не уйдет вообще, его член уже упирался в нее. Баден поцеловал ее на прощанье... чудо, что он вообще смог от нее оторваться... и появился в... фильме ужасов.

Крики эхом отражались от стен, забрызганных кровью. Черная слизь реками стекала на бетонный пол, повсюду лежали органы. Запах серы витал в воздухе, обжигая ноздри. Его легкие сокращались в попытке выдохнуть разлагающиеся частицы.

Здесь были демоны.

У этих миньонов были длинные, волосатые конечности... у кого-то с клыками, а у кого-то с множеством рогов... их различные части валялись по всей комнате. Должно быть, Пандора боролась несколько часов.

В куче мусора виднелась человеческая рука, цепь по-прежнему была обмотана вокруг бицепса.

Либо Александр свободен, либо мертв.

Баден взял в руки полуавтомат, у которого из ручек торчали лезвия, и бросился по извилистому коридору, ориентируясь на крики. Лампочки были выключены, вокруг царила тьма, и все еже он без проблем разбирал каждую деталь, когда Разрушение сильно сосредотачивался.

Люцифер снова пытается, - зарычал зверь.

"И у него снова не получится".

Существо размером с ребенка с восемью ногами упало с потолка. Оно ждало добычу. Его рот раскрылся достаточно широко, чтобы проглотить арбуз... или голову Бадена. Зубы твари были мелкими, но острыми и жужжащими, как электрические пилы.

Два быстрых выстрела, один в глаз и один в рот. Куски зубов разлетелись во все стороны, как шрапнель. Когда Баден пробегал мимо существа, то срубил его голову одним из лезвий, заканчивая борьбу.

В спальне четыре покрытые мехом существа тащили окровавленную Пандору к дальней стене, кончики их ног были острее кинжалов. Которыми они проткнули ее плечи, туловище и ноги. Даже засунули их под змеиные наручи, не давая металлу прикоснуться коже.

Ее прикрепили к стене. Раз она была воином, то продолжала бороться единственным оставшимся в ее арсенале оружием... зубами. Пандора кусала обидчиков, оторвав ухо, затем кончик подбородка. Вкус крови подпитывал ее ярость. И она боролась сильней.

В нем вспыхнула ярость. Баден не любил Пандору, но никому больше не позволено причинять ей вред.

Ее глаза загорелись красным. Мелкие существа выбрались из меха более крупных, гогоча от радости. Посчитали его легкой добычей?

Они еще поймут.

Когда Баден шагнул вглубь комнаты, он скрестил руки в локтях и медленно развел их в стороны. Его пальцы лежали на спусковых крючках, пока тело не приняло форму буквы Т, обеспечивая стабильный обхват для выстрелов. Существа просто поглощали пули и бросались на него.

Он перевернулся оружие так, что сжал стволы. Удар, удар, удар. Лезвия срезали несколько ног и еще больше кончиков с кинжалами.

Появилась острыя боль между плечами, затем еще.

Баден пригнулся, вновь развернув оружие и начав еще один круг обстрела. Существа с визгом отлетали назад.

Разрушение боролся за контроль, когти выросли из кончиков пальцев Бадена. Метки на его руках начали гореть, словно их облили кислотой. Тени начали подниматься.

"Все угрозы должны быть уничтожены!"

- Сзади! - выкрикнула Пандора.

Он повернулся... и получил удар кинжалом по щеке. Затем его сильно толкнули, отбросив к стене через всю комнату. Баден был более дезориентированный, чем должен быть. Одурманенным. В ушах стоял звон.

Окружающий мир казался размытым. Он уловил запах ванили. Дом?

Нет, он не переместился случайно. Остался в комнате с Пандорой, а запах Катарины шел от его кожи.

Когти отравлены, - сказал ему Разрушение. - Я выжгу яд.

Спустя мгновение появились ощущения, словно Баден проглотил раскаленное железо. Когда он неуклюже встал на ноги с восстановленными силами, под его наручи засунули по кинжалу. Метки остывали, тени истончились. Головокружение вернулось. Внезапно восемь отчетливых голосов обрушились на его разум с желаниями такими больными и извращенными, что Баден засомневался, что когда-либо сможет очиститься от их скверны. Такое зло... не может быть подарком, даже если оно спасало его в течение короткого времени. Даже если казалось, что защищает его. Посланники говорили правду. Зло заражает. Зло разрушает. Разрушение мог его сдерживать, но, как показала практика, даже у Разрушения есть свои пределы.

Зверь затих.

Наручам нужно контактировать с его кожей, чтобы работать? До Катарины Баден был удивился причине. После прошлой ночи он понял силу простых прикосновений. Понял силу созданной связи. Абсолютное ощущение соединения.

Он отрубил причиняющие боль ноги и выдral кинжалы из-под наручей... Разрушение взревел, другие голоса ослабли... но другое существо набросилось на него... и еще одно... и еще. Они нападали со всех сторон. Как только он убивал одного, двое занимали его место, их целью было засунуть еще больше кинжалов под наручи.

Когда Разрушение затих, другие голоса вновь наполнили его голову отвратительными желаниями. Он боролся так яростно, что пена начала капать с уголков его рта. Но все это время продолжал рубить конечности, которые его держали.

Наконец! Свобода! Он повернулся к Пандоре.

Если один воин может убить десяток этих существ, то два воина положат сотню.

Несмотря на очевидную боль, она боролась со своими похитителями. Черная кровь текла из ее глаз, носа и ушей, словно голова не выдерживала огромное количество мыслей.

- Сзади, - повторила она слабым голосом.

Баден пригнулся и развернулся, стреляя из пистолетов.

Щелк, щелк, щелк.

Обоймы опустели. Отлично. Он рубил по ближайшим к нему существам, пока от них не остались только кусочки и частички, используя их, как стену, чтобы заблокировать других нападающих. Подпрыгнув, он вынул пустые обоймы и заменил их новыми. Опустившись, Баден начал выстреливать в тварей вокруг Пандоры.

Они отстали от нее, когда их тела отделились от конечностей, но острые кончики остались под ее наручами. Она пыталась их убрать, но вскоре ее колени ослабли, и Пандора упала. Даже корчась на полу, она сражалась с ними, наконец, убрав последний. Пандора закричала от облегчения, и тени вытекли из ее рук.

С шипением они наскочили на существа... которые теперь пятались. Но не полностью отступили. Еще больше тварей пробралось в комнату, заполнив потолок, стены, пол, создав море зла.

Боевой клич раздался посреди толпы. Существа и тени бросились в бой и схватились.

Баден вытащил острые наконечники из-под своих наручей. Когда последний выскоцил, его тени вступили в сражение, Разрушение теперь пыхтел и сердился.

Баден встретился взглядом с Пандорой, когда протянул руку в ее направлении. Она колебалась всего секунду, прежде чем принять ее.

Он поднял ее на ноги и спросил:

- Александр?

- Его забрали.

Баден попытался переместиться к нему, но потерпел неудачу. Слишком ослаб? Он собрался с силами и попытался еще раз... и вновь не удалось. Возможно, Александра убили?

Надежда умирала последней.

- Монета?

- Нет, - ответила Пандора, словно протаскивая слова через смертельную полосу препятствий. - Я не смогла.

Крик разрезал воздух. Конечность шлепнулась на пол, и брызнула черная жижа. Тени были ненасытными, Баден мог чувствовать острый голод, когда они пировали на демонах, словно дики. Они погружали в существа свои призрачные зубы, чтобы рвать их духов. Потому что тени и сами были духами. Подобное к подобному. Но что случалось, когда в теле сталкивались два духа: существа начинали терять куски костей, плоти и кожи.

Тени пожирали их изнутри.

Сидеть и смотреть было не в натуре Бадена. Он разрезал и пускал черную, словно кровь, субстанцию... в ней были красные пятна?.. и нырнул в сердце сражения, кромсая, кромсая и кромсая. Пандора заняла позицию у него за спиной, не давая никому подкрасться сзади.

"Они... работали вместе?"

Когда все твари сдохли, тени вернулись к нему и Пандоре, втянувшись обратно в свои места.

Она сгорбилась. Пытаясь отдышаться, Пандора сказала:

- Я могла... вырвать победу без тебя.
- Да. Конечно. Ты могла бы вырвать вторую смерть.

Она поджала губы.

- Нам нужно вернуть человека.
- Нам?

- Ошибочка, - выпалила она. - Я имела в виду себя. Я сама верну Алека.

- Ты не станешь. Он был твоим на одну ночь, - сказал Баден. - Теперь он мой.

- Ублюдок! У тебя он сидел больше чем одну ночь, а получил ты от него меньше. Думаю...

- Она выдохнула, закрыла глаза, чтобы скрыть внезапно появившееся отвращение. - Думаю, нам нужно работать вместе.

Он ей не доверял. Даже без Недоверия, смущающего его мысли, он бы никогда ей не поверил. Не полностью. Но... она права.

- Сейчас не стоит идти за ним. Никто не знает, в какие сражения нам придется вступить.

- Ну и что? Он ослаблен.

- Мы ослаблены. Скорее всего, те, кто забрал его, полны сил. - Правда была правдой, неважно как сильно он ее ненавидел. - Я не предоставлю ему еще дну возможность уйти. Или даже уползти. В следующий раз он проиграет.

Все.

Пандора размышляла секунду, а затем неохотно кивнула.

- Мы можем использовать жен, чтобы его выманить...

- Нет! - проревел он. Если она достаточно умна, что услышала угрозу. - Ты даже взгляд не бросишь на нее и ее собак. И ты не станешь использовать этот титул по отношению к ней.

- Титул? Ты имеешь в виду жена?

"Она моя!"

- Поклянись или наше соглашение аннулируется.

Пандора приподняла бровь.

- У нас соглашение?

- Ты все еще жива, не так ли?

Она фыркнула.

- Ладно. Как скажешь. Я клянусь в этом. - Пандора выпрямилась и вытерла дрожащей рукой лицо. - Никогда не думала, что ты кому-нибудь доверишься, тем более человеку.

Он мог сказать то же самое. Люди слабы и легко умирают. И теперь, учитывая длинный список врагов у Бадена, он может сделать Катарину мишенью. Если он женится на ней... связет с ней свою жизнь, как Пьюк связал свою жизнь с Джилли... она станет бессмертной, но также и рабыней Гадеса?

Баден не мог так рисковать. Должен быть другой путь.

Одна задача за раз. Во-первых, нужно исцелиться, чтобы стать сильным и защитить ее.

- Ты научилась пользоваться мобильным телефоном?

- Я сражаюсь лучше тебя? - бросила она сухо.

- Я принимаю это - за нет.

- Это - да!

Он выпалил свой номер и встал на дрожащие ноги.

- Если Люцифер устроит еще одну засаду, дай знать.

- Планируешь спасти положение? - усмехнулась Пандора.

- Ты серьезно? Да.

Она повернулась, ударив его в живот, но не вложила в удар злость, и Баден просто потерял дыхание на мгновение.

- Ублюдок.

- Сучка.

- Слабак.
- Неудачница.

Они молча сверлили друг друга взглядами, и он мог поклясться, что уголки ее губ дрогнули, словно Пандора пыталась сдержать улыбку.

- Я напишу, если на меня нападут, - сказала он. - Или когда полностью исцелюсь, смотря, что наступит раньше.

- До следующего раза... - сказал Баден и без проблем переместился.

Глава 23

"Во флаконе я смешиваю яд, назовем его Доброта... и убиваю людей с Добротой".
- Жозефина, королева Фей

Катарина щедро вознаградила Бисквита и Подливку. Они преуспели в каждой начатой ею игре. Игрушка на веревке. Поймай и принеси. Прятки, перетягивание каната. Но... учились слишком быстро?

"Так они адские гончие или нет?

Везде двое проявляли крайнюю заинтересованность и стремление победить. Они всегда были сосредоточены и никогда не проявляли негативных эмоций: злости, нервозности или страха.

Гален и Фокс избегали ее спальни и заднего двора, что было хорошо... для них. Чем больше времени проходило без Бадена, тем сильнее Катарине крутило живот. Чем сильнее он скручивался, тем раздражительней она становилась. Чем больше она раздражались, тем сильнее обижались собаки.

Она хотела, чтобы ее мужчина был дома, в безопасности. Катарина даже для зверя желала того же. Зверя... который олицетворял мучительное детство Гадеса. Она никогда бы не подумала, что может симпатизировать темному князю, который раздает Бадену приказы. Или что падет жертвой старого, как мир: "Его просто неправильно поняли, я должна бежать к нему, а не от него... должна обнять его. Я хочу его обнять!"

Но. Несмотря на ее симпатию, она никогда не позволит ему навредить своим питомцам.

- Вы адские гончие? - наконец, спросила она, когда положила канат в коробку, стоящую у изножья кровати. - Вы можете сказать мне правду.

— Играт! Играт! —

- Вы меня укусили? Если так, то почему не съели меня? - Потому они ее любят? Любовь может преодолеть множество импульсивных желаний. - Я превращусь в одну из вашего вида?

— Игрушку! —

Бисквит царапал коробку. Когда из этого ничего не вышло, он уткнулся носом в крышку.

- Сидеть, - приказала Катарина, и оба щенка сели после небольшого колебания.

Либо они были слишком невинны, чтобы понять, чего она от них хочет, либо не хотели выдавать правду.

- Где ваши родители? Их... убили? Вы сами по себе?

Оба склонили головы, выглядя печальными.

- Вы не одни, - заверила она их. - У вас есть я. И я буду любить вас, даже если вы меня заразили, хорошо?

Баден появился со вспышкой света, поразив ее. Она виновато поджала губы. По крайней мере, собаки даже не удивились, словно почуяли его, просто наблюдали за ним. Но что действительно удивляло? Они остались на месте, ожидая ее команды, чтобы подняться. Так быстро учатся!

Когда Катарина заметила печальное состояние Бадена, то тревожна вскрикнула. Он выглядел так, словно на него натравили других собак. Его лицо, шея и руки были в порезах и синяках и запекшейся густой и черной субстанцией, от которой воняло серой. Его одежда была порвана, а конечности дрожали.

Она поспешила к нему и обхватила за талию, предлагая поддержку и уют.
- Что случилось?

Катарина привела его к кровати, решимость придала ей достаточно сил, чтобы удержать его, когда колени Бадена подогнулись... из-за этой силы Разрушение раздумывал ее убить. Она положила Бадена на матрас и села рядом, не желая оставлять его.

- Засада, - сказал он с досадой.

- А Алек?

- Захвачен миньонами Люцифера. Я не знаю, мертв он или жив.

- Чего Люцифер хочет от него?
  - Монета, я уверен.
  - Но зачем? Он уже правит королевством в Преисподней.
  - Что лучше одного королевства? Два. - Баден потёр лицо ладонью. - Его нужно остановить любой ценой.
  - Нет. Не "любой ценой". Душа Бадена важнее победы.
  - *Тебе нужна помощь?* —
  - Да, - ответила она без колебаний. - Идите к Галену. Вы его помните? Блондин с мини-крыльями.- Простое мытье не поможет Бадену. Не в этот раз. Она сама заботилась о своих ранах и ранах своих животных, но у нее не была опыта с бессмертными. - Пожалуйста. Собаки побежали, и она знала, что они ее поняли.
  - Они могут выполнить такой специфический приказ? - спросил Баден, нахмурившись.
  - Да, я настолько хороша.
- "И, эм, они могут быть адскими гончими с силами за гранью ее понимания".
Он нахмурился, глядя на дверь. Пытается разгадать загадку?
- Позови их назад, - наконец, бросил Баден. - Я не хочу Галена...
  - Позволь мне остановить тебя. Меня действительно не волнует, чего ты хочешь. Твое хорошее состояние важнее причин, по которым ты избегаешь этого мужчину. - Независимо, по какой причине это произошло. - Он может тебе помочь. Я нет.
  - Он сволочь, - пробормотал Баден.
  - Тебе следует им восхищаться. Ты и сам сволочь.
- Когда он посмотрел на нее, его зрачки расширились, черные с красными проблесками. Разрушение давал знать о своем присутствии, и она не могла ощущать себя счастливее, ее облегчение было ощутимо. Если Бадену хватало сил, чтобы спорить с ней, чтобы правильно показывать его эмоции, значит, у него хватит сил, чтобы излечиться от ран.
А он должен выздороветь.
- Чтобы поднять настроение, Катарина протянула руку, чтобы погладить его щеку, на которой была худшая из ран.
- Бедный Бадрушение. Твоя рана придает тебе шарм.
- Его взгляд слегка смягчился.
- Ты говоришь, что тебе нравится мой внешний вид?
- Катарина усмехнулась, словно он только что рассказал ей анекдот.
- Я говорю, что у меня есть необычная фантазия, которую тебе придется выполнить.
- Его взгляд обрел полную силу, и он зарычал на нее.
- Я понял пожелание. Я только притворюсь собой, и ты поблагодаришь меня за это.
- Да. Вероятно, так.
- Не думаю, что тебе нужно притворяться собой, милый.
  - Ты знаешь, что я имел в виду, - проворчал он.
- Такой очаровательный. Ей нравился этот мужчина. Нравилось, что он нравится. Сильно. Баден был упрямым и сварливым и имел склонности к убийству благодаря Разрушение, но он мог рассмешить ее, когда никто больше не мог.
- "Вау. Он может меня рассмешить? Так можно достигнуть звезд".
- Ну... он может зажечь ее одним взглядом. Баден бросал ей вызов и вызывал восторг. И, возможно, у нее была дикая сторону, которую она никогда не признавала, или Катарина просто привыкла к его миру, потому что ей понравилось, как он шел на любые средства, необходимые для защиты любимых.
- "Он не любит меня. Но... я, может быть, влюбилась в него. Разрази меня гром!" Это нехорошо. Он никогда не постареет, но она... да? Несмотря на возможный укус адских гончих. Кроме того, все его друзья выбрали себе сильных женщин, неважно какими милыми они казались. Катарина чувствовала, что Эшлин превратится в сердитого людоеда, если ее детям будет что-то грозить.
- Бадрушение до сих пор считает Катарину слабой.
- "Я пробивная, черт возьми! Отважная!"

- Тебе больно? - спросил Баден, вырвав ее из размышлений.
- Нет. - Катарина заправила прядь его волос за ухо, соединяясь с ним через прикосновение. - А что?
- Ты скривилась.

Гален спас ее от необходимости придумывать ответ, ввалившись в комнату. Бисквит пихнул мордой одну ногу Галена, а Подливка другую, заставляя Галена подойти ближе. Оба пса остановились и тяжело задышали, высунув языки, только когда Гален оказался в пределах досягаемости Катарины.

- Какие хорошие малыши, - похвалила она.

Насупившись, Гален сказал:

- Если твои собаки когда-нибудь придут за мной снова, я...

Катарина вскочила на ноги, а собаки встали перед ней. Челюсть Галена отвисла, когда она на него зарычала. Буквально. Ее десны обожгло. Как и кончики пальцев на руках и ногах, но она проигнорировала болезненные ощущения, не отрывая взгляда от Галена.

- Ты не хочешь заканчивать это предложение, - сказала она ему.

Щенки поддержали ее рычанием. Этот звук отличался от других, издаваемых ими раньше, и был глубоким и голодным, грозным, словно воин числился у них в меню на ужин. Вы можете съесть все шведский стол.

- Не думаю, что ты им нравишься, - сказал Баден легко, почти довольно.

Кровь отхлынула от лица Галена, когда он поднял руки ладонями наружу и сделал шаг назад.

- Они...

- Собираются вцепиться тебе в лицо, если ты их оскорбишь? Да. Или ты собирался сказать, что они ангелы? Потому что так и есть. Теперь закрой свой глупый рот и помоги Бадену. - Она царственным махнула рукой. - А вы, - обратилась она к собакам. - Охраняйте моего милого.

Собаки запрыгнули на постель, заняв места по бокам от Бадена. И ладно, даже для нее это было хорошо и быстро. Они адские гончие, так?

"Адских гончих должны истребить".

Только через ее труп!

- Отлично. На этой ноте... - Гален неуверенно подошел к кровати и осмотрел Бадена. - Вот мой официальный диагноз. Немного отдоха и душ, и он будет в порядке. Просто предлагаю хорошо покувертаться, как только он встанет на ноги. И ты получишь здорового и счастливого парня к концу дня.

Гален подмигнул ей, прежде чем выйти из комнаты.

После этих слов она одновременно ощутила и облегчение, и беспокойство. Катарина выучила несколько вещей о воине. Как хранитель Ложной Надежды, он наслаждается... и, возможно, нуждается... давая людям надежду, чтобы потом спустить с небес на землю. Даже себе!

Это может быть хитростью демона.

Ну, ей нужно убедиться, что Баден отдохнет и восстановится. Она собрала все, что ей могло понадобиться: миску с горячей водой... такую всегда использовали с книгах и фильмах... тряпки, мазь с антибиотиками и бинты. Баден оставался спокойным, даже задумчивым, когда сняла с него футболку и принялась за работу.

Наконец, он заговорил.

- Я хочу оставить тебя себе. И оставлю.

Сердце ускорило ритм и стало ударяться о ребра.

- Пока новизна не пройдет или пока я не постарею?

Злые, мрачные глаза встретились с ее, заставляя ее дрожать.

- Мне не нравится мысль о твоей старости.

Ну, им обоим она не нравилась. Этому мужественному мужчине не нужна бабушка в подгузнике, цепляющаяся за его руку, как за костьль. Не в качестве девушки.

- Нет фантазий о сексе с мамочками?

Голос был пропитан наполовину подразниванием, наполовину надеждой. Наполовину мольбой о помощи.

И да, она знала, что хромала в математике. Такая невероятная тема требовала искажённых цифр.

- Если бы у меня был секс с восьмидесятилетней Катариной, то я сломал бы ей бедро.

Такой безразличный ответ разрушил ее печаль и вызвал смех.

- Большинство мужчин уверяют, что возраст не важен.

Баден протянул руку и погладил ее щеку. На такое прикосновение он бы не осмелился несколько недель назад. От такого прикосновения она затрепетала.

- Я не большинство мужчин. Я знаю, как быстро человеческое тело умирает, видел это множество раз. И, как я уже упоминал, рядом со мной тебе грозит опасность. Если кто-то причинит тебе вред... твои раны не регенерируют...

Она пыталась сохранить самообладание в таком важном разговоре.

- Как на счет того, что я останусь с тобой до первого седого волоса?

Немного времени вместе лучше, чем ничего.

- Нет. - Баден решительно покачал головой, обещая сражение, если она посмеет не согласиться. - Мы найдем способ сделать тебя бессмертной.

"Скажи ему о собаках".

Нет! Она не может. Не так прямо. Перед ней не только Баден, но и Разрушение. Ей нужно действовать с осторожностью.

Она стала гладить его грудь, поскольку знала, что ему... им... это нравится.

- Давай оставим в покое бессмертные дела. Я бы лучше поговорила об адских гончих и людях, которые пережили их укус.

Баден взглянул на нее, словно был готов дать все, о чем бы она ни попросила... и как же это опьяняло.

- Я знаю только два случая. Зевс приказал своей армии захватить мужчин, которых укусили, и мы повиновались. Но они стали сильнее, чем раньше, с когтями, выросшими из пальцев рук и ног. Они также сошли с ума, постоянно тянули себя за волосы и били по вискам. На пути к горе Олимп стая адских гончих напала на нас. Многие погибли, в том числе и укушенные мужчины. Они были главными целями, их убили первыми.

- Но почему? Только из-за кровожадности?

- Думаю, адские гончие хотели разорвать связь. Многие пытались их контролировать. Некоторые, как мучитель Гадеса, даже преуспели... ненадолго.

Теперь Катарина скисла. Она скоро сойдет с ума? Будет жаждать, есть живых существ? Щенки смотрели на нее, как на ходячую еду?

- Гончие бессмертны? - спросила она.

- Нет. Их продолжительность жизни как у человека. Насколько мне известно, сто двадцать лет прожила самая старая из них.

- Что с ними случилось?

- Гадес взял под контроль две реальности Преисподней. Его матери и его мучителя. Он направил войска против всех стай, искоренив всю расу.

Искры гнева жгли ей грудь... конечно, некоторые из этих собак были невинны. Эти искры она проигнорировала. Пока.

Откуда пришли Бисквит и Подливка? Там есть еще?

- На счет всех этих бессмертных вещей. Я не знаю, хочу ли жить вечно. - Их отношения были в новинку. Что если все закончится через месяц... год... пять лет? Она застрянет... одна... в мире, который, Катарина не знала точно, нравился ли ей. - И я не волнуюсь об опасности, которая грозит мне рядом с тобой.

- Потому что я...

- Потому что в этом мире все представляет опасность. Решения, основанные на страхе, только приводят к сожалениям.

- Ты нужна мне, - отрезал он. - Рядом со мной тебе не нужно бояться.

Упс. Она разбудила медведя. Ну, почему бы и не потыкать в него палкой?

Катарина встала, собрала все средства, сняла с него грязную одежду и тщательно обмыла.

- Ты хочешь меня, поэтому я тебе и нужна, есть разница. Ты мне не нужен и никогда не будешь нужен. Зависимость это не мое. Но я действительно желаю тебя также страстно, как и ты меня.

Баден не разозлился снова, как часть ее ожидала. Он смягчился, сказав:

- Впервые за все время, у меня есть надежда на будущее. По крайней мере, я думаю, что обрел надежду. Я так давно не ощущал эмоций, что не уверен до конца. - Он потер грудь.

- Чтобы это не было, ты причина этого.

Как же это грустно. И как чертовски мило. Она указала на стену и сказала:

- Бисквит, Подливка. Идите в свои кровати, мои любимые.

Они спрыгнули с матраса без колебаний и потрусили к подушкам, разложенным у стены. Похвалив их за послушание, Катарина забралась под одеяло и растянулась рядом с Баденом, осторожно обращаясь с его ранами.

- Мы говорим о том, чтобы оставаться вместе, быть вместе, но сходили только на одно свидание. Это нечестно... по отношению ко мне! Я заслуживаю ухаживаний.

Баден положил руку ей на талию и притянул ближе.

- Я никогда не ухаживал за женщиной.

- Женщины тоже никогда за тобой не ухаживали?

- Многие пытались.

- Хорошо. Сдаюсь. Как они пытались за тобой ухаживать?

- Пробирается в мой дом и ждет меня... голая в моей постели.

Ха!

- Прошу, милый. Я не так проста. Будь обнаженным в моей гостиной, работая пылесосом, и тогда мы поговорим.

От его хриплого смешка теплое, мягкое дыхание коснулось ее виска.

К черту нежности из-за травм. Он был жестким, а такая жесткость должна идти рука об руку с бонусом.

Она провела языком вокруг его соска.

- Я в твоей постели... Возможно, мне стоит раздеться.

Его глаза вспыхнули от желания.

- Стоит, - сказал он. Телефон завибрировал в его кармане, около ее живота, но Баден не обратил на него никакого внимания. - Прямо сейчас.

- Сначала... - Катарина взяла его сотовый и посмотрела на экран. Надо же. - Торин говорит, что Уильям требует от каждого одержимого демоном воина нападения на Пьюка, без причинения настоящего ущерба. - Она замолчала. - Кто такой Пьюк?

Она когда-нибудь выучит всех игроков в этой игре?

- Пьюк женился на... потенциальной второй половинке Уильяма? Он сатир. Наполовину козел, - добавил Баден, когда она в замешательстве на него посмотрела.

Козел? Серьезно?

- Предполагаю, что для девушки могло быть и хуже.

Но не намного, и внезапно Катарина обрадовалась, что ее мужчина просто делит свое тело с другой сущностью.

- У Джилли нет проблем с этой ситуацией. Внимание Уильяма рассредоточено, что делает его легкой мишенью. Люцифер рассмотрит это как прекрасную возможность для удара.

- Уильям, кажется, относится к типу парней, которые могут постоять за себя, независимо от помех.

- Если ему больно... Гадес любит своего сына. Он... - Баден нахмурился и внезапно затих, затем покачал головой, словно вытесняя мысль, которая заставила его замолчать. - Собственные сыновья Уильяма тоже будут отвлечены, подвергая многих моих союзников опасности.

- У Уильяма, который выглядит на тридцать лет, есть достаточно взрослые сыновья, чтобы сражаться на войне?

Улыбка, адресованная ей, имела оттенок снисхождения.

- Они достаточно старые, чтобы уничтожить мир. Они Всадники Апокалипсиса.

С ума сойти!

- Забудь об уборке в голом виде. Если хочешь за мной ухаживать, напиши книгу, подробно описывая своих врагов, союзников, все бессмертные расы, их сильные и слабые стороны.

Баден кивнул.

- Сделаю. Для твоей защиты.

- Потому что ты мне нужен и так далее.

Он оставил без внимания ее фразу, добавив:

- Боюсь, я не могу забыть о работе с пылесосом обнаженным. Я сделаю все, что приносит тебе удовольствие.

Ее окутало теплом... такой милый. Катарина наклонилась к нему... только чтобы остановиться, когда телефон завибрировал второй раз. Воин всегда оставался на линии. Вздохнув, она проверила экран.

- Торин-обломщик говорит, что ты не отмечался сегодня, и он в секунде от отправки подмоги.

- Я был занят. - Горячий взгляд Бадена обласкал ее с интересными намерениями. И хотел бы быть занят и дальше.

Ее соски напряглись, а желудок сжался.

- Я бы тоже этого хотела, но ты должен отправить ему фото, доказывая, что жив. Я не хочу рисковать, ожидая гостей, пока раскачиваю твой мир. - Катарина встала и сделала несколько тысяч снимков. - Улыбнись в камеру... хорошо, хорошо... теперь разозлись. Да, именно так. Теперь посмотри, словно готов сделать с камерой ребенка.

Баден смотрел на нее со смесью веселья и раздражения.

Она выбрала ее любимое фото... одно из тех, где он разозлился... написала Торину сообщение: "Баден УД (у доктора), и если почувствует себя лучше, то может прийти на ПССЗ вечеринку (принеси свои собственные зубы) и ПСТГ (поговорить с тобой громче)". Отправка.

- Что ты ему сказала? - потребовал Баден.

- Правду.

Телефон зазвонил через секунду, и фото Торина появилось на экране. Великолепный светловолосый бессмертный! Баден потянулся к телефону, но Катарина сползла с кровати и ответила за него:

- Лучше бы это было важно. Ты лишаешь Бадена приятного времяпровождения со мной.

Торин хмыкнул в трубку.

- Ты можешь быть хуже Кили.

Красная королева. Катарина скучала по легкомысленной женщине.

- Как она?

- Полностью исцелилась. Я звоню сказать Бадену, что мы собираемся помочь Уильяму. Мы ему обязаны.

Она повторила слова Бадену, пока накручивала прядь волос на палец.

- Я не понимаю, как можно воевать с мужчиной-козлом... не причиняя ему настоящего вреда.

- Легко, - сказал Торин. - Мы атакуем его ближайших друзей и семью.

Что!

- Это ужасно. Они ни в чем не виноваты и...

Баден выхватил у нее свой телефон.

- Ты уже и так сделал достаточно, Тор. Ящик, Утренняя Звезда. Люцифер.

Катарина забрала телефон и включила динамик.

- Неважно, сколько Кили пытается, - сказал Торин, - она не может найти ни коробку, ни Звезду. И теперь она не может даже искать их.

- Почему? - допытывался Баден.

- Артефакты пропали. По крайней мере, трое из них. Даника все еще с Рейесом, но картины из офиса тоже исчезли.

Артефакты? Какие артефакты? Картины в каком офисе?

Что за ящик, она догадывалась. Ящик Пандоры. Почему мужчины хотят его обратно?

Разве он не причинил достаточно неприятностей?

- Кто... - начал Баден, но Торин его оборвал.

- Камео. Наша девочка похитила их. Я бы сказал, она планировала отдать их нам, после возвращения, но страдание в ее глазах при последней беседе сказали, что случится иное.

Заявление разозлило Бадена. Он пробил стену, сломав камень и, вероятно, кости.

- Никто не пошел за ней?

- Ты шутишь? Она большая девочка. Камео написала, что должна это сделать.

- Глупая женщина собирается себя убить.

- Ты понимаешь это лучше других. Мы не можем помочь тому, кто отказывается от этого.

Баден провел свободной рукой по волосам, пряди разметались и встали торчком.

- Мне жаль. Я никогда не хотел делать вам больно.

Он отключился.

Катарина погладила его руку, предлагая утешение, но он отмахнулся от нее. Отказ жалил, хотя она понимала его причину. И испытала угрызения совести.

"Всегда заканчивай на позитивной ноте".

Положив руки на бедра, она сказала:

- Ты слышал наставления Галена. Тебе нужно в душ... а мне нужно сексуально раздразнить тебя, пока ты не запросишь о милости, которую не получишь.

Баден хмуро на нее посмотрел.

- Он ничего не говорил о том, чтобы заставить меня умолять.

- Ну, хорошие новости, здоровяк. - Катарина ему подмигнула. - Я собираюсь сделать это в любом случае.

Глава 24

*"Я из тех, кто внес смех в список непреднамеренных убийств".
- Фокс, хранительница Недоверия*

"Секс в душе, секс на полу, а я хочу... еще, еще, еще".

Катарина хихикнула, когда прижалась сильнее к боку Бадена. Она не могла им насытиться, и он, очевидно, чувствовал то же самое по отношению к ней. Не проходило и нескольких минут, как Баден прикасался к ней, и ей это нравилось. Словно она любила... "Эй. Помедленнее".

- Я никогда тебя не отпушу, Катарина.

Его ошеломляющее признание заставило ее дрожать от восторга.

- Возможно, я подумаю над вариантом стать бессмертной.

"Однажды..."

Новая история. Новый шанс на счастливую жизнь. Но... эх... Катарина все еще не могла смириться с тем фактом, что эта отдельная история будет длиться вечно. Больше времени, больше возможностей для ошибок.

- Этого недостаточно. Ты станешь бессмертной. Так или иначе.

И-и-и прощай хорошее настроение.

- Попроси вежливо, - сказала она, трятя нервные клетки.

- Но в этот раз. Я предпочитаю иметь дело с твоей злостью, чем с твоей смертью.

- Я взрослая женщина, Баден, и ты не можешь принимать решения за меня. Мое мнение имеет значение. Как и мои желания. Согласен ты со мной или нет.

Но его уже было не остановить.

- Однажды ты поблагодаришь меня за настойчивость.

- Нет. - "Я не подкрепляю его склонность к доминированию". - Теперь отступи, прежде чем оттолкнёшь меня слишком далеко.

- Я не отступлю. Не могу. Это слишком важно. Ты слишком молодая и человечная, чтобы понять...

Катарина по-животному зарычала... такого звука она прежде не издавала... и Баден затих. Она поняла, что не из-за нее, а из-за щенков, которые поднялись с подушек, шерсть у них встала дыбом.

Ярость, отражение ее собственной, исходила от них.

Собаки запрыгнули на постель... к Бадену. Они обнажили зубы, словно готовились вцепиться ему в горло.

- Нет, - бросила она, и они повернулись в воздухе, прыгнув мимо Бадена, когда он накрыл Катарину своим телом.

- Нет? - он переместил вес на ладони, нависнув над ней, его прекрасные черты лица потемнели от гнева и решимости. - Ты надеешься защитить меня? Или их?

- Всех. Хотя не могу понять, почему спасла тебя сейчас.

- Потому что я готов на все ради твоей безопасности. Даже пойти против твоих желаний. Тебе это может, не понравиться, но частично ты это оценишь.

Она это укрепила?

Пока щенки бродили вокруг кровати, в этот раз, ожидая ее сигнала, Катарина успокаивалась всеми возможными способами. Глубоко дыша, она считала до десяти, представляя себя в счастливом месте: на лугу с полевыми цветами, где ее старые щенки могли играть с новыми.

- Как мы перешли от секса и объятий к этому?

- Очень легко. Занятие любовью, объятия... ты обнажила желания в моем сердце, которое я считал давно мертвым. И однажды ты решишь забрать это у меня? Однажды кто-то может тебя убить или старость сделает это лучше всех? Нет.

Романтика его слов была разрушена резкостью тона.

- Может? Однажды? Ох, нет, идиот. Я заберу желание из твоего сердца сегодня же. Ты такой твердолобый, мои предупреждения не возымели эффекта. Нужно действовать. - Он усвоит урок, а она успокоится. - Мы проведем некоторое время порознь.

Катарина встала и уткнулась носом в собак, чтобы заверить их, что все будет хорошо, прежде чем одеть футболку и джинсы.

- Пока ты отрицаешь, мое право выбора, ты меня не заслуживаешь. - Она шагнула к шкафу, схватила пустую сумку и начала набивать ее одеждой. - Поэтому я ухожу. Куда-нибудь подальше от тебя.

- Нет.- Он выплюнул слово, будто оно было ядом. - Ты останешься здесь.

- Еще один приказ. - Катарина цокнула. - Ты не сможешь остановить меня, не причиняя вреда. Потому что я буду сопротивляться.

Он вскочил, не сводя пылающего взгляда своих медно-красных глаз, и вырвал у Катарина сумку. Затем бросил ее через всю комнату. Баден прижал ее к стене, одновременно чувственно и зло, и накрыл ладонями ее виски, фиксируя ее на месте.

Она не боялась... но, возможно, была немного возбуждена. "Держись!" Долгосрочный результат важнее, чем сиюминутное удовольствие.

К ее удивлению, собаки оставались спокойными. Не ощущали угрозы в этот раз?

- Останься. - Применяя одну из методик ее тренировок, Баден начал ее гладить. - Нам так хорошо вместе.

Он гладил ее волосы... руки... ее живот и между грудями... Только когда она напряглась от нетерпения, а воздух, которым Катарина дышала, обжигал осознанием того, что этот мужчина мог от нее добиться, Баден обвел пальцем ее сосок.

- Если мы расстанемся, я не смогу так к тебе прикасаться, а я отчаянно этого хочу. Останься, - повторил он. - Пожалуйста.

Его решимость заставила трепетать ее кожу. Проблема? В этот раз он выразил слова в виде просьбы, но они все еще остались требованием.

- Твое заявление слишком несущественно и слишком поздно, воин.

Нежность испарилась с его лица.

- Ты человек. Ты не знаешь, что для тебя хорошо.

- Ты продолжаешь мне это говорить. - Катарина его оттолкнула. - Ну, теперь я уверена, что ты для меня плох. Теперь, отодвинься!

Он подвинулся, но только по своему желанию, ублюдок.

- Чего ты от меня хочешь? - зарычал он.

- От тебя? Ничего. - Она гордо наклонилась и подобрала сумку. Затем засунула свое имущество внутрь. - Я хочу мужчину, который видит во мне себе ровню.

- Этого, - сказала он отрешенным голосом, - я никогда не сделаю. Не смогу. Не тогда, когда в силах сломать тебя.

Вот. Так. Запросто. Надежда на развитие их отношений умерла. Разочарование и печаль поднялись внутри нее и накрыли ее с головой. "Не проси его передумать".

Катарина решила, что уходит не для того, чтобы преподать ему урок или успокоиться. Она уходит, точка. Их история закончилась. Конец. Она думала, что могла доказать свою ценность. Он просто признал, что никогда этого не увидит.

- Мы закончили, - бросила она ему, именно это и подразумевая.

- Мы не закончили. - Баден потянулся к ней, но его руки упали до соприкосновения. - Мы никогда не закончим.

"Держись!" Нужно показать силу, которую он в ней не видел.

- Когда начнешь скучать по мне, а ты начнешь, не ищи меня. Отныне это... - она указала на свое тело, - тебе недоступно.

- Нет. Нет! Я не позволю тебе...

- Катарина все еще говорит. - Она топнула ногой. - Я прекратила попытки тренировать тебя. Ты не усвоил мои уроки. Ноль с минусом тебе.

Его ноздри раздулись, когда он оскалился.

- Ты тренировала меня? Как одного из твоих псов?

- Конечно. - Катарина взбила волосы. - Ты же зверь, разве нет? Красивый, но смертоносный.

- Да. И сейчас ты увидишь худшее во мне. - С ревом его глаза вспыхнули красным, и Баден опрокинул комод. Ящики сломались, содержимое вывалилось наружу. Подойдя к кровати, он резко дернул за спинку, пока не оторвал прут. Который запустил в стену. Что привело к этой истерике? Конечно не ее признание в тренировке его. Это разозлило его, но не могло взбесить.

Тот факт, что она назвала его зверем?

Игнорируя его, словно ее ничего не волнует, она молча закончила собирать вещи, подняв одежду с пола.

"Однажды..."

Сегодня началась новая история, которую сделала она сама. Катарина использует этот печальный опыт, как возможность прийти к новому и лучшему человеку.

Когда взяла все необходимое, то закричала:

- Гален!

Баден прекратил истерику и уставился на нее.

- Он не посмеет забрать тебя.

- Посмеет. Ты отдашь ему такой приказ, или, клянусь, я не стану сопротивляться, просто буду сбегать каждый раз, когда ты повернешься спиной. Я буду провоцировать твою звериную сторону при каждой возможности, и...

- Достаточно. - Он тяжело дышал, сжав кулаки. - Хочешь идти? Отлично. Мы позволим тебе уйти.

Он сказал мы.

Облечение боролось с печалью. "Не хочу терять еще одного любимого человека". Но она его не любила. Не могла.

- Когда моему брату станет лучше, ты скажешь Галену привезти его ко мне, где бы я ни оказалась.

Между ними повисло молчание. Баден сухо кивнул.

Гален появился в комнате без стука с раздражением на лице.

- Ты звала, мультишк? - Он увидел обнаженного Бадена и прикрыл глаза.- Серьезно, чувак? Да ладно! Если бы я хотел стать участником фестиваля сосисок, то посетил бы мясника.

Собаки подошли к ней и облизали ей руки. С дрожащим подбородком Катарина перекинула сумку через плечо и прицепила поводки к ошейникам.

- Я готова идти.

- Эм, готова идти куда? - спросил Гален смущенно.

Баден отвернулся, его мышцы были напряжены.

- Отведи ее куда-нибудь. - Он замолчал, а потом добавил, - в безопасное место.

- Куда я выберу, - поправила она. - И ты не скажешь Бадену, где я нахожусь. Никогда не скажешь, даже под угрозой смерти.

Нельзя допустить продолжения. Она должна в этом убедиться.

Рыдание вырвалось из ее горла.

Слезы? Из-за него? Нет!

Гален моргнул, словно не был уверен в услышанном.

- Мама и папа разводятся?

- Да, и мама берет полную опеку над детьми с мехом. - Она наклеила сияющую улыбку на лицо, игнорируя напряжение в воздухе. - Теперь пошли, пока я не надрала твою задницу.

* * *

Баден боролся с неимоверной яростью. Катарина ушла. Но даже если бы осталась, он бы ее потерял. Она, как и многие другие, считала его красивым снаружи, но уродливым внутри. Несмотря на ее хвастовство об обратном!

Его яркий свет в темном мире теперь пылал за пределами досягаемости. Он впечатывал кулак в стену снова и снова, создавая новые дыры, разрывая кожу и ломая костяшки пальцев.

Разрушение бесновался в его голове. *Я хочу назад свою женщины. Верни ее!*
"Верну".

Он должен.

Рука опустилась на его голое плечо. И Баден не ощутил боли. Он повернулся, ожидая увидеть Катарину. Она поняла свою ошибку! Но встретился лицом к лицу с Фокс.

- Что? - зарычал он, ненавидя свою нечувствительную кожу.

Ее взгляд прошелся по его обнаженному телу.

- Как на счет того чтобы одеться? Ты горячий и все такое, но я предпочитаю мужчин менее одержимых другой женщиной.

Он не был стеснительным или застенчивым, но ему не нравился взгляд другой женщины на собственности Катарины. Баден подошел к шкафу и натянул брюки. Он даст время Катарине, чтобы успокоиться. Затем атакует, чтобы вернуть.

Возможно, ему не следовало отдавать приказы на исполнение, но, черт возьми, ей нельзя оставаться человеком. Но ему определенно не стоило форсировать события, пока не нашел способ ее изменить.

- Что? - повторил он также приветливо.

- Я услышала крики и подумала, что могу тебе помочь. Не понимала, что такое предложение будет ужасным преступлением. Моя ошибка.

- Мне не нужна твоя помощь. Кроме того, события в моей жизни - не твое дело. Начинать дружить с хранительницей Недоверия? Ни за что. Он давал ей советы, но только по просьбе Катарины. Сейчас он просто хотел кого-нибудь убить.

- Я тебе не враг, Баден.

- Правильно. Ты хуже. Ты напоминание о прошлом, которое нельзя изменить.

- Да, и тебе стоит быть благодарным. Теперь ты сильнее. Умнее. А у меня в жизни полный бардак.

- Только по своей вине. Ты приняла демона. Ты этого хотела.

- Я хотела силы. Ты не представляешь, какая у меня была жизнь, бессмертная, родившаяся без... - она вдохнула и успокоилась. Чего Фокс не сказала?

Она была бессмертной неопределенного происхождения. Он никогда не видел, чтобы она обращалась в животное. Ее голос не служил оружием, как у сирен, и у Фокс не было крыльев, как у Гарпий, Посланников или ангелов. У нее не было клыков, как у вампиров, или как у Пандоры, и от нее не исходила аура власти, как у ведьм.

- Я хотела силу, - повторила она.

- Ты обрела иллюзию силы. И новые слабости.

- Я знаю это. Теперь.

Настоящая сила в дружбе... в превосходстве числом. Настоящая сила в любви... в готовности пожертвовать ради других.

Из-за любви часто проливается кровь.

Настоящая сила в надежде на лучшее завтра... чего у него больше не было. Он понял, что настоящая сила не должна строиться на насилии. Она должна быть нежной, как женское прикосновение.

Возможно, теперь он умнее. И все же Баден позволил своей решимости отпугнуть Катарину. Чтобы обеспечить ее безопасность, да, но одновременно позаботиться о ней на своих условиях.

Он сдернул рубашку с вешалки и натянул через голову.

- Мне нужно идти.

- Послушай. Хочешь ты моей помощи или нет, но ты ее получишь. Я кое-что знаю о сыновьях Гадеса. - Она потерла заднюю часть своей шеи, переминаясь с одной ноги на другую. - Уильям и Люцифер тоже носили наруччи.

Откуда Фокс это знает? И Уильям не стал бы хранить такую тайну...

Нет, не правда. Уильям был эгоистом, с легкостью забавляясь незнанием других. Даже друзей.

Уильям даже предупреждал Бадена о Фокс. Потому что она в курсе его секрета.

- Ты должна была рассказать об этом раньше, - сказал он.

- Не хотела, чтобы ты задавал вопросы о моем прошлом.

- Ох, я не стану. Буду слишком занят убийством своего, якобы, друга.

Баден схватил два кинжала и сделал мысленную корректировку.

"Дом там... где Уильям". Он переместился в просторную спальню. Стены покрывали отметины когтей, мебель валялась разломленной на кусочки, осколки стекла усеяли пол. Мэддокс, Парис и Сабин делали все возможное, чтобы удержать Уильяма, пока тот буйствовал, в это время Страйдер и Люсиен охраняли дверь, чтобы не дать ему сбежать. Разве они не помнили, что мужчина может перемещаться? Или Уильям не мог, пока не успокоится?

Он беспощадно сражался, каждое его движение было точным и методичным, несмотря на нестабильность Уильяма.

Каким-то чудом Мэддокс смог удерживать одну его руку, а Страйдер другую, давая возможность Парису подойти сзади и выполнить шейный захват. Они не смогут удерживать мужчину долго. Уильям уже почти освободился.

Баден поспешил сократил дистанцию и вогнал один из кинжалов глубоко в сердце Уильяма. Наконец, мужчина затих, посмотрев на Бадена, когда пламя буквально зажглось в его глазах.

- Ошибка, Рыжик. Большая ошибка.

Баден проткнул другим кинжалом живот Уильяма.

Тот маниакально рассмеялся, пока остальные смотрели в изумлении.

- Я хотел прийти к тебе. Чтобы забрать должок.

Баден ощущал, что это не правда.

- Хочешь получить долг? Попроси меня освободить тебя, и я послушаюсь.

Ярко-синие глаза потемнели до угольно-черного. Чернота распространилась на скулы, что напомнило Бадену об одном из королей, которого увидел в тронном зале Гадеса.

"Я смотрю в пропасть".

- Нет, - бросил Уильям. - Думаю, я предпочту подождать.

- Отлично. - Баден провернул кинжалы глубже. - Тогда давай поговорим о причине моего визита. Ты носил или нет когда-то наручи Гадеса?

От удивления Уильям подался вперед, загнав кинжалы еще глубже. Еще один шаг, и руки Бадена покажутся с другой стороны.

- Такое чувство, будто ты используешь момент? - поинтересовался воин, обманчиво успокоившись, хотя под кожей мелькали молнии.

- В любом случае, ответь, - потребовал Баден.

- Или что? Ты проткнешь меня третьим кинжалом?

Ублюдок. Он ничего не боялся?

- Думаешь, у одного тебя проблемы?

Такой вопрос мужчина когда-то задал ему.

- Я единственный, кто беспокоится об этом.

- Скажи, что я хочу знать или...

- Или что? - Слова прозвучали тихо, но резали больнее клинов. - Скажи. Я образно умираю от любопытства.

Это сын Гадеса. Доказано, что угрозы не сработают, призывы к его более мягкой стороне не сработают тоже. У него нет такой стороны. Или скорее у него она была, но ее отняли.

Баден выдернул кинжал по одному, вытаскивая вместе с ними кусочки сердца и печени. Ой.

- Ты не в курсе, зарегистрировались ли Джилли и Пьюк? Хочу убедиться, что куплю правильный тостер.

Уильям прищурился, и стало ясно, что он пытается сохранить хладнокровие.

- Да, Рыжик. Я носил наручи, как и ты. Они сделали меня сыном Гадеса, и если ты проживешь достаточно, они изменят и тебя... брат.

Глава 25

*"Двигайся вперед и наедай себе вес мороженым. Расширь поле для его любви".
- Хайди, бывшая хранительница Ненависти*

Гален отказался отвезти Катарину и собак в Братиславу, где она смогла бы найти новое место, чтобы жить и начать сначала. Вместо этого он перенес ее к небольшой разношерстной группе прямо к Кили и Кайе.

По словам Галена, Кили обладала ужасающими силами, поэтому враги так ее боялись, что не произносили даже имя, разве что шепотом, а Кайя могла уничтожить целую армию, не пролив ни капли пота.

Детали Баден опустил во введении.

Еще один прекрасный пример того, почему Катарине нужна книга о том, кто кому приходится в этих мирах.

Хотя сейчас Баден вряд ли бы такую предоставил.

Ее глаза начали... нет, конечно, нет... но она не могла отрицать... или бороться... с жжением долго. Дрожа, она вытерла щеки. Они остались сухими. Хорошо, это хорошо. Она не станет из-за него плакать. Ее родители и Питер заслужили слезы. Ее драгоценные собаки заслужили слезы. Но не Баден.

"Подбери сопли. Шевелись".

- Сюда. Леди, теперь она ваша проблема. Если хотите, защищайте ее. Или нет. Моя часть уговора выполнена.

Гален исчез без лишних слов.

Кили смущенно на нее посмотрела.

- Кто ты?

Это шутка?

- Ты меня знаешь. Мы виделись только на прошлой неделе.

Кили покачала головой.

- Исключено. Я бы помнила. Подожди. - Она потерла виски. - Детали возвращаются. Ты девушка Бадена... Катрина. Он скрылся с тобой после нападения на наш дом.

Сердце отдалось болью, жжение в глазах вернулось.

- Я была девушкой Бадена. - Она указала на уютное местечко в углу, и собаки поспешили лечь. - Мы решили расстаться, потому что он мудак. И меня зовут Катарина.

- Катрина лучше, - сказала Кайя с кивком. - Меньше слогов.

Катарина подарила ей фальшивую улыбку.

- Тогда я буду звать тебя Кики. Так красивее.

"Нужно выжать все лучшее из плохой ситуации".

Она оглядела обстановку. Такой декор можно найти в порно. Темный, интимный и намекающий на непристойности, с зеркалами на потолке и стенах.

- Что это за место?

- Ночной клуб для бессмертных, - ответила Кили. - Известный как Падение. Подходяще. Согласно часам на стене, до открытия бара еще много времени. Ну. Неудивительно, что здесь нет других посетителей.

- Почему вы здесь в нерабочие часы? - спросила она.

- Короче говоря, я проверяла безопасность клуба, смотрела, можно ли ее взломать и войти. Подсказка: да. - Кайя зашла за стойку и смешала коктейль, который назвала Позорная Спираль. - Небольшая проблемка. Я не сказала владельцам, что окажу им такую огромную услугу. Вот. Выпей.

- Буду с тобой честна, - сказала Катрина. - Это может быть даже бордо из коробки. Я не вижу разницы между хорошо смешанным и ужасным напитком.

- Тогда, вероятно, ты единственная в мире не способная оценить мой громадный талант. Ну что ж.

- До дна. - Катарина опустошила свой бокал в один глоток и закашляла, когда ее горло и желудок опалило огнем. Комната на мгновение закружилась. - Думаю, нужно переименовать напиток в Плохое Решение.

Кайя подняла в воздух кулак.

- Изменение утверждено! Теперь выпей другой. - Она подтолкнула Катарине еще один бокал. - Это поможет тебе отвлечься.

- Если меня арестуют за кражу спиртного...

Первому бокалу можно найти оправдание. "Просто мое сердце разбито". Но второму? Не особо.

- Чувиха. Худшее, что Тейн сделает, это посадит нас на кол на переднем дворе. Он - один из трех владельцев, и колосажание его специальность. - Кайя перебросила рыжие волосы через плечо. - Но сначала ему придется нас поймать, а этого не произойдет. Кили охотно кивнула.

- Моя девочка говорит правду. Я могу перемещаться, а могу летать, словно ветер. Кроме того, ты отстанешь, и он сосредоточит все усилия на тебе, забыв о нас.

Так утешающее.

- Твое бессмертие не заслужено.

Она ревновала. Правда. Этот корабль ушел.

Стерва с розовыми волосами постучала по подбородку тупым ногтем, покрашенный ярко-зеленым лаком.

- Должен быть способ вступить в игру и сделать тебя бессмертной.

- Баден сказал то же самое.

- Он прав. То есть, у Гадеса есть способности, а я сильнее и лучше его. Я почти уверена, что сделала бы что-нибудь для Джилли...

Подождите.

- Ты про больную девушку, которой пришлось выйти замуж за мужчину-козла, чтобы спастись?

Кайя провела пальцем по шее в "чувиха, закрой свою хлеборезку" жесте.

- Мы не должны об этом говорить, Кили.

- Кто-то болен? Почему я всегда узнаю обо всем последней?

Кили осушила свой очередной коктейль, затем жестом указала Катарине сделать то же самое.

Она послушалась, в этот раз было скорее тепло, чем больно, в результате чего в ее голове взорвались фейерверки, и выплеснулось пламя.

- Я не хочу выходить замуж за чудовище.

Или за зверя.

Ее охватила тоска. "Нужно стереть Бадена из памяти. И никогда больше о нем не думать. И не желать. И не мечтать. И не фантазировать о нем". Нет. Никогда. Он вытащил свою яже-мужик карточку, и она вышла из игры.

- Ох! Теперь я помню. - Кили надула губы и сказала: - Как я могла знать, что, помогая Джилли стать бессмертной, возможно, причиню ей вред?

Кайя подняла руки в воздух.

- Эм, вероятно, потому что ты сказала мне: "Кайя, это может ей навредить", прежде чем тайно подлила эликсир ей в напиток. - Говоря о напитках, она налила еще по бокалу. - Ты посчитала, что риск стоит награды. Так называемое вечное счастье Уильяма против его вечной ненависти.

Кили пожала плечами.

- Кто-то выигрывает, кто-то проигрывает.

Катарина в ужасе посмотрела на свой новый коктейль.

- Ты дала мне эликсир?

- Нет! Или, скорее всего, нет. Я почти уверена, что усвоила урок. - Кили протянула руку за барную стойку и схватила черную бутылку с этикеткой "Амброзия". - Она вытащила пробку зубами и выплюнула ее. - Только время покажет.

Кайя помахала пальцем перед лицом Катарины.

- Что произносится в Падении, остается в Падении. Стукачи получат розгачи.
- Поняла. Доверьтесь мне. - В противном случае Уильям может убить обеих женщин за их поступки. - На случай, если размыто дала понять, то я не хочу становиться бессмертной. Неважно сколько бонусов приносит эта трансформация.

Кили выпила половину бутылки, затем вытерла рот тыльной стороной ладони.

- Баден все испортил, да?
- Он приказал мне подчиниться его приказам, не интересуясь, что я чувствую по этому поводу.

- Ну. Я советую, быть выше этого, - сказала Кайя с кивком. - Так что тебе не стоит опускать до его уровня. Я предпочитаю свободу.

Катарина опустошила стакан. Если ей подлили эликсир, то пусть так и будет. Она справится. Кроме того, продолжать пить было отличной идеей. Лучшей! Ее мозг теперь стал стробоскопом!

Кили пихнула ее плечом, и Катарина чуть не грохнулась на пол.

- Все наши имена начинаются на К. Совпадение? Или мы входим в тайный клуб, и просто не знает об этом?

- Тайный клуб. - Кайя хлопнула в ладоши. - Девушки, которые верней всего украдут конфетку у ребенка.

- Ни в коем случае. - Кили задумалась на секунду. - Девушки, красота которых верней всего станет причиной несчастного случая.

Дебаты продолжились.

Кайя: "Девушки, которые верней всего станут президентом ЛКУ. Люди, Которые Удивляют".

Кили: "Девушки, которые верней всего посетят конвенцию Бессмертных с приходом ночи. Надежда Лотэра!"

Кайя: "Девушки, которые верней всего поплынут нагишом ради публики".

Кили: "Девушки, которые верней всего сварят кофе после убийства врага".

Девушки довольно жестко спорили о том, кто прав и нет, делая словесные выпады, прежде чем Кили решила, что Катарина будет выглядеть "официально" с "охранкой". Что-то временно предотвращающее беременность.

- Однажды, ты поблагодаришь меня за это. Поверь.

- Может Баден даже... неважно. - Она больше не с Баденом. Он не был ее парнем, а Катарина не его девушка. Они больше не займутся сексом. Однажды в ее жизни появится новый мужчина. Начнется новая история. - Давай мне свою охранку.

"Для другого мужчины", - подумала она дерзко.

Кили вытащила необходимое оборудование из огромной сумки... или чемодана.

- Я не выхожу из дома без надлежащих инструментов.

Охранкой оказалась всего лишь татуировка на задней части шеи Катарины, закрученный черный символ скрыли волосы, когда она опустила массу.

Она не знала точно, как это предотвратит беременность... или не предотвратит... но это не первое новое впечатление за последнее время. По крайней мере, боль от игры помогла отвлечься от проблем.

- Каждый раз, когда у тебя настанет благоприятный период для зачатия, - сказала Кили, - мы узнаем по охранке. Ой! Я могу нанести тебя защитную охранку. И навигационную, и, ой! Ой! - Она подпрыгнула. - Знаю. Охранку, чтобы никто не мог использовать свои силы против тебя.

- Нет. - Она не хотела еще охранок, пока не узнает больше об этой. - Не стоит.

- Надеюсь, вы не возражаете, - заговорила Кайя, - но я пригласила старшую сестру Талию присоединиться к нам. Мне кажется, я слышу ее во дворе. Она должна пройти через дверь...

Входная дверь распахнулась, и в клуб ворвалась высокая, стройная блондинка с двумя огромными мужчинами по бокам. У обоих были большие белые крылья с золотыми

прожилками, это самая прекрасная вещь какую она когда-либо видела. "Должна прикоснуться!"

У собак было свое мнение. Проснувшись и поднявшись, они бросились к ней, чтобы загородить собой Катарину.

- Фу, - сказала Кайя. - Ты сказала, что будешь одна.

Талия показала большими пальцами на мужчин.

- Я встретила этих придурков по пути на вечеринку. У меня был выбор. Убить их или пригласить с собой. - Взгляд ее бледно-голубых глаз остановился на Катарине. - Великолепно. Я ищу эту женщину. Хочу отомстить Бадену, и ты мне в этом поможешь.

- Эй. - Кайя топнула ногой. - Ты не можешь убить мою новую подругу.

- Не смеши меня. Ооочень даже могу. Но что в этом забавного? Она лишь слабый человечек.

Собаки зарычали.

Катарина огрызнулась, ярость вспыхнула из-за болезненного замечания. Вот... оно... как! Она не слабая, хилая или ничтожная, она тоскует, и устала быть таковой.

Талия остановилась. Кайя и Кили посмотрели на Катарину с опаской.

- Я. Не. Слабая! - Она бросила слова, как кинжалы, ее десны и кончики пальцев на руках и ногах обожгло. Катарина опустила взгляд и обнаружила, что ее ногти удлинились, стали толще и остree. У нее когти. Когти! После движения языка она поняла, что ее зубы тоже претерпели изменения. У нее появились клыки.

Шок разлился внутри нее, но этого оказалось недостаточно, чтобы ее успокоить.

- Кто-нибудь позовите Бадена, - сказала Кайя. - Быстро.

- Нет! - рыкнула Катарина. - Первый человек, который уйдет отсюда - умрет. Она сейчас угрожает? Что, черт возьми, с ней происходит? Она наконец-то превратилась в адскую гончую?

Глаза Кили расширились.

- Эм, даю руку на отсечение, что наша Катарина не совсем человек. Адские гончие что-то с ней сделали. Но как? Гончие вымерли. Гадес их истребил.

Гадес. Все всегда сводится к Гадесу.

- Ты знала, что щенки были адскими гончими? - потребовала она.

- Кили, ты не очень помогаешь, - сказала Кайя.

- Ох! Вспомнила! Я знала, что они адские гончие с какого-то момента, - ответила Кили, пожав плечами. - Я не была с Гадесом, когда он только начал свою войну против их стай, но была с ним перед окончанием. Я спрятала столько, сколько смогла отыскать. Щенки были очаровательны. И я знала, что Гадес однажды поблагодарит меня.

Катарина зарычала. Баден считал, что она поблагодарит его за деспотическое отношение. Он ошибся!

В мгновение ока обе сестры гарпии висели под потолком в дальнем углу комнаты. Крылатые "придурки" достали огненные мечи из воздуха.

- Мы лучшие друзья, помнишь, Катарина? - закричала Кайя. - Ты меня любишь.

- Катрина, - поправила Кили. - Я помню, как она ненавидит, когда ее называют неправильным именем. И, возможно, я должна переместиться с Баденом, несмотря на ее возражения? - Она сжала бутылку амброзии, словно ей было наплевать. - Подождите. Если она убьет его, Торин расстроится. Хорошо, мы зашли в тупик.

Катарина указала на нее когтем.

- Не иди против моих желаний.

- Мы должны что-то сделать, - сказал один из крылатых мужчин. - Не причиняя ей вреда. Адские гончие не всегда злые. Когда-то они возвращали и спасали души из Преисподней. Пара выглядела лет на тридцать пять. Один был покрыт белыми ужасными шрамами с головы до ног, и единственным цветным пятном в его внешности были кровавые глаза. Другой был загорелым с радужными глазами. Оба были такими же красивыми, как и их крылья, в жутком нечеловеческом смысле.

- Что делать, что делать. - Кили засияла. - Знаю! Я подарила ей охранку от беременности... и охранку, которая по существу является выключателем. Потому что я потрясающая и всегда думаю наперед. Троекратное ура мне!

Что!

- Ты провела меня.

И она заплатит.

- Ну, - огрызнулась Талия. - Щелкни выключателем!

Катарина сильно замахнулась рукой, намереваясь вырвать горло розоволосой красотке. Кили улыбнулась.

- Спи, - сказала она, и за секунду до удара Катарина и собаки отключились.

* * *

Ночной клуб наполнила музыка, которую вживую играла группа на сцене. Толпы людей... поправочка, толпы бессмертных... заполнили каждый сантиметр места. Сидя за столиком в углу, Катарина еще не испытывала похмелья, но уже слышала гул. Собаки лежали у ее ног, облизывая ее лодыжки каждые несколько минут, напоминая о том, что они охраняют.

Она очнулась около часа назад от спонтанного сна и обнаружила, что оказалась с собаками в незнакомом, роскошном офисе, распластавшейся на мягком кожаном диване. Она вспомнила, что произошло в баре, и отправилась искать Кили, благодарная за превентивные меры, предпринятые девушкой, сильно обиженнная, но отчаянно желающая извиниться.

В течение одного мгновения, она хотела убить девушку. Убить. То есть оборвать ее вечность.

Если бы Катарина так сделала, то никогда бы себя не простила.

Именно такую борьбу вел Баден ежедневно... ежечасно?

Она обнаружила, что все еще находится в Падении, и, хотя Кили уже ушла, Кайя, ее сестра Талия и Бьорн и Ксерксес... Посланники, так называют крылатых воинов, вид, отвечающий за ангелов... все еще были здесь, готовясь к открытию клуба.

- Не беспокойся о Красной Королеве, - сказал ей Бьорн. - Она уже забыла о тебе.

- Сядь, расслабься, - сказал Ксерксес, проводя к столу, который она занимала до сих пор. - Наслаждайся шоу.

- Вы разве не волнуетесь, что она и ее собачья свита, съедят всех ваших гостей? - спросила Кайя. - Ну, они же адские гончие! Знаете, сколько членов моего клана умерло из-за них? Катарину ненавидят, даже устроят травлю?

- Я могу уйти.

Талия похлопала ее по плечу.

- Не придумывай. Думаю, я стану твоей парой. Тебе стоит об этом знать. Пока мы храним твой секрет, никто не придет за тобой и собаками.

Теперь Катарина наблюдала за происходящим в клубе с широко открытыми глазами. Люди... бессмертные... веселились как рок-звезды на коктейле из наркотиков, адреналина и первоклассных стероидов.

Они самозабвенно танцевали, махая руками и вращая телами. У некоторых существ были крылья, но каждая пара отличалась от другой. Некоторые крылья были с перьями, а некоторые - с мембраной и костями.

А цвета! Все оттенки от белоснежного до смоляного. Радуга, вероятно, плакала бы от зависти.

У некоторых бессмертных росли рога. И не только на головах. У некоторых вместо волос были змеи. Живые змеи.

Инстинкт, которым она не обладала до укуса щенков, сказал ей не смотреть змеям в глаза.

У некоторых бессмертных вместо кожи был мех. Казалось, каждая сказка, какую

Катарина когда-либо читала, здесь воплотилась в жизнь. Она могла поклясться, что мифические существа, которые были плодом ее сверхактивного воображения... или ночных кошмаров, да, скорее кошмаров... проходили мимо нее.

Что самое поразительное? Теперь она одна из них.

Она может и не полностью превращается в адскую гончую и все еще уязвима перед возрастом и смертью, но слишком опасна, чтобы находиться среди людей, ее темперамент слишком горячий, чтобы справиться без усилий. Если когда-либо она потеряет контроль и воспользуется острыми зубами и когтями...

Она достаточно сильна для Бадена, физически и в любом другом плане. Хотя он никогда не узнает об этом. Ублюдок! Но...

Правда в том, что Катарина по нему скучала и, разрази гром, все еще переживала о нем. Он думает о ней? Сожалеет о своих приказах?

Жжение в глазах вернулось, хотя слезы вновь не полились. Глубокий вдох... выдох. Она изучала свой новый мир более пристально, радуясь отвлечению. Независимо от происхождения бессмертных, никто из существ не боялся драк. На самом деле, три схватки уже вспыхнули. Худшее началось, когда кто-то выкрикнул "сын трольской шлюхи". Самый большой парень, какого когда-либо видела Катарина, ломал вещи одним взглядом.

Она с гордостью подумала, что Баден с ним бы справился.

Тьфу. "Нужно перестать о нем думать".

Вампир подошел к ее столику и облизнулся. Его клыки были ослепительно белыми... он использовал полоски для отбеливания?

- Привет, милашка. Мечтаешь о массаже?

Она подняла оборону.

- Не интересует.

Бьорн и Ксерксес появились из ниоткуда и "проводили" вампира на выход. "Такие милые", - подумала она, улыбнувшись, когда они вернулись к ней.

Бьорн дернул прядь ее волос.

- Ты новый участник войны, и ты на нашей стороне. Мы не допустим, чтобы с тобой что-то случилось, пока ты здесь.

- Но я не участник чего-либо. Просто...

- Скажите "сыр". - Талия сделала несколько десятков фотографий их компании на свой сотовый. Она подмигнула Катарине и сказала: - Спасибо. Думаю, это поможет добиться цели.

Затем исчезла также быстро, как и появилась.

Ксерксес вздохнул.

- Девушка нарываетесь на неприятности.

- Разве они не все нарываютса, - заметил Бьорн.

На танцполе Катарина заметила... Бадена?

Ее первой мыслью было: "Он пришел извиняться!"

Сердце забилось прерывисто, когда она вскочила на ноги.

- Простите меня, господа. Останьтесь, - приказала Катарина собакам, не желая, чтобы они заблудились в толпе или пропали из виду и вызвали панику. Она пересекла комнату, прокладывая путь через толпу... но Бадена не оказалось там, где она его заметила. Нахмурившись и пытаясь не разочароваться, Катарина развернулась, ища его. Там! Сзади, у закрытой двери. Она бросилась вперед... но Бадена опять не оказалось у двери. В комнате? Она провернула ручку. Не заперто. Нерешительно она вошла... в офис. Он отличался от того, в котором она проснулась.

- Эй?

Нет ответа.

Внутри стояли стол, два мягких кресла, а вся стена была утыкана мониторами, которые показывали все уголки клуба. Когда Катарина прошла дальше вглубь, от порыва ветра захлопнулась дверь, и она ахнула.

Высокий, мускулистый мужчина с темными волосами... нет, светлыми... нет, темными... нет, красными... снова светлыми... вышел на свет. На нем как влитой сидел дорогой костюм, и если быть честной, то мужчина был, вероятно, самым красивым, кого она когда-либо видела. Он излучал сексуальность и утонченность, и все же что-то в нем заставило ее передернуться от неприязни.

- Здравствуй, Катарина. - Его голос соблазнял, как и все остальное, и вновь заставил ее содрогнуться. - Так приятно наконец-то познакомиться с тобой лично.

- Кто ты? - Ее поразил способ, каким он менял цвет волос. Мужчина притворился Баденом, так? И специально привел ее сюда. Но ради чего?

- Я тот, кто хочет тебе помочь.

- Почему ты хочешь помочь?

- Возможно, я ошибаюсь. Мы можем помочь друг другу. - Он плюхнулся в кресло и поднял ноги, демонстрируя итальянские туфли. - Ты можешь знать меня под именем Люцифер.

Враг Гадеса. Враг Бадена. Строго говоря: дьявол, о котором она слышала в церкви.

- Прошу, присаживайся. - Он махнул изящной рукой. - Я здесь, чтобы заключить сделку, а не причинять боль.

Какую бы сделку он не хотел заключить, она принесет выгоду только ему, неважно какой потрясающей может показаться.

Люцифер специализируется на обмане.

- Ни за что. - Катарина покачала отрицательно головой. - Мне не интересно твое предложение.

Он улыбнулся так, словно знал что-то, чего не знала она.

- Истории обо мне преувеличены, уверяю.

Он скажет что угодно...

- Ты заинтересована в том, чтобы спасти своего мужчину от смерти? - спросил он.

Вместо ответа Катарина схватилась за ручку и повернула. Конечно, теперь она закрыта.

- Возможно, это заставит тебя передумать.

Люцифер махнул рукой во второй раз, и в следующую секунду на столе появилось мертвое тело.

Она ахнула от ужаса. Человека только что убили, кровь все еще стекала.

Люцифер поднял мизинец, и из длинного ногтя выросло острие. Не спуская с нее взгляда, он погрузил кончик прямо в глаз мертвеца. Когда ее желудок скрутило, Люцифер положил глазное яблоко в рот и разжевал.

Она сдержала рвотные позывы, инстинктивно понимая, что ему понравится такая реакция.

Он улыбнулся.

- Слизкий центр мой любимый. Хочешь попробовать?

Катарина проигнорировала его предложение, сказав:

- Если бы ты только мог увидеть мир с точки зрения своей жертвы.

- Ох, я могу. И смотрю. И наслаждаюсь каждой секундой.

"Он хуже, чем я ожидала".

- Я не стану с тобой торговаться. - Как бороться с лжецом? Правдой. Время воздаст ему по заслугам. - Почему я? Ты slab. - Она лучше многих знала, как резкие точные насмешки могут ранить. - Ты проиграл королю ангелов и пал с небес. Теперь ты не можешь победить даже Гадеса, иначе давно бы уже сделал это.

Дым повалил из его ноздрей, когда он резко встал на ноги.

- Тебе лучше бояться меня, девочка.

- Страх - это твой путь. Дверь, через которую ты прокрадываешься. Я выбираю спокойствие.

Люцифер обошел стол, его тело было лишь оболочкой для убийственной ярости.

- Я хочу помочь твоему мужчине. Он и его друзья сражаются с тьмой, хотя должны просто ее принять. Только тогда они познают истинную свободу и силу.

Истинная сила. Путь к сердцу Бадена.

Жжение в деснах и на кончиках пальцев вернулось, напоминая ей, что она не беспомощна. Она вооружена.

- Что ты знаешь о свободе? Ты, кто зависит от своей гордости, желаешь только порабощать других.

"Бисквит, Подливка. Ко мне!"

- Я поставлю Бадена на колени. Я ему задолжал, - сказал он. - Возможно, я начну с того, что отдам тебя своей армии, позволяя им удовлетворить свои низменные потребности. Уверен, воин огорчится, и...

Собаки врываются через дверь, щепки разлетаются во все стороны. Они останавливаются по бокам от нее, их рычание сопровождалось странным жужжанием. Она посмотрела вниз, молясь, чтобы щенки не пострадали.

Катарина ошарашенно отшатнулась. Их зубы... их зубы двигались. У них были два ряда сверху и два ряда снизу, и они вращались по кругу, как у цепной пилы. Люцифер посмотрел на щенков, затем на Катарину. Его глаза расчетливо сузились.

- Я собираю информацию и кое-что слышал. Если хочешь заставить Бадена подчиниться твоей воле, я могу это устроить. Также я могу сделать тебя бессмертной.

Подчиниться ее воле? Не просто нет, а никогда. Какой бы лицемеркой она стала, отобрав у него право выбора. Но бессмертие... "Я только обманывала себя, когда отказалась, позволив страху взять вверх".

Страх, который этот мужчина почувствовал.

Потому что если бы она согласилась, но Баден не смог бы отыскать способ, ей пришлось бы жить с разочарованием, а ему - с неудачей.

- Что скажете, мисс Джоэль? - На его лице расцвела улыбка. - Мы будем торговаться?

Глава 26

*"Теории эволюции не существует. Только список существ, которым я позволяю жить".
- Ксерксес, Посланник*

Не могу унять эту ярость.

Крик Разрушения резанул и оставил ужасный шрам в разуме Бадена. Зверь жаждал крови, боли и смерти, как никогда раньше... или за неимением этого, требовал удовлетворения с Катариной. Ему нужно или то, или другое. Больше ничего.

- Я спрошу еще раз. - Баден оторвал Галена от пола, прижав к стене. - Где она?

Рот Галена открылся и закрылся, но он сделал только вдох.

- Где. Катарина?

Уильям переместился через секунду, после того как обратился к Бадену как в брату, не сказав ни слова о наручах. Вскоре после этого, Талия заявила в тайный дом с фотографиями Катарины. Гарпия скалилась, когда он смотрел на изображения его женщины, улыбающейся Борну и Ксерксесу, словно эти двое были ее любимыми героями.

"Когда она ушла от меня, то посмотрела на меня, словно на монстра".

Талия сказала:

- Не торопись в клуб. Она уйдет до твоего прибытия. Я прослежу.

Баден пытался переместиться в клуб, думая о нем, как о своем доме... "убью Посланников, прикоснувшихся к моему!".. но потерпел неудачу. Теперь он задавался вопросом, исправил ли Гадес эту лазейку.

Затем Баден попробовал переместиться к Александру, но тоже неудачно. Попытался переместиться к Доминику с тем же нулевым результатом.

Он каким-то образом полностью потерял способность перемещаться?

- Она нужна нам, - закричал он. - Катарина нас успокоит.

Вернет душевное равновесие.

- Нам? Нас? - наконец выдавил Гален. - Хочешь, чтобы я предал твою девушку? - Он замахнулся ногой между их телами и пнул. - Мы оба знаем, что ты убьешь меня за это.

Баден отступил, разжав хватку.

- Тебя не волнует она, и тебя не волную я. Прекрати притворяться.

- Ты прав. Я никогда ни о ком не волновался кроме себя. - Гален поправил воротник и смахнул невидимую пушинку с плеча. - Хочешь знать, где я был в день нападения убийцы?

- Больше нет. Скажи мне, куда Талия забрала Катарину!

"Прежде чем я потеряю контроль".

Воин сделал вид, что не услышал, сказав:

- Я был в городе и разговаривал с терапевтом о лучшем способе помочь Легион.

- Мне не нужно знать...

- Да, ты должен знать. Ты не желаешь изменить свое мнение обо мне. Не хочешь верить, что я пытаюсь быть лучшим мужчиной для нее... лучшим другом для тебя. Для всех вас. Я бы привел тебя сюда и помог без всякого стимула, но ты предложил единственное, от чего я не в силах отказаться. Теперь я помогу тебе, неважно хочешь ты этого или нет.

- Ты можешь помочь мне, только сказав, куда забрали Катарину.

Улыбка Галена была холодной.

- Этого я не могу сделать. Не потому что не хочу. Талия мне не отчитывается.

Баден потер рукой лицо. Это его вина, а не Галена. Катарина хотела быть наравне с мужчиной, как и любой здравомыслящий человек, хотя он ждал от нее потакания его желаниям. Хотя ее желания не менее важны.

Прошло немного времени, и он осознал собственную глупость. Катарина была его самым дорогим сокровищем. Почему он относился к ней... к любой ее части... как угодно, только не с уважением?

- Уходи, - пробормотал он. - Я ненавижу тебя, но не хочу навредить.
- Ты меня не ненавидишь. Просто ты любишь возражения.

Вспышка света сверкнула за Галеном, который быстро развернулся, снимая кинжал с талии. Баден встал рядом через секунду, держа собственные клинки в руках. Но это появилась Кили, а не враг. На ней был надет комплект нижнего белья, а волосы накручены на бигуди. Она забыла одеться? Не в первый раз.

- Привет, парни. - Она улыбнулась и помахала им, словно они случайно столкнулись в супермаркете. - Подождите. Я забыла даже о том, что вы двое существуете, так почему я...
- Из-за меня, - перебил Гален. - Я убедился, что ты получаешь ежедневные напоминания. Итак. Зачем ты здесь? Одна?

- Ох! Верно. Талия оставила ее с Посланниками, думала, что будет забавно заставить Бадена погнаться за неосуществимым, пока Катрина оставалась там, где он и подумать не мог, но воины позвали меня назад из-за чрезвычайной ситуации. Я упомянула экстренный случай, верно? - Кили переместилась к сломанной тумбочке и взмахом руки ее починила. - Боюсь, у меня плохие новости, ребята. Кое-что немного ужасное произошло, но мы справимся с этим вместе. Потому что мы семья, и именно так поступают в семьях. Или так мне сказал Торин.

Разрушение забился в голове Бадена.

- Если Посланники навредили хотя бы волосу на голове Катарины... - Они умрут до рассвета.
- У тебя на лбу вена пульсирует, - вставила Кили. - У тебя инсульт? Или я не упомянула, что ситуация всего лишь немного ужасная?
- Кили. - Уголки губ Галена дернулись. - Сконцентрируйся.
- Верно. Экстренный случай. Люцифер предложил Катарине бессмертие в обмен на ее душу и...
- Что! - зарычал Баден. Цена такой сделки слишком высока, неважно насколько сильно он хотел для Катарины вечной жизни. Скорее всего, она станет рабом Люцифера, как Баден был рабом Гадеса. Мерзкие контракты с таким злым мужчиной толкали бы ее на...
- Никто не позволит мне закончить?

Пряди ее волос поднялись от ветерка, которого он не ощущал.

- Прошу, - сказал Гален, проявляя воспитанность. - Продолжай.
- И умная девочка отказалась. Я так ею горжусь!

Только тогда Баден смог спокойно вздохнуть.

- Расскажи ужасную часть.
- Ну. Люцифер назначил цену за ее голову. За ней началась охота.

Она в опасности прямо сейчас?

- Почему мы все еще говорим? Перенеси ее ко мне.

- Поразительно. Неудивительно, что она тебя оставила. Ты считаешь свое мнение единственным верным. - Усмешка Кили посрамила ухмылку Галена, холоднее льда. - Удачи тебе с этим.

Спустя секунду, Кили и Гален исчезли... и появилась Катарина.

Облегчение накрыло его, смыв весь гнев. Даже Разрушение успокоился. На ней не было ни порезов, ни синяков, и все конечности остались при ней.

Однако, очевидно, что гнев остался. Ее взгляд встретился с его и пронзил насквозь.

- Ты!
- Я. - Баден сделал шаг по направлению к ней, но она взяла кинжал с тумбочки, чтобы его не подпустить. Он бросил свое оружие, и звук ранесся по всей спальне. - Где наши собаки?

- Мои собаки с Кайей.
- Они мои точно также, как ты. Хотя я не приказываю об этом. Просто надеюсь.
- О, нет! Ты не...
- Мне жаль. Очень жаль. Я скучал по тебе каждой клеточкой тела, Катарина. Твое мнение имеет значение. Я буду защищать его ценой собственной жизни.

Она подняла подбородок и помахала кинжалом.

- Перебьешь меня снова и увидишь, что произойдет. Рискни.

Его пронзила вспышка похоти, полностью подавив гнев. Ее нежелание отступить... ее показная сила перед лицом опасной ситуации... "моя прекрасная женщина".

- Я могу о себе позаботиться, - сказала она. - Сегодня я это доказала.

Баден со скрипом признал эту правду.

- Я тебе не нужен. - Она может выжить без него. Может процветать без него. - Но ты все еще меня хочешь, я это докажу. - Он обхватил свою растущую длину и шагнул к ней. - Если ты мне позволишь. Пожалуйста, позволь мне.

- Нет. - Дрожь в голосе выдала ее. - Нет!

Он сделал к ней еще один шаг.

- Я умоляю, Рина. - Баден произнес слова с рваной интонацией. - Порань меня, если хочешь. Сделай больно. Но займись со мной любовью. Я без тебя ничто.

Ее глаза сверкнули.

- Как долго этот милый мужчина останется со мной?

- Навсегда.

- Потому что ты все еще ждешь вечности, несмотря на мои слова? - прошипела она, размахивая кинжалом. - Идиот! Ты прав. Я все еще хочу тебя. Ты заставляешь мое тело страдать от голода.

Ее признание сделало его член твердокаменным, и головка показалась над поясом штанов, на кончике выступила капелька предсемени.

Катарина добавила:

- Но также ты заставляешь мой разум тебя презирать.

С этим можно работать.

- Я сделаю все, что ты потребуешь. И, если ты мне позволишь, я заставлю твоё тело насытиться, а разум простить. Мне просто нужен шанс.

Она бросила кинжал на пол.

- Да первому, и никогда последнему. Что мне от тебя нужно? Чтобы ты помнил, оргазм ничего не значит и не станет вторым шансом. Это секс из ненависти, ничего более. Последний раз. Прощальный. Тема закрыта.

Пока она говорила, Баден сорвал футболку, расстегнул штаны и снял матриал с ног.

- Не прощальный, - сказал он. - Ты делаешь свой выбор, а я делаю свой. Я последнюю за тобой на край земли.

- Ох, определенно прощальный. - Ее движения были резкими, пока Катарина снимала с себя одежду. - Все преследователи будут расстреляны на месте.

Часть его скучала по невинному человеку, которого рвало при виде крови, который умолял его не совершать насилия. Но он радовался ее храбрости.

- Ты не единственная, чье тело страдает от желания, Рина. - Его боль стала сильнее, пока он взглядом пожирал ее. Розовый румянец на ее коже. Пышная грудь с темными вершинками. Плоский живот и сексуальный пупок. Бедра в форме сердца и крошечный треугольник темных завитков. Эти длинные, бесконечные ноги.

Нет женщины более совершенной.

- Если ты закончил осмотр, - сказала она сухо.

- Пока.

Он двинулся вперед, медленно и целенаправленно. Уверенно. Баден истосковался по ней и не собирался пугать.

Она отступила, стараясь сохранить небольшую дистанцию. Не потому что испугалась, он видел в ее глазах не страх, а расчет. Женщине нравилось его дразнить. Катарина планировала заставить его добиться ее.

Он будет наслаждаться каждой секундой.

Предвкушение подталкивало его, он чуть свернулся вправо, отправляя ее к зеркалу в полный рост, стоящему в углу. Катарина ахнула, как только ее спина коснулась холодного

стекла, и этим обрадовала Бадена. Он ринулся вперед, схватил за плечи и развернул лицом к ее отражению. К их отражению.

Разрушение уже был ею покорен.

Прижимая ее спину к своей груди, Баден расположил Катарину, как захотел: ее руки сжали край зеркала, ноги были широко разведены. Какое зрелище они представляли. Контраст цветов. Его темно-рыжие волосы, и ее блестящие, оттенка оникса. Его загорелая кожа, и ее гладкая коричневая, безупречная... создания для его языка, его рук. Для каждой его части. Он принажлежал ей.

Они были контрастом текстур. Где он был грубым, она - гладкой. Где у него бугрились мышцы, Катарина дразнила своей мягкостью.

Баден вдохнул, когда обхватил ее груди и провел большими пальцами по соскам.

- Я скучал по этому.

- Не говори. - От ее рваного дыхания стекло запотело. - Просто действуй.

- Я многозадачный. - Он потянул за мочку ее уха. - А ты, Рина? Ты можешь выживать в мире без меня, но я не могу без тебя. Мы не можем. Ты нас успокаиваешь. Ты - наш дом. - И может быть поэтому не смог переместиться. "Дом там, где сердце". Баден больше не мог вносить какие-то коррективы в голове на счет того, что является и не является его домом. Потому что это она, ясно и просто. Навечно.

Катарина втянула воздух, широко раскрыв глаза.

- То есть... ты только что признался в наличии у тебя слабости.

- Я только сказал правду.

Медленно она расслабилась. Даже положила голову на его плечо, дамая ему лучший доступ к ее изящной шее. Он в полной мере воспользовался возможностью, самозабвенно целуя и лаская, наслаждаясь вкусом.

- Ты слаше всех конфет. - Затем Баден ушипнул ее соски и скользнул пальцами вниз... вниз к ее животу, остановившись у пупка. Все это время он продолжал водить членом между ее ягодиц. - В последний раз я взял тебя не целуя и поклялся никогда не допускать эту ошибку снова. Прошу... я хочу твой рот.

Она покачала головой.

- Никаких поцелуев. Это секс из ненависти, помнишь?

Резкие слова, но рваное дыхание ее выдавало.

- Тогда поцелуй меня из ненависти. - Он бы сорвал с ее губ поцелуй в любом случае. - Твой вкус точно приведет меня к погибели.

Дрожь сотрясла ее.

- Поцелуев из ненависти не существует.

- Докажи это.

И пока она это делает, Баден заставит ее кончить так сильно, что она закричит на весь дом.

Она начала тяжело дышать. Пот блестел на ее коже. Катарина откинула голову назад... и он стал ждать, не в силах сделать вдох... отчаянно желая...

- Я поцелую тебя, но только чтобы заставить признать правду. Дай мне свой рот.

Он прижался своим ртом к ее, прежде чем она успела передумать. Их языки сплелись, и Катарина застонала со свирепостью встречая его напор. Они пожирали друг друга.

- У-убедился? - спросила она.

- Даже не близко. Попробуем еще раз.

Она завладела его губами в очередном ожесточенном поцелуе. Его руки спустились ниже... ниже... и его палец погрузился в ее лоно. Она была горячей... опаляющей... и влажной.

- Думаю, твое тело меня любит, - прохрипел он.

Любит. Слово эхом раздалось в его голове, и тепло, каего он никогда прежде не испытывал, разлилось внутри. Баден хотел ее любви?

Она нажала на его палец.

- Больше.

- Твое желание - закон.

Он погрузил в нее второй палец, и Катарина вскрикнула. Баден наблюдал за ее отражением, наслаждаясь реакцией. Черты ее лица смягчились от желания, бедра выгибались навстречу его руке. Какая-либо женщина была настолько раскованной? Удовлетворенной, что он именно с ней, а не с кем-то еще?

Она обхватила его руками, и сжала ягодицы, ногтями врезаясь в его плоть. "Ее не может быть достаточно. Она моя". Его контроль... который и так уже был на пределе... истончался. Им овладело безумие.

Баден вновь поцеловал ее, прижав ладонь в сосредоточию ее желания, пока другой рукой обхватил и сжал грудь. Катарина закричала сильнее, и пока одна минута перетекала в другую, крики раздавались все чаще.

Она вильнула бедрами.

- Баден. Прошу.

Восторг потек по его венам. Пот покрывал их тела, помогая легко скользить. Катарина отпустила его задницу и запустила руку в его волосы.

Да, да. Ее дыхание стало неглубоким, когда она тянула за пряди и наклоняла его голову, как ей хотелось, молча требуя, чтобы он овладел ее ртом жестче, быстрее, глубже.

- Я отдам тебе все, Рина. - Необходимость кончить мучала его. "Прошло слишком много времени без нее". День... час, минута... слишком долго. Баден вытащил из нее пальцы.

В знак протesta она сильно прикусила его нижнюю губу. Непослушная девчонка. Он убрал ее волосы, положил влажную ладонь на ее затылок и слегка надавил, заставляя Катарину наклониться вперед, пока ее щека не коснулась стекла.

- Хочу тебя без защиты, - сказал он. Она научила его жаждать контакта кожа к коже.

- Да. Прошу. Не волнуйся... охранка... не могу забеременеть... прошу.

Охранка? Кили, должно быть, сделала ей татуировку с символами, используемыми Хранителями, народом Красной Королевы. Могущественная раса, которых каким-то образом могли одновременно и укрепить и ослабить их мистические татуировки. Символы, созданные до сотворения человечества.

Когда Баден наклонился, чтобы слизать влагу, которую оставил на коже Катарины, то занял позу для проникновения... затем полностью вошел в нее.

Ее оргазм был мгновенным и всепоглощающим, внутренние стенки сжали его длину. Он боролся с собственным освобождением, еще не готовый закончить с этим, почти не дыша, ожидая... нуждаясь... в большем. Но чем сильнее Баден в нее врезался, тем слабее становилась его желание бороться с кульминацией, от этого осталась только мысль. Ее оргазм не утихал, Катарина все еще сжимала его и бормотала его имя, когда толстая пелена накрыла его разум.

"Моя. Она моя. Не отпущу. Буду брать ее снова и снова".

"Да. Да. Так хорошо. Нет ничего лучше. Пометь. Заклейми. Владей".

"Контроль... ушел".

Он схватил ее за бедра, чтобы удержать вертикально, и в последний раз глубоко погрузился. Баден чувствовал каждую волну возвышенного удовольствия, накрывавшую его с головой, его тело содрогалось от силы оргазма.

Только когда он полностью излился, ее кульминация утихла.

Ноги Катарины дрожали, и он понял, что через несколько секунд она рухнет. Поэтому вышел из нее и взял на руки.

Глубоко дыша, она положила голову ему на плечо.

- Видишь? Ничего не изменилось.

"Ты только обманываешь себя, красотка".

- Поспи, если хочешь. - Баден положил ее поперек кровати, а затем подхватил необходимые вещи, чтобы очистить их тела. Как только он закончил, то накрыл ее одеялом. - Я защищу тебя от всех, кто достаточно глуп, чтобы попытаться заполучиться награду Люцифера.

- Не нужно...

- Знаю. Ты сильная. - Он погладил ее лоб рукой. - И Рина?

- Да?

- Кайя написала мне об изменениях в тебе. Клыки и когти. - Баден хотел бы увидеть трансформацию. Катарина, должно быть, прекрасна. - Щенки - адские гончие. Она напряглась, говоря:

- Предполагалось, что это останется в тайне.

- Учитывая вопросы, которые ты мне когда-то задавала, предполагаю, что они тебя укусили в свое время.

Защищаясь, Катарина ответила:

- Этим они не причинили мне боль.

- Понимаю. - Баден знал, что Гадеса кусали адские гончие, и теперь задавался вопросом, не показали ли Пандора часть этого ему, благодаря наручам. Как Баден показал берсерка.

- Если бы они хотели причинить боль, то сделали бы это. Страшным способом. Должно быть, они хотели создать с тобой связь.

- Как мужчина-козел создал связь с Джилли?

- Суть та же. Хочу, чтобы ты знала, неважно как тебя изменила связь, мое отношение к тебе не изменится. Ты мне нравишься.

Как и Разрушению, несмотря на адских гончих. Он пробыл от нее вдали недолго, но больше не хотел испытывать таких мук.

- Нет, - сказала она с горечью, - теперь я тебе нравлюсь, потому что стала сильней.

- Ты всегда была сильной. - Он провел пальцем по ее челюсти. - Я притворялся, что не вижу этого, чтобы защитить тебя. Но даже сильнейшим воинам нужен сменщик. Позволь мне с честью взять на себя эту обязанность. Знаю, что хотел бы видеть тебя в моим сменщиком.

Она не отводила от него тяжелый взгляд своих глаз, которые стали еще более зелеными в этот момент. Ее губы покраснели и опухли от обилия поцелуев, на щеках разливался румянец.

- Возможно... возможно, случившиеся между нами кое-что изменило, - призналась она, - но я все еще злюсь на тебя.

Баден ее поцеловал.

- Не волнуйся. Нас таких двое.

Глава 27

"Лучшая защита уничтожает атаку другой команды".
- Бьорн, Посланник

Баден сделал все возможное, чтобы защитить дворец в пустыне от всех представителей бессмертных рас... тех, кто будет атаковать с неба, с земли и из-под земли. Он поставил ловушки по периметру и наполнил арсенал оружием, которое ему дал Гадес. Оружием, которого он никогда раньше не видел и не знал точно, как использовать.

Когда за твою голову назначена цена, любое оружие сгодится.

Он рассказал друзьям о щедрой награде Люцифера за Катарину, и они решили помочь сначала Бадену, а затем Уильяму. Они были сейчас здесь, в Реальности Забытого, расставляя ловушки за пределами дома.

До сих пор никто не находил вход в этот мир без ключа или приглашения от Галена. Приглашения, которое он не направил Пандоре.

Вчера Баден встретился с ней в нейтральном месте: на развалинах в Будапеште. Он переместился, поскольку способность вновь заработала. Просто подумал о наручах Пандоры, которые были частью Гадеса, а теперь и частью Бадена. Она сделала то же самое.

Еще одна лазейка? Возможно.

Как и он, Пандора исцелилась от травм и не попала в другие засады демона. Они обсуждали свои нынешние трудности. Как бы ни было велико желание убить Гадеса. Или друг друга.

"Не знаю, как это произошло, - сказала она с каплей отвращения в голосе, - но... я перестала тебя ненавидеть".

"Приготовься смеяться, - ответил он. - Потому что я начинаю думать о тебе, как о... сестре".

Она расхохоталась.

"И не говори... брат. Чувства изменятся, когда наруччи снимут? Или сущность Гадеса прочно в нас укоренилась?"

Пандора не знала об адских гончих или о берсерке, и Баден объяснил, прежде чем ответить на ее вопрос. "Вероятно, слишком сильно укоренилось". Как они выживут после снятия наручей?

А Гадес хотел, чтобы они выжили. Они стали частью его семьи.

"Мы должны победить Люцифера", - сказал Баден. Люцифер придет за женщиной Бадена... за нашей женщиной, не забывай об этом снова... и ублюдок заплатит за все.

Пострадает за приставание к Катрине. Пусть мир знает.

Когда Пандора упомянула награду за голову Катарины... "почему Люцифер хочет ее смерти?"... Баден чуть не убил ее. Женщина, как он только что признался, была почти сестрой. Если бы она попыталась заполучить человека... Но Пандора лишь рассмеялась. Рассмеялась. Потому что ситуация ставит его в крайне невыгодное положение.

Она сказала: "Мы связаны. Уверена, я в любой день могу стать такой же постоянно отвлекающейся, как и ты. Только поэтому я желаю твоему человеку добра. Баден, ты мне нравишься, но я все еще планирую выиграть. Потому что, если мы ошиблись, и Гадес не испытывает к нам привязанности, один из нас умрет. Снова. Я намерена выжить".

"Я тоже". Он хотел жить с Катариной. Которая постареет, несмотря на ее связь с адскими гончими. Но об этом стоит волноваться... переживать... в другой день.

Прошлой ночью, выполнив очередное задание Гадеса, Баден попросил его сделать Катарину бессмертной. И какой был ответ?

"Этого не произойдет, Рыжик. Ни сейчас, ни когда-либо. Если я обращу твою женщину, после того как отказал в этом Уильяму, мой сын поможет Люциферу просто наперекор мне".

"Разве я не твой сын также?" - чуть не спросил он. Чуть. Но сдержался. Как и сказала Пандора, вдруг они ошибались, и Гадес не испытывает к ним привязанности...

- Что ты там делаешь, Баден? - позвала Катарина.

- Свой долг. Свое призвание.

Он забрался высоко на дерево, привязывая камеры к разным веткам, чтобы иметь обзор на всю пустыню.

Катарина с щенками вошла во двор. Три солнца любовно ласкали ее лучами. А почему бы и нет? Она надела белое бикини, которое демонстрировало ее восхитительные изгибы, и искушала его, как никто другой.

Разрушение в голодном позыве облизал губы. *Хочу ее опять.*

"Придется подождать, пока она сама к нам не придет".

Кое-что они выучили: готовность Катарины была ключом к их удовольствию.

Во время работы Баден взглядом возвращался к ней снова и снова, каждая его мышца была напряжена, а член пульсировал в штанах.

Солнечные очки скрывали ее глаза, но он решил, что Катарина тоже за ним наблюдает. Она вытянулась на траве, свела колени вместе и беспокойно ворочалась. Ее соски затвердели и ясно вырисовывались, после того как она вылила себе на грудь чашку воды, чтобы охладиться.

- Я хочу тебя, Рина.

Она вздрогнула, смущившись.

- Это очевидно, дорогой.

- И все же ты собираешься мне отказывать?

- Я упоминала, что злюсь на тебя, так?

- Нет. - Мстительные женщины довольно неприятны. И сексуальны. Чрезвычайно. - Ты упоминала ярость. Но должна была остыть.

Она зашипела, прежде чем согласиться:

- Ты предпочитаешь меня холодной?

"Необходимо взять ее побыстрее".

Каждый день Катарина с щенками занимались своими делами. Она учила их приносить мячик и другим играм, работала над их повадками и послушанием, упражнялась с ними в кусании и перетягивании мягкого рукава. Ее любовь к животным была очевидна. Она постоянно им улыбалась, ласкала и радовалась и слюнявым поцелуям. Бадена она игнорировала.

Он скучал по ее улыбкам. Тосковал по ее питомцам.

- Где Труляя и Траляля? - спросила она.

Гален и Фокс. Они помогли ему установить множество ловушек и посыпали его по десятку раз за день, когда Баден проверял их работу.

- Они крепят камеры перед домом.

Работа с Галеном напомнила ему о днях, проведенных на Олимпе, когда они охраняли Зевса. Они вместе сражались, истекали кровью, веселились и смеялись.

"Все еще не могу ему доверять".

Баден вскарабкался выше, чтобы прикрепить последнюю камеру... и движение чуть выше стены его остановило. Он вытащил свой мобильник, а не пистолет. Большинство установленных ловушек управлялось дистанционно, и нажатием нескольких клавиш можно было отправить части реальности в ад и обратно.

Его палец замер над клавиатурой, и Баден продолжал наблюдать, но обстановка не менялась.

Он закончил свою работу и спрыгнул, приземлившись с большой силой, но приглушив удар.

- Давай зайдем внутрь и...

Его наручи нагрелись и стали излучать мягкий красный свет.

Вызов.

Когда Разрушение раздражительно рыкнул, Баден сказал:

- Тебе лучше зайти внутрь. Катарина? По крайней мере, до моего возвращения...
Задний двор исчез, и, как обычно, перед ним предстал тронный зал Гадеса.
  - Хватит, - рявкнул Баден. - Если хочешь меня видеть, позвони. Напиши. А теперь отправь меня назад.
  - Когда это возражения тебе помогали?
- Князь был без рубашки, кровь и другие жидкости стекали с его груди. Кусочки плоти свисали с его темных волос. На нем были кожаные штаны, порванные на коленях, и всего один ботинок.
- "Успокойся, держи себя в руках".
- Я бы хотел вернуться назад. Пожалуйста.
- Просьбы не работают с Катариной, но с другой стороны она была намного упрямее князя Тьмы.
- Гадес стоял в нескольких футах от него, давая Бадена рассмотреть поближе и внимательнее татуировки на его теле. Как и у Железного Кулака, они двигались, скользили, словно змеи.
- Беспокоишься о своей женщинах, да?
- Что-то в его тоне... Он узнал правду о щенках?
- Убьем его, если понадобится*, - сказал Разрушение. Ох, как же временна преданность.
- Ну, можешь перестать волноваться, - добавил князь. - Я послал сообщение тем, кто решил навредить одному из моих людей, чтобы заполучить награду Люцифера. Если девушка пострадает, он умрет от моей руки. Или моего рта. Приму решение по ходу дела.
- Гадес знал. Возможно, не все, учитывая его стремление защитить Катарину, а не попытки убить, но кое-что точно.
- От моей руки. От моего рта. Она моя.
- Даже Разрушение запротестовал от заявления мужчины.
- Формальность. Ты принадлежишь мне, и все твоё тоже.
- "Полегче". Чем дольше Катарина находится в Реальности Забытого, тем выше вероятность, что этот мир... и этот князь в том числе... о ней забудет.
- Уверен, я здесь не для того, чтобы ее обсуждать.
  - Верно. У тебя очередное задание. - Гадес засунул руку в карман и вытащил ожерелье, которое Баден украл у любовницы Посейдона. - Передай это морскому богу. Если... и только если... он согласится поддержать меня во время войны. Если нет, разрешаю разрезать его на кусочки. Но тебе понадобится это. - Гадес бросил оружие, Баден его поймал за рукоять. - Раздай кусочки остальным бессмертным царям, какие существуют.
- "Ты, должно быть, шутишь". Баден изучал новое оружие. Это оказалась мини коса с изогнутым золотым лезвием.
- Оружию нужно только ощутить кровь жертвы, - сказал Гадес. - После этого оно может искромсать цель самостоятельно. Только отпусти.
- Мило.
- Посейдон не согласится. Я украл ожерелье. Он захочет со мной только сразиться.
  - Звучит, словно у тебя проблема, - сказал Гадес. Будто отец говорит с сыном. Он хлопнул в ладоши. - Пипин.
- Появился мужчина в робе с каменной скрижалью и положил камушек в ладонь Гадеса. После того как Баден вдохнул пепел, то получил способность перемещаться непосредственно к Посейдону и возможность выжить в подводном мире, в случае если Посейдон окажется там.
- Прежде чем ты уйдешь, у нас есть еще одно дело. - Гадес щелкнул пальцами, как настоящий повелитель зла. - Монета.
- Баден напрягся. Его величайший провал.
- Я...
  - Александр согласился отдать монету Люциферу.
- Александр все еще жив. Все еще связан с Катариной. Разрушение брыкнулся, словно бык пойманный за рог.

- Я остановлю его прежде, чем он сможет сдержать слово.
- Люцифер заблокировал твою способность перемещаться к мужчине. И он уже сдержал свою часть сделки, предоставив Александру бессмертную армию.
- Армии можно уничтожить.
- Да, и тебя тоже.

Мужчина за него переживал. Внезапно это стало ясно как божий день, и Баден удивился, что когда-то сомневался в привязанности Гадеса.

Он решил, что не стоит больше ждать. Время задавать вопросы.

- Я знаю, что наручи сделали меня твоим сыном. Что ты планируешь на счет меня... и Пандоры... после войны?

Гадес долго не сводил с него глаз, словно раздумывая о целесообразности своих следующих слов. В конце концов, он сказал:

- Оставьте нас.

Пипин, стражи и все ползучие гады, которых Баден не заметил ранее... змеи, пауки и их гибриды... бросились из комнаты, словно их ноги горели.

- Я дам тебе ответ. - Гадес выглядел недовольным. - Но хочу получить кое-что в обмен.

Этого он не может приказать Бадену сделать? Звучит интригующе.

- Я весь внимание.

- Ты же знаешь, что... связан со мной. - Неохотно признался он. - И я в курсе, что твоя женщина тренирует адских гончих.

Эти слова... прозвучали самодовольно.

И Бадена, и Разрушение охватила злоба... *защитить, неважно какой ценой.*

- Ты не причинишь вред ей или щенкам.

Князь улыбнулся.

- Я не собираюсь вредить им, Баден. Я хочу их использовать.

- Я не втяну их в войну.

- Они уже втянуты.

- Нет! - Разрушение рычание поддержал крик Бадена. - Никогда.

- Я могу приказать тебе привести ее сюда. - Гадес потер челюсть двумя пальцами. - Если она откажет мне, я могу пригрозить тебя убить. Думаю, она быстро поменяет решение.

Когда в Бадене вспыхнуло желание атаковать, каждый мускул в его теле застыл, не давая двинуться.

Князь вздохнул.

- Но такие угрозы недолго работают. Она найдет способ сбежать. Нет. Я хочу ее преданности.

- К преданности нельзя принудить. Даже с наручами.

Гадес щелкнул языком по клыку, и Баден узнал в этом действии свою привычку.

- Один разговор с девушкой. Мне нужно только это.

Если он откажет Гадесу в этом, заставит ли мужчина решить это?

- Ты можешь говорить с ней, пока я рядом, но должен пообещать не причинять вред ей или щенкам в любом случае... или позволить другому это сделать... независимо от ее ответа.

Холодный кивок, словно Гадес и не надеялся на большее, но все же возмущался условиями.

- Так тому и быть. Теперь. Твои ответы. - Он шагнул к трону и сел. Излучая царственность с головы до ног, Гадес казал: - Ты не мой сын... пока. Но можешь им стать. Потенциал есть. Все зависит от тебя. Наручи находятся снаружи твоей плоти, но прожигают себе путь внутрь, когда твоя воля заменяет мою. Как только они полностью укоренятся, у меня не останется якоря для влияния, и я потеряю свой контроль.

Никакого якоря, но благодаря Разрушению Баден и Гадес связаны навечно... Разрушение всегда будет его частью.

- Отмеченным я останусь ощутимым для тех, у кого есть тела?

- Да.

Баден пошатнулся и с трудом удержался. Он с Пандорой могли вытеснить волю Гадеса, став его детьми, прежде чем игра закончится. Гадес потеряет над ними контроль, а они сохранят преимущества наручей.

Этого и хотел Баден. Его жизнь вновь станет принадлежать ему... за исключением зверя. Но он уже научился ладить с существом, благодаря Катарине, они больше не разделены, а стали одним целым.

Гадес отмахнулся от него.

- Предполагаю, тебе нужно завершить новое задание и подготовить свою женщину к встрече со мной.

Почти окрыленный Баден закрепил ожерелье и спрятал мини косу под футболкой.

- Ох, и прежде чем уйдешь, - сказал Гадес. - Твои методы были немного... грубыми в прошлом. В этот раз ты имеешь дело с королевской особой. Попытайся быть дипломатичным.

- Как пожелаешь. Папочка.

Баден переместился. И оказался в спальне, стены которой были окрашены в черный цвет. Там было два окна, и оба открывали вид на дно океана. Вода была чистой и гладкой, кораллы блестели, и рыбки плавали. Выше куполообразный потолок также демонстрировал глубины океана... и морские обители восторженно наблюдали за происходящим на кровати. Постель под балдахином, который спускался с каждой стороны.

Эта раса всегда хорошо разбиралась в публичных показах. Секс, наказания, разногласия, ничего не было под запретом.

Когда русалки и русалы заметили Бадена, то начали бить по стеклу, чтобы привлечь внимание Посейдона. Судя по усилившимся стонам и хрипам, морской король предположил, что публике нравятся его движения и толчки.

Баден раздумывал над тем чтобы уйти и вернуться чуть позже... дурной тон прерывать мужчины до кульминации... но зачем рисковать переместиться в ловушку, после того как подданые предупредят короля о его неожиданном госте?

Разрушение все еще негодовал после встречи с Гадесом. "Сосредоточься! Закончи с этим и вернись к Рине. Защищай наше".

Да. Двинувшись вперед, Баден сжал косу. Он украдкой разрезал балдахин и увидел сцену. Голая женщина была привязана к столбикам, образуя букву Х. Ее глаза закрывала маска, а рот заткнут кляпом в форме шарика. Это не лесная нимфа.

Посейдон стоял перед ней на коленях, с осторожностью вколачиваясь в нее. Это наказание или доставление удовольствия?

В любом случае это, вероятно, направит Посейдона прямо на сторону Люцифера.

"Нет. Скорее морской король умрет",

Хладнокровное убийство не всегда было решением. Но иногда, в его мире, да.

Баден кинул косу... а король повернулся и бросил кинжал. Коса задела бицепс Посейдона, а кинжал вонзился в плечо Бадена.

Он вытащил оружие и бросил его на пол, коса к нему вернулась, словно буферанг. Он схватил рукоять и ухмыльнулся, когда по его руке прошла вибрация. Оружие жаждало большего, Баден мог это ощутить.

Морской король побледнел, когда опознал вид оружия.

- Ты головорез Гадеса.

- Да.

В его голосе гордость?

- Это положение не спасет тебя. Уходи или пострадаешь.

- Не я пострадаю.

Он помахал золотым лезвием.

Любовница боролась с путами, не понимая, что происходит вокруг, и Посейдон шлепнул ее по ягодице, не отрывая взгляда с Бадена.

- Я здесь, чтобы вернуть ожерелье, - сказал Баден. - Подарок от Гадеса. В обмен ты согласишься встать на его сторону в войне против Люцифера.

- Я... заинтересован. Нам есть о чем поговорить.

Посейдон вышел из девушки, спустил ноги с кровати и встал, потянувшись за халатом.

- Медленно и спокойно. Моя хватка ослабевает.

- Не сомневаюсь, - был ироничный ответ.

Позади раздался стук в дверь. Охранников предупредили, и они вломятся в любой момент. Очевидно, морской король не желал общаться, только тянул время. Баден сомневался, что упоминание о Пандоре поможет.

Позаботься о нем, прежде чем мы разозлимся.

Он едва... едва... не уступил контроль зверю. Его методы безумны, но быстры, и результаты неоспоримы. Вместо этого он отпустил косу, и лезвие полетело к Посейдону с рекордной скоростью. Порезы появились на его лице, груди и бедре, где выступили кровавые капли.

"Попытка быть дипломатичным провалена".

Баден протянул руку, и оружие вернулось.

- Ты поклянешься в верности Гадесу в войне, или я позволю косе тебя уничтожить. Выбор за тобой. В любом случае, у тебя пять секунд, чтобы согласиться. Раз.

Бух, бух, бух.

Посейдон вздернул окровавленный подбородок.

- Меня нельзя заставить.

- Два. Три.

- Люцифер предложил мне твою голову на блюдечке, если я ему помогу.

Итак. Ублюдок играет на две стороны.

Дверь наконец распахнулась, и вооруженные мужчины ворвались в комнату. Никто не стрелял в Бадена. Пока что. Они его окружили, ожидая приказа короля.

- Четыре.

Кости в шее Бадена сдвинулись, готовясь к битве. И это было не единственное изменение. Кончики его пальцев запылали, метки на руках изогнулись, тени поднялись.

Посейдон заметил это и нахмурился.

- Скажи Гадесу, что для меня будет честью ему помочь.

Глава 28

"Все мои друзья - сучки. Включая мужчин!"
- Джиллиан Брэдиоу

— *Мама! Папа!* —

Слова раздались в голове Катарины, привлекая внимание к щенкам. Она все еще оставалась на заднем дворе, хотя думала прислушаться к просьбе Бадена и завести ее щенков внутрь. Взволнованный крик ее остановил.

- Где? - спросила она, развернувшись.

— *За стеной!* —

Серьезно? Она взобралась на дерево, чтобы посмотреть... ничего себе! Целая стая адских гончих смотрела на нее. Это точно были они. Огромные, размером с лошадь, и всех возможных окрасов. Некоторые одного цвета, другие пятнистые. У всех виднелись клыки... много клыков. Их хвосты были длинными, свернутыми, словно кнуты, и лежащими на их спинах, готовые к удару.

Может быть... оставалось только надеяться... что они впечатлены мужеством Катарины. В конце концов, она не наделала в штаны или не грохнулась в обморок. Пока.

Все гончие были явно старше Бисквита и Подливки... которых стоило называть Кровью и Щитом.

Дрожа Катарина спустилась вниз. Щенки вскочили на ноги. Если пара захочет вернуться к стае, она поймет. И заплачет. Сильно. Глаза вновь начало жечь, когда она присела, и в этот раз... да. Влага действительно стекала по ее щекам.

Она создала здесь семью. Какими бы безмунными не были отношения с Баденом, они построили здесь семью. И теперь их хотят разделить. Снова!

- Итак. - Катарина погладила их головы. - Там ваши мама и папа, так?

— *Мама! Папа!* —

- Они хорошо к вам относятся? Не делают больно?

— *Любят!* —

- Как вы оказались отдельно от них?

— *Почуяли плохого мужчину. Ушли, хотя мама сказала остаться.* —

Она поняла, что они почуяли Гадеса в Бадене. Стая никогда не простит Гадеса за его преступления... закономерно... значит, они никогда не примут Бадена... несправедливо... значит, они никогда не примут ее. Это удар под дых!

- Почему вы не рассказали мне раньше? Я могла помочь найти ваших родителей.

— *Не хотели тебя бросать. Никогда не хотели тебя бросать.* —

- Иногда мы нуждаемся совсем не в том, чего хотим.

Ее слезы потекли сильнее, когда она обняла свои собак. Прощальные объятия.

Частично ажиотаж собак спал.

— *Не прощаемся! Пойдем! Пойдем!* —

- Нет, малыши, - сказала она мягко. - Я не могу пойти с вами. Я должна остаться здесь. Нужно все исправить с Баденом, раз и навсегда. Он и зверь нуждались в ней, и она вроде как... любила их. Любила сильнее с каждым днем. С каждым часом. Каждой минутой. Они были центром ее вселенной. Единственной дорогой к счастью.

"Я должна дать моим парням еще один шанс, верно?"

- Я должна остаться здесь, - повторила она, и в этот раз имела это в виду каждой фиброй своей души. - Баден - мой мужчина, и я ему нужна.

Щенки отрицательно покачали головами, оставаясь непреклонными.

— *Пойдем! Пойдем!* —

Они уже сходили с ума.

Слезы текли по ее щекам.

"Будь сильной". Эти слова она вынуждена была говорить себе каждый раз, когда одну из ее собак забирали в новую семью.

- Ваши мама и папа очень по вам скучают. Вы будете с ними счастливы.

— Пойдем! Пойдем! —

Из горла вырвалось рыдание, и Катарина лицом уткнулась в мягкую, сладко пахнущую шерсть. Она плакала из-за того, что потеряет сегодня и что уже потеряла. Ее родителей и Питера, и мальчика, каким когда-то был ее брат. Она плакала, осознав, что жить хорошо. Чувствовать эмоции, которые не могли ощутить ее близкие.

Катарина икнула, когда успокоилась, и обратилась к щенкам.

- Я скучаю по своим маме и папе очень сильно, и если бы могла их вернуть, то так и сделала. Вам дали второй шанс быть вместе, начать совершенно новую жизнь. Я не стану мешать.

Когда она вытерла слезы, то чуть не сломалась.

- Ну и ну. Это же моя маленькая жена и ее новые питомцы.

От ненавистного голоса у нее подкосились ноги. Катарина увидела Александра. Он стоял в нескольких футах, одетые в черное охранники выстроились в линию позади него, блокируя вход в дом.

"Сохраняй спокойствие!" Катарина приказала себе и щенкам. Баден принял меры предосторожности, разместил камеры по всей реальности. Наверняка Гален и Фокс заметили... или заметят... вторжение и придут для уравнения шансов.

Бисквит и Подливка зарычали, и Катарина ответила тем же. Возможно, она разочаровалась в методах Бадена избавления от врагов, но две вещи в нем всегда ее восхищали: он защищался и никогда не отступал.

"Я больше не боюсь Алека и его угроз. Единственная власть, которую он обретет надо мной, это ту, что я сама дам.

Я сильная и теперь докажу это".

- Как ты меня нашел? - потребовала она ответа. - Как пробрался сюда?

- Найти тебя было непросто. Я знал, что у меня есть жена, но не мог вспомнить имя. Пока Люцифер не помог.

Ублюдок!

Алек сделал шаг вперед, только чтобы остановиться, когда щенки вновь угрожающе зарычали.

Каждый из охранников... которые не могли быть людьми, слишком большие и грозные... вытащили большие, зловещие пистолеты и направили на животных.

Она закрыла Бисквит одной ногой, а Подливу - другой. "Стоять".

- Не вреди им, - крикнула она Алеку. - Они не сделали ничего плохого.

Он холодной ей улыбнулся.

- Но ты сделала, так ведь, принцесса? - Алек не стал ждать ответа и продолжил: - Поскольку ты отказалась открыть замок или найти ключ, чтобы освободить меня, пришлось пообещать монету Люциферу. В обмен он даст мне армию и королевство, подчиняющееся ему. Я не буду королем, всего лишь принцем. Сегодня я только вкушу свою власть.

Или его обманули.

- Если Люцифер действительно такой могущественный, почему ты все еще не стал принцом?

В глубине его глаза вспыхнули красным.

- Я еще не рассказал о местонахождении монеты. Настоял на визите к тебе, прежде чем полностью его поддержать.

Нет, здесь крылось что-то еще. Люциферу не понравился отказ Катарины от сделки, и он не хотел рисковать, что она создаст союз с Гадесом. Но учитывая наручи Бадена, не было никакого способа обойти это. За исключением ее смерти.

Почему не послать Алека присматривать за ее действиями, пока он контролировал ее в прошлом, не давая гибриду человека и бессмертного желаемого?

"Сегодня мой конец?" Даже с новоприобретенной силой ей не справиться со всеми этими мужчинами. Не одной.

Ну. Если она умрет, то прихватит Алека с собой.

— *Плохие люди. Плохие люди умрут.* —

Голоса щенков раздались в ее голове, Катарину охватило желание атаковать. Ее десны и пальцы начало жечь.

Алек нахмурился, словно ощутил, что в ней что-то поменялось, но не мог определить, что именно.

- Ты, - сказал Алек, делая еще один шаг в ее сторону, - станешь моей наложницей, а не женой. Я знаю, что ты отдалась рыжему...

- Ты же сказал мне это сделать! - она не могла не напомнить ему.

Он сжал кулаки, напомнив ей об акулах-молотах. Алек представляет как бьет ее?

- По этой причине ты больше не достойна носить мое имя. Настоящим я отказываюсь от своих прав на тебя. - Он протянул руку и поманил ее пальцем. - Теперь пошли.

Если она откажется, он убьет собак?

"Нельзя позволять его приемам влиять на меня. Не отступлю. Не снова".

У нее было достаточно сожалений о прошлом. Нет причин добавлять больше.

- Я не пойду с тобой, blázon. - Сумасшедший. Она бросила в него слова, словно кинжалы.

- Ни сейчас, ни когда-либо. Я питала к тебе отвращение перед свадьбой и каждый день после. Ты - червь, которому суждено стать пищей других.

Его ноздри раздулись, когда он сделал еще один шаг вперед. Щенки рыли лапами землю.. и они были такими не единственными. Ее нога заскользила по траве сама по себе.

Рычание раздалось со всех сторон.

Ахнув, Катарина повернулась. Гончие сидели вдоль всей стены. Они забрались? Перепрыгнули? Шерсть на их спинах встала дыбом, превратившись в смертельные шипы. Волоски на задней части ее шеи тоже поднялись. Их хвосты раскрутились и торчали вертикально, плетеные шнурки свисали с кончиков.

От охранников стал исходить страх, их руки задрожали.

- Схватить, - рявкнул Алек.

В такой ситуации страх брал верх, по этой причине охранники ударят прежде, чем им отдадут приказ.

- Не смеите стрелять в животных, - сказала Катарина таким острым тоном, что могла пролить кровь.

Алек на нее посмотрел.

- Или что?

— *Фас?* —

- Или я скажу им разорвать тебя на кусочки.

"Ммм. На кусочки". Идеальный шведский стол. Она облизнула губы при этой мысли, только чтобы затем ужаснуться. Съесть врага никогда не было вариантом.

Бледный, как призрак, Алек закричал:

- Застрелите их. Застрелите их всех. Никого не щадите.

"Черт, нет!"

- Фас! - закричала Катарина, бросившись вперед. На полпути ее клыки и когти полностью выросли. Она хотела разорвать горло Алеку и не остановится, пока не сделает этого.

Ох, ништяк. Съесть врага стало вариантом.

Раздался первый выстрел, за которым последовало множество других. Слишком много, чтобы сосчитать. Но в нее не попали... нет, Катарина двигалась слишком быстро и наблюдала, как летели пули, чтобы увернуться. Скорее всего, также поступали и гончие, которые заполнили двор, защищая ее от мужчин.

* * *

Кровь. Так много крови. Целое море. Даже бесконечный океан.

Крики отдавались эхом в ушах Катарины, несмотря на тишину, накрывшую задний двор. Жажда крови схлынула всего несколько минут назад. Теперь она стояла посреди бойни, ее ноги налились тяжестью и дрожали.

Здесь, там, повсюду лежали оторванные конечности, головы и органы. Гончие все еще ели, чавкая над различными частями тел.

"Сколько мужчин она загрызла?"

Алек лежал перед ней. Он еще не умер, но его жизнь могла оборваться в любой момент. Или нет... у него же отросла рука, отрезанная Баденом. Алек не человек и никогда им не был. Когда она кусала его... снова и снова... ощущала на вкус силу в его крови. Темную силу.

Он протянул к ней дрожащую руку.

- Помоги.

У него не было ноги, а его туловище разорвало, из-за чего кишечник валялся рядом.

- Монета. - Как она могла говорить с комком в горле, Катарина не знала. - Где она?

- Помоги, - повторил он. - Прошу.

- Ответь на мой вопрос, и я помогу.

Только не так, как он надеялся.

Слеза стекла по его щеке.

- Моя мать была... падшим ангелом. Мой отец... человек... Я собирался умереть когда-нибудь... она вынудила меня ее убить... забрать монету и спрятать внутри моего... тела.

Его тело. Монета все еще была там, возможно даже выступала в роли системы жизнеобеспечения. Значит, если Катарина ее вытащит, он сразу потеряет свою жизнь, свой единственный туз в рукаве и новое королевство.

- Помоги. - Алек захлебывался кровью. - О-обещала.

- Ты прав. Я обещала. - Собравшись с силами, чтобы выполнить необходимое... другого выхода нет... она засунула руку в грудную полость, ища монету. - Не волнуйся. Твоя боль закончится.

Алек едва мог сопротивляться, сил почти не осталось. Слишком поздно.

В сердце Катарина наткнулась на что-то твердое, холодное и круглое. Ей пришлось приложить усилие, чтобы вытащить это, сломав несколько ребер, но его протесты затихли, а голова упала на бок.

Он был мертв. Раз и навсегда. Но она не ощущала облегчения.

Катарина посмотрела на свою окровавленную ладонь, кусочек золота размером с четвертак, ради которого Алек убил и умер. Как что-то настолько маленькое и милое может вызвать столько проблем?

Она не могла позволить кому-то еще найти или использовать монету и, возможно, помочь Люциферу. Или Гадесу. Даже Бадену. Он полюбил Гадеса, и ей пришлось признать, что Баден был меньшим из двух зол. Зверь был обучаем, Люцифер, который хотел, чтобы Баден принял тьму, нет.

Проблема заключалась в том, что Гадес когда-то уничтожал адских гончих. Нельзя позволить, чтобы он опять начал на них охоту.

Возможно... возможно, она могла использовать монету для защиты собак? Но если он накажет Бадена из-за ее желания?

Опять же, если она использует монету, чтобы спасти Бадена и разорвать его связь с князем, Гадес может наказать гончих.

А если она пожелает бессмертия, то может стать достаточно сильной, чтобы защитить Бадена и гончих. А может и не стать.

Каждый вариант сопряжен с большим риском. Ей нужно время на раздумья, на обдумывание всех плюсов и минусов.

Лапа коснулась ее бедра. Одна из собак сидела перед ней, в его глазах, смотрящих на нее, читался разум. У пса были длинные, толстые шрамы на морде. Одно ухо отсутствовало. Его пятнистая шерсть была покрыта кровью и блохами.

— Я Рёв. —

- Я Катарина, - ответила она мягко.

— Щенки мои. Я их отец. Верга — мать. Мы... благодарим тебя. —

Благодарность оказалось неожиданной и излишней.

- Они удивительные... - если бы она сказала "собаки", он бы обиделся? - Щенки. - Так и он их назвал. - Я наслаждалась каждой минутой, проведенной с ними.

— Согласен, что они удивительные, но они совершили немыслимое. Выпили твою кровь и поделились своей. —

Они... да, они это сделали. Она вспомнила вкус железа, когда проснулась после их укуса. Но... Чем это им грозит? Их накажут?

- Это моя вина. Я готова понести любое наказание.

— Они знали правила. Ты нет. Никаких связей. Убивать всех, кого пробуешь. Не оставлять живых. Не оставлять свидетелей. Никогда. — Рёв оскалился, обнажив клыки. Они были намного больше чем ее. — Вы трое связаны и останетесь такими... до смерти.

— Моей смерти, полагаю.

Ее сухой тон явно его удивил, но в последнее время ей часто угрожали расправой. Просто стало на одну угрозу больше.

— Нет, девочка. Ты не поняла. Твоя смерть повлечет за собой и их смерти. —

Что!

- Катарина! - Голос Бадена вибрировал от напрядения.

Она повернулась, когда поднялось рычание, ее сердце казалось взлетает и падает одновременно. Она прятала монету в карман.

- Не причиняйте ему вред, - закричала она. - Прошу. Он не сделает вам больно.

— Он твой? —

- Да.

— Он пахнет стаей. Стая, которую мы считали давно вымершей. —

Бисквит и Подливка упоминали, что Баден пахнет как Гадес. И если Гадес пахнет как другая стая... Значит, Гадес связан с адскими гончими?

Возможно. Но если бы такая связь существовала, мужчина бы умер вместе с ними. Да? Разве что... он нашел способ разорвать связь?

К ее удивлению собаки остались на месте, просто наблюдая, как Баден пересекает это море крови, чтобы до нее добраться.

Его волосы торчали. Кожа поблекла, но глаза пылали ярче прежнего от сочетания ярости и беспокойства.

- Все в порядке? Ты в крови. Почему ты в крови? И ты плачешь? - Он вытер большими пальцами слезы с ее щек. - Что они сделали с тобой? - Баден обратил свое внимание на Рёва. - Я убью тебя такими способами, которых ты даже представить себе не можешь.

Обещание вызвало еще одну волну рычания.

Катарина схватила его за предплечья и вернула внимание к себе.

- Я в порядке. - На данный момент. - Эта кровь не моя. Алек мертв. - Она указала на место, где лежали останки тела ее мучителя. - Убедись лично.

Баден взглянул на неподвижную оболочку, замолчав на мгновение. Он вытащил кинжал, присел и стал резать шею Алека, пока голова не отвалилась.

- Теперь ублюдок не сможет регенерировать. - Он выпрямился. - Но из-за чего слезы?

- Из-за моей семьи, - ответила она ему и затем повернулась в Рёву. - Пощади моего мужчину. Он не участвовал в моих делах с щенками.

- Я пощажу. Но только если удостоверюсь, что гончие никогда не нападут на тебя. Баден вышел вперед и закрыл ее собой, ее щит и меч, но ей этого совсем не требовалось. Катарина отодвинула его в сторону.

— Щенки не могут существовать без тебя. — Рёв хмуро посмотрел на нее. — Значит, вы застягли со всеми нами. Мы останемся с тобой и будем защищать. Твой мужчина в безопасности. —

Она ахнула, когда до нее дошел смысл его слов. Гончие перестали скрываться, и Гадес узнает об этом.

Ей придется что-то сделать. С монетой или без.

- Что случилось? - Баден не услышал речи Рёва и, скорее всего, подумал о зудшем, учитывая его реакцию. - Скажи, прежде чем я потеряю контроль.

- Гончие... они собираются... они мои, все. Моя семья. Навсегда.

Но они враги Гадеса, а Баден служил ему, и это не изменится в ближайшее время. Или даже никогда.

Должен быть способ существовать вместе. Просто должен быть.

Ее охватил собственнический инстинкт... жестокость... ее внутренний ад заявил о себе.

"Я буду защищать свое... до последнего вдоха".

Глава 29

"Прошу прощения за то, что обидела тебя. Будь уверен, этого больше не повторится. О, и кстати. Ты слабак".
- Ника Нежеланная

Раздался резкий стук в дверь. Камео пересекла номер отеля, чтобы поприветствовать курьера. Двухэтажный люкс был лучшим из лучших и включал все предметы роскоши, которые могли бы порадовать любого. Любой, но не Камео. Она видела в нем лишь средство для достижения цели. Способ добраться до Лазаря.

"Я иду за тобой..."

У отелей, предусмотренных для богатых гостей, есть два преимущества. Первое, она могла получить что угодно, лишь сняв трубку телефона, и второе, абсолютная конфиденциальность. Даже прислуга не могла войти без ее разрешения.

Она осмотрела комнату, а затем повернула ручку... все оружие было спрятано.

Камео махнула мужчине войти. Он занес поднос на небольшую кухню, и она начала надеяться, что встреча закончится без обмена любезностями.

Но ей не следовало надеяться на лучшее. С ней редко случаются хорошие вещи.

- У вас хороший день, мэм?

"Мэм. Вот кем я стала?"

Она могла кивнуть. Могла проигнорировать или притвориться глухой. Именно так она поступала в прошлом. Но не чувствуя доброжелательности, она сказала:

- Да.

Вот оно. Одно слово. И слезы начали лить из его глаз, словно курьера прорвало.

Люди! Хрупкие маленькие цветочки, все они. Кроме глухого человека, которого она когда-то любила... человека, который отдал ее Ловцам, почти убив... единственные существа, кто в состоянии проводить с ней время, живущие с ней одержимые демонами бессмертные. Но даже с ними ей приходилось ограничивать слова.

Так много слов заперты внутри нее!

Однажды, лимит будет исчерпан, и они полются из нее потоком... и мир, скорее всего, потонет под страданиями, самоубийствами и огромным количеством убийств.

Мужчина с удивлением вытер глаза.

- Простите. Понятия не имею, что со мной случилось.

Если он узнает правду, то, скорее всего, умрет от сердечного приступа или обоссывает штаны.

"Нет времени хоронить его тело, нет желания отстирывать его одежду".

Камео проводила его к двери, не сказав ни слова. Когда он вылетел в коридор, смущаясь собственных слез, она заперлась в номере, и только потом расслабилась настолько, что ощутила аромат сливочной пасты и запеченных овощей. В качестве, возможно, последнего приема пищи это казалось... достойным. Опять же вся еда по вкусу напоминала порошок. За исключением шоколада, конечно. Он ей нравился, но приходилось ограничивать его потребление, потому что нужно что-то к чему стремиться и чем себя баловать, так Страданию будет легче это разрушить.

Кроме... этого раза, когда даже мысли о шоколаде заставили по ее телу разлиться теплу. Камео ощущала покалывание, боль... это отголоски памяти? Лазарь полил все ее тело шоколадом и вылизал дочиста?

Девушке же можно помечтать.

Волнение за будущее охватило ее... и заставило мучаться Страдание. В свою очередь демон поступил как обычно, когда она ощущала что-то кроме печали, напомнил о самой большой преграде на пути.

Никто не может выдержать долго? Почему с Лазарем должно быть иначе?

"Потому что он мой?"

Ее друзьям удалось переступить через века зла, когда они встретили своих женщин. Без ящика, без ее свободы, путь к Лазарю был лучшим... единственным... способом достичь счастья и найти что и другие: свою любовь.

Возможно. Он даже станет ее парой?

Неизвестность терзала ее.

И, не имея представления, с чем придется столкнуться во время поисков Лазаря, ей нужно сохранить силы, поэтому Камео съела все до крошки, даже учитывая, что еда в животе ощущалась свинцовыми пулями. Когда она закончила, то зашла в спальню, где хранила три артефакта и картину Даники.

Ей понадобилась минута, чтобы отправить смс-рассылку своим друзьям, рассказывая о своем местоприбывании. Им нужно знать, откуда забирать артефакты после ее исчезновения.

"Не пытайтесь меня остановить. Мне нужно это сделать. Я вернусь, если смогу, но если нет, знайте, что делаю все возможное, чтобы жить жизнью, которую всегда хотела".

Парни дадут ей час, может, два, прежде чем ворваться в комнату. Они беспокоились о ее безопасности слишком сильно, чтобы ждать дольше. Так было всегда, даже на небесах.

В течение секунды пришли ответы от всех с проклятиями и просьбами быть осторожной. Торин, ее лучший друг, написал пошаговые инструкции о том, что она делала в прошлый раз. Но и предостерег.

"Артефакты мешают дару Кили. Они могут не сработать для тебя. Если все получится... желаю тебе лучшего, Кам, по-настоящему. Но прошу оставайся настороже. Ходят слухи, что Лазарь живет за счет кражи жизни у других. Если он заберет твою, ничто не спасет его от нас. Ничто".

Слухи не всегда верны. Разве один миг счастья не стоит риска?

Даже если она снова все забудет.

Торин добавил: "Я люблю тебя, Кам. Возвращайся к нам. И, возможно, не одна, а с Виолой. Или нет. Скорее всего, нет".

Виола. Хранитель Нарцисизма. Она была узницей Тартара, когда раздавали лишних демонов из ящика. Она раздражает, злит и, не по своей воле, полностью зациклена на себе. Она также попала в Жезл, как и Камео. Как когда-то Лазарь.

Камео ответила: "Я тоже люблю тебя. Я ее найду. И если все пойдет по плану, то вернусь... с улыбкой. И с Виолой. Подготовься".

Она знала его, знала, что он засмеется, прочитав это.

Пришло еще одно сообщение, в этот раз от Бадена: "Я наблюдал за ним. Лазарь больший монстр, чем я когда-либо был. Это ничем хорошим не закончится, Камео. Он тебя уничтожит".

Возможно, так. Может и нет. В любом случае, он вряд ли сделает хуже. Ей всегда было интересно, что же у нее могло быть.

"Спасибо за поддержку", - ответила она. И теперь нужно заканчивать с переписками.

Пора действовать.

Камео бросила телефон на стол. Задрожав, она забралась в Клеть Принуждения. Покров Невидимости, Жезл Разделения и картина уже были внутри, ожидая ее. Согласно инструкциям Торина, мелькающих в памяти, она разместила Покров на голове и посмотрела на картину. За исключением ящика... ящика Пандоры, сделанного из костей богини Унетения, способной поработить что угодно... размещенной на книжной полке.

Камео потянулась в Жезлу, надеясь и боясь. Последний шаг. В момент соприкосновения, весь ее мир потемнел.

* * *

"Мой медовый месяц. Ура мне".

Джиллиан обхватила себя за талию руками, съежившись возле потрескивающего огня. От пламени исходило тепло, но ей это не помогало. Из-за низкой температуры в реальности позади нее сформировалась холодная стена, превратив ее спину в сосульку.

Как только Уильям ушел, Пьюк взял ее за руку и вывел из замка на песке, что позволило ей наконец осмотреть окрестности... красивые, мистические и фантастические... и через "портал" они попали в другой мир. Ледяной ад. Он сделал это несмотря на ее желание вернуться к друзьям!

Он не хотел жить с Уильямом, что она теперь поняла. Но ему и не обязательно жить вместе с ней. Хотя он ее не слушал. Он ее вообще никогда не слушал.

Даже при том, что она попросила Пьюка остаться с ней, он ушел вчность назад, чтобы добыть обед, время которого уже давно прошло.

Уже настал час ужина, а его все еще нет. Вокруг царила темнота. И тишина. Раздавался только треск бревен во время горения... и грохот ее сердцебиения. На данный момент она лелеяла надежду, что Пьюк не вернется. По крайней мере, до утра.

Это была их первая ночь в качестве мужа и жены. Он передумает и начнет приставать? Потребует секса?

Нет, конечно, нет. Он знал ее мнение по данному вопросу. И сказал, что уважает ее желания.

Опять же он - парень, а парни, как правило, ведут себя глупо, когда у них встает.

"Просто... придется держаться". Она терпела это раньше. И сможет пережить снова.

Большие руки скользят по ее маленькому телу...

У нее заткнут рот.

"Теперь я бессмертна. И мне придется вечно жить с этими воспоминаниями".

"Я дура! Я никогда не была на свидании, а теперь замужем?" Идиотка! Она должна была умереть, но ей дали еще один шанс.

Джилли услышала странный звуки... цокот копыт? Она напряглась. И ощутила запах торфяного дыма и лаванды.

Все-таки Пьюк вернулся.

Он встал в освещенное огнем место, его черты лица как всегда ничего не отражали. И все же при его появлении у нее участился пульс. В нем что-то было...

Вероятно, их новая связь. И нечеловеческая красота.

Казалось, будто его глаза были подведены. Ресницы выглядели длинными, черными и закручивающимися на концах, придавая глазам проникновенный взгляд, несмотря на отсутствующее выражение. Как бы он выглядел, если бы хоть что-то его волновало? Что угодно? Например... она?

- Обед и ужин. - Пьюк бросил двух мертвых кроликов перед ней. - Очисти и приготовь их, пока я буду принимать ванну.

"Простите?" Его не было несколько часов, и ему больше нечего ей сказать?

- Я их не очищу.

И не стану есть.

Он нахмурился.

- Ты не голодна?

- Я умираю от голода, но...

Пьюе ее перебил.

- Тогда сними с них шкуру, приготовь и съешь. Проблема решена.

Так все и будет происходить между ними? Он отдает приказы и ожидает полного подчинения?

- Нет, - сказала она, покачав головой. - Я не хочу прикасаться к мертвым животным. И не хочу есть животных. Я вегетаринка.

Он совершенно апатично пожал плечами.

- Ты будешь делать то, что я приказываю. Иное недопустимо.

Пьюк ушел, растворившись в темноте.

Сморщившись, Джилли едва касаясь убрала туши животных с пути, ее желудок заурчал, когда внутри поднялся гнев. Она была колossalным вложением Пьюка! Он женился на ней по единственной причине, и она не изменилась. Джилли ему нужна. И ему стоило проявить немного больше чертовой заботы.

"Вероятно, стоит позаботиться о себе... самой?"

Определенно. И она так и сделает. Конечно, сделает. Позже. После того как он накормит ее правильной едой.

Ничего себе. Она говорила как любая восемнадцатилетка. Как досадно... для нее!

Но она уже прошла стадию обычного голода и теперь была зла от голода, так что пошло оно все.

Джилли вскочила на ноги и пошла за ним, понимая, что Пьюк направился в ту самую пещеру, в которую запретил ей входить во время его отсутствия, потому что "никогда не знаешь, что таится внутри".

Кап, кап. Теплый, влажный воздух благоухал... она втянула воздух. Маслом орхидеи? Сказочный запах, по следу которого она шла, пока не достигла бурного горячего источника. Тоскливыи стон сорвался с ее губ. Она могла находиться все это время здесь, а не замерзать снаружи. Очевидно, здесь ничто не таится.

Пьюк стоял по пояс в воде к ней спиной, его длинные волосы покрывали кожу, сквозь пряди Джилли могла увидеть алую татуировку виде бабочки от основания шеи до изгиба задницы. Крылья-паутинки выглядели так, словно они могли приподниматься и трепетать. И... она нахмурилась. Во многих местах плоть Пьюка приподнималась. От шрамов? У нее в горле застрял комок. Бедный малыш. Что с ним случилось? Чтобы на бессмертном остались шрамы, их должны были нанести в детстве, прежде чем его тело развило способность к регенерации, или они должны быть настолько ужасными и жестокими, что даже способность к исцелению не помогла до конца.

"Бедный малыш? Что это со мной? Держись".

Джилли топнула ногой и сказала.

- Ты мой... мой муж. И поэтому накормишь меня. Это твой долг.

"Тыфу. Это называется держись? Ведешь себя как ребенок?"

Он медленно повернулся к ней лицом. Капли воды стекали по щекам, падая на широкие плечи.

- Может, мне и плевать на многое, детка, но я живу по определенным правилам. Мне приходится. - В этот момент он казался египетским принцем с ирландским акцентом, и он был более самоуверен и властен, чем кто-либо в ее жизни. - Только благодаря моим правилам я выжил... и выжили люди рядом.

Джилли облизнула губы, и его взгляд проследил за движением ее языка.

- Что тебе нужно запомнить? - продолжил он... но уже менее уверенно? - Ты будешь трудиться или останешься голодной.

Это правило Джилли обычно поддерживала.

- Я тебе говорила. Я вегетаринка. И не против работать за свою еду, если эту еду я могу употреблять.

- Ты можешь есть то, что я принес, просто предпочитаешь этого не делать. Вот что ты еще не поняла. Тебе не обязательно должны нравиться задания, который я даю, девочка, но ты должна их выполнять.

- Я предпочту умереть с голоду.

Он покачал головой.

- Это никогда не станет для тебя вариантом выбора.

- Но...

- Ты сделаешь, как сказал, или пострадаешь.

Уильям никогда бы не стал ей так угрожать. Он никогда бы не заставил ее смириться с результатом. Он бы обеспечил ее всем... фруктами, орехами, даже веточками, если бы ничего другого не смог найти... без вопросов. Она ушла от потрясающей изнеженной

жизни... и человека, который ее ценил...к этому, к тяжелой жизни с мужчиной, который о ней совсем не заботился.

Огромная. Ошибка. За. Всю. Историю.

- Ты причинишь мне боль? - спросила она сквозь стиснутые зубы.

- Да, - лаконично ответил Пьюк.

Джилли попятилась от горячего источника.

- Я тебя возненавижу.

- И, как ты уже, скорее всего, догадалась, меня не это побеспокоит.

Страх сменился гневом и недоверием, и она сжала кулаки. Он не сможет... не станет...

Вообще, он может и сделает.

- Я хочу домой.

- Я - твой дом.

- Я хочу в свой старый дом.

- Нет. Ты придешь ко мне.

И обнаружить себя, окруженной другими представителями его вида?

- Мы не обязаны жить вместе.

- Обязаны.

Черт! Он никогда не уступит. Ни в чем!

Ясно, она неправильно регулирует ситуацию. Кроме того, это плохое начало их брака. Джилли помнила свою мать и биологического отца. Они любили друг друга. Дополняли и нежно касались. Они действовали сообща и в те редкие моменты, когда спорили, находили компромисс.

- Отлично. Тогда я поищу ветки и найду ягод...

- Ветки для огня, а в этой реальности нет ягод.

Джилли нахмурилась.

- Чем тогда питались эти кролики?

- Это не кролики, девочка.

"Не спрашивай. - Вероятно, лучше не знать. - Найди новый способ достучаться до него".

- Твоя ситуация изменилась. Разве не должны поменяться и правила?

Пьюк задумался на мгновение. Затем поманил ее пальцем, и, хотя у нее не было желания сокращать дистанцию, она подошла. Он хлопнул по каменному выступу, и Джилли села, скрестив ноги. Медленными осторожными движениями он снял с нее ботинки и носки. Она вздрогнула при первом прикосновении и не могла расслабиться, пока Пьюк не опустил ее босые ступни в горячую, бурлящую воду.

Ее глаза закрылись, пока вода ласкала ее кожу и массировала больные, уставшие мышцы. Она не могла не наслаждаться этим.

- Почему ты не ешь мясо? - спросил он. - Оно придает силу.

Почему бы не сказать ему правду?

- В юности, мои сводные братья шептали мне во время ужина. Если мы ели бургеры, они бы спросили, как долго, по моему мнению, корова кричала, прежде чем умерла? Если подавали курицу, они спрашивали, представляю ли я, как цыплята плачут по матери? Джилли содрогнулась.

Пьюк погладил подбородок.

- Ты гораздо сильнее травмирована, чем я предполагал.

Вероятно, большинство людей бы обиделось, но она знала себя и понимала, что он говорит правду. Она травмирована.

- Знаю, - сказала Джилли и вздохнула. - Может быть мы сможем... заключить сделку? Если ты найдешь мне какую-нибудь еду... кроме животных!.. я сделаю все возможное, чтобы заставить тебя ощущать эмоции.

Компромисс - единственный способ найти взаимопонимание между ними.

Он сжал губы.

- Ты в любом случае сделаешь все возможное.

Она брызнула в него водой.

- Ты и это заставишь меня сделать?

- Нет.

Слово хлестнуло словно кнут.

"Ну, ну. Посмотрите на меня. Я уже его разозлила".

- Тогда эта сделка - единственный способ гарантировать мое сотрудничество. И после, когда я вызову в тебе эмоции, ты отведешь меня домой... в дом по моему выбору. - Она помнила все сказанное Уильямом и о его стремлении отомстить. - И ты не навредишь Торину. Никогда.

Смазанным движением Пьюк раздвинул ее ноги и встал между ними. И вновь она напряглась. Поза была двусмысленной. Слишком двусмысленной. Джилли положила руки ему на грудь, чтобы оттолкнуть, но он только накрыл их своими ладонями и удержал на месте.

- Как ты заставишь меня чувствовать? - спросил он.

"Не могу думать в таком положении".

- Я... я буду рассказывать тебе шутки и грустные истории.

Пьюк только покачал головой.

- Другие пытались делать то же самое и провалились.

- Другие вызывали в тебе хоть какие-то чувства раньше?

- Нет.

Неохотное признание.

- Тогда у меня уже есть преимущество.

Его взгляд упал на ее ноги.

- Что если я хочу чувствовать что-то помимо счастья или грусти?

Во рту у нее мгновенно пересохло.

- Я не... не могу...

- Что еще ты сделаешь? - спросил он. Чтобы отвлечь ее?

"На самом деле не могу сейчас думать".

- Тебе придется подождать и увидишь.

"Как и мне".

- Если ты потерпишь неудачу, то попытаешься принять мое предложение?

Эти предложения были сексуального плана, так ведь? Взгляд его глаз...

"Просто нужно убедиться, что я не провалюсь".

- Да, - прохрипела она. - Попытаюсь.

- Отлично. - Пьюк кивнул, отпустил ее и отошел к другому концу источника. - Я не заставляю тебя есть мясо. А ты... когда мы доберемся до моей родины, ты заставишь меня чувствовать что-то... так или иначе.

Глава 30

"Если ты надеешься одолеть меня, то тебе нужна пара яиц побольше. Хочешь одолжу из своих запасов?"
- Тейн, Посланник

В своей спальне Баден разделся сам, затем раздел Катарину. Он бросил испачканные вещи в негорящий камин, планируя сжечь их позже и развеять пепел.

- Подожди! - Она бросилась к одежде и вытащила кучу. Секунда безумия? Неудивительно, учитывая все произошедшее сегодня.

Катарина встала, излучая облегчение, и направилась к кровати, где поправила подушки.

- Кровать и так в порядке.

Он взял ее и отнес в ванную... поставив внутри душевой кабины. Потекла горячая вода, и воздух заполнил пар. Баден встал сзади, чтобы смыть с нее кровь, потрясенный до мозга костями ее криками.

Потрясенный до мозга костей и разбитый в пух и прах. Зверь метался в его разуме, безутешно балансируя на краю. Они могли потерять ее сегодня. Как когда-то его друзья потеряли Бадена.

И в действительности Баден мог потерять также Галена и Фокс. Адские гончие приперли к стене пару на кухне, готовые напасть. Хотя оба воина были несносными, он понял, что ему нравится их присутствие в его жизни.

К счастью, увидев Катарину, гончие отступили и присоединились к стае во дворе, где и остались.

- Все будет хорошо. - Он обхватил ее лицо, влажная кожа коснулась влажной кожи. - Теперь собаки стали твоей личной армией. Ты никогда больше не будешь в опасности.

- Я не боюсь, - пробормотала она.

- Скажи мне, что не так, и я все исправлю.

Он бы исправил эту и все остальные проблемы в ее жизни. Она была его. Чтобы дарить удовольствие и баловать. Чтобы защищать наравне с собаками.

"Всегда буду защищать. Никогда не отпущу".

Катарина посмотрела на него сквозь покрытые капельками ресницы.

- Я не хочу говорить прямо сейчас. Хочу наслаждаться тобой, создать воспоминание, которое продлится вечно.

Если она хотела воспоминания, он даст их ей.

Он сел на скамейку и притянул Катарину себе на колени. Она оседлала его бедра, так что струи воды стали бить ей в спину. Без предисловий Баден глубоко в нее погрузил палец.

Она была готова для него. Опять же между ними всегда кипела страсть.

- Мне нужно быть внутри тебя.

- Да.

Баден обхватил ее за талию, приподнял и погрузился одним толчком. Без прелюдии. Только чистое желание.

Закричав, Катарина выгнулась, чувственно качнувшись на нем. Он сжал зубы и заставил ее застыть. По нему катился пот, он проявил сверхчеловеческую выдержку. Отсутствие трения вызывало агонию, но Баден с радостью ее выносил.

- Ну, - сказала она и прикусила нижнюю губу. - Это определенно интересно.

- Ты даже не представляешь. И я только начал.

- Ммм. Надеюсь. - Катарина слегка опустила веки, пока покрывала поцелуями его линию челости. - Я никогда не хотела тебя сильнее.

Она хотела его, не потому что он был оружием, а потому что был мужчиной. Ее мужчиной. Он того стоит, не из-за того, что мог что-то сделать для нее, а из-за того, кем был с ней. Истина столь же могущественна, сколь и унизительна.

- Ты получишь свой оргазм.

"В конце концов".

Он согнул руку и двумя пальцами коснулся комочка нервов. Баден ласкал и не давал остынуть ее желанию. Она стонала. Она кричала. Она выдохнула его имя и качнула бедрами в попытке направить его. Когда это не удалось, Катарина обхватила его член... или попыталась. Он продолжал держать ее неподвижно.

- Баден! - Она ударила его плечам. - Ты намерен меня убить, да?
- Я - убийца, желание - мое оружие.
- Двигайся!

Ее внутренние стенки сжимались вокруг его длины все сильнее, становилось все горячее. Разрушение хотел сдаться. Баден тоже. Но результат слишком важен.

Вечность против сиюминутного наслаждения. Вечность победила.

- Я начну двигаться, - пообещал он. - Когда мы поговорим.

Она разразилась словацкими ругательствами.

Разрушение рассмеялся, восхищаясь ее нравом. Как и Баден, зверь знал, она никогда их не предаст.

- Как бы я хотела, чтобы у тебя случился инсульт. Ты поменял местами голову и собственный член. Иди на хер.
- Ты дважды упомянула мой член, - сказал он ей. - Ты, случайно, не пытаешься мне сказать, что желаешь наконец вознаградить меня? Хочешь взять меня в рот?
- Ты в своем уме? Теперь ты меня дразнишь?
- Я не дразню, но решительно настроен. Ты скажешь мне, что с тобой не так. И заметь, я не требую. Просто даю тебе повод, чтобы пожелать все рассказать.
- Какой грязный трюк.

Катарина попыталась двигаться за счет своих колен. Когда это попытка провалилась, она отклонилась, чтобы оказаться под струями воды. Баден не медля последовал за ней, накрыв ртом ее сочный сосок и втянул его, наслаждаясь его сладостью.

Ругательства прекратились... пока он не остановился.

- Пошел на фиг.

- Сначала я трахну тебя... как только ты мне дашь то, что я хочу. Обмен. Нет ничего бесплатного в этом мире.

Она смягчилась и запустила пальцы в его влажные волосы.

- Ты дьявольский извращенец... но... но... ох! Прошу.

Прошу... да... Баден втянул ее сосок, когда вновь помассировал пальцами между ног... но, Катарина вздохнула, готовая достичь оргазма, он остановился.

"Вечность выигрывает".

Разрушение ударился об его череп... *Больше!*.. когда Катарина врезала своими маленькими кулачками по его плечам во второй раз.

- Твое решение, Рина, - подсказал он. Его разум настолько затуманило желание, что каждый нерв гудел от напряжения, Баден не знал, откуда взял силы, чтобы оставаться неподвижным. - Поговорим или останемся... в... такой... позе.

Вновь удариив, Катарина наконец сдалась, обхватила его руками и положила голову на плечо.

Глубоко вздохнув, она сказала:

- Монета у меня.

Он напрягся. Еще сильней.

- Когда ты ее нашла?

- Сегодня. Алек спрятал ее внутри своего черного сердца.

Единственное место, в котором Баден не подумал поискать.

- У меня ограниченный выбор. Использовать ее, чтобы освободить тебя от Гадеса. Спасти гончих от его ярости. Или стать бессмертной и быть с тобой. Я могу выбрать только одно, но не все.

- Не над чем думать, красотка. Пока я ношу наручи, не могу создать связь с тобой. И не позволю тебе попасть под влияние Гадеса. Так что ты должна использовать монету, чтобы стать бессмертной, и вместе мы защитим гончих.

Баден заполучит ее навечно.

На ее либу появились морщины.

- Что случится, когда наручи снимут?

- Их не снимут, они впитаются. Я стану сыном Гадеса. Сверхъестественное усыновление. Он не причинит вреда своей родне.

Она посмотрела с надеждой, но покачала головой.

- Я не могу довериться...

- Доверься мне. - Наконец Баден начал двигаться, скользнув туда и обратно... и снова... прежде чем опять остановиться. Она вцепилась в него. - Пообещай мне.

Ее когти оцарапали его спину, каждая отметина жгла.

- Я сделаю так, как посчитаю лучшим.

Сказав это, Катарину прикусила его ухо, а затем, ох, затем она отплатила ему той же монетой, зашептав, какие чувства он в ней вызывает, рассказав, как сильно она за него болела, поведав, что только он может ее удовлетворить.

Как он мог когда-то думать, что эта женщина ему не подходит? Как мог когда-то посчитать ее слабой?

Из них двоих она была сильнее. Намного. Катарина укротила зверя. Ушла от сделки с Люцифером. Заручилась преданностью стаи гончих. Нет такого, чего бы она не могла сделать.

А Баден не мог сделать даже одного: не двигаться. Больше не осталось сил терпеть.

- Рина. - Он переместил их на кровать, потому что там был его дом. Баден прижал ее своим телом, а его член оставался глубоко в ней. - Обхватиши меня ногами?

Когда она послушалась, он схватился за изголовье и стал отстраняться, все дальше и дальше, пока полностью не вышел... чтобы затем толкнуться вперед. Он повторял эти действия снова и снова... двигаясь внутрь и наружу. "Моя женщина. Мое наслаждение".

В каждом толче его бедер было обещание. При каждом произнесенном вслух его имени между ними появлялись новые узы. Новая связь: мужчина и его женщина... мужчина и его величайшее сокровище.

За эти годы Баден прожил худшую жизнь... и смерть. Она все исправила. Она внесла смысл в каждое испытание, каждую битву.

Контроль слетел, и он сцепил их руки над ее головой. Их пальцы переплелись. Баден замедлился... замедлил толчки... пока каждое скольжение внутри не превратилось в вечность, Катарина подняла бедра так высоко, что с радостью встречала его движения. Пот выступил на их тела, а ее соски дразнили его грудь, восхитительно потираясь, словно чирканье спичек об твердую поверхность. И вспыхнуло пламя.

Он удерживал ее взгляд, позволяя проявиться ее нежности без помех.

- Всегда найдется что-то, какая-то причина, по которой мы не можем быть вместе, но никогда не наступит хорошее время, чтобы жить без тебя. Я буду оберегать тебя, Рина. Никогда снова не причиню боль. И покажу тебе мир... мой мир. Наш мир.

Слезы навернулись у нее на глаза, расстраивая его. Он сел на корточки и вышел из нее.

Застонав, она потянулась к нему.

- Одиноко, вернись.

Баден лег на спину и приподнял ее над собой. Когда Катарина оперлась на него, он потянулся к изголовью и схватился за него.

- Попробуй меня. Попробуй свой сладкий мед на мне. Увидишь, как мы хороши вместе.

Она так посмотрела взгляд на его член, словно он только что представил голодной женщине шведский стол.

- Ты порочен, но к счастью, к счастью для тебя, я тоже. И с радостью подарю тебе вознаграждение.

Она медленно опустила голову. Затем поймала его взгляд и взяла в рот его длину, двигая языком по головке. Слегка царапнула его зубами, от чего он зашипел от боли... и восторга.

- Больно? - спросила она.

- Только когда ты останавливаешься.

- Око за око, - бросила Катарина и тихо усмехнулась, когда он выругался. Затем вновь втянула его в рот и скользнула ниже, ниже, пока член Бадена не уперся в заднюю часть ее горла.

Он обхватил ее затылок, пальцами запутавшись в волосах.

- Давно я такого не испытывал, - прохрипел он. - Но никогда это не было настолько хорошо.

От радостного урчания его член завибрировал. А яйца напряглись.

- Жестче, Рина. Быстрее. Пожалуйста.

Она подчинилась, и ее рука вступила в игру, сжав его длину у основания, пока рот скользил вверх и вниз, снова и снова, оставляя его влажным, теплым и ноющим.

- Ты сосешь так хорошо, - похвалил Баден. Зверь замурлыкал в его голове.

Катарина просунула свободную руку под него и ногтями вцепилась в его задницу. "Скоро кончу..."

Нет. Не без нее.

Баден сжал ее подбородок и приподнял ее голову. Она тяжело дышала, ее губы опухли, покраснели и стали влажными.

- Хочу еще, - сказала она, высвободившись из его хватки и намереваясь вновь обхватить его член губами.

"Моя женщина. Мой приз. Жаждет ощутить меня на вкус". Что может быть горячее?

- Я дам тебе большее.

Он сел, сжал ее бедра и перевернул к себе спиной. Когда Баден упал на подушки, то стал подтягивать ее бедра выше к груди, оставляя влажный след на своем теле.

Когда ее сладкое, медовое сосредоточие страсти оказалось прямо над его лицом, он прохрипел:

- Мы сделаем это вместе.

Все поняв, Катарина оперлась руками о постель с внешней стороны его бедер и втянула в свой жадный рот его длину. В этот же миг он погрузил свой язык в ее лоно. Зубы Катарины сжались на его члене, даря незабываемое наслаждение.

Его накрыло волной страсти и крайней необходимости. Он лизал и сосал ее, словно сладчайшую конфету и лучшее вино.

- Баден. - В ее голосе была дрожь. - Я близко.

- Держись, Рина. Я не закончил с тобой.

"И никогда не закончу".

Она стала сосать еще сильнее, каждое ее движение было напористым и грязным. Баден хотел продолжать, хотел этого... и намного больше... вечно, но через несколько секунд Катарина отправила его за край. Когда он излился в ее рот, рыча от удовлетворения, то погрузил два пальца в ее лоно и припал языком к набухшему клитору. Затем резко всосал его, и крик наслаждения Катарины наполнил комнату. Они достигли оргазма вместе.

Когда он обмяк, она лениво его облизнула, словно ей было недостаточно. Баден развернулся и прижал к своему боку. Его сердце все же стало биться медленнее. Довольное во всех отношениях. Он сомневался, что когда-либо оправится от такого.

Разрушение тихо захрапело, вызвав у Бадена смех.

- Эшлин рассказала мне, как она и Мэддокс начали встречаться, - сказала Катарина, водя кончиком пальца по его груди. - Вообще, я знаю, как все твои друзья обрели пару.

Баден осторожно заправил прядь ее волос за ухо.

- Что ты пытаешься мне сказать?

- Ну, что в каждой истории есть что-то общее. Они пожертвовал чем-то ради друг друга.

Ему в голову пришла та же мысль. Любовь жертвенна.

Катарина посмотрела на него.

- Баден... Я хочу, чтобы ты знал... Я люблю тебя. По-настоящему.

Он замер не в силах даже дышать. Когда-то Баден думал, что у него с Катариной нет настоящего фундамента. И сейчас понял, что это абсурд. Она была его фундаментом. Его единственной основой.

- Красотка...

Но она продолжала.

- Я не знаю, как или когда это произошло. Понимаю только, что это должно быть невозможно. Мой похититель стал моим спасательным плотом.

- Я лю...

- Нет. Не говори ничего. Позволь мне закончить.

Баден нахмурился, но кивнул. Он тоже ее любил. Любил всем своим сердцем... тем самым, которое она вернула к жизни. Ему следовало осознать это раньше. Его собственнический инстинкт. Его желание быть с ней. Его связь с ней.

Катарина была его светом. Единственной надеждой. Выходом из тьмы.

- Ты сильный, умный и благородный, - сказала она. - И я готова признать, что ты всегда будешь решать проблемы кулаками или иногда кинжалами. Тебе приходится. Ты на войне. Но есть вещи, которые ты не можешь...

- Катарина, - перебил ее Баден. Он обхватил ее щеки, лаская бархатистую кожу большими пальцами. - Ты...

- Наскучила этим разговором? Да. - Голос Гадеса жестоко убил момент нежности. - Кроме того, думаю, буквальное око за око было единственным справедливым. Теперь мы квиты.

Разрушение резко проснулся с желанием убить.

Баден вскочил с кровати, накрыв простыней Катарину, которая засунула руки под подушку, что поправляла ранее.

Он посмотрел на князя.

- Ты совершил ошибку, прия сюда вот так.

- И что ты сделаешь? Отшлепаешь меня? Наверное, мне это понравится. Чего ты не посмеешь сделать? Отказаться от нашей сделки. Я готов к разговору с девушкой.

Дверь с грохотом сотряслась, словно в нее врезался грузовик. Бах, бах. Дерево треснуло и разлетелось, и две огромные адские гончие ворвались внутрь, их взгляды остановились на Гадесе, который с шоком на них уставился.

- Значит, это правда, - сказал он, разинув рот. - Мои гончие...

Пара громко зарычала: "Не твои, никогда не были твоими".

Гадес прищуренно взглянул на Катарину.

Завернувшись в простыню, она встала, проявляя силу и мужество, не желая отступать перед лицом опасности.

- Они мои.

Гадес вновь обратил внимания на Бадена.

- У тебя пять минут, чтобы одеться и привести девчонку в мой тронный зал. Тебе не понравится, что случится, если ты опоздаешь.

Глава 31

*"Бадрушение может быть и дикарь, но он мой дикарь".
- Катарина Джоэль, новоиспеченный член стаи адских гончих*

Желудок Катарины наполнился желчью, пока она одевалась в чистую футболку и штаны, сжимая монету в кулаке. Когда прерасный темноволосый мужчина... Гадес... только появился, она испугалась, что он пришел забрать монету, и у нее не выйдет ее использовать.

Но это оказалось не так. Теперь ей придется иметь с ним дело. Ей нужно использовать монету, а значит необходимо определиться, что важнее всего. Поскольку Баден больше не призирал наруч, Катарина могла пожелать стать бессмертной, как он и хотел, и у них появится будущее, или могла захотеть обезопасить собак раз и навсегда.

Баден надел привычную черную рубашку и камуфляжные штаны, прежде чем нацепить оружие по всему телу. Он сжал ее запястье, смотря на руку, в которой была монета... раздумывая, что делать?.. прежде чем обхватил ее щеки своими большими руками.

- Я хочу, чтобы ты стала бессмертной.

Его тон был решительным и непреклонным. Он не попытался просто взять монету... ну, это доказывает, насколько сильно Баден ей доверяет и восхищается.

- Знаю, - ответила она мягко.

Но он не закончил.

- Я люблю тебя и хочу, чтобы ты была в моей жизни. Без тебя у меня ничего нет. Без тебя я ничто.

"Я - его сила", - поняла она, когда ее глаза расширились.

- И я не хочу оказывать на тебя какое-либо давление, но без тебя я уничтожу этот мир и всех в нем.

Она сдержала одновременно и смех и рыдания.

"Однажды давным-давно..."

"Он - моя новая история".

Любовь меняет все, правда?

Она нежно его поцеловала, наступил тихий момент единения.

- Я люблю тебя. Люблю быть с тобой. Но также я люблю гончих.

Когда она подняла голову, Рёв толкнул ее ногу.

— Ты идешь к Гадесу, мы идем к Гадесу. —

- Нет. - Катарина покачала головой. - Мне не нравится мысль, что вы в опасности.

- Представь, что я чувствую из-за веротяности, что тебе грозит опасность, - начал Баден.

Рёв оттолкнул его с пути, давая воину понять, чтобы он не участвовал в разговоре.

— Гадес знает, что мы следуем за тобой. Он пожелает заручиться твоей поддержкой и ни перед чем не остановиться. Не соглашайся. Наши предки кровью вырвали себе свободу от его власти. Их жертва не будет напрасной, мы ему не подчинимся. —

- Он жестоко обращался с ними, прежде чем убить? Я имею в виду твоих предков. Сколько боли и страданий он испытал?

— Он обвинил всю нашу расу в том, что провел века в заточении. —

Значит, да. Он жестоко обращался. Вероятно, она даже представить себе не может насколько.

- Гадес уже не тот, кем был в прошлом, - сказал Баден. Он не мог слышать гончих, но мог догадаться, каким был ответ. - В нем есть хорошее. Я это почувствовал, даже увидел.

"И полюбил его, - подумала она. - Полюбил мужчину внутри".

— Твой возлюбленный слеп из-за наручей. —

Или гончие слепы из-за своей ненависти.

— Мы пойдем с тобой. Смирись с этой мыслью. —

- Хорошо. Но я буду держать тебя, когда Баден переместит меня.

Рёв посмотрел на нее "только попробуй" взглядом и покачал головой, мертвые блохи упали с его шерсти. Первое дело после возвращения: искупать всю стаю.

"Интересно, как они отреагируют на это".

— Знаю, что мы только встретились, девочка, но уверен, даже ты чувствуешь мою силу. Нам никогда не понадобится помощь воина. —

Великолепно. Она его обидела.

- Нужно идти. - Баден притянул ее к себе. - Что бы не случилось, помни, что тебя люблю, что ты важнее всего, и я никому... никому... не позволю причинить вред тебе или гончим.

- Я тоже тебя люблю.

Катарина опустила голову на его плечо, доверяя ему, и к тому времени, как обняла его за талию, он уже переместил их к Гадесу.

Они оказались в незнакомой комнате... тронном зале. Обстановка шокировала ее, и, до встречи с Баденом, ее бы вырвало. Стены были в кровавых подтеках. В отдалении слышались крики. Гора трупов лежала в углу. Тяжелый запах серы донесся до ее носа. А сам трон... составленный из человеческих костей... выглядел чудовищно. Теперь она просто подумала: "Гадесу следует уволить своего декоратора".

Мужчина сидел на троне со скучающим выражением на лице, словно и не приказывал им явиться. Старик в робе стоял справа, а четыре воина выстроились в линию слева. Эти воины напоминали Бадена: жутко сексуальные.

Каждый мужчина на королевском помосте смотрел на нее, изучая.

Катарина отпустила Бадена, чтобы показать им всем средний палец.

Это их позабавило.

Рёв и Верга появились перед ней, и группа перестала смеяться.

Гадес кивнул в сторону гончих.

- Говорил же.

Другие мужчины уставились с трепетом... или, может, с ужасом.

- Ну, вперед и с песней. - Гадес радушно растянул руки. - Ты Катарина Джоэль и...

- Она моя, - заявил Баден. - Моя женщина.

- Я Гадес, - продолжил мужчина будто его и не прерывали. - Уверен, ты слышала обо мне. Я князь Преисподней.

- Ты имеешь в виду внязь этой реальности, - заговорил один из мужчин.

Гадес сжал губы.

- Да. Мужчины слева правят своими владениями.

Здесь пять королевских особ, чтобы засвидетельствовать грядущие события. Великолепно.

- Ну, и кто из вас самый сильный? - спросила она. - Я бы хотела с ним поговорить.

В этот раз Гадес не удивился.

- Ты умная девушка, да? Посеять сомнение и наблюдать за борьбой за титул сильнейшего, что позволит вам уйти невредимыми. Однажды мы сразимся за это звание, но не сегодня. - Он встал, его большое тело было заключено в итальянский костюм. - Мы все еще ждем...

Вспышка заставила ее повернуться лицом... к Пандоре. Женщина надела алое шелковое платье, которое подчеркивало ее изгибы как вторая кожа. Ее черные волосы обрамляли лицо и заканчивались чуть выше плеч.

- Замечательно. - Гадес удовлетворенно кивнул. - Все здесь.

Катарина заметила, как один из князей уставился на воительницу с крайнем вожделением. Как интересно.

Она встретила взгляд Пандоры. Женщина напала на нее без предупреждения, сражалась с Баденом и предала его, а также дружила с ним и поддерживала его в здравом рассудке на протяжении худших дней жизни... или смерти. Они неохотно кивнули друг другу, проявляя уважение.

- Первый пункт на повествование дня, - сказал Гадес. - Игра. Мои игроки связаны. Что мне делать?

- Убить обоих, - отозвался самый высокий из князей.

- Отдай их мне, - сказал другой, все еще не сводя взгляда с Пандоры.

Медленно и размеренно шагая, Гадес сошел с возвышения.

"Вы поняли, какой бесценный дар я вам приподнес?"

Его голос... он говорил прямо в ее голове, также как и гончие. И судя по замешательству на лицах Бадена и Пандоры, он также говорил и в их головах.

"Не просто частичка меня, а другая версия. Баден - берсерк. Пандора - адская гончая. - Он хищно улыбнулся женщине-воину. - Не думай, что я не заметил твою страсть к мясу в последнее время. Но. Пока я позволяю вам обоим жить, вы сразитесь за эту привилегию. Здесь и сейчас. Покажите мне, кто сильнее и храбрее. Его... или ее... я вознагражу".

Он протянул руку Катарине.

- Пока Баден и Пандора будут сражаться, мы с тобой поболтаем, узнаем друг друга получше.

- Нет. - Баден встала перед ней. - Я уже говорил. Она моя. Ты не станешь говорить с ней без меня.

Гадес махнул рукой, и Баден упал на колени, где стоял.

- Ты будешь бороться с Пандорой, как приказано.

Он оскалился, когда его кожа натянулась. Баден сопротивлялся приказу? А Пандора? Ее взгляд был не менее болезненным.

Сердце Катарины затрепетало внутри. Она думала, что у нее есть варианты. Но нет. Их не было. Она могла только верить, что Баден сдержит слово и защитит гончих.

- У меня идея получше, - заявила Катарина. - Ты освободишь Бадена и Пандору от своего контроля. Не причиняя им вред и не убивая их.

Гадес рассмеялся. Как и мужчины на помосте. Мужчины, которые были убийцами. Должны ими быть. У них мертвые глаза, в которых читалось: "Я беру, что хочу, когда хочу, и к черту последствия".

- Катарина, - проскрипел Баден. - Не...

- Я удовлетворю твою просьбу, - сказал Гадес, игнорируя Бадена. - Если ты согласишься жить здесь со мной... и со своими гончими.

Шерсть на спине встала дыбом у Рёва и Верги.

- Нет, - сказала она. - Ты согласишься с моими условиями из-за этого. С надменностью она бросила в него монету.

Гадес поймал ее, не отрывая с Катарины взгляда... и улыбнулся.

- Ты ее нашла.

Она коротко кивнула.

- Да.

- Ну, ненавижу приносить плохие новости... ох, хотя кого я обманываю? Я это обожаю. Кто-то неправильно тебя проинформировал, дорогая. Вероятно, потому что я рассказывал неправильно всем, кто спрашивал о монете. Она не купит тебе все, что пожелаешь. Не исполнит ни одного желания.

Нет. Он врал. Должен был врать, патясь ее обмануть. Заставить отступить.

Баден схватил ее за руку, притягивая к себе, обнимая и шепча:

- Гончие отведут тебя куда-нибудь... куда угодно. Я сражусь с Пандорой и найду тебя.

- Нет. Я не оставлю тебя и не позволю причинить тебе вред... кем бы не была Пандора для тебя. Но я также не могу принуждать собак. Просто не могу. Они скорее умрут.

- Катарина, - сказал он, могильным голосом. - Я выиграю. Заберу награду. Обеспечу безопасность гончим.

Да, но это стоит его души?

Острые пальцы запутались в ее волосах, заставив ее упасть. Она вскрикнула. Баден и зверь огрызнулись в унисон. Собаки зарычали.

Она рявкнула и повернулась, чтобы укусить Гадесу за руку. Заразить его также, как и заразили ее? Или связь требовала сознательности?

Король отпустил ее и отошел.

Катарина вскочила на ноги, потребовав:

- Что монета дает мне?

Он потер рану, которую она нанесла.

- Шанс сразиться, убить меня и забрать корону.

У нее скрутило живот. Сразиться с Гадесом? Как она могла когда-либо надеяться, что победит его?

- Не смей, - закричал Баден на мужчину. - Если прикоснешься к ней, я тебя убью.

- Если бы ты только мог подкрепить свои угрозы действиями, - обратился к нему Гадес.

Рёв и Верга подошли к боку Катарины, коснувшись ее лодыжек и привлекая внимание. Она посмотрела вниз и встретила с беспокойным взглядом Рёва.

Он потерся лицом о ее бицепсы и поцарапав ее кожу зубами, ее накрыло волной головокружения.

— *Теперь мы связаны до конца наших жизней.* — От гнева его тон стал грубее. Она впутала их в этот беспорядок, и они не могли убить ее, чтобы избежать этого.

Верга обнюхала его руку, прежде чем прикусила ее мышцы. Катарина ощутила более сильное головокружение... но это сопровождалось силой. Мощью. Животной, дикой и некоторолируемой. Кончики ее пальцев начало жечь, сильнее чем в прошлые разы. Выросли маленькие когти, и она не могла это остановить. Во рту ее зубы стали остree, царапая десны.

- Что происходит? - потребовал ответа Гадес.

- Они только что... образовали с ней связь? - спросил один из воинов на помосте. - По собственной воле?

— *Гадес попытался силой образовать связь, прежде чем убил наших предков. Он скоро понял, что их нельзя принудить.* —

Теперь она слышала голос Рёва так ясно, словно он вслух говорил слова, а не передавал силой мысли.

- Да, - сказал Гадес безэмоционально. - Ну, мисс Джоэль. Я принимаю монету и твой вызов. Выбирай оружие. Если твои гончие вмешаются, мои союзники обезглавлят Бадена. Я обожаю мужчину, но научился расставлять приоритеты.

Он собрался с ней драться?

Вероятность Быть Укушенной: 100%. Да, она была неуживчивой и дралась с детьми в школе, но она никогда не участвовала в настоящей драке. Как она должна победить монстра?

- Я не хочу с тобой сражаться.

- Как плохо. Ты бросила вызов, как только кинула мне монету. Можешь стоять там, если захочешь. Я с радостью проделаю всю работу.

Хорошо, из этого нет выхода. Ей придется победить его, несмотря на все трудности, ничего не поделаешь. Щенки... а также Рёв и Верга... теперь рассчитывают на нее.

- Нет, - закричал Баден, изо всех сил стараясь встать. - Сразись со мной вместо нее. Я стану ее представителем.

- Отказано. - Гадес снял рубашку, продемонстрировав мускулы, его сила смертельно опасна, татуировки необычны. - Ты останешься прямо здесь, воин.

Все больше и больше адских гончих прыгали через невидимый занавес и оказывались в комнате. Они окружали ее и оскаливали зубы, прежде чем уносились прочь.

Больше не было проблем с головокружением. Она стала слишком сильна для этого. Настолько сильна, что Катарина не знала, как ее тело вмещает всю мощь и как она еще не превратилась в Халка.

- Я жду, - отрезал Гадес.

Ревнует к ее связи в гончими?

- Я выбираю рукопашный бой, - сказала она, уверенная, что когти послужат идеальным оружием.

- Нет. Нет! - Баден все еще боролся, напрягаясь так сильно, что на лбу у него лопнула вена. - Не делай этого. Прошу.

Она отгородилась от него. Ей пришлось. Победа над Гадесом спасет ее щенков и Бадена с Пандорой. Две цели одним ударом. Без проблем.

Ее настолько переполняла сила, что сражение казалось самой... лучшей... идеей. Когда она шагнула вперед, то Баден стал бороться настолько сильно, что было слышно, как кости выходят из суставов.

Не стоит отгораживаться.

— *Сконцентрируйся! Пусть тебя направят инстинкты. Иначе не выживешь.* —

Великолепно. Она встретилась с Гадесом посередине комнаты.

- Я готова.

- Когда ты решишь, что с тебя достаточно, - сказала он с улыбкой, - тебе нужно лишь поручить свою жизнь мне, и боль закончится. Ну а пока...

Гадес ударили.

* * *

Слова, когда-то сказанные Кили, всплыли в голове Бадена: "Есть у тебя два наручника и один бессмертный, со сколькими проблемами он столкнется? Точно. Это очевидно. Потому что сердце кровью обливается от секретов и собак с когтями".

Проблема... одна золотая монета в кровотачающем сердце.

Тогда ситуация с Пандорой заняла центральное место. По сути она стала адской гончей. Как и Катарина. Если Пандора связана с гончими, то причинение ей вреда сделает больно Катарине. Возможно. Вероятно. Он не знал, как это работает, только понимал, что не хотел рисковать, причиняя боль своей женщине. Никогда.

Затем... Гадес ударили Катарину.

Его женщина ушла от удара. Баден заревел достаточно громко, что проколол легкое.

"Освободиться, переместить ее в безопасное место, убить Гадеса".

Пока сопротивлялся принуждению князя, он вырвал оба плеча из сустава и сломал несколько ребер.

Ярость Разрушения ему помогла.

Гадес замахнулся кулаком, намереваясь найти нанести второй удар.

- Нет! - закричал Баден.

Слишком поздно. Гадес попал Катрине по лицу. Красивая, изящная Катарина пролетела через всю комнату. Когда она приземлилась, то за мгновение перекатилась потрясающе изящно и всталла на четвереньки, как животное.

Когда кровь окрасила ее щеку, еще один рев вырвался из груди Бадена. Он знал, что Гадес не полностью поргунился в битву, его не окружали тени. Но для того чтобы убить человека, не требуется много. Даже если его поддерживали адские гончие.

"Нужно это остановить".

Он обнажил кинжал и вонзил его себе в плечо, повторно разрабатывая план.

"Отрезать руки, убрать наручники. Справиться с Гадесом тем, что останется от тела".

Гадес влиял на людей и на реальность духов. Баден, даже будучи духом... которым был без наручей... мог бы воздействовать на него.

Тени выплыли из меток на другой его руке, пожирая кинжал и защищая себя. Без его тела, у них не останется хозяина.

- Больше? - спросил Гадес Катарину.

Без слов она ринулась вперед и врезалась в него. Нет, не просто врезалась. Вонзилась. Катарина вцепилась в его шею и вырвала трахею. Когда он упал, она выплюнула на пол кровавый хрящ и кожу.

Баден затих. Разрушение изумленно смотрел.

Милая Катарина могла... выиграть?

Тело Гадеса излечилось к тому времени, как он упал. Он схватил Катарину за лодыжки и дернулся. А, когда она приземлилась, оказался рядом, схватил за волосы и бросил через

всю комнату. Катарина врезалась в стену, ракрошив камень. В воздух поднялась пыль. Чудом Катарина не остановилась, чтобы сделать вдох, а кинулась на Гадеса и укусила.
"Это наша женщина!"

- Выколи ему глаза, затем вырви глотку! - закричал Баден, не своим голосом, зверь также стремился ее спасти.

Ей удалось лишить Гадеса одного глаза, прежде чем у него получилось скинуть Катарину. И она вернулась ради большего. Он откидывал ее снова и снова, но она всегда возвращалась. Гадес не мог от нее избавиться. Катарина нападала высоко, царапая и кусая его лицо и шею, и низк, царапая и кусая его лодыжки и икры, и ей почти удалось заставить его упасть. Ее свирепость поразила Бадена.

- Вручи мне свою жизнь, - потребовал Гадес, - прежде чем я решу покончить с тобой навсегда.

- Нет! - закричал Баден. - Не делай этого.

Адские гончие возненавидят ее, и она никогда не простит себя.

Зарычав, она запрыгнула на Гадеса и оторвала ему ухо... зубами.

Из мужчины начали подниматься тени, и Баден знал, что они уничтожат Катарину. Даже гончие не в силах их победить.

"Нет. Нет, нет. Не могу позвлить ей умереть. Не могу".

- Не дай теням коснуться тебя, Рина.

Баден задействовал все свои силы, чтобы освободиться. Он скорее умрет, чем потеряет свою Катарину. Предпочтет страдать вечно. Скорее прекратит свое существование.

Любовь к ней поглотила его, его желание помочь ей полностью заменила связь, которая образовалась между ним с Гадесом. Наручи на его руках начали нагреваться... и нагреваться... обжигая кожу... вызывая волдыри. И погрузились в него. Заклеймили.

Боль! Его плоть поджарилась. От тела исходил дым, но, наконец, наручи исчезли, оставив после себя только татуировки, и Баден начал остывать.

Внезапно, Гадес откинул голову назад и закричал, словно ему только удалили какой-то орган. Или вшили новый.

Катарина воспользовалась его рассеянностью в свою пользу, вновь вцепившись в горло. Гадес упал, тени исчезли, и Баден бросился между двумя воинами.

Его очаровательная девушка пыталась оттолкнуть его с дороги, все еще огрызаясь и скалясь на Гадеса, который уже поднялся на ноги, его горло почти регенерировало.

Первой мыслью Бадена было: "Я все еще осозаем".

Второй: "Закончи это".

- Возможно, ты в силах убить меня, - плонула Катарина в сторону Гадеса, все еще пытаясь обойти Бадена, - но я заберу тебя с собой.

Оба были все в порезах и крови, в изорванной и испачканной одежде. Оба задыхались.

- Никогда больше, - сказал Баден, обхватив заднюю часть шеи Катарины и притянув ее к себе. Когда Разрушение заурчал, радуясь, что она рядом, Баден зарылся ей в волосы и прошептал слова похвалы на ухо.

Постепенно она расслабилась в его объятиях.

Собаки выстроились в линию рядом, не сводя взгляда с Гадеса, возможно, даже мешая вновь напасть на нее.

- Ты мне доверяешь? - спросил Баден Катарину.

Ее глаза, теперь наполненные уязвимостью, встретились с его.

- Ты же знаешь, что да.

Кто-то должен выиграть войну с Люцифером, он бы предпочел, чтобы это был Гадес.

- Если Гадес согласиться с нашими условиями, ты позволишь ему жить?

Баден хотел убить мужчину... и все еще мог... но лучше ошибиться из-за излишней осторожности. Они всегда могут убить его позже.

Она сделала вдох и выдох. Затем кивнула.

Баден поцеловал ее в лоб перед князем.

- Я больше не буду подчиняться твоим приказам, но останусь союзником в войне против Люцифера. В обмен, ты не навредишь Катарине и гончим. Ты не станешь их принуждать помочь в твоем деле. Если ты простишь нас за произошедшее сегодня... и в прошлом... они простят тебя. Если нет, то это твоя потеря. Выбор за ними. Другого варианта нет.

Гадес взглянул на Бадена с... гордостью?

Если ему это понравилось, посмотрим, что случится дальше, когда он услышит остальное.

- Ты сражался с моей женщиной, и я накажу тебя. - Это будет кроваво и жестоко. Гадесу было за что отвечать. Но это случится после войны, когда худший враг падет. - Ни одна связь не может быть важнее той, что я разделил с Катариной.

- Эй, Баден, - позвала Пандора. - Я хочу в этом поучавствовать.

Он не мог помочь с ее наручами. Ей придется найти силы и одолеть их самостоятельно. Но мог дать ей кое-что.

- Пандоре дашь собственное королевство, которым она будет править.

Именно этого она хотела и надеялась получить.

Гадес потряс его до глубины души просто кивнув.

- Все будет так, как ты попросил. Твоя сила доказала твою ценность... мой сын.

* * *

Затем события стали разворачиваться молниеносно. Катарина могла почувствовать медный привкус во рту, могла вспомнить, что совершила и как жестоко напала и укусила Гадеса, поэтому не ожидала от него улыбку.

- Ты заслужила свое бессмертие, девочка. Более того, у тебя есть силы, чтобы это выдержать. Пипин.

Он хлопнул в ладоши.

Старик в робе отломил от скрижали несколько камушков и протянул их Гадесу. Она думала... думала, что увидела великолепного молодого мужчину под морщинами. Возможно, в драке она пропустила слишком много ударов.

Каждый камень сгорел, а пепел летел в сторону Катарины, и, когда он оказался возле ее лица, не оставалось ничего другого - только вдохнуть.

Ее охватило головокружение, более сильное чем все другие вместе взятые. Она чуть не упала, но Баден вовремя ее подхватил. Катарина застонала, и гончие застонали вместе с ней, каждая из них потеряли равновесие, словно пьяные. Они тоже стали бессмертными из-за связи?

А она была бессмертной уже сейчас? Вдыхание пепла изменило ее ДНК?

- Уильям возненавидит меня за это, - сказал Гадес. - Но ты, Катарина Джоэль, стоишь этих неприятностей. И да. Это значит, я позволю тебе остаться с Баденом. Всегда пожалуйста.

- Ты не контролируешь меня, дурак, и никогда не будешь. Но я ценю твой кредит доверия. В этот раз!

- Теперь она Катарина Повелительница, - заявил Баден. - Я провозглашаю ее своей женой. Возможно, этого было бы достаточно, чтобы сделать ее бессмертной, именно связь Эшлин с Мэддоксом сделала ее бессмертной, а может и не хватило бы. Мэддокс не был духом, связанным с наручами.

Как и Баден теперь.

Он заглянул ей в глаза.

- Если ты примешь меня.

Ее любовь к нему была дикой, но чистой, как свежевыпавший снег. Отказаться от него равносильно отказаться от пищи для тела.

- Приму.

Баден одарил ее сияющей улыбкой, такой яркой, что на ее глазах выступили слезы.

Этот плач когда-нибудь прекратится?

Гадес прочистил горло.

- Ты, Катарина Повелительница, поможешь мне исправить тот ужасный вред, что я причинил гончим несколько веков назад?

— *Никогда.* —

Рёв вытянул лапы на полу.

- То, что ты сделал с ними... - начала она.

- Вряд ли стоит упоминать. - Гадес махнул рукой. - Просто вырезал всех их предков... или думал так... после того как они убили моих... Теперь это неважно. Прошлое останется в прошлом. Мы же идем навстречу будущему.

Катарина зарычала. Так пренебрежительно. "Я..."

Баден загородил ее собой, встречаясь взглядом со своим... отцом.

Отвлекая от нее внимания.

- Я хочу убрать источник Испорченности.

Гадес запротестовал, но Баден твердо покачал головой.

- Отлично.

Гадес взял его за руки, и тени поднялись с предплечий Бадена, чтобы впитаться в запястья князя.

- Спасибо. - Баден посмотрел на Катарину. - Пойдем и проверим твоего брата. красотка.

Катарина вздохнула. Она знала, что он делал, и собиралась ему это позволить. Больше никаких сражений. По крайней мере, сегодня.

- Да, пойдем.

- А потом, мы пойдем домой.

- В Реальность Забытого?

Где состоялось сражение с Алеком и его армией. Где... жил кто-то другой. Какое у него... у нее... имя?

- Нет. К моим... нашим... друзьям. Я хочу поделиться нашим счастьем в ними. Ты же счастлива?

Катарина обняла его.

- Сильнее, чем могла представить, красавчик.

Он был началом ее истории и станет концом. Счастливой истории.

"Однажды давным-давно... и навсегда".

Эпилог

Баден лежал рядом с камином со стаканом виски в руке, наблюдая как его красивая Катарина учит детей Мэддокса, как правильно играть с гончими. Все переехали в новую крепость... тоже расположенную в Будапеште, но выше в горах и скрытую деревьями. Торин заплатил бывшим хозяевам целое состояние, чтобы они выехали быстрее. Повелители уже создали здесь воспоминания.

Вчера вечером Катарина выкупала всю стаю адских гончих. Животные громко сопротивлялись, но она сказал им, что их не пустят в новый дом, пока они не вымоются и не избавятся от блох. Она стояла с шлангом на заднем дворе, пока одна за другим гончая позволяла ей работать.

Забавней зрелища Баден еще не видел. Гончие, которых боялись целые миры за их силу, отвагу и желание сожрать врагов... да и друзей... тряслись, пока женщина намывала их шампунем.

Его жизнь стала лучше, чем он когда-либо мечтал, хотя не все шло гладко. Война в Преисподней все еще велась, и только начиналась. Никто ничего не слышал о Камео. Уильям не вернулся в крепость, но ходят слухи, что он последовал за Пьюком на его родину.

Брат Катарины пережил худшую из своих ломок и был на пути к выздоровлению. Он извинился за все ужасные вещи, что совершил ей и ее собакам, и Баден знал, что Катарина начала надеяться на него и на их отношения, но как только вышел из подземелья, то ускользнул из крепости, чтобы купить героин. Катарина попросила гончих пойти за ним и охранять, но в сердце отпустила его.

Одолев свои наручи, Пандора решила остаться в Преисподней с Гадесом, чтобы там построить свое королевство. Баден задавался вопросом, осталась ли она из-за любви к своему новому отцу... или из-за влечения к одному из князей. Она хранила секреты и не делилась с ним... его братом.

Он когда-нибудь привыкнет к этому термину?

Мэддокс плюхнулся в кресло рядом с ним.

- Ну, мой друг. Могу сказать, что ты усвоил урок. Неважно как темно и больно в настоящем, будущее будет ярче. Просто держись.

- Это не запоминающийся момент. - Баден послал его, чем вызвал смех. - Неважно как спокойно в настоящем, будущее может быть бурным.

Его друг пришел в чувство и кивнул.

- Гадес и Люцифер все еще выстраивают своих игроков.

- Вопрос времени, когда они закончат, и начнется настоящий бой.

Мэддокс протянул руку и похлопал его по плечу.

- Наша сторона выиграет. Тогда мы поможем наказать Гадеса за его драку с Катариной.

В груди у Бадена все сжалось.

- Ты лучший друг, чем я заслуживаю.

- Я учился у лучших, - сказал Баден, и на мгновение Баден вернулся в те дни на небесах. Когда армия Титанов устроила засаду, а королевским солдатам поручили охранять Зевса. Мэддокса тут же ранили, множество копий и стрел пробили его грудь и вышли из спины. Еще больше стрел и копий упали, готовые вывести из строя остальных. Баден мог побежать за подмогой, но вместо этого кинулся к Мэддоксу и оттащил его в безопасное место.

- Мы получили обратно артефакты, - сказал Мэддокс. - И продолжим поиски Камео, Виолы, ящика и Утренней Звезды.

Только так их друзей можно освободить от их демонов. Это конечная цель.

Гален заглянул в комнату и уставился на Бадена.

- Думаешь, можешь не выполнить часть своей сделки, придурок? - Его крылья стали ольше чем раньше и выгибались за плечами, каждый их дюйм был покрыт снежно-белыми перьями. - Я хочу свое свидание.

- Ты пообещал пойти с ним на свидание? - Мэддокс похлопал Бадена по руке. - Удачи с этим. Катарина будет возражать.
- Катарина потребует, чтобы они перед ней поцеловались... с языком, - ответила девушка. Баден поднялся на ноги. Он не удивился появлению Галена. Его удивило, что Фокс не оказалось рядом. Девушка не перестала писать Бадену вопросы о Недоверии.
- "Как мне понять, где инстинкт, а где демоническая паранойя?"
- "Ты что-то замышляешь против меня? Будь честен".
- "Я из-за демона выгляжу толстой в этих джинсах?"
- Сегодня утром, после небольшого пробуждения от Катарины... "Тебе нужна была помочь с Разрушением, который, возможно, испортился бы без меня, а теперь ей нужна помочь в Недоверием. Твой черед"... он наконец сдался и согласился стать наставником Фокс.
- Прогуляйся со мной, - бросил он Галену.
- Когда они вышли из гостиной, Баден посмотрел на Катарину и послал ей воздушный поцелуй.
- Прекрати вызывать во мне отвращение. - Гален вытащил его за дверь. - И начинай говорить.
- Прохладный воздух коснулся его рук без наручей.
- Аэрон отказался сказать, где сейчас находится Легион.
- И что?
- И то, - добавил Баден. - Так случилось, что моя жена руководит адскими гончими.
- Знаю, знаю. Она великолепная, и ты самый счастливый бессмертный во вселенной. Какое это имеет отношение к моему бедственному положению?
- Гончие выследили Легион.
- Внезапно остановившись, Гален схватил его за плечи и встряхнул.
- Рассказывай.
- Сначала, пообещай. Ты не причинишь ей вред...
- Не оскорбляй меня снова. Я никогда не наврежу ей. Она для меня, как Катарина для тебя.
- В этом отношении Баден ему поверил. Мужчина был полностью очарован.
- Баден назвал адрес. Гален подпрыгнул в воздух... и не приземлился. Его крылья рассекали облака.
- Бисквит и Подливка выбежали из-за угла и ринулись к Бадену. Она накинулась на него, и, если бы он был обычным человеком, то упал бы. Затем раздался смех Катарины.
- Они не хотели оставлять тебя без защиты, - сказала она, когда Баден поймал ее.
- Теперь я им нравлюсь?
- Ни чуточки. Но любят они меня.
- Как и я. - Щенки гонялись за хвостами и нарезали вокруг него круги, Разрушение бился в его голове, требуя прикоснуться к Катарине. - Как и зверь.
- Она провела кончиками пальцев по его вискам.
- Я ему нужна?
- Нам обоим. - Баден наклонился и перекинул Катарину через плечо. - И мы возьмем тебя. Возможно, заставим кричать.
- Катарина смеялась всю дорогу до их спальни, чем вызвала подмигивания и добродушные тычки от его друзей, но, когда он бросил ее на матрас, начала задыхаться.
- Обычно мои тренировки короткие и сладкие, - сказала она, - но моему дорогому Бадрушению... думаю, смогу уделить несколько часов.
- Э, нет, красотка. Ты уделишь мне вечность. Ничто другое неприемлемо.

Бонус

Самый темный день

Спустя несколько дней после возвращения Бадена

Мэддокс быстро бил по груше с такой скоростью и силой, что сорвал цепь с потолка и разорвал кожу, от чего песок выссыпался на пол, пока груша летела через тренажерный зал. И-и-и еще один.

Ругаясь, он сорвал повязку с костяшек пальцев. Ему нужно найти новый способ выпускать пар. Сегодня он только вспотел. Капли стекали по его груди, когда он повернулся к своему другу Страйдеру, который занимался на беговой дорожке.

- Ударь меня.

Нахмутившись, Страйдер резко вытащил наушники.

- Извини? Хочешь, чтобы я тебя ударил?

- Да, пожалуйста. И сделай больно.

- Ты имеешь в виду так больно, что хорошо. Прекрасно, но что случается в тренажерке, остается в тренажерке. - Нажав кнопку, Страйдер остановил беговую дорожку и сошел с нее. - Твой отец пекарь? Потому что у тебя отличные булочки.

Мэддоксу понадобилось мгновение, чтобы осознать смысл слов. Ослышался? Он приподнял бровь.

- Ты шутишь?

- Подожди. Я могу лучше. - Страйдер прочистил горло. - Ты волшебник? Потому что всякий раз, когда я на тебя смотрю, весь остальной мир исчезает.

- Bay. Ты не шутишь, но ты дебил. Ты же в курсе, верно? Я хотел.. хочу... чтобы ты использовал меня как боксерскую грушу. Ударь меня кулаками, а не своим предположительным мужиком.

- Ником образом я тебя не ударю. - Страйдер схватил полотенце с крючка на стене и вытер шею. - Эшлин накажет меня, заменив ооочень вкусную прослойку Орео на зубную пасту. Снова.

- Ну, я выбью тебе зубы кулаком, если ты этого не сделаешь.

- Ты сделаешь это в любом случае.

Он не ошибся.

- Кроме того, - добавил Страйдер. - Твоя жена страшнее тебя.

И вновь он не ошибся. Эшлин выглядела ангелом, но когда дело доходило до защиты своих близких, то характер стоит целой орды демонов.

- Мне нужен хороший бой.

Желание причинить и ощутить боль переполняло Мэддокса все больше и больше в последнее время, и он боялся того, что совершил, когда сорвется. Все, кто слабее него... а значит каждый... будут в опасности.

Он одержим демоном Насилия, и злодей был голоднее обычного. Страдал от недоедания. Даже гудел от напряжения, словно чувствовал что-то, чего Мэддокс не мог... приближающуюся опасность.

Как хранитель Поражения, Страйдер поможет Мэддоксу... а значит и Насилию... испытать полный нокаут. Потому что, если Страйдер проиграет, то сам его ощутит. Худшее из худшего для такого парня как он. Когда Страйдер без сознания, любой может надрать ему зад, ухудшая его страдания в тысячу раз.

"Я больной". Мэддокс не должен был просить его о помощи.

С рыком разочарования Мэддокс шагнул к упавшей груше и пнул ее... попав в грудь Страйдеру, и мешок ударил его по заднице. Ой.

- Моя вина.

- Ну, только что кое-что вычеркнулось из моего списка желаний, - сказал Страйдер сухо. - Магический полет мешка с песком.

- Прости.

Мэддокс переминался с одной ноги на другую.

Сабин, хранитель Сомнения, и Рейес, хранитель Боли, вошли в зал и резко остановились, когда заметили Мэддокса практически с пеной у рта и Страйдера, который отбросил мешок и стоял среди горы песка.

Сабин и Рейес довольно улыбнулись.

- Пришли потренироваться, но мое паучье чутье говорит, что получу кое-что получше. -

Сабин потер руки. - Кому-то нужна взбучка?

- Да. Начнем с тебя.

Парень стоял в пределах досягаемости. Мэддокс сильно замахнулся. Удар! Его кулак впечатался в челюсть Сабина, заставив друга пошатнуться. В момент удара тонкая нить контроля Мэддокса порвалась. Он... полностью... слетел... катушек.

Он продолжал бить, а Сабин и Рейес наносили удары по очереди. Мэддокс не уклонялся, а принимал удары как должное. Когда мебель встала у него на пути, то он ее уничтожил.

"Ты не можешь выиграть. Остановись. Остановись сейчас же".

Демон Сабина нашептывал в его голове. Мэддокс рассмеялся и нанес такой мощный дар, что сломал Сабину шею.

И снова ой.

Они не в первый раз сражаются так отчаянно, и не в последний. Однако, это Сабин обычно ломал шею Мэддоксу, чтобы покончить с буйством. Сегодня им овадела тьма, и Мэддокс не был уверен, что его смогут остановить.

Кроме того, парень исцелится... через несколько дней.

Рейес нанес сильный удар по горлу Мэддокса. Грязный ход. Но желанный. Когда Мэддокс вздохнул, Страйдер запрыгнул ему на спину и ударил по виску.

Когда Мэддокс споткнулся, Рейес завершил начатое, сбив его с ног. Когда он упал на пол, другие воины на него накинулись. Уильям Вечно Похотливый и Камео, хранительница Несчастья.

Ну, ну. Пошли пинки.

Когда разные члены группы по очереди пинали его, демон пел от счастья. Этого. Этого он жаждал.

Камео прижала ботинок к его горлу.

- Достаточно?

- Еще нет.

Слова прозвучали невнятно, его губы и язык прекрасно отекли.

- Позволь мне помочь с этим. - Уильям оседлал его талию и усмехнулся. - Хочешь действий, придурок? Я дам их тебе. Жаль, что тебе это не понравится.

Он пробил грудь Мэддокса, каким-то образом его кулак прошел сквозь кожу, мускулы и кости и достиг души Мэддокса... достиг демона.

Возможно, Мэддокса смогут остановить. Крик боли прозвучал в его голове незадолго до того, как его поглотила темнота.

Казалось, прошла секунда или две, его разбудили голоса. Шум воды раздавался в ушах, поэтому он не мог разобрать слов. Мэддокс моргнул, открыл глаза и покачал головой... хорошо, двигается.

Когда он повел плечами и согнул ноги, чтобы убедиться, что он все еще может ими пользоваться, вода... нет, кровь... капала из уха.

- ...поисходит со всеми? - потребовал Парис, хранитель Разврата. - Мы наконец вернули Камео и Бадена, а по состоянию на вчерашнее утро Камео потеряла воспоминания о времени, проведенном вне крепости, а Баден, джентльмен Олимпа, превратился в хладнокровного ублюдка. Он относится к женщинам, словно те товар на распродаже, и, чувак, его характер становится хуже с каждым днем. В этом он уделал даже Мэддокса.

Что-то упало на Мэддокса, и, судя по запаху, это был попкорн.

Мэддокс сел, поборов головокружение. К счастью, Насилие молчал.

Он оглядел тренажерный зал. Вся обстановка была разрушена, и свежие вмятины красовались в каждой стене. Мэддокс заметил, что большинство его друзей собралось в комнате.

Хотя не было жен и детей. Вероятно, Люциен, хранитель Смерти, перенес их из крепости, когда началась драка, чтобы затем вернуться одному и ждать всеобщего успокоения.

Даже Гален здесь. Когда-то ненавистный враг, теперь терпимый, он стоял в сторонке и наблюдал за другими с чем-то похожим на зависть в глазах.

Мэддокс проигнорировал его. Либо так, либо пришлось бы его убить. "Возможно, его преступления можно простить, но нельзя забыть о результатах". Он сосредоточился на Камео.

- Ты потеряла память?

Это не первый раз. Такое случалось всегда, когда она испытывала счастье.

Она взяла горсть попкорна из чаши на коленях Торина и сказала:

- Ага.

Одно слово, и все же он сжался, когда ощутил скорбь всего мира из-за ее голоса. Должно быть чудо помогло преодолеть печаль демона, хотя бы на мгновение.

Мэддокс встал и переступил через все еще бессознательного Сабина, чтобы взять себе попкорна.

Торин отодвинул миску.

- Чувак! Я поделился с ребятами. Ты неблагодарный придурок, что относится к самому нелюбимому мной виду приурок. Так что сделай себе порцию масляного добра.

- Отлично. Сделаю. - Мэддокс наступил на яйца парня, используя их как ступеньку лестницы, чтобы добраться до "масляного добра". Вместо того чтобы взять горсть, он схватил всю чашу. - Моя месть.

Торин ударил его в плечо кулаком в перчатке.

- Болван.

Как хранитель Болезни, он мог начать во всем мире эпидемию, просто прикоснувшись к другому существу голой кожей. К счастью, они обнаружили лекарство несколько недель назад, что подарило им всем новое ощущение свободы.

Мэддокс отрыгнул и, когда Камео потянулась за второй горстью, рявкнул:

- Мое!

Она горько улыбнулась.

- Хочешь, чтобы я заставила тебя рыдать и потерять аппетит.

Он вздрогнул и бросил ей горсть.

- Вот. Ешь и прекрати говорить.

Баден вошел в комнату, каждым шагом выражая сдержанность и сосредоточенность. Он был одним из самых высоких и почти самым мускулистым среди них, с рыжими волосами и лицом, которое Камео любила сравнивать с "красавцем Джейми Фрейзером". Баден был хранителем демона Недоверия и, несмотря на это, оставался милым. Как сказал Парис, джентльмен Олимпа стал улюдком.

Баден почти всегда ходил с хмурым выражением на лице, которое обещало боль и кровопролитие.

Жалкий сукин сын. Он составил Камео серьезную конкуренцию. Несколько тысяч лет назад его обезглавили, его дух попал в тюремную реальность. Благодаря наручам на его руках его могли ощущать живущие.

Он склонил голову на бок.

- Я, наконец, вернулся из мертвых, а вы, парни, превращаете мой дом в помойку?

Почти все в комнате невозмутимо заявили:

- Добро пожаловать.

Улюдок или нет, он оставался их братом по обстоятельствам, и относились к нему как к таковому.

- Как обычно. - Баден споткнулся о надувную куклу, выругался и поднял пластиковую красотку, чтобы показать всем. - Парис заказал стриптизершу?

- Лола! - Парис ринулся вперед, чтобы обнять ее напоказ. - Где ты была, девочка? Почему не отвечала на мои звонки?

Аэррон, бывший хранитель Гнева, схватил куклу и запустил ее через всю комнату, как пляжный мяч.

- Вероятно, потому что твоя жена ударила бы твою Лолу ножом для мяса. Тем временем, моя жена починила бы ее, я и застрял бы с очередным беспризорником.

В этом и была разница между нынешним хранителем Гнева... женой Париса... и настоящим ангелом... женой Аэромана.

Когда все рассмеялись, взгляды Мэддокса и Бадена встретились. Баден указал подбородком в сторону коридора. Все понимая, Мэддокс доел попкорн и бросил пустую миску Гидеону, хранителю Лжи.

- Сделай еще, - приказал Мэддокс.

- Ага.

Люциен согнал Гидеона со стула.

- Не волнуйтесь. - Голубоволосый панк послал их обоих одновременно. - Я не нашпигую вас дробью.

Гидеон не мог произнести ни слова правды, не ощущив ужасной боли, поэтому Мэддокс понял невысказанную правду. Дробь стала новым увлечением Гидеона... именно это Мэддокс и желал услышать. Или не услышать. Не важно!

- Отлично, - сказал он ворчливо. - Я сделаю еще. - Он подошел к двери, задев плечо Бадена по пути. Его друг напрягся, даже зашипел, при контакте, и Мэддокс нахмурился. - Почему бы тебе не притвориться полезным и не помочь мне?

- Bay. Необходимо два парня, чтобы включить микроволновку? - спросила Камео.

Раздались стоны и всхлипывания. Девушка могла рассказывать самую смешную шутку в мире, но все вокруг желали бы только воткнуть карандаши себе в уши.

Баден последовал за Мэддоксом в коридор, сохраняя дистанцию между ними, чтобы предотвратить контакт.

Как только они ушли из зоны слышимости, Мэддокс сказал:

- Что случилось?

- Легче ответить на вопрос, что не случилось?

Верно.

- Почему бы тебе не начать с причины, почему тебя передергивает каждый раз, когда кто-то тебя касается?

Баден провел руками по змеиным наручам, обвивающим его бицепсы. Укращение было подарком Гадеса, князя Преисподней.

- Я провел несколько тысячелетий, не прикасаясь к другим. Да, Пандора была со мной в другой реальности, и да, мы постоянно дрались, но редко трогали друг друга. Теперь от прикосновений к моей коже такие ощущения, словно дергаешь за нервное окончание.

Хорошо. В этом был смысл.

- Но ты переспал с чертовой дюжиной...

- Только одна часть моего тела может прикасаться к женщине, - оборвал Баден, - и в презервативе. Это не совсем контакт кожи к коже. Кроме того, удовольствие стоит мучений.

Мэддокс подумал о том, что бы сделал, чтобы войти в Эшлин. Вообще, чего бы он не сделал? С ней любое удовольствие стоит любой агонии.

- Что на счет твоего нового характера? - спросил он.

Баден опустил голову.

- Я больше не одержим демоном, но чувствую злое присутствие внутри.

- Из-за наручей?

- Из-за них, или из-за того, что сделали со мной в тюрьме Люцифера. Как и у Камео, моя память чиста.

Люцифер был худшим из худших, злом в чистом виде, и, конечно, способен сделать что-то ужасное с Баденом.

- Сними наручи. Вернись в духовный мир. Мы сможем найти другой способ тебя вернуть. Даже когда он говорил эти слова, неверие билось в его голове. "Только что вернул друга. Нельзя его опять потерять".

- Не могу. Уже пытался.

Его охватило облегчение, и страх. Баден хотел уйти от них?

- Зло постоянно присутствует, или нужны спусковые курки?

- Определенно нужны поводы, и они начинаются и заканчиваются моим характером, который становится все хуже. Это главная причина, по которой я хотел с тобой поговорить. Как ты управляешь со своим?

Мэддокс горько рассмеялся.

- Не контролирую. Больше нет.

И теперь, когда он об этом задумался, проблемы Бадена, могли иметь место и для него. Зло питается злом, в конце концов. Чем больше потреблял, тем больше хотел.

Это чувство обреченности...

Если зло возьмет верх над Бадном... Да, они все будут в опасности. В опасностях.

Парня нужно запереть. Для его же блага и для блага всего мира. И, если это не сработает, его придется убить. Снова. Ни одна идея не нравилась Мэддоксу.

Должно быть, Баден размышлял о том же.

- Не знаю, что я принес в ваш дом. Возможно, мне стоит уйти из крепости. Я могу подвергнуть вас... ваши семьи... риску.

- Не мой дом, наш дом. Ты останешься. - Слова сорвались с губ Мэддокса со скоростью света. - Мы, наконец, тебя вернули. И не можем вновь потерять. Что бы с тобой ни случилось, мы разберемся. Вместе. Сразимся с этим вместе.

Тишина.

Он вздохнул.

- И все же тебе стоит сделать глубокий вдох?

- Нет. Потому что я дебил, - отрезал Баден. Он врезал по стене, поднимая пыль в воздух, когда по камню пошли трещины. - Прости. Мне жаль.

Да ладно. Это небольшая истерика не страшна.

- Не беспокойся об этом.

Они спустились по лестнице и повернули направо, чтобы вскоре войти на кухню.

- Кое-что всегда помогало мне, не важно насколько далеко я зашел, - сказал Мэддокс.

Баден сделал шаг вперед, вторгаясь в его личное пространство. Отчаяние исходило от него, когда он сказал:

- Расскажи.

- Я думаю об Эшлин, Урбане и Ивер.

Его жена и близнецы - три лучшие причины, чтобы дышать.

Баден разочарованно повернулся к мраморной лестнице.

- Ты их любишь. Знаешь, что они хрупкие, и можешь причинить им боль, хотя не хочешь этого, поэтому делаешь все возможное, чтобы защитить. Я не могу сделать то же самое, потому что никого не люблю.

- Ты любишь меня. - Мэддокс хлопнул его по плечу... без контакта к коже... прежде чем направиться в кладовку, чтобы схватить пакет с попкорном. - Ты любишь мою семью. И не пытайся это отрицать. Я видел тебя с близнецами.

Сердце Мэддокса едва не выпрыгнуло из груди, когда большой, плохой воин сел играть с салон красоты с Ивер, позволяя ей заплетать его волосы, нанести макияж и покрасить ногти в розовый. Затем он играл в шахматы с Урбаном. Раз за разом обучая парня стратегии... единственное, что Урбан любил также сильно как и своих девочек, как он называл его маму и сестру.

- Почему бы тебе не поискать общения, а не секса, тогда ты сможешь влюбиться в женщину? - спросил Мэддокс. - Позволь девушкам разместить твой профиль на В-ечности или что-то вроде того.

- Сайт знакомств для бессмертных? - Баден содрогнулся. - Нет.

- Но...

- Хочешь отомстить мне, так? Все эти сайты знакомств полная ерунда. Я позволил убить себя столетия назад, и теперь ты хочешь, чтобы я страдал.

Мэддокс не знал, что Баден позволил себя обезглавить, но подозревал. Все подозревали. Услышать подтверждение этому подозрению оказалось зуже, чем получить нож в сердце. Он должен был знать!

Он последовал своему совету и сделал глубокий вдох, прежде чем положить пакет в микроволновку и сказать:

- Почему ты это сделал?

Последующая пауза была настолько тяжелой, что они оба с трудом сделали вдох.

Баден склонил голову.

Затем мягким голосом произнес:

- Это не важно. Уже нет.

- Это важно для меня.

- Оставь это, Мэддокс. Прошу. Наше воссоединение и так тяжелое. Не нужно ворошить прошлое и делать все хуже.

Он не указал на очевидное. Если прошлое не ворошить, оно подействует на будущее. Вместо этого, он просто кивнул.

- Как пожелаешь.

- Спасибо.

Раздался писк. Мэддокс вытащил дымящийся пакет из микроволновой печи, обжигая пальцы и ругаясь, когда пакет выскользнул из рук и упал на пол.

- Правило двух секунд, - сказал он и поднял его, ухватившись за угол кончиками пальцев. Вытряхнув содержимое в миску, он встретился взглядом с Баденом.

- Если перестать контролировать, зло будет расти. Ты знаешь это не хуже меня. С такой скоростью тебе станет только хуже. Готовься.

Баден резко кивнул, и впервые Мэддокс заметил, что чего-то в друге не хватает. Проблеска надежды в глазах.

Следующие месяцы будут трудными для всех.

Лучше насладиться спокойствием, пока оно длиться. Мэддокс похлопал воина по плечу.

- Пойдем. Вернемся в тренажерный зал и устроим настоящую вечеринку. Ты пропустил много дерьяма с момента смерти, и я возлагаю на себя миссию все тебе рассказать.

- Да?

- Ага. Начнем с литрбола.

Прежде чем они успели шагнуть в лестнице, послышался топот. Спустя несколько секунд вся группа ввалилась на кухню, принеся с собой вечеринку.

- Слышал, кто-то сказал о литрболе? - спросил Парис. - Давайте его улучшим. Стрипбол!

Раздался хор "нет".

Баден даже ударил Париса по руке.

- Держи свою одежду при себе. Увидеть твою задницу не входит в мой список желаний.

- Ох, вы только посмотрите. - Парис покачал головой с выражением жалости на лице. - Большой мужчина думает, что он смешной.

Рейес ударил Париса по второй руке и сказал.

- Так и есть. И он прав. Твоя задница? Нет!

Парис не сдержался.

- Не увидеть ее - значит испытать боль, даже не пытайтесь отрицать, а боль для тебя как конфетка. Только по этой причине ты можешь жить, не смотря на нее.

Мэддокс наблюдал, как парни устроились за стойкой, и улыбнулся, чувство удовлетворения охватило его... на время.

Первая десятка правил адских гончих для людей

1. Ни при каких обстоятельствах не называть гончую "собакой". "Воин" всегда подходит. Как и "мастер".
2. Что ешь ты, ест твоя гончая. Когда ты ешь, твоя гончая ест. Когда ты не ешь, твоя гончая ест.
3. Каждый раз, когда даете команду, то получаете малость. Это правило. Смирись с этим.
4. Если гончая будит вас посреди ночи, просто облизав лицо, скажи спасибо. За то, что все еще жив.
5. Гончая спит там же где и ты. Пол неприемлем.
6. Если гончая лает или рычит, чтобы привлечь твое внимание, скажи спасибо. За то, что все конечности еще при тебе.
7. Удали слова "сидеть, "стоять" и "хороший мальчик" из своего словарного запаса. Навсегда.
8. Если гончей говорить "сидеть, "стоять" или называть "хорошим мальчиком", скажи спасибо. За то, что твоё лицо не используется в качестве жевательной игрушки. Пока.
9. То, что принадлежит тебе, принадлежит адской гончей. Что принадлежит гончей, то принадлежит гончей.
10. Термин "время купаться" с этого момента называется "днем твоей смерти".

Конец книги!!!

Данная электронная книга предназначена только для личного пользования. Любое копирование, выкладка на других ресурсах или передача книги третьим лицам - запрещены. Пожалуйста, после прочтения удалите книгу с вашего носителя.